Приднестровский государственный университет
им. Т. Г. Шевченко
Институт языка и литературы
Кафедра функциональной лингвистики

ОСНОВЫ ОБЩЕЙ ФОНЕТИКИ И ОБЩЕЙ ГРАММАТИКИ

Учебно-методическое пособие
для студентов специальностей
«Теория и методика преподавания иностранных языков и культур»,
«Перевод и переводоведение».

Издательство
Приднестровского
университета
Тирасполь, 2007.

УДК 801.4(075.8)

ББК 81 – 1 я 73

О – 75

Милова Н.В., Микова С.С. (составители) Основы общей фонетики и общей грамматики: Учебно-методическое пособие для студентов филологических специальностей. – Тирасполь: Издательство Приднестровского университета, 2007.

В данном учебно-методическом пособии разработаны система упражнений и подробные планы каждого из разделов курса, что поможет студентам-лингвистам осмыслить структуру сообщаемой им информации с учетом данных русского языка и смежных с ним английского, немецкого, французского языков, а таблицы, схемы, цитаты, определения сыграют роль дополнительного материала.

Работа предназначена для студентов филологических специальностей университетов.

Рецензенты:

к.ф.н. доцент кафедры современного русского языка
С.С. Полежаева;
к.ф.н. доцент кафедры функциональной лингвистики
В.А. Романенко

Рекомендовано
Научно-методическим советом ПГУ им. Т.Г. Шевченко

© Милова Н.В., Микова С.С.,2007.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

«Основы общей фонетики и общей грамматики» — учебно-методическое пособие, предназначенное для студентов специальностей «Теория и методика преподавания иностранных языков и культур», «Перевод и переводоведение», изучающих дисциплины «Основы общей фонетики» и «Основы общей грамматики»

Настоящая работа представляет собой стройную, продуманную систему заданий по курсам «Основы общей фонетики», «Основы общей грамматики». Она включает в себя теоретические сведения и подробные планы каждого из разделов курса, разнообразные учебно-методические материалы: комментарии, схемы и таблицы, образцы фонетического и фонологического анализа, указания на основную и дополнительную литературу.

Данное учебно-методическое пособие поможет студентам-лингвистам и студентам-переводчикам практически использовать лингво-теоретические знания, полученные на занятиях. Прагматический аспект работы связан непосредственно с обучением основам общей фонетики и общей грамматики с учетом данных русского языка и смежных с ним английского, немецкого, французского языками.

Научная ценность учебного пособия дополняется и своеобразием его композиции: к системному изложению сведений по общей фонетике и общей грамматике прилагается подробная программа курса, составленная по российским образовательным стандартам, в состав которой включены вопросы и задания к итоговой форме контроля.

Составители надеются, что пособие будет, прежде всего, способствовать оптимизации работы студентов на лекциях. Подробные планы каждого из разделов курса помогут студентам осмыслить структуру сообщаемой им информации, а таблицы, схемы, цитаты, определения сыграют роль дополнительного материала.

Можно рассчитывать, что оно будет полезно и при изучении практической и теоретической фонетики и грамматики конкретных языков — славянских, романских, германских языков, изучаемых студентами в пределах университетской программы. Поскольку фонетические и грамматические знания необходимы и для понимания более общих вопросов в области теории языкознания, студенты старших курсов также могут найти в этом пособии полезную информацию.

Расположение материала определяется несколькими исходными принципами:

1. Сначала формируется представление об основных единицах фонетической и грамматической системы, дается их функциональная характеристика, а затем рассматриваются разные аспекты собственно фонетического и грамматического плана.

2. При характеристике звуковых единиц и единиц грамматического строя движение осуществляется от более мелких единиц к более крупным.

3. Предлагаются специальные задания, опорные схемы и таблицы выполнение и изучение которых позволит проверить, насколько прочно усвоены полученные знания.

Пособие окажет помощь студентам и в их самостоятельной работе над курсами. Список основной и дополнительной литературы указан применительно к каждому разделу курсов.

Данное учебно-методическое пособие также поможет студентам-лингвистам и студентам-переводчикам сформировать специфическое лингвистическое мышление, необходимое при анализе и сопоставлении фонетических и грамматических особенностей русского и изучаемых ими иностранных языков; даст сумму практических знаний, умений и навыков, которые обеспечат возможность эффективной коммуникации в условиях би- и полилингвизма; обеспечит методическую компетентность лингвистов и переводчиков в полилингвистическом социуме.

ВВЕДЕНИЕ.

В языке нет ничего единичного,
каждый отдельный его элемент
проявляет себя лишь как часть
целого.

В. Гумбольдт.

Элементы языка существуют не изолированно, а в тесной связи и противопоставлении друг другу, т.е. в системе. Взаимосвязь элементов языка заключается в том, что изменение или выпадение одного элемента, как правило, отражается на других элементах языка (например, падение редуцированных в древнерусском языке вызвало перестройку всей его системы консонантизма, формирование категорий глухости/звонкости и твердости/мягкости).

В языкознании долгое время термины *система* и *структура* употреблялись как синонимы. Однако в последнее десятилетие наметилась тенденция к их разграничению. Под системой понимается внутренне организованная совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом (т.е. здесь учитываются следующие базовые понятия: *совокупность, элемент и функция*), а под структурой – внутренняя организация этих элементов, сеть их отношений. Именно система определяет наличие и организацию языковых элементов, поскольку каждый элемент языка существует в силу его отношений к другим элементам, т.е. система является структурообразующим фактором, ибо нет системы без структурной соотнесенности элементов (образно говоря, структуру языка можно уподобить скелету человека, а систему — совокупности его органов).

В этом смысле вполне правомерно говорить о структуре системы. В отечественном языкознании, а также в ряде зарубежных школ разграничение понятий системы и структуры языка часто опирается на характер отношений их элементов: элементы структуры связаны друг с другом синтагматическими отношениями (например, принятое в лингвистике словоупотребление *структура слова, структура предложения*), а элементы системы связаны

парадигматическими отношениями (например, *система падежей, система гласных*).

Идея системности языка получила развитие в разных лингвистических школах. Большую роль в разработке учения о системности языка сыграла Пражская лингвистическая школа, в которой система языка характеризуется прежде всего как система **функциональная,** т.е. как система средств выражения, используемых для определенной цели. В Пражской лингвистической школе был выдвинут и тезис о **языке как системе систем.** Этот тезис получил в дальнейшем разную интерпретацию: согласно одной точке зрения, система языка представляет собой систему уровней языка, каждый из которых также является системой; согласно другой — система языка — это система функциональных стилей (подъязыков), каждый из которых тоже система.

Существенный вклад в развитие идеи системности языка внесло и отечественное языкознание, развивавшее учение о единицах языка, их системных связях и функциях, о разграничении в языке статики и динамики.

Современные представления о системности языка связаны прежде всего с учением о его уровнях, их единицах и отношениях, так как языковая система, как и любая другая, имеет свою структуру, внутреннее строение которой определяется иерархией уровней. **Уровни** языка — это подсистемы (ярусы) общей языковой системы, каждая из которых обладает набором своих единиц и правил их функционирования. Традиционно выделяются следующие основные уровни языка: фонемный, лексический, морфологический и синтаксический. Некоторые ученые выделяют также морфонологический, словообразовательный и фразеологический уровни. Существуют, однако, и другие точки зрения на систему уровней языка: согласно одним из них, уровневая организация языка более сложная, она состоит из таких ярусов, как гипофонемный, фонемный, морфемный, лексемный, семемный и т.д.; согласно другим – более простая, состоящая всего из трех ярусов: фонетического, лексико-грамматического и семантического, а при рассмотрении языка с точки зрения «плана выражения» и

«плана содержания» – только из двух ярусов: фонологического (план выражения) и семантического (план содержания).

Каждый из уровней языка обладает своими, качественно отличными единицами, имеющими разное назначение, строение, сочетаемость и место в системе языка: в соответствии с законом структурного соотношения уровней языка единица вышележащего уровня строится из единиц нижележащего уровня (например, морфемы из фонем), а единица нижележащего уровня реализует свои функции в единицах вышележащего уровня (например, морфемы в словах).

В большинстве языков мира выделяются следующие единицы языка: фонема, морфема, слово, словосочетание и предложение. Кроме этих основных единиц, в каждом из уровней (ярусов) выделяется ряд единиц, различающихся степенью абстракции, сложности, например, на фонетическом ярусе — фонетический слог, фонетическое слово, речевые такты, фонетические фразы и т.д. Звуковые единицы языка являются односторонними, незначимыми. Это кратчайшие единицы языка, получаемые в результате линейного членения речевого потока. Их функция состоит в формировании и различении звуковых оболочек двусторонних единиц. Все остальные единицы языковых ярусов являются двусторонними, значимыми: все они обладают планом выражения и планом содержания.

В структурной лингвистике классификация единиц языка основана на признаке делимости/неделимости, в связи с чем выделяются предельные (далее неделимые) единицы языка (например, фонема, морфема) и непредельные (например, группофонемы, аналитические формы слова, сложные предложения).

Конкретные представители одной и той же единицы языка находятся между собой в парадигматических и синтагматических отношениях. **Парадигматические отношения** — это отношения в инвентаре, они позволяют отличать одну единицу данного типа от всех других, поскольку одна и та же единица языка существует в виде множества вариантов (например,

фонема/аллофон; морфема/морф/алломорф и т.д.). **Синтагматические отношения** — это отношения сочетаемостные, устанавливающиеся между однотипными единицами в речевой цепи (например, поток речи с фонетической точки зрения состоит из фонетических фраз, фонетические фразы — из речевых тактов, речевые такты — из фонетических слов, фонетические слова — из слогов, слоги — из звуков; последовательность слов в речевой цепи иллюстрирует их синтагматику, а объединение слов в различные группы — синонимические, антонимические, лексико-семантические — является примером парадигматических отношений).

В зависимости от своего назначения, **функции** в языковой системе единицы языка подразделяются на номинативные, коммуникативные и строевые. **Номинативные** единицы языка (слово, словосочетание) служат для обозначения предметов, понятий, представлений. **Коммуникативные** единицы языка (предложение) используются для сообщения о чем-либо, с помощью этих единиц происходит оформление и выражение мыслей, чувств, волеизъявлений, осуществляется общение людей. **Строевые** единицы языка (фонемы, морфемы) служат средством построения и оформления номинативных, а через них и коммуникативных единиц.

Единицы языка связаны между собой различными видами отношений, среди которых чаще всего встречаются парадигматические, синтагматические и иерархические, причем отношения между единицами одного яруса языка и разных ярусов коренным образом отличаются друг от друга. В парадигматические и синтагматические отношения вступают единицы, принадлежащие к одному ярусу языка, например, фонемы образуют классы функционально тождественных звуков, морфемы — классы функционально тождественных морфов и т.д., т.е. это тип парадигматических вариантно-инвариантных отношений. В то же время в линейной последовательности фонемы сочетаются с фонемами, морфемы с морфами. В современной лингвистике синтагматические отношения сравниваются часто с логическими отношениями конъюнкции (отношения *и ~ и),* а парадигматические — с

логическими отношениями дизъюнкции (отношения *или ~ или).* В иерархических отношениях находятся единицы разных языковых уровней: фонемы входят в звуковые оболочки морфем, морфемы — в слово, слово — в предложение и, наоборот, предложения состоят из слов, слова — из морфем, морфемы — из фонем и т.д.

Уровни языка не являются изолированными ярусами, напротив, они тесно связаны между собой и определяют устройство языковой системы (например, связь всех уровней языка в такой единице, как слово: разными своими сторонами оно принадлежит одновременно фонемному, морфемному, лексическому и синтаксическому уровням). Иногда в одной звуковой форме могут совпадать единицы разных уровней. Классическим примером, иллюстрирующим это положение, стал пример А. А. Реформатского из латинского языка: два римлянина поспорили, кто скажет короче фразу; один сказал: «Eo rus» – ‘я еду в деревню’, а другой ответил: «I» – ‘поезжай’. В этом латинском *i* совпадают предложение, слово, морфема и фонема, т.е. оно включает в себя все уровни языка.

Языковая система — это постоянно эволюционирующая система, хотя разные ее уровни развиваются с неодинаковой скоростью (морфологический уровень языка, например, в целом оказывается более консервативным, чем лексический, который быстро реагирует на изменения в жизни общества), поэтому в языковой системе выделяется центр (морфология) и периферия (лексика).

Многоярусность системы языка способствует экономии языковых средств при выражении различных понятий. Всего несколько десятков фонем служат материалом для построения морфем (корней, аффиксов); морфемы, по-разному сочетаясь друг с другом, служат средством для образования номинативных единиц языка, т.е. слов со всеми их грамматическими формами; слова, сочетаясь друг с другом, образуют разные типы предложений и т.д. Многоярусность языковой системы позволяет языку быть гибким средством выражения коммуникативных потребностей общества.

Часть I. Основы общей фонетики.

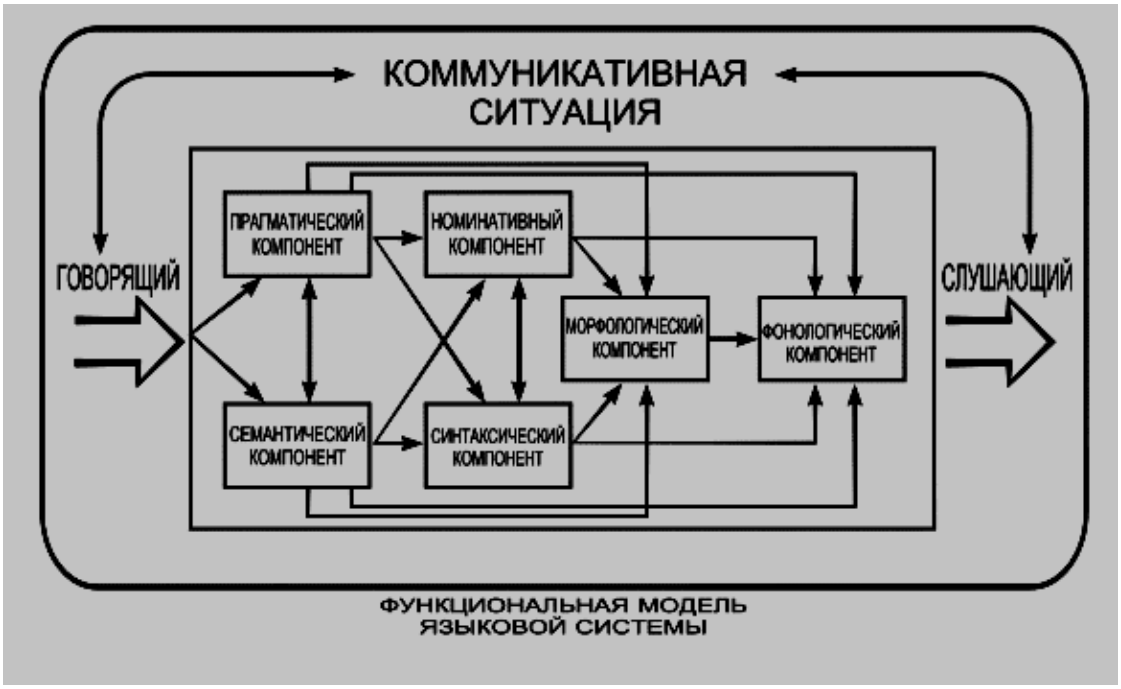
Глава I. Звуковая организация русского и английского языков.

§1.Основы общей фонетики как лингвистическая дисциплина.

Язык представляет собой многокомпонентную систему, которая, с одной стороны, обеспечивает процессы порождения высказываний говорящим, а с другой стороны, процессы восприятия и понимания этих высказываний слушающим.

Деятельность говорящего предполагает воплощение в высказываниях, адресованных слушателю, своих знаний, мыслей, оценок. Функционирование языковой системы в этих актах начинается с обработки информации, подлежащей передаче, в семантическом и прагматическом компонентах, и завершается теми операциями, которые происходят в фонологическом компоненте.

Деятельность слушающего заключается в извлечении из воспринятых высказываний передаваемой информации. И языковая система в этом случае начинает обработку высказываний в фонологическом компоненте, результаты работы которого передаются другим компонентам системы. Завершается же процесс интерпретации высказываний благодаря операциям в семантическом и прагматическом компонентах.

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ

Процессы передачи и приёма вербальных сообщений оказываются возможными именно благодаря тому, что естественный человеческий язык располагает звуковыми средствами, образующими в совокупности фонологический компонент. Этот компонент имеет сложную структуру, объединяя в себе звуковые средства, оформляющие материальную сторону морфем, слов и их словоформ, а также словосочетаний, простых и сложных предложений, сложных языковых объектов типа текстов или дискурсов.

Структуру фонологического компонента языковой системы и особенности его функционирования в процессах коммуникации изучает фонетика. Термин «фонетика» унаследован от так называемого «традиционного» языкознания. Как самостоятельная дисциплина, фонетика выделилась в конце XIX в., хотя изучение звуковой стороны языка и её элементов уходит в далёкое прошлое. Высокого уровня фонетические знания достигали уже в древней Индии, в древней Греции, а в средневековую пору у арабов.

Предметом фонетики считаются, прежде всего, отдельные звуки языка, а при более широком подходе все звуковые явления языка (включая тоны, словесное ударение, фразовую интонацию), служащие кодированию той смысловой информации, которая должна быть передана говорящим своему адресату. Фонетика изучает производство, передачу и восприятие звуковых сигналов в процессе речевого общения, а также систему способов и средств, обеспечивающих кодирование и декодирование переносимой в звуковых сигналах лингвистически существенной информации. В настоящее время часто говорят не просто о фонетике, а о фонетических науках, имея в виду совокупность дисциплин, каждая из которых имеет свой предмет и свою точку зрения на звуковую сторону языка.

И.А. Бодуэн де Куртенэ (1845—1929) различал антропофонику и психофонетику. Первая, по его мнению, должна иметь дело со звуками человеческой речи как физическими явлениями, второй предстоит заниматься звуками как психическими явлениями. Для него фонема являлась

психической сущностью, а звуки он рассматривал как более или менее точные её реализации.

Разграничение фонетики как естественной науки и фонологии как науки гуманитарной, социальной, предпринятое Н.С. Трубецким (1890—1938), который исходил из разграничения Ф. де Соссюром (1857—1913) речи и языка, по сути дела, является развитием бодуэновской идеи в русле структурализма, предполагая депсихологизацию понятия фонемы. В структурном языкознании к ведению фонетики обычно относят изучение звуковой субстанции, а к ведению фонологии — исследование тех отношений, которые связывают звуковые единицы между собой в данном языке, формируя его фонологическую систему. Эти отношения оказываются как бы дематериализованы. Фонетика при таком подходе часто выводится за пределы языкознания.

В отечественном языкознании, особенно в школе Л.В. Щербы (1880—1944), принято считать, что фонология неразрывно связана с фонетикой и входит в неё как изучение звуковых явлений языка с точки зрения собственно лингвистической, т.е. функциональной (или структурно-функциональной). Отношения между фонологическими единицами квалифицируются как отношения между материальными объектами. Но, тем не менее, и в этой школе не снимается противопоставление в рамках фонетики в широком понимании фонологии и фонетики в узком смысле и фонологии.

Фонетика в узком смысле рассматривает эти звуковые средства в таких аспектах, как физический (акустический) и биологический (артикуляционный плюс перцептивный). Иногда её членят на фонетику артикуляторную, изучающую производство звука, фонетику акустическую, исследующую результат звукопроизводства, и фонетику аудитивную (или перцептивную), имеющую дело с восприятием звука.

Единство двух подходов к изучению звуковых средств языка — фонологического (функционального) и узкофонетического (материального, субстанциального) — вытекает из того, что звуковые явления сами по себе, без определённого их использования в данном языке, вне их связи с оформлением, отождествлением и различением языковых знаков, не представляют существенного интереса для лингвиста, а каждая из функциональных звуковых единиц имеет свои материальные корреляты а) в артикуляционных работах, б) в акустических свойствах речевых сигналов и в) в особенностях её восприятия человеческим органом слуха.

Принято далее, различать:

- фонетику (и фонологию) общую и частную,
- синхронную и историческую (диахроническую),
- описательную и нормативную фонетику,
- теоретическую и прикладную фонетику.

Особое место в цикле фонетических дисциплин занимает фонетика экспериментальная (или инструментальная). Её роль в решении спорных проблем фонетического описания того или иного языка, в моделировании процессов автоматического распознавания и синтеза звучащей речи и т.п. исключительно велика. Сегодня она, благодаря тесным контактам с естественными науками и инженерными областями, располагает множеством инструментальных способов исследования производства и распознавания человеческой речи.

Место дисциплин фонетико-фонологического цикла в научном исследовании и в преподавании языков предопределяется тем, что звуковая

материя является первичной субстанцией, в которой язык возник и существует. Большинство языков мира не имеют письменности, и далеко не всякая система письменности способна фиксировать особенности звучащей речи. По этой причине лингвист обращается к специальным системам фиксации звуковых явлений (транскрипциям).

§2.Общие принципы классификации гласных в языках мира.

Разграничение звуков речи на гласные и согласные представляется достаточно нелёгким.

В теоретико-информационном отношении согласные информационно нагружены более, чем гласные; слова могут быть во многих случаях опознаны по согласным, а гласные играют в передаче информации и, соответственно, в опознании слов как бы второстепенную роль. Но гласные часто играют роль носителей той информации, которая позволяет опознавать разные словоформы.

С точки зрения слогообразования гласные играют ведущую роль: они выступают в качестве ядер, вершин слогов, тогда как согласные являются лишь сопутствующими элементами. Во многих языках вершину слога могут образовать сонанты (носовые *[m], [n], [ŋ]* и плавные *[l]* и *[r]*), но только в соседстве с шумными. По соседству же с гласными эти звуки функционируют как периферийные элементы слога.

В акустическом отношении существенно то, что гласные (в отличие от согласных) обладают чёткой формантной структурой, требуют большего расхода общей энергии, являются по преимуществу тонами. Сонанты акустически оказываются в промежуточном положении между гласными и шумными согласными.

С физиологической точки зрения при артикуляции гласных в надставной трубе отсутствуют преграды для выходящей из лёгких струи воздуха, для согласных наличие той или иной преграды является обязательным.

При образовании согласных напряжение имеет место только в какой-то одной части произносительного аппарата, а при образовании гласных

наблюдается разлитое напряжение всего произносительного аппарата. Согласные характеризуются определённым фокусом образования, у гласных же фокус образования отсутствует. Это обстоятельство делает более надёжными самые детальные классификации согласных.

Классификации и гласных, и согласных опираются на множество признаков (более двух и в одном и в другом случае). Поэтому при попытке представить их в виде таблиц возникают трудности с выбором наиболее существенных признаков.

Различия между гласными, по Л. Р. Зиндеру, могут касаться следующих признаков, которые в неодинаковой степени отражаются в различных классификациях:

- наличие – отсутствие голоса (возможны глухие гласные, которые производятся струёй воздуха, проходящей через надгортанные полости и возбуждающей их собственные тоны; разновидностью глухих гласных являются шёпотные гласные);
- напряжённость – ненапряжённость (ненапряжёнными являются неударенные редуцированные гласные, распространённые во многих языках; различение по признаку [напряжённости - ненапряжённость] характеризует, в частности, противопоставление в нем. языке закрытых и открытых / узких и широких гласных);
- длительность (эти различия могут зависеть от общих фонетических условий и быть от них независимыми, фонематически значимыми; в таких случаях может различаться порядка двух или более степеней длительности; так, в нем, в языке, признак долготы во многих случаях сопряжён с признаками закрытости и напряжённости гласного);
- наиболее решающие для классификации гласных различия в положении языка, лучше всего учитываемые в трапециевидных схемах (см. схемы у Л. В. Щербы, Л. Р. Зиндера, Ю.С. Маслова, Л.В. Бондарко и её соавторов, а также схему МФА):

см. таблицу Основные типы гласных и некоторые знаки для них (по Л. В. Щербе).

Основные различия между гласными звуками (по Л. В. Щербе).

1. в горизонтальной плоскости различия по ряду - гласные передние, задние и смешанные (в иных классификациях средние, или центральные; по Л.В. Щербе смешанные и центральные согласные предполагают неодинаковый уклад языка); можно далее говорить о выдвинутых задних, об отодвинутых передних;
2. в вертикальной плоскости различия по степени подъёма (Л.В. Щерба отмечает произвольный характер их разграничения и намечает 6 ступеней как условные остановки при медленном опускании или подъёме языка).

- также решающие для классификации гласных различия в действии губ / различия по отсутствию – наличию лабиализации (гласные неогублённые и огублённые);
- относительная однородность – неоднородность артикуляции (монофтонги, дифтонги, трифтонги; дифтонгоиды);
- отсутствие – наличие дополнительных артикуляций (назализация, фарингализация).

Гласные звуки некоторых языков.

Отмеченные звуковые различия между гласными в неодинаковой степени используются разными языками. Каждый язык выбирает из всего множества возможных звуковых различий те, которые обеспечивают различение фонем и оказываются, таким образом, функционально нагруженными.

В распоряжении всех языков (в силу общности физиологических возможностей всех людей, независимо от их расовой и этнической принадлежности) оказываются одно и то же вокалическое пространство. Но тот или иной язык членит пространство гласных по-своему, не так, как другие языки.

Так, в русском языке гласные различаются по следующим дифференциальным признакам: по ряду (переднего – заднего – смешанного ряда); по степени подъёма (нижнего – среднего – верхнего подъёма); по наличию – отсутствию лабиализации (неогубленные – огубленные).

Гласные французского языка различаются: по ряду (передние – задние гласные), по степени подъёма (до 6 степеней), по наличию – отсутствию лабиализации (огублённые *œ, ø, y* – все остальные неогублённые гласные,), по наличию – отсутствию назализации (носовые *ɑ̃, œ̃, ɔ̃, ɛ̃* – все остальные ртовые гласные); нет дифтонгов, долгота позиционная.

Гласные немецкого языка различаются: по ряду (передние, задние и центральные гласные), по степени подъёма (до 6 степеней), по степени раствора (узкие – широкие гласные), по длительности (долгие – краткие гласные), в ряде случаев сопровождаемые различиями между ними по степени напряжённости, по наличию – отсутствию лабиализации (огублённые – неогублённые гласные), по однородности – неоднородности артикуляции (монофтонги – дифтонги).

Система гласных английского языка (британский и американские варианты) свидетельствует о различиях (притом неодинаково используемых): по ряду (передние, задние и центральные гласные), по степени подъёма (до 6 и 7 степеней), по степени раствора (узкие – широкие гласные), по наличию – отсутствию лабиализации (огублённые – неогублённые гласные), по однородности – неоднородности артикуляции (монофтонги – дифтонги).

См. таблицу Основные типы гласных и некоторые знаки для них (по А. А. Реформатскому).

§3. Общие принципы классификации согласных в языках мира.

Классификация согласных опирается на большее число признаков, чем классификация гласных. Различия между согласными, по Л.Р. Зиндеру, опираются на следующие признаки (см. классификационные таблицы Л.В. Щербы, Л.Р. Зиндера, Ю.С. Маслова, Л.В. Бондарко и её соавторов; таблицы МФА):

- наличие – отсутствие струи воздуха (согласные «дыхательные» и «недыхательные», в т.ч. «щёлкающие»);
- степень воздушности (согласные непридыхательные и придыхательные);
- участие голоса (согласные полнозвонкие, полузвонкие с глухим взрывом или со звонким взрывом, глухие; «хриплые»);
- сила артикуляции (согласные сильные и слабые);
- длительность (согласные краткие и долгие);
- характер шумообразующей преграды / способ артикуляции (согласные смычные, щелевые и дрожащие); смычные подразделяются на взрывные, имплозивные и аффрикаты; класс щелевых разбивается на ряд подклассов по расположению щели (серединные и боковые) и по форме щели (серединные круглощелевые и плоскощелевые).
- действующий орган (согласные однофокусные и двухфокусные; губные, язычные, язычковые / увулярные, глотточные / фарингальные, связочные / гортанные с дальнейшим разбиением большинства из этих классов; у ЛВБ добавляется класс язычно-губных; весьма существенны дальнейшие разбиения язычных: переднеязычные, среднеязычные, заднеязычные; среди переднеязычных различаются дорсальные, апикальные, какуминальные и ретрофлексные);
- наличие – отсутствие дополнительных артикуляций (палатализация, лабиализация, веляризация, фарингализация);
- внутри классов смычных, щелевых и дрожащих могут различаться подклассы шумных и сонантов.

Особую проблему создает место аффрикат в классификации. Л.В. Щерба, а вслед за ним М.И. Матусевич, Л.Р. Зиндер, Ю.С. Маслов, характеризуют их как двухфокусные (со вторым средним или задним фокусом). В пособии Л.В. Бондарко, Л.А. Вербицкой и М.В. Гординой аффрикаты трактуются как длиннощелевые (т.е. сближаются с круглощелевыми и плоскощелевыми), что существенно упрощает классификацию.

Согласные звуки некоторых языков.

Отмеченные звуковые различия между согласными в неодинаковой степени используются разными языками.

Так, в различении немецких согласных используются следующие признаки (характеристика даётся в соответствии с щербовской традицией):

- участие – неучастие голоса: глухие – звонкие согласные, причём последние являются скорее полузвонкими, а данное противопоставление сопряжено с противопоставлением сильных и слабых согласных;
- характер шумообразующей преграды / модус артикуляции: смычные - щелевые - многоударные / дрожащие и одноударные / хлопающие, выступающие как факультативные варианты фонемы */r/*;
  - внутри смычных различаются чистые и аффрикаты;
  - чистые смычные делятся на ртовые и носовые;
  - внутри щелевых различаются срединные плоскощелевые, срединные круглощелевые и боковые,
- активный артикулятор: губные, переднеязычные, среднеязычные, заднеязычные, язычковые / увулярные, связочные / гортанные согласные;
  - губные делятся на двугубные / билабиальные и губно-зубные / лабиодентальные);
  - переднеязычная и язычковая артикуляция характеризуют факультативные варианты фонемы */r/*.

В характеристике английских согласных классификационными признаками выступают:

- способ образования: носовые – смычные – аффрикаты – щелевые – плавный боковой - плавный ретрофлексный – глайды (полугласные);
- наличие – отсутствие голоса: глухие – звонкие; частично активный артикулятор, частично место образования: двугубные – губно-зубные – межзубные – альвеолярные – нёбные / палатальные (куда попадают по существу переднеязычные аффрикаты и шипящие, а также среднеязычный

j / в американской нотации *y*) – задненёбные / велярные – связочные (гортанные).

§4. Основная терминология, применяемая при описании гласных в языках мира.

Беглые гласные – гласные, появляющиеся в морфеме только в определенной фонетической позиции и не реализующиеся в других позициях морфемы. Например, в русск. яз. корневые гласные, возникшие исторически в результате падения редуцированных в слабых позициях , например: *сон – сна, день – дня, молоток – молотка, колодец – колодца.*

Верхнего подъема (высокого подъема, закрытые, узкие) гласные – гласные, характеризующиеся высоким положением языка в полости рта. Различаются вокалические системы, в которых термин «закрытый», «узкий» употребляется для обозначения гласного, противопоставляемого по положению языка «открытому», «широкому», но с фонетической точки зрения принадлежащему тому же подъему (например: *[e] - [ɛ], [¢] - [æ]*).

Высокие гласные – 1) гласные, характеризующиеся акустическим свойством, связанным с частотой F II и F III. Артикуляторно высокими гласными являются гласные переднего ряда, характеризующиеся высокими значениями частоты F II и F III; 2) то же, что гласные высокого подъема, например: *[i – ы – u]*.

Глухие гласные – гласные, произносимые без участия голоса, Например в случае сильной редукции гласного между глухими согласными; шепотные гласные, например: *[k^nt'aktъf]*.

Диффузные гласные – гласные, характеризующиеся таким расположением формант, при котором центральная часть спектра свободна, например: *[i]* – диффузный высокий гласный, *[u]* – диффузный низкий гласный. Противопоставляются компактным гласным.

Долгие гласные – гласные, характеризующиеся большей длительностью по сравнению с другими гласными. Если долгота является фонематическим признаком гласного, по которому он противопоставлен соответствующему

краткому (например, в англ. и нем. языках), то различия по длительности часто сопровождаются и качественными (например: англ. *[i:]* более закрытый и передний, а *[i]* – более открытый и менее передний). Долгие гласные возникают и в результате сочетания двух гласных одинакового качества на морфемных швах, тогда эти гласные лучше назвать двойными (например, русск. *фамилии*).

Заднего ряда (задние, велярные) гласные – артикуляционный признак, характеризующий оттягивание тела языка назад при произнесении этих гласных. Противопоставляются диффузным гласным, например: *[u – o]*.

Компактные гласные – гласные, характеризующиеся таким расположением формант, при котором центральная часть спектра занята (например, русск. *[a]*).

Краткие гласные – 1) гласные, противопоставленные долгим гласным; 2) гласные, имеющие малую длительность, не являющуюся релевантной для системы фонем (например, сильное сокращение длительности гласного наблюдается во втором предударном слоге русск. слова), например: *[pʲtçinʼenʼijʲ]*.

Назализованные гласные – гласные, во время артикуляции которых мягкое небо опущено в результате коартикуляционного воздействия соседнего носового звука. При вялой общей артикуляции назализованность возможна и без влияния носового (например, в абсолютном исходе слова, где мягкое небо может опускаться в результате подготовки к состоянию покоя речевого тракта), например, во франц. яз. *[a – ã, ɛ – ɛ̃, œ – œ̃, o –õ]*.

Напряженные (сильные, нередуцированные) гласные – 1) гласные, характеризующиеся значительной напряженностью артикуляции. Так, франц. гласные характеризуются большей напряженностью, чем русские; ударные русск. гласные – большей напряженностью, чем безударные; 2) гласные, характеризующиеся такой формантной структурой, которая более сильно отличается от формантной структуры нейтрального гласного, чем формантная структура ненапряженного, например: *[i – ы – u]*.

Нейтральные гласные – 1) гласные, артикулирующиеся при вытянутом в полости рта языке; при среднем его подъеме образуется, например, англ. *[ə]*, называемый также центральным; иногда такие гласные называют среднеязычными; 2) краткие ненапряженные гласные неопределенного качества, возникающие в безударных слогах (например, рус. *[р**ъ**t^lok]*); 3) гласноподобные звуки, возникающие при артикуляции покоя произносительных органов, например: *[ə, ъ]*.

Ненапряженные (редуцированные, слабые) гласные – гласные, противопоставляемые напряженным гласным, например: *[э – о – а]*.

Неслоговые гласные – гласные, не образующие слоги.

Нестационарные (неоднородные) гласные – гласные, характеризующиеся изменениями частотных значений формант на протяжении звучания (и соответственно изменяющейся артикуляции). Эти изменения могут затрагивать либо часть гласного, либо весь гласный в случае его небольшой длительности (например, безударные гласные при количественной редукции).

Нижнего подъема (открытые, широкие) гласные – гласные, характеризующиеся низким положением языка в полости рта и соответственно широким раствором. В некоторых случаях термины «открытый» и «широкий» используются для обозначения качества гласного, противопоставленного фонологически в пределах одного подъема, например: *[а]*.

Низкие гласные – гласные с таким расположением формант в спектре, при котором основная энергия расположена в его низкой части (например, гласный *[u]*).

Носовые гласные – гласные, образующиеся при опущенном мягком небе, в результате чего полость носа действует как дополнительный резонатор; носовые характеризуются появлением «носовой форманты», а также ослаблением и понижением частоты всех формант, например, во франц. яз. *[а – ã, ɛ – ɛ̃, œ – œ̃, о –õ]*.

Нулевой гласный – гласный, реконструируемый при анализе как функциональная единица, но не реализующаяся фонетически (например, русск. *дом, конь*).

Огубленные (лабиализованные, губные) гласные – гласные, образующиеся при округлении и вытягивании губ (например, русск. *[о], [u]*, франц. *[y], [¢]*, англ. *[о краткое], [о:]*).

Отодвинутые назад гласные – гласные переднего ряда, при артикуляции которых язык несколько отодвигается назад под влиянием общефонетических закономерностей звукообразования (например, русск. *[i]* и *[e]* – оба переднего ряда, но *[e]* – отодвинутый назад по сравнению с *[i]*) или под влиянием фонетического окружения (например, гласные переднего ряда между заднеязычными отодвигаются назад).

Переднего ряда (передние) гласные – гласные, при артикуляции которых язык продвигается в переднюю часть полости рта, например: *[i – e]*.

Продвинутые гласные – гласные заднего ряда, артикулирующиеся с несколько продвинутым вперед положением языка, что может определяться как артикуляционным укладом, характерным для звуковой системы языка в целом, так и влиянием фонетического окружения. Например, русск. *[а]* – задний, но продвинутый вперед; русск. *[u]* – огубленный задний гласный верхнего подъема – сильно продвигается вперед в безударном слоге между двумя переднеязычными согласными, например: *суда, зудеть, дурачить.*

Протетические гласные – гласные, появляющиеся в начале слова, если по каким-либо причинам звуковой состав затруднен для произносящих (например, франц. начальный *[e]* в словах, которые с латыни начинались с сочетаний согласных: *spathula(m)> épaule*, *scutu(m)>écu*).

Ртовые (чистые, простые) гласные – гласные, образующиеся при поднятом мягком небе, что исключает участие полости носа в их артикуляции, например: *[а – ы, о – и]*

Сверхкраткие гласные – 1) гласные, имеющие малую длительность в результате сильной количественной редукции, например, гласный второго

предударного слога в словах *самовар, потолок* в московском варианте русского литературного произношения; 2) гласные, противопоставленные фонематически кратким и долгим гласным в системе фонем, где долгота является релевантным признаком, например, в англ. яз. *[о краткое, i краткое, а краткое, э]* в словах *dog, sit, pump, at.*

Синтезированные гласные – гласноподобные звуки, полученные в результате синтеза частотных составляющих, характерных для того или иного гласного, на спец. устройствах – синтезаторах, позволяющих экспериментатору управлять различными характеристиками таких гласных, т. е. произвольно изменять их для выявления значимости тех или иных характеристик (длительность, интенсивность, частотное расположение формант) при восприятии.

Среднего подъема гласные – артикуляторно гласные среднего подъема характеризуются таким положением языка по отношению к твердому небу, которое можно назвать условно средним, т. е. не высоким и не низким, например: *[э – о]*.

Среднего ряда (смешанного ряда, среднеязычные) гласные – 1) гласные, артикуляторно не являющимися ни передними, не задними. В эту группу входят смешанные гласные, образующиеся при вытянутом вдоль полости рта языке, и центральные гласные, образующиеся в том случае, когда язык, собранный в комок, расположен посередине полости рта; 2) гласными среднего ряда иногда называют (ошибочно) гласные заднего ряда, продвинутые вперед (например, русск. *[а]*), и гласные, изменяющиеся по ряду от начала произнесения к концу (например, русск. *[ы]*).

Стационарные (однородные) гласные – гласные, характеризующиеся постоянным значением частот формант на всем протяжении звучания. Артикуляционно это соответствует неизменному укладу речевых органов от начала до конца произнесения гласных.

Стяженные гласные – гласные, образовавшиеся в результате стяжения двух гласных, принадлежащих разным морфемам (например, русск. *н**ао**бум*).

Тематический гласный – последний гласный основы, соединяющий основу с окончанием, суффиксом инфинитива, например, в болг. яз. *чете, върви, гледа.*

Умлаутированные гласные – гласные, появляющиеся в результате чередования непереднего гласного с передним под влиянием соседней морфемы, содержащий гласный переднего ряда или среднеязычный согласный, например, в нем. яз. *[ä, ö, ü]*.

Фарингализованные гласные – гласные, произносимые с дополнительной артикуляцией, характеризующейся сужением стенок глотки.

§5. Основная терминология, применяемая для согласных в языках мира.

Абруптивы (глоттализованные согласные) – согласные, характеризующиеся смыканием или сближением голосовых связок в конечной фазе артикуляции, например: *[h, ĥ]*.

Альвеолярные (надзубные), дентальные (зубные) согласные – согласные, образующиеся в результате смыкания или сближения передней спинки языка соответственно с передней частью твердого неба на границе с краем верхних зубов или верхними зубами, например: *[t, d; n, r, Ɵ, ð; s, z; ʃ, ʒ; l]*.

Апикальные согласные – согласные, образующиеся при активной артикуляции кончика языка, например: *[t, d]*.

Аспираты (придыхательные согласные) – согласные, характеризующиеся большей воздушностью при образовании, что приводит к появлению длительной фазы шума в конце звучания, например: *[h]*.

Аффрикаты – смычные согласные, заканчивающиеся щелевой фазой, например: *[ц, ч]*.

Боковые латеральные согласные – щелевые согласные, характеризующиеся тем, что воздушная струя проходит по краям полости рта (например, сонант *[l]* образуется благодаря появлению боковой щели при опускании краев языка и примыкании кончика языка к верхним зубам).

Вдыхательные (инспираторные) согласные (инспиранты) – согласные, образующиеся при вдыхаемой струе воздуха, например, лат. *[h]*.

Велярные (задненебные, заднеязычные) согласные – согласные, образующиеся при смыкании или сближении задней части языка с нёбом, например: *[k, g, x]*

Взрывные (эксплозивные) согласные – согласные, образующиеся при резком раскрытии смычки, например: *[p, b, t, d, k, g]*.

Вибранты (дрожащие согласные) – согласные, образующиеся в результате вибраций артикулирующего органа (передней спинки языка, увулы, губ), например: *[r]*.

Высокие согласные – согласные, имеющие высокочастотный шум.

Геминаты – двойные согласные.

Глухие согласные – согласные, образующиеся без участия голоса, например: *[p, t, k]*.

Гоморганные согласные – согласные, образующиеся одним и тем же произносительным органом. Например, зубные или губные согласные.

Гортанные (ларингальные) согласные – согласные, образующиеся при смычке или сближении голосовых связок, например: *[ĥ]*

Губные (лабиальные) согласные – согласные, образующиеся при работе губ (обеих – **губно-губные**, или **билабиальные, –** или нижней губы, соприкасающейся или приближающейся к верхним зубам, – **губно-зубные,** или **лабио-дентальные**), например: *[p, b – v, f]*.

Гуттуральные согласные – согласные, характеризующиеся активной артикуляцией в задней части полости рта или в области фаринкса и гортани, например: *[ɦ]*.

Двухфокусные согласные – переднеязычные согласные, имеющие два места (два фокуса) образования источника шума, например: *[ч, ш, ж]*

Дорсальные согласные – переднеязычные согласные, образующиеся при опущенном вниз кончике языка, например: *[н, т, д]* в словах *там, дам, нос.*

Звонкие согласные – согласные, образующиеся с голосом (т. е. при наличии периодических колебаний голосовых связок), например: *[b, g, d, v]*.

Имплозивные согласные – смычные согласные, не заканчивающиеся взрывом или щелевой фазой, например: *[n]* в абсолютном конце слова.

Интердентальные (межзубные) согласные – переднеязычные согласные, при артикуляции которых кончик языка расположен между зубами, например: *[Ө, ð]*.

Йотированные согласные – согласные, характеризующиеся дополнительной артикуляцией, свойственной среднеязычным согласным.

Какуминальные (церебральные) согласные – переднеязычные согласные, образующиеся при поднятом вверх крае передней части языка, например: *[r]*.

Лабиализованные согласные – согласные, характеризующиеся округлением и выпячиванием губ под влиянием соседнего гласного, например: *[л˚, б˚, в˚, м˚]*.

Лабио-велярные согласные – согласные, характеризующиеся губной и велярной артикуляцией, например, во франц. яз. *ta**bl**e*.

Лабио-палатальные согласные – согласные, характеризующиеся губной и палатальной артикуляцией, например: *[б’, п’, м’]*.

Ларингал – неопределенный по качеству согласный, реконструируемый по более поздним рефлексам.

Ларингальные согласные – то же, что гортанные согласные.

Мягкие согласные – согласные, образующиеся при сближении средней части спинки языка с твердым нёбом и продвижении всей массы языка вперед, например: *[б’, п’, м’, р’, н’, д,’]*.

Назализованные согласные – согласные, для которых опускание мягкого нёба является дополнительной артикуляцией, не изменяющей их основного качества, например: *think* [Өıŋ**k**].

Назальные (носовые) согласные – согласные, образующиеся при опущенном мягком нёбе, в результате чего часть выдыхаемой воздушной струи проходит через полость носа, например: *[n, m, ŋ]*.

Напряженные (сильные) согласные – согласные, артикулирующиеся с высокой степенью мускульного напряжения.

Неглоттализованные согласные – согласные, при артикуляции которых отсутствует глоттализация.

Низкие согласные – согласные, характеризующиеся низкочастотными шумовыми составляющими в спектре.

Однофокусные согласные – переднеязычные согласные, характеризующиеся одним местом (фокусом) образования источника шума, например: *[ц, ф, в, с, з, j]*.

Палатальные (среднеязычные) согласные – согласные, образующиеся в результате смыкания или сближения средней части спинки языка. Например: *[j]*.

Переднеязычные согласные – согласные, образующиеся в результате активной артикуляции передней части языка, например: *[т, д, н, ч, л, р]*.

Плавный согласный – боковой сонант *[l]*; часто плавным называют дрожащий *[r]*.

Плозивные согласные – то же, что смычные согласные.

Проточный согласный – согласный *[r]*, артикулирующийся не как дрожащий, а как щелевой.

Свистящие согласные (сибилянты) – согласные, характеризующиеся резким высокочастотным шумом в результате образования узкой щели со сложной конфигурацией, например: *[ц, дз, ч, з, с]*.

Слабые (ненапряженные) согласные – согласные, артикулирующиеся при слабом мускульном напряжении.

Смычные согласные – согласные, образующиеся при полном смыкании активного и пассивного органов, например: *[p, b, t, d, k, g, m, n]*.

Сонанты (сонорные согласные) – класс согласных, характеризующихся преобладанием тона над шумовыми составляющими; артикуляционно являются согласными, по акустическим характеристикам ближе к гласным, например: *[l, r, n, m]*.

Спиранты (фрикативные, щелевые согласные) – согласные, образующиеся в результате сближения активного и пассивного органа, например: *[f, v, s, z, h]*.

Срединные согласные – щелевые согласные, при образовании которых воздушная струя проходит вдоль полости рта (в отличие от боковых), например: *[l]*.

Ретрофлексные согласные – переднеязычные согласные, образующиеся при загнутом вверх и назад переднем крае языка, например: *[l]* европейское.

Ртовые согласные – согласные, при артикуляции которых нёбная занавеска поднята и закрывает проход в полость носа, например, все неносовые согласные.

Твердые согласные – согласные, не являющиеся мягкими, например: *[г, к, х, ж, ш, ц, п, б]*.

Увулярные согласные – согласные, характеризующиеся активной артикуляцией маленького язычка – увулы, например: *[r, G, q, N]*.

Фарингальные согласные – согласные, образующиеся при сжатии глотки, например: *[ʜ]*.

Шепелявые согласные – согласные, звучащие как нечто среднее между свистящими и шипящими. Причина шепелявости (межзубные щелевые звучат шепеляво) – дефекты речи.

Шипящие согласные – согласные, характеризующиеся широкополосным шумом, имеющим более регулярную акустическую картину, что связывают с более простой формой щели, чем при артикуляции свистящих, например: *[ш, ж]*.

Шумные согласные – согласные, характеризующиеся преобладанием шумовых составляющих над музыкальными, т. е. все согласные, кроме сонантов. Например, все несонорные согласные.

Щелкающие согласные (недыхательные) – согласные, образующиеся в результате стягивающего движения артикулирующих органов.

Выводы по главе I:

1. Фонетика изучает производство, передачу и восприятие звуковых сигналов в процессе речевого общения, а также систему способов и средств, обеспечивающих кодирование и декодирование переносимой в звуковых сигналах лингвистически существенной информации. В настоящее время часто говорят не просто о фонетике, а о фонетических науках, имея в виду совокупность дисциплин, каждая из которых имеет свой предмет и свою точку зрения на звуковую сторону языка.
2. Процессы передачи и приёма вербальных сообщений оказываются возможными именно благодаря тому, что естественный человеческий язык располагает звуковыми средствами, образующими в совокупности фонологический компонент. Этот компонент имеет сложную структуру, объединяя в себе звуковые средства, оформляющие материальную сторону морфем, слов и их словоформ, а также словосочетаний, простых и сложных предложений, сложных языковых объектов типа текстов или дискурсов.
3. Разграничение звуков речи на гласные и согласные представляется достаточно нелёгким.

В теоретико-информационном отношении согласные информационно нагружены более, чем гласные; слова могут быть во многих случаях опознаны по согласным, а гласные играют в передаче информации и, соответственно, в опознании слов как бы второстепенную роль. Но гласные часто играют роль носителей той информации, которая позволяет опознавать разные словоформы.

С точки зрения слогообразования гласные играют ведущую роль: они выступают в качестве ядер, вершин слогов, тогда как согласные являются лишь сопутствующими элементами. Во многих языках вершину слога могут образовать сонанты (носовые *[m], [n], [ŋ]* и плавные *[l]* и *[r]*), но только в соседстве с шумными. По соседству же с гласными эти звуки функционируют как периферийные элементы слога.

В акустическом отношении существенно то, что гласные (в отличие от согласных) обладают чёткой формантной структурой, требуют большего расхода общей энергии, являются по преимуществу тонами. Сонанты акустически оказываются в промежуточном положении между гласными и шумными согласными.

С физиологической точки зрения при артикуляции гласных в надставной трубе отсутствуют преграды для выходящей из лёгких струи воздуха, для согласных наличие той или иной преграды является обязательным.

Вопросы для обсуждения:

1. Основы общей фонетики как лингвистическая дисциплина. Линейные и нелинейные единицы фонетического строя языка.
2. Различные методы фонетических исследований в русском и английском языках.
3. Общие принципы классификации гласных звуков в русском, английском и немецком языках.
4. Общие принципы классификации согласных звуков в русском, английском и немецком языках.
5. Основная терминология, применяемая при описании гласных в языках мира.
6. Основная терминология, применяемая при описании согласных в языках мира.

Упражнение №1.

Затранскрибируйте следующие слова:

обязательно:

почта, цифра, счеты, словарный, сходство, замыкать, дожидаться, календарь, переводчик, наименование;

therefore, single, efficiency, thrive, highway, gentleness, hilarity, yesterday, building, vegetation;

по выбору:

réalisation, cheminée, géographie, respecter, gagner, voiture, pluvieux, oiseau, suivant, équateur;

Scheinbarkeit, Spaziergang, Pferd, Kaufladen, Selbstständig, Hafen, Geschichte, Witz, quatschen, radeln.

Упражнение №2.

В данных словах охарактеризуйте гласные и согласные звуки с точки зрения их основной артикуляции и позиции в слове.

Упражнение №3.

Определите согласные звуки, образованные с помощью следующей артикуляции:

а) губы сомкнуты, голосовые связки дрожат, небная занавеска опущена;

б) кончик языка поднимается и загибается назад, периодически соприкасаясь с твердым небом, голосовые связки дрожат, небная занавеска поднята;

в) передняя часть спинки языка сближается с твердым небом, голосовые связки дрожат, небная занавеска поднята.

а) губы сомкнуты, голосовые связки не дрожат, небная занавеска прижата к стенке зева;

б) кончик языка смыкается с верхними зубами, голосовые связки дрожат, небная занавеска прижата к стенке зева, боковые края языка опущены;

в) нижняя губа сближается с верхними зубами, голосовые связки дрожат, небная занавеска поднята.

Упражнение №4.

Определите слова русского языка, в состав которого последовательно входят следующие звуки:

А

а) согласный переднеязычно-зубной, взрывной, звонкий, твердый

б) гласный среднего ряда, верхнего подъема, нелабиализованный

в) согласный сонорный, губно-губной, носовой, твердый

Б

а) согласный переднеязычно-зубной, фрикативный, глухой, твердый

б) гласный заднего ряда, верхнего подъема, лабиализованный

в) согласный сонорный, переднеязычно-небный, вибрант, твердый

г) гласный заднего ряда, среднего подъема, лабиализованный

д) согласный заднеязычный, взрывной, глухой, твердый

В

а) согласный сонорный, переднеязычно-зубной, боковой, мягкий

б) гласный заднего ряда, среднего подъема, лабиализованный

в) согласный переднеязычно-небный, смычно-щелевой (аффриката), глухой, мягкий

г) гласный переднего ряда, верхнего подъема, нелабиализованный

д) согласный заднеязычный, взрывной, глухой, твердый

Г

а) согласный губно-зубной, фрикативный, глухой, твердый

б) согласный переднеязычно-зубной, фрикативный, глухой, мягкий

в) гласный переднего ряда, среднего подъема, нелабиализованный

А

а) согласный переднеязычно-зубной, взрывной, глухой, мягкий

б) согласный сонорный, губно-губной, носовой, твердый

в) гласный среднего ряда, нижнего подъема, нелабиализованный

Б

а) согласный переднеязычно-небный, смычно-щелевой (аффриката), глухой, мягкий

б) гласный переднего ряда, среднего подъема, нелабиализованный

в) согласный переднеязычно-зубной, фрикативный, глухой, мягкий

г) согласный переднеязычно-зубной, взрывной, глухой, мягкий

В

а) согласный губно-губной, взрывной, глухой, твердый

б) гласный заднего ряда, среднего подъема, лабиализованный

в) согласный среднеязычный, фрикативный, звонкий, мягкий

г) гласный переднего ряда, среднего подъема, нелабиализованный

г) согласный переднеязычно-зубной, фрикативный, глухой, твердый

д) согласный переднеязычно-зубной, взрывной, глухой, твердый

Г

а) согласный переднеязычно-небный, фрикативный, глухой, твердый, долгий

б) гласный среднего ряда, верхнего подъема, нелабиализованный

в) согласный переднеязычно-зубной, взрывной, глухой, мягкий

Глава II. Позиционные чередования в потоке речи.

§1.Троякий аспект звуков речи.

Фонетика – учение о звуках языка. Звуки – односторонняя единица, не имеющая никакого значения и смысла. Смысл появляется на уровне морфем: *стол – столик* (т. е. маленький стол).

Звук – единица речи, а не языка. Язык – некоторая система, которая существует для общения. Речь – конкретная реализация этой системы. Поэтому картавость и дрожащее «р» являются разными единицами речи, но одной единицей языка, так как не меняют смысл слова.

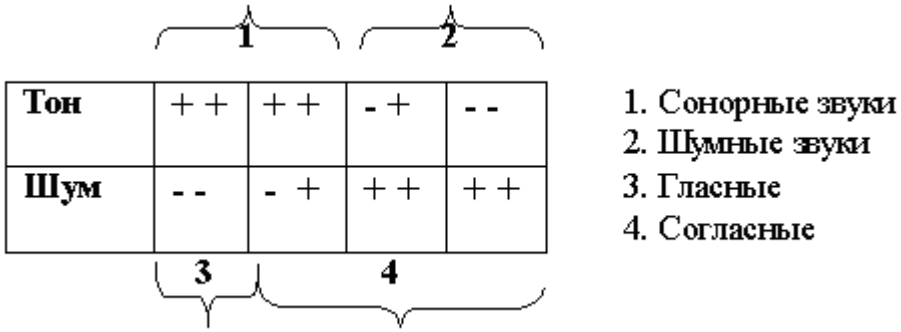
Две функции звука:

1. перцептивная (воспринимающая)
2. сигнификативная – способность звука служить для различия значимости единиц: пел – дел (изменение звука меняет смысл).

У звуков существует также акустическая характеристика. Общая теория звука изучается физикой. Параметр звука – частота, длительность, амплитуда

колебаний. Колебания могут быть периодическими (гласные) и непериодическими (некоторые согласные). Согласные могут быть как теми (*л, м, н, р* – сонорные), так и другими. Сонорные звуки определяются резонансными тонами ротовой и носовой полости. Если звуки состоят только из тонов, то это гласные. Если к тонам примешиваются шумы, то это сонорные согласные. Звонкие согласные, длину которых можно тянуть – *[ж, з, в]*; звонкие согласные, которые нельзя тянуть – *[б, д, г]* (они еще называются мгновенными); глухие согласные, которые можно тянуть – *[ф, ш, с]*; глухие, которые нельзя тянуть – *[т, к, п]* (шумные или взрывные).

Гласные и согласные по соотношению в них тона и шума:

+ - наличие тональной или шумной составляющей; ++ - её преобладание в звуке.

Артикуляционная характеристика:

1) по способу образования: свободное прохождение через ротовую полость – гласные; звуки суженного прохода – фрикативные, щелевые звуки (*х, з, ж, с, в, ф* – звонкие и глухие); сомкнутые губы (на пути воздуха выдвигается полная преграда - смычка) – смычные звуки: они подразделяются на а) взрывные *(п, б, т, д, к, г)*, а также гортанный взрыв; б) аффрикаты, когда смычка немного раскрывается для прохода струи воздуха *(пф, ц, дз, ч, дж)*; в) носовые воздух проходит обходом через нос (английское *ng*); г) боковые (звук *[л]*); д) дрожащие – смычка периодически размыкается (звук *[р]*)

2) по месту образования или по действующему органу: звонкие звуки включают в себя голосовые связки, смычные образуются путем полной преграды на пути воздуха, которая создается губами и языком. Органы, участвующие в образовании звуков, делятся на активные (язык, губы) и пассивные (нёбо).

а) губные – губно-губной (*п, б, м*), губно-зубной (*в, ф*);

б) язычные – переднеязычные, среднеязычные, заднеязычные;

б) зубные – межзубные, увулярные, фарингальные, гортанные.

3) по участию голоса: на шумные и сонанты. Самыми сонорными являются гласные, затем носовые, боковые, дрожащие и фрикативные. Все остальные согласные – шумные.

Дополнительной артикуляцией служит палатализация (смягчение) и веляризация (отвердение). Например, *[л]* в слове *«люк»* палатализовано, а в слове *«лук»* – веляризовано.

Также существует придыхание – одновременно со смычкой образуется сужение щелей между голосовыми связками.

Гласные – это звуки свободного прохода. Они различаются объемом и оформлением резонатора. *[у]* - самый низкий звук, *[и]* – самый высокий. Артикуляция различается тем, какая часть языка и насколько поднимается.

	Передние	Средние	Задние
Высокие	***і***	***ы***	**и**
Средние	**е**	**э**	**о**
Низкие		**а**	

Восприятие звуков речи – сложная функция слуховой системы, осуществляющей обнаружение звуков речи и их опознание.

Акустические характеристики звуков речи.

Произносительный аппарат человека является весьма сложной и довольно совершенной акустической системой, возникшей в итоге длительной биологической эволюции.

Речевые сигналы акустически представляют собой распространяемые в воздушной среде сложные по своей структуре звуковые колебания, которые характеризуются в отношении их *частоты* (числа колебаний в секунду), *интенсивности* (амплитуды колебаний) и *длительности*. Все эти характеристики подвержены изменениям на протяжении одного речевого сигнала. Они могут быть зафиксированы и измерены посредством специальных электронно-акустических приборов (прежде всего осциллографа и спектрографа).

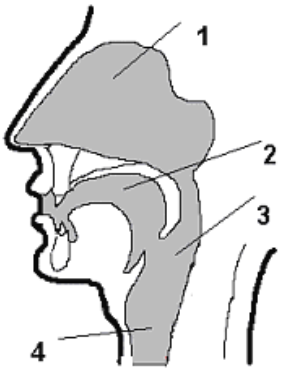
Источниками возникновения речевых звуков в артикуляторном тракте человека являются:

- периодические модуляции посредством колеблющихся голосовых связок воздушного потока, подаваемого из лёгких (голосовой источник);
- турбулентные завихрения воздушного потока в сужениях произносительного тракта (шумовой, или вихревой, источник);
- скачкообразное изменение давления воздуха в артикуляторном тракте при резком раскрытии смычки (взрывной, или импульсный, источник).

Голосовой источник лежит в основе образования гласных и сонорных (*[a], [i], [u]; [l], [r]*). Шумовому источнику обязаны своим происхождением глухие щелевые (*[f], [s], [x]*) и глухие аффрикаты (*[ts]*), импульсному источнику – глухие взрывные (*[p], [t], [k]*). Звонкие щелевые и звонкие аффрикаты возникают благодаря взаимной работе голосового и шумового источников (*[v], [z]; [dz]*). Взаимодействие голосового и импульсного источников приводит к образованию звонких взрывных (*[b], [d], [g]*).

На следующем этапе возбуждённый речевой звук модифицируется в отношении своего частотного состава в акустическом фильтре, который образуют активные и пассивные артикуляторные органы (голосовые связки, задняя стенка полости зёва, надгортанник, нёбная занавеска вместе с язычком, язык, губы, зубы, альвеолы, нёбо) и система резонаторов (полость гортани, полость зёва, носовая полость, полость рта, а также полость, образуемая в пространстве между губами и зубами).

Резонаторные полости речевого аппарата:

1 – полость носа.

2 – ротовая полость.

3 – полость глотки.

4 – полость гортани

Ртовый резонатор, роль которого в модификации речевых звуков наиболее важна, может быстро менять свой объём и свою конфигурацию; он может быть более и менее жёстким. В результате отдельные составляющие возбуждённого звука усиливаются или ослабляются. Каждый звук приобретает в итоге свои индивидуальные акустические особенности. Его отличают от других звуков, во-первых, спектральные амплитудно-частотные характеристики, наблюдаемые при аппаратном анализе как полосы частот, усиленные резонаторами (***форманты***), и, во-вторых, его временная структура.

Для характеристики звука достаточно наличие примерно четырёх формант, т.е. областей концентрации энергии в спектре, которые связаны с особенностями артикуляции и необходимы для правильного опознавания звука (форманты нумеруются в порядке возрастания частоты: FI, FII, FIII, FIV); из этих формант наиболее важны первая и вторая. Для гласных установлено, что частота FI связана со степенью закрытости гласного, а частота FII отражает степень его продвинутости вперёд.

Так, наиболее закрытые звуки *[i], [u]* имеют самую низкую по частоте FI, наиболее открытый гласный *[a]* имеет максимально высокую частоту FI. Наиболее передние *[i], [y]* характеризуются самой высокой по частоте FII, у наиболее заднего гласного *[u]* максимально низкая частота FII. Огублённость

звука понижает значения всех формант. Формантная структура согласных сложнее.

С учётом данных формантного анализа на основе работ Р.О. Якобсона и его коллег может быть построена акустическая классификация дифференциальных признаков речевых звуков (см., например, В.Б. Касевич, О.С. Широков).

В слитной речи один артикуляторный уклад быстро заменяется другим, в силу чего непрерывно изменяется акустическая картина. Весьма условно выделяются стационарные и переходные участки. Последние позволяют получить дополнительную информацию о соседних звуках.

Просодическая структура высказывания, фразы, синтагмы, слова, слога акустически проявляется в виде беспрерывных изменений во времени частоты основного тона, интенсивности и длительности соответствующего сегмента.

§2.Строение речевого аппарата.

Буквально каждый звук речи является продуктом комплекса произносительных работ, производимых разными активными органами артикуляции.

Наиболее активная роль при этом принадлежит ***языку*** (lingua), который может: быть распластанным или сжиматься в комок, продвигаться вперёд или отодвигаться назад, подниматься вверх в переднем или заднем направлении, не мешать выходу воздушной струи либо создавать на её пути полную или частичную преграду, вибрировать или просто совершать хлопок по пассивному артикулятору. Далее, язык (условно выделяют его переднюю, вместе с кончиком, среднюю и заднюю части спинки) может прижиматься или лишь приближаться: к верхней губе, к нижним или верхним зубам, к альвеолам, к твёрдому или мягкому нёбу. ***Губы*** (labia) способны смыкаться или создавать отверстия различного рода, оставаясь нейтральными, выдвигаясь вперёд, округляясь или растягиваясь. ***Язычок*** (uvula) может прижиматься или приближаться к спинке языка, а также вибрировать.

Нёбная занавеска (velum palati) либо закрывает доступ воздушной струи в носовую полость, либо открывает ей путь. Задняя стенка ***зёва*** (pharynx) может приближаться к корню языка. Различное положение могут занимать ***голосовые связки***, пропуская струю воздуха. Они могут при этом колебаться либо же полностью или частично перекрывают путь воздушной струе.

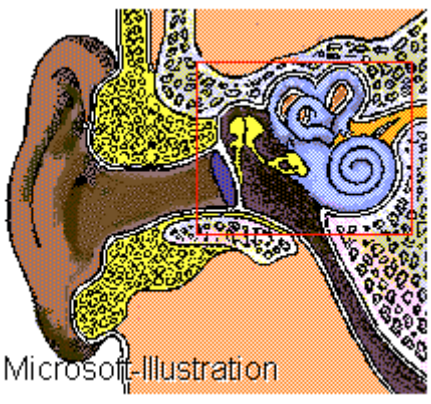
Восприятие речи.

Проблемами ***восприятия звучащей речи*** занимаются **психоакустика** и **аудитивная** (или **перцептивная**) **фонетика.**

Психоакустика исследует, как разные звуки (в том числе и речевые) обрабатываются слуховой системой человека (а в последнее время и животных), как акустические свойства речевых сигналов оцениваются слухом (соотношение в восприятии частоты звуковых колебаний и высоты звука, интенсивности звука и его громкости). Она использует сведения об устройстве слуховой системы, включающей в себя:

- периферический отдел (наружное, среднее и внутреннее ухо, где воздушные колебания преобразуются в нервные импульсы);
- центральный слуховой путь, по которому нервные импульсы передаются в слуховую зону коры головного мозга, и происходит «отбор» звуковой информации;
- слуховую кору мозга, обеспечивающую окончательную обработку нервных импульсов и принимающую решения о фонетических свойствах воспринятого речевого сигнала.

По некоторым данным, фонетическая классификация звуков происходит в левом полушарии мозга, а оценку временных и мелодических характеристик осуществляет правое полушарие.

Перцептивная фонетика изучает особенности восприятия звуковых единиц языка, используемых человеком в речевом общении. Она призвана отвечать на вопросы, какие звуковые свойства существенны для восприятия

речи человеком (например, для опознания данной фонемы) с учётом меняющихся акустических и артикуляционных характеристик речевых сигналов, т.е. каковы перцептивные корреляты релевантных (существенных) признаков фонем и просодем.

Она считается также с тем, что люди в процессе восприятия звучащей речи извлекают информацию не только из акустических свойств высказывания, но и из языкового контекста и ситуации общения, прогнозируя общий смысл воспринимаемого сообщения.

Перцептивная фонетика выявляет универсальные и специфические перцептивные характеристики, присущие звукам человеческого языка вообще и звуковым единицам конкретных языков. Она приходит к выводу, что восприятие опирается не только на инвариантные свойства фонем, но и на их вариантные свойства, что единиц восприятия (перцептивных единиц) существует, следовательно, больше, чем единиц дифференциальных (например, фонем).

§3. Взаимодействие звуков в потоке речи.

В звучащей речи звуки, взаимодействуя друг с другом, могут видоизменяться. Изменение качественных и количественных характеристик звука зависит от его позиции в слове. Мена звуков в потоке речи называется фонетическим (звуковым) процессом. Все изменения звуков принято делить на позиционные и комбинаторные.

Позиционные изменения звуков – фонетические изменения, объяснимые позицией звука в слове. В области гласных звуков – это редукция, в области согласных звуков – это оглушение парных звонких согласных в абсолютном конце фонетического слова. Редукция может быть:

1. количественной – гласные теряют немного в долготе и силе. Сокращается в основном тембр и его нельзя путать с другими видами редукции.
2. качественной – гласная становится слабой и короче, а также теряет характерные признаки своего тембра.

Комбинаторные изменения звуков – фонетические изменения, возникающие в результате влияния звуков друг на друга в потоке речи. К ним относятся ассимиляция, диссимиляция, аккомодация.

Ассимиляция – артикуляционное уподобление звуков друг другу в потоке речи в пределах слова или словосочетания. Происходит между звуками одного типа – гласными (вокалическая ассимиляция) либо согласными (консонантическая ассимиляция). Может быть полной и неполной по определенным признакам. Полная ассимиляция бывает по месту артикуляции, например: *сшить – списать, высший – высокий*; и способу артикуляции, например: *обман* /диал. [оман], *досадно* /диал. [досано]. Частичная ассимиляция различается по звонкости-глухости, твердости-мягкости, например: *лодка – лодочка, в саду– в огороде, hands, reads; кости – косточка, звезда –звездочка*. Бывает также прогрессивная и регрессивная ассимиляция.

Ассимиляция может быть контактной и дистактной, например: *сейчас* в просторечии [чичас], *хулиган* в просторечии [хулюган]. Дистактную прогрессивную ассимиляцию гласных по ряду и лабиализации можно встретить в тюркских и финно-угорских языках в виде сингармонизма. Дистактная регрессивная ассимиляция согласных сохранилась в английском и немецком языках, например: *feet – foot (* fotis); Hände – Hand.*

Аккомодация – приспособление, возникающее между гласной и согласной, стоящих рядом. В звуке есть экскурсия (или «приступ» - органы речи установлены в определенной позиции для произнесения звука), выдержка (когда звук произносится), рекурсия (возвращение в исходную позицию). Когда мы произносим слова, рекурсия предыдущего звука должна приспосабливаться к экскурсии следующего – это и есть аккомодация. Если последующий звук приспосабливается к предыдущему, то это регрессивная аккомодация, а если наоборот, то прогрессивная. В русском языке гласная приспосабливается к согласной (например: *играть*, но *отыгран – [и]*

приспособилась к *[т]*). Различают аккомодацию по мягкости (палатализацию) и коартикуляцию, например: *лук – люк, лук – лак*.

Диссимиляция – это расподобление артикуляции одинаковых или подобных звуков. Происходит между звуками одного типа – гласными (вокалическая диссимиляция) либо согласными (консонантическая диссимиляция). Также может быть полной и неполной. Полная диссимиляция бывает по месту артикуляции и способу артикуляции, например: *бомба* – [бонба] – диссимиляция по активному артикулирующему органу, в результате которой утрачивается общий признак – губная артикуляция. Возможна диссимиляция смежных звуков (контактная диссимиляция) и звуков, разделенных другими звуками (дистактная диссимиляция), например: *верблюд* [велблюд], *февраль* [феврарь]. Диссимиляция бывает прогрессивной и регрессивной, например: *прорубь* – [пролубь], *коридор* [колидор].

§4. Понятие фонетического процесса и закона.

Фонетический закон – закон функционирования и развития звуковой материи языка, действующий обязательно при соответствующих фонетических условиях. К фонетическим законам относятся редукция, оглушение в абсолютном конце фонетического слова, ассимиляция, аккомодация и диссимиляция. Кроме фонетических законов в языке отмечаются *фонетические процессы*, которые могут происходить, а могут и не происходить в одних и тех же фонетических условиях. К фонетическим процессам относят диерезу, гаплологию, протезу, эпентезу, метатезу и сингармонизм.

Диереза – фонетическая ситуация, когда труднопроизносимый звук выкидывается, например: *праздник* [празник].

Гаплология – выкидывание целых слогов, например: *знаменоносец* произносят как [знаменосец].

Протеза – наоборот, вставка слогов или букв. Например: *конкурентоспособность* часто произносят как [конкурентноспособность], *вумный, вострый*.

Эпентеза – возникновение в слове дополнительного гласного или согласного звука, например: *радиво, какаво, ндрав, страм*.

Метатеза – взаимная перестановка звуков или слогов в пределах слова, например: *мрамор* от лат. marmor, *футляр* от нем. Futteral, *нервы – неврология*.

Сингармонизм – гармония звуков в слове, уподобление гласного в аффиксе гласному корня. Распространен в финно-угорских языках, например: в турецком языке, *базар – базарлар, салат – салатак, талер – талерлер*.

§5. Исторические изменения в фонетической системе языка.

Отдельно взятый язык может описываться как в синхроническом, так и в диахроническом аспекте. Синхронический подход направлен на фиксацию элементов языка и структурных взаимозависимостей между ними в данный отрезок времени. Имеется в виду, что эти элементы сосуществуют во времени, даны синхронно. Синхронический подход господствует в восприятии своего языка его носителем. Ему лингвисты отдают предпочтение, когда описания языка делаются с целью его преподавания как родного или как иностранного. На синхронические описания опираются те специалисты, которых интересуют проблемы нормирования языкового употребления.

Но научное изучение языка будет неполным, если в стороне останутся проблемы исторических изменений в лексиконе, в грамматическом строе, в организации звуковой системы языка. Синхронический подход к языку дополняется подходом диахроническим, который позволяет во многих случаях давать ответы на вопросы типа «почему» и делает лингвистику наукой объяснительной.

Диахроническая точка зрения заключается в том, что друг другу противопоставляются состояния языка, относящиеся к разным временным срезам. Сопоставляться могут как разновременные состояния данной языковой системы в целом или разновременные состояния его, например, фонологической системы, так и отдельные языковые факты. Но увлечение отдельными фактами может привести к атомизму, т.е. к забвению того, что любой языковой факт есть элемент существующей в соответствующий исторический период языковой системы.

Диахроническая точка зрения лежит в основе истории языка, которая может строиться

- как **внутренняя история языка**, если она обращена на познание процессов и закономерностей эволюции языковой системы самой по себе, и
- как **внешняя история языка**, когда в сферу её интересов вовлекается рассмотрение эволюции языка в контексте истории народа - носителя этого языка, изменений в этногеографических условиях, социальной структуре общества, материальной и духовной культуре, с учётом контактов данного народа с носителями других культур и языков.

В зависимости от исследуемого уровня (подсистемы) языка выделяются историческая фонетика (или диахроническая фонология), историческая грамматика, историческая лексикология.

Источниками знаний об исторических изменениях в языке являются, прежде всего, сведения, которые извлекаются из письменных памятников на этом языке, включая наиболее древние.

Кроме того, во внимание принимаются косвенные свидетельства в памятниках на других языках, где могут содержаться сведения о жизненном укладе и социальной организации народа - носителя исследуемого языка, собственные личные и местные имена.

Особое значение имеют данные сравнительно-исторического языкознания, позволяющие судить о прежних (особенно дописьменных)

состояниях исследуемого языка по фактам родственных языков и осуществлять на этой основе внешнюю реконструкцию истории данного языка.

Структурный анализ фактов, наблюдаемых в данном языке в его современном состоянии (например, традиционных, или исторических, межфонемных чередований), позволяет обнаружить в нём пережитки прежних эпох и осуществить так называемую внутреннюю реконструкцию языковой эволюции.

Чрезвычайно важны сведения, которые добываются диалектологией (и диалектографией), дающие возможность обнаружить в диалектах реликты прежних языковых состояний и проследить пути распространения новых образований (инноваций), понять характер взаимовлияния диалектов между собой и между территориальными диалектами, с одной стороны, и наддиалектными формами языка (койне, литературный язык в его кодифицированной, т.е. книжно-письменной, и устно-разговорной разновидностях, просторечие), с другой стороны. В последнем случае могут быть привлечены данные исторической социолингвистики.

Обращаясь к звуковой стороне языка, нужно иметь в виду, что с точки зрения истории важны не медленные, постепенные сдвиги в артикуляции тех или иных звуков, как это часто неправомерно акцентируется, а фонологический статус элементов, которые были присущи прошлому состоянию, и фонологический статус элементов, фиксируемых в данный исторический период.

Не следует забывать, что каждая фонема является инвариантом, иначе говоря, совокупностью её дифференциальных признаков, которые воспроизводятся при каждом новом воспроизведении данной фонемы, в каждом из её вариантов. Этот набор дифференциальных признаков допускает достаточно широкий диапазон для варьирования. И только несовпадение наборов дифференциальных фонологических признаков свидетельствует о наличии не одной, а двух или большего числа разных фонем.

Фонологический принцип в последние десятилетия стал господствующим в исторической фонетике (или, как сегодня нередко говорят, диахронической фонологии).

Язык не может функционировать, не оставаясь самим собой. И вместе с тем он беспрерывно меняется. Перестраивается каждая из частных систем в его составе. Не является исключением и звуковая сторона языка.

Многое в фонологической системе сохраняется на протяжении столетий и тысячелетий. Но во многом она затрагивается изменениями, которые могут иметь либо нерегулярный, **спорадический** характер, либо следуют достаточно строгим закономерностям, оказываются регулярными. Регулярные изменения подводятся под понятие ***звуковых (или фонетических) законов***.

Одни из них могут затрагивать, во-первых, фонологическую систему в целом (т.е. инвентарь её элементов и структурные отношения между ними), а другие фонологическую структуру экспонентов знаковых единиц (т.е. слов и морфем).

В первом случае меняется число фонем и просодем в сторону увеличения или уменьшения, один тип строения слога заменяется другим (например, в общеславянском закрытые слоги уступили место открытым слогам, а в русском вновь оказались возможны наряду с открытыми и закрытые слоги), один тип акцентуации заменяется другим (например, музыкальное ударение в индоевропейских языках в основном уступило место динамическому; присущее праиндоевропейскому подвижное ударение в общегерманском стало неподвижным и закрепилось за корневой морфемой, а впоследствии, в отдельных германских языках, оно в силу различных причин вновь приобрело статус подвижного).

Во втором случае происходит перестройка фонологической (фонемной и просодической) структуры экспонентов слов и морфем.

Изменения, касающиеся системы фонем, относятся к следующим типам:

- расщепление одной фонемы на две;

- совпадение двух фонем в одной;
- монофонемизация фонемного сочетания.

Расщепление одной фонемы на две представляет собой результат фонологизации аллофонов этой фонемы. Нефонематические различия между соответствующими аллофонами приобретают фонематическую значимость и становятся дифференциальным признаком, который ложится в основу фонологической оппозиции между ними. Если такой процесс касается не одной фонемы, а их серии, возникает фонологическая корреляция.

Так, в истории русского языка расщепление непалатализованных и палатализованных вариантов большого ряда согласных фонем привело к образованию двух больших коррелятивных рядов /p/ - /p'/, /b/ - /b'/, /t/ - /t'/, /d/ - /d'/, /k/ - /k'/, /g/ - /g'/, /m/ - /m'/, /n/ - /n'/, /f/ - /f'/, /v/ - /v'/, /s/ - /s'/, /z/ - /z'/, /x/ - /x'/, /r/ - /r'/, /l/ - /l'/. Первоначально палатализованные согласные появлялись в определённых фонетических позициях (перед передними гласными и j) как комбинаторные варианты. Когда же они обрели способность функционировать и перед задними гласными или же в исходе слов, а также при случае различать разные слова в составе одной минимальной пары, они стали самостоятельными фонемами, например: *рад* /rat/ - *рать* /rat'/, *рад* /rat/- *ряд* /r'at/, *лук* /luk/- *люк* /l'uk/, *кот* /kot/ - *ткёт* /tk'ot/. Благодаря расщеплению фонем русский консонантизм существенно обогатился.

Такое же обогащение консонантизма имело место и в более древние периоды развития славянских языков. Первая славянская палатализация состояла в том, что перед гласными переднего ряда праславянские заднеязычные согласные */k/, /g/, /x/*, пройдя ступень палатализованных аллофонов *[k'], [g'], [x']*, стали шипящими аллофонами, а затем самостоятельными фонемами */t'S'/, /Z'/, /S'/* (например, совр. русск. *рук-а - руч-ной*, *друг-а - друж-ить*, *грех-а - греш-ник*). Так, фонемный статус */t'S'/* получает, начиная употребляться и перед непередними гласными (*krit'S'ati*). Свою мягкость */Z'/* и */S'/* теряют уже в русском языке.

Вторая палатализация (тоже праславянского периода) привела к возникновению свистящих согласных */c' || t's'/, /z'/, /s'/* из палатализованныз аллофонов тех же заднеязычных фонем */k/, /g/, /x/*. Мягкость */t's'/* теряет в русском языке.

Третья палатализация тех же заднеязычных после передних гласных привела к близким результатам, что и вторая: общеслав. **kъne~gъ* (например, общегерм. **kuninga-* ‘мужчина, происходящий из благородного рода; король’, гот. *kuningas*, др.-нем. *kuning*, нидерл. *konung*, швед. *konung*, англ. *king*) > kъne~z'ь> совр. русск. *князь*. В итоге, в современном русском языке оказались зафиксированы не только заднеязычные непалатализованные фонемы */k/, /g/, /x/*, но и их рефлексы (по 4 альтернанта в каждой серии фонемных чередований): *k - t's' - ts (< t's') - k'; g - z - z' - g'; x - s - s' - x'*.

В немецком языке в результате дистактной предвосхищающей (регрессивной) ассимиляции возникли передние лабиализованные гласные фонемы */y:/, /Y/, /?:/, /9/*, бывшие первоначально комбинаторными продвинутыми вперёд аллофонами соответствующих задних гласных фонем */u:/, /U/, /o:/, /O/*. Расщепление фонем зафиксировано в чередованиях по умлауту (т.е. в чередованиях по ряду).

Возможно и обратное направление в развитии фонемной системы, а именно сокращение числа различающихся фонем (и соответственно, перечня фонологических оппозиций).

Так, в русском и во многих других славянских языках (кроме польского) исчезло противопоставление носовых и ртовых гласных. В немецком языке исчезли расширяющиеся дифтонги *io/ia > ie, uo/ua*, совпав с долгими гласными */i:/* и */u:/*. В современной немецкой фонеме */s/* совпали ещё различавшиеся в др.-в.-нем период две переднеязычные щелевые фонемы, одна из которых (старое *s*) обозначалась буквой *s*, а другая (перебойное *s*) буквой *z* «хвостатое»: *glas* – ‘стекло’ - *daz* (< dat) – ‘это’. Исчезло имевшее место в др.-нем. фонематическое противопоставление кратких и долгих (геминированных) согласных. Примером монофонематизации

двухфонемного сочетания является образование в немецком языке единой шипящей фонемы /S/ (< /s/ + /x/).

Перестройка системы фонем представляет собой процесс, результаты которого становятся явными через очень значительные промежутки времени. Акты перестройки фонемной структуры экспонентов слов и морфем, использующей подстановку (субституцию) в данной фонетической позиции одних фонем вместо других, более часты. Спорадические изменения касаются лишь некоторых слов (*здравстуйте* > *здрасте* > *драсте* > в быстрой речи *драсть*; *февраль* < *феврарь*). Их именуют спорадическими.

Регулярные звуковые изменения затрагивают определённые фонемы (и фонемосочетания) либо во всех, либо в каких-то фонетических позициях, независимо от конкретных слов. В первом случае говорят о **фронтальных,** или **спонтанных**, независимых изменениях (например, замещение в славянских языках, кроме польского, всех носовых гласных во всех позициях неносовыми). Во втором случае в виду имеются изменения **зависимые,** которые обусловлены либо позиционно, либо комбинаторно.

Формулировка звукового закона фиксирует прежнее, исходное состояние и новое, результирующее состояние. Направление звукового перехода можно обозначить уголком, направленным направо (*b* > *p, s* > *s'*). При реконструировании предшествующего состояния сперва записывается то, чт.е. сейчас, а потом, что этому предшествовало (*s'* < *s*).

Сведения о звуковых переходах, имевших место в истории языка, черпаются из сопоставления разновременных памятников данного языка, извлекаются из анализа наблюдаемых в настоящее время фонетически не обусловленных межфонемных чередований, из сопоставлений материала родственных языков.

Фонетический закон отличается, например, от физического в следующих отношениях:

Действие звукового закона ограничено определённым языком (или каким-то его региональным вариантом, диалектом или группой диалектов).

Так, германские языки (в соответствии с фонетическим законом, фиксирующим так называемое первое, или германское, передвижение согласных) заменили исконные индоевропейские звонкие смычные *d, g* в начале слов их глухими соответствиями (лат. *duo*, русск. *два*, гот. *twai*, англ. *two*). Верхненемецкий, в котором действовал фонетический закон, касающийся второго, или верхненемецкого, передвижения согласных, заменил германские начальные *p, t, k* аффрикатами *pf, ts, kx*, но эти звуковые изменения, зародившиеся в южнонемецком, в неравной степени распространились на более северные территории верхнемецкой языковой области и не затронули нижненемецкую языковую область.

Действие звукового закона ограничено определёнными временными рамками. Так, в русском языке замена гласной фонемы */o/* в безударной позиции фонемой */a/* подчиняется действующему (или живому) звуковому закону. Точно так же замена звонких согласных в абсолютном исходе слова соответствующими глухими – это проявление живого звукового закона. В языковой системе мы обнаруживаем соответственно живые межфонемные чередования: */o/ ~ /a/; /d/ ~ /t/*.

А вот замена фонемы */g/* (*друга*) фонемой */ż/* (например: *дружить*, *дружба*) или же фонемой */z'/* (например: *друзья*) находит объяснение в исторических, ныне уже не действующих звуковых законах. Их свидетельствами оказываются исторические (или традиционные) межфонемные чередования.

Наличие исключений из звуковых законов может объясняться заимствованиями из другого языка (или диалекта) в тот период, когда соответствующий закон перестал быть действующим.

Поэтому, например, русское слово *князь* и его эквиваленты в других славянских языках имеют начальное */k/*, так как они восходят к праславянскому заимствованию из прагерманского той эпохи, когда в нём уже завершилось действие первого передвижения согласных, в соответствии с которым индоевропейское */g/* стало германским */k/* (например, и.-е. **gen-*,

лат. *genus* – ‘происхождение; знатное происхождение; род, племя, народ’, герм. *kunja-* – ‘(благородный) род’. Готское *kaisar* и немецкое *Kaiser* – ‘император’, заимствованные из латинского *caesar* (первоначально имя Гая Юлия Цезаря, а затем титул императора), имеют начальное */k/*, отражая то состояние, которое было свойственно латинскому языку классической поры. Впоследствии в латинском */k/* перешло перед передними гласными в аффрикату */ts/*. Это состояние нашло отражение в славянских заимствованиях более поздней поры (праслав. **cesarь*, др.-русск. *цЕсарь* (с буквой Е вместо ять), образованные на этой основе болг. *цар*, др.-русск. *царь*).

Результаты действовавшего в прошлом звукового закона могут перекрываться действием аналогии, т.е. процесса формального или семантического уподобления одной языковой единицы другой. Действием аналогии объясняется, например, диалектная форма *пекёшь* (вместо *печёшь* по аналогии с *пеку, пекут*).

Фонетические законы обнаруживают себя как законы языковые, системно-структурные, а не чисто артикуляционные изменения, хотя и предполагают наличие материального, артикуляционного субстрата. В истории каждого отдельного языка вскрываются свои специфические фонетические законы.

Общая же фонетика и фонология может строить типологию звуковых переходов.

1. редукция гласного (например, др.-в.-нем. *zunga*, нем. *Zunge* – ‘язык’);
2. удлинение краткого гласного (например: */I/ > /i:/*: др.-в.нем. *spil*, нем. *Spiel* ‘игра’);
3. сокращение долгого гласного (например, в лат. яз. */a:/ > /a/* перед конечными *l, m, r, t*: *laudat* – ‘он хвалит’);
4. дифтонгизация долгого гласного (например: */i;/ > /aI/*: др.-в.-нем. *min*, нем. *mein*);
5. монофтонгизация дифтонга (например, в лат. */ae/ (из /ai/) > /e/*; например: */uo/ > /u:/*: др.-в.-нем. *guot*, нем. *gut* – ‘хороший’);

6. замена заднего огублённого гласного соответствующим передним огублённым перед */i/ и /j/* в аффиксе (i-Umlaut в западногерманских и скандинавских языках);
7. делабиализация передних огублённых гласных (например, др.-англ. *fyllen*, англ. *fill* ‘наполнить’);
8. уменьшение раствора, т.е. замена более открытого гласного более закрытым (нем. *Tonbrechung* – ‘преломление тона’; например: *ich spreche* – ‘я говорю’, *du sprichst* – ‘ты говоришь’);
9. появление протетического гласного (например, лат. *spiritus* – ‘дух, фр. *esprit* – ‘ум, дух’; лат. *spero* – ‘надеюсь’, исп. *espera* – ‘ожидание, надежда’);
10. появление эпентетического гласного (например, лат. *actus*, сербскохорв. *акат* 'действие, акт’);
11. опущение гласного, элизия (фр. артикли *le, la* перед гласными в форме *l'*);
12. оглушение звонких согласных в исходе слов (русск. /z/ > /s/ *коза - коз*), не имеющее места в английском языке;
13. озвончение глухих согласных перед звонкими (русск. */t/ > /d/ отставить – отдать*), не наблюдающееся в немецком языке;
14. упрощение группы согласных (например: лат. *status* – ‘стояние, состояние, положение’, фр.*etat* – ‘государство’);
15. появление протетического согласного (например: лат. *octo*, русск. *восемь*);
16. появление эпентетического согласного (например,: греч. *Ioannes*, русск. *Иван*);
17. замена в соответствии с законом ассимиляции конечного согласного префиксальной морфемы перед корнем другим согласным (вплоть до полной ассимиляции); например: *раздать, распнуть, расширить, разжиться*; лат. *adaequo* – ‘сравниваю’, *accumulo* – ‘собираю в кучу’, *affectus* – ‘настроение, переживание, душевное волнение’, *aggressio* – ‘разбойное нападение’, *allabor* – ‘тихо подкрадываюсь’, *appositum* – ‘приложение’ (в грамматике), *applaudo* – ‘хлопаю’, *arripio* – ‘хватаю’.

Выводы по главе II:

1. Звук рассматривается в трех аспектах: артикуляторном, акустическом и перцептивном.
2. В звучащей речи звуки, взаимодействуя друг с другом, могут видоизменяться. Изменение качественных и количественных характеристик звука зависит от его позиции в слове. Мена звуков в потоке речи называется фонетическим (звуковым) процессом. Все изменения звуков принято делить на позиционные и комбинаторные.
3. *Фонетический закон* – закон функционирования и развития звуковой материи языка, действующий обязательно при соответствующих фонетических условиях. К фонетическим законам относятся редукция, оглушение в абсолютном конце фонетического слова, ассимиляция, аккомодация и диссимиляция. Кроме фонетических законов в языке отмечаются *фонетические процессы*, которые могут происходить, а могут и не происходить в одних и тех же фонетических условиях. К фонетическим процессам относят диерезу, гаплологию, протезу, эпентезу, метатезу и сингармонизм.
4. Структурный анализ фактов, наблюдаемых в данном языке в его современном состоянии (например, традиционных, или исторических, межфонемных чередований), позволяет обнаружить в нём пережитки прежних эпох и осуществить так называемую внутреннюю реконструкцию языковой эволюции.

Вопросы для обсуждения:

1. Троякий аспект звуков речи в славянских и неславянских языках.
2. Строение речевого аппарата.
3. Позиционные чередования в потоке речи.
4. Понятие фонетического процесса и фонетического закона.
5. Исторические чередования гласных и согласных звуков в современном русском языке.

Упражнение №1.

Затранскрибируйте следующие предложения, охарактеризуйте все фонетические процессы и законы, а также гласные и согласные звуки в выделенных словах.

Выхожу **один я** на дорогу. **Сквозь** туман кремнистый путь блестит.

I leave alone on the road. The siliceous way **shines through** a fog.

Упражнение №2.

Охарактеризуйте все позиционные чередования в следующих словоформах и словосочетаниях:

высший, из жести, подтаять, весной, связка лука, вкус грибов, подсадить, также, козни, растереть, если, пятница, над селом, притча, чувство, скучно, конечно, что, гоночный, мягкий, легкий, ногти, когти, носить – ношу, свет – свечу – освещать, подруга – друзья – дружба, рыбак – рыбачить – рыбацкий, кормят – кормлю, плыть – плыви – пловец – плавать, безмолвствовать, под ивой, сон – сна, одышка – вздох – дух, просьба, сквозь;

tenth, all this, wanna, let me, give me, used to, kindness, twenty, and, does she, horse shoe, handkerchief, drink, little, that chair, nature, occasion, too, noon, music, next day, mostly, stronger, alright, ten boys, good morning, open the window, call the doctor, three, question, twins, sweet, long day, bells, wives, practice – practise, advice – advise, give – gave, take – took, get –got.

Упражнение №3.

Определите, какие комбинаторные изменения произошли в следующих словах, охарактеризуйте их:

косьба, потчевать (от почтение), орденосец, трахтор (просторечн.), коробка, Петькя (диалектн.), тарелка (например, нем. Teller), нянчить, оммануть (диалектн.), свадьба, февраль (из феврарь), курносый (из корненосый), пролубь (просторечн.), близорукий (из близозоркий), Италия (сравн. лат Italia), залізо (укр. ‘железо’), грустно, сшитый, минералогия, лётчик, ето (диалектн.), гусеница (от ус), ладонь (из долонь), транвай (просторечн.), сбруя, шпиён (просторечн.), отдать, месть, scripsi (сравн. scribo), знаменосец, разведка, футляр (сравн. нем. Futteral), конституция (из лат. constitutio),

дохтор (просторечн.), отбыл, мрамор (сравн. лат. marmor, исп. marmol), небезызвестный, езжу, рубель (просторечн.), чувство, отцовский, конпот (просторечн.), встреча, молотьба.

Глава III. Особенности ударения и интонации в русском, английском и немецком языках.

§1.Фонетическое членение звучащей речи.

В звуковом потоке следует различать *линейные*, или *сегментные*, единицы языка и *нелинейные*, или *супрасегментные*.

Сегменты (*фонема – звук – слог – фонетическое слово – речевой такт – синтагма – фраза*) способны самостоятельно функционировать в языке.

Супрасегменты (*тон – ударение – интонация*) не могут существовать без сегментных единиц, они как бы накладываются на сегменты разной длины.

Фраза – самая крупная фонетическая единица, которая отделяется паузой и объединяется интонацией. Характеризуется ритмом – соотношением сильных и слабых слогов, темпом – скоростью протекания речи во времени, интенсивностью. Внутри фразы есть паузы, но они меньше, чем между фразами.

Фраза – это «основная единица речи, выражающая законченную мысль; смысловое единство, целостность которого создается интонационными средствами (объединяющей фразовой интонацией того или иного типа и паузами, отделяющими данную фразу от соседних), а также определенной синтаксической структурой» (Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990).

Синтагма – единица, иерархически подчиненная фразе. Это «интонационно-смысловое единство, которое выражает в данном контексте и в данной ситуации одно понятие и может состоять из одного слова, группы слов и целого предложения». (Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990).

Такт (речевой такт) – единица, иерархически подчиненная синтагме: часть синтагмы, относительно самостоятельная в смысловом и интонационном отношениях, заключенная между двумя короткими паузами.

Фонетическое слово – комплекс звуков, объединенный одним словесным ударением (может включать в себя и безударные слова). То, что примыкает к слову спереди, называется проклитикой (например: *из-под горы, из-за дома* – в этих частиц нет самостоятельного ударения). Энклитика – то, что примыкает к слову справа (например: *был ли мальчик*).

Фонетическое слово делится на слоги, которые могут быть открытыми и закрытыми, а также прикрытыми (начинается с согласной) и неприкрытыми (начинается с гласной). Слоги образуются гласными, но иногда и сонорными согласными. Гласные могут быть одиночными или дифтонгами. Дифтонги в свою очередь делятся на:

- нисходящие (первый элемент главный, как в слове *toy* – ударение на [o])
- восходящие (второй элемент главный, как в слове *puerta*)

Слог – «фонетико-фонологическая единица, занимающая промежуточное положение между звуком и речевым тактом. С точки зрения речедвигательного управления слог есть минимальная цепочка звуков, внутри которой действуют правила коартикуляции, он реализуется не как последовательность составляющих его звуков, а как цельный артикуляционный комплекс». (Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990).

Членение высказывания на единицы, обладающие различной функцией в языке, невозможно без взаимодействия линейных и нелинейных единиц.

§2.Особенности ударения в русском, английском и немецком языках.

Ударением или акцентом называется выделение звука, слога и слова путем усиления мускульного напряжения и напора воздушной среды или изменения высоты голоса. По объекту выделения ударение бывает слоговое, словесное и фразовое, по акустико-артикуляционной характеристике

различается ударение монотоническое (экспираторное) и политоническое (музыкальное).

Монотоническое ударение характеризуется единством высоты, но изменением силы и длительности звука. Монотоническое ударение обычно для большинства языков. Экспираторное ударение бывает силовым (динамическим) и квантитативным. При динамическом ударении слог выделяется силой воздушной струи, при квантитативным – длительностью. Очень часто динамические и квантитативные признаки сопутствуют друг другу. Так, в русском язык ударный слог отличается от безударного не только силой, но и длительностью. Показательно в этом отношении восприятие русского языка носителями языков, где имеются долгие гласные и дифтонги. Якуты, например, русское ударение воспринимают как долготу гласного, заменяя ударный гласный долгим гласным или дифтонгом, например: *лампа – лампа, мох – муох, семя – сиэмя.*

Политоническое ударение характеризуется изменением высоты тона, его музыкальностью. политоническое ударение было в древнегреческом и древнеиндийском языках, имеется оно в сербохорватском, литовском, китайском, вьетнамском, японском и некоторых других современных языках. Так, в китайском многие однокоренные слова отличаются движением слогового тона, например: *ма (с ровным тоном) – мать, ма (с восходящим тоном) – конопля, ма (с нисходяще-восходящим тоном) – лошадь, ма (с нисходящим тоном) – ругать*. Следовательно, в этих языках встречаются акцентные омофоны.

Словесное ударение наделено *организующей функцией*. Группа слогов, связанная общим ударением, образует особую фонетическую единицу. Она называется фонетическим словом, например: [гълавá] *голова*, [нá(гълъву] *на голову*. В рамках фонетического слова ударный слог оказывается той точкой отсчета, по отношению к которой определяется характер произношения остальных слогов.

Исходя из фонетической природы словесного ударения, выделяются 3 основных компонента (по преобладающему компоненту определяется фонетический тип ударения):

1. интенсивность – динамическое (силовое или экспираторное) ударение;
2. высота голосового тона – музыкальное (тоническое) ударение;
3. длительность – количественное (квантитативное) ударение.

Исходя из места ударения в слове, различают языки со *связанным* и *свободным* ударением. Так, в чешском языке ударение может приходиться только на первый слог, в польском — на предпоследний, во французском — на последний. Русский язык не знает подобной закономерности. Являясь разноместным (или нефиксированным), русское ударение может падать на любой слог и на любую морфему в слове, например: *зóлото, водá, молокó, позолотúть, необыкновéнный*. Это делает возможным существование слов, а также отдельных форм слов, различение которых связано с местом ударения, например: *зáмок — замóк, нóшу — ношý, нóги — ногú.* В рамках акцентной парадигмы любого языка существует также *подвижное (переходящее)* и *постоянное (устойчивое)* ударение. Подвижность ударения при образовании грамматических форм слова определяется возможностью перехода ударения:

1. с основы на окончание и наоборот, например: *стран-á — стрáн-ы, голов-á — гóлов-у*;
2. с одного слога на другой в пределах той же морфемы, например: *дéрев-о — дерéвь-я, óзер-о — озёр-а*.

Подвижность ударения при словообразовании определяется возможностью перемещения ударения на другую морфему в производном слове по сравнению с производящим: *крáсн-ый/ красн-от-á*. Неподвижное словообразовательное ударение приходится на ту же самую морфему: *берёз-а / берёз-ов-ый*. В сложных словах возможно два ударения – главное и второстепенное. Существуют слова, в которых помимо основного присутствует побочное ударение. Оно является более слабым, падает чаще всего на начальные слоги и фиксируется в словах со сложной

словообразовательной структурой. Например: *стро`йматериа́лы, во`донепроница́емый, а`эрофо`тосъёмка*, нем. *Straßenbahn, Klassenzimmer*, англ. *probability, subordination.*

Функции ударения:

1. кульминативная – обеспечение цельности и отдельности слова путем централизации его слого-звуковой структуры;
2. сигнификативная – смыслоразличительная функция;
3. делимитативная – отмечающая границы фонетических слов;
4. экспрессивная – обеспечение эмоциональной окраски.

Итак, русское ударение описывается сразу несколькими признаками:

1) силовое и количественное по фонетическому типу;

2) разноместное по характеру расположения в слове;

3) подвижное по критерию прикрепленности к определенной морфеме (при образовании грамматических форм и при словообразовании).

В многослоговых словах, особенно с двумя корнями, наряду с главным (основным) ударением появляется **побочное (второстепенное)**. В русском языке в сложных словах ударение падает на вторую, последнюю основу, тогда как в немецком, например, на первую основу.

Фразовое и логическое ударение существенно отличается от слогового и словесного ударения. Фразовое ударение выполняет фонетическую и семантико-синтаксическую роль, объединяя слова в такты или фразы. Логическое (или смысловое) ударение выделяет слова и такты при актуальном членении предложения. Фразовое ударение связано с интонацией, является ее компонентом.

Такт, энклитики и проклитики.

Такт – это два или несколько слогов, объединенных ударением. Такт может быть равен слову и объединять слова в единую ритмическую группу.

В большинстве языков знаменательные слова, особенно имена существительные, образуют особый такт, так как имеют свое словесное и фразовое ударение. Наречия, местоимения, числительные, предлоги, артикли,

союзы и некоторые частицы примыкают спереди к знаменательному слову, которое в этом случае несет не только словесное, но и фразовое ударение. Такие слова называются **проклитиками**.

Энклитики – это безударные слова, примыкающие к предшествующему слову. Энклитиками бывают местоимения, послелоги, артикли, некоторые частицы. Энклитическое примыкание свойственно обращениям и вводным словам.

Проклитики и энклитики, примыкая к слову, образуют единство, которое называется фонетическим словом.

§3. Особенности интонации в русском, английском и немецком языках.

Интонация – единство взаимосвязанных компонентов: мелодики, интенсивности, длительности, темпа речи и тембра произнесения. Некоторые лингвисты добавляют еще и паузы. Вместе с ударением интонация образует просодическую систему языка и является важным средством формирования высказывания и выявления его смысла. В высказывании интонация выполняет следующие функции:

1. различает коммуникативные типы высказывания – побуждение, вопрос, восклицание, повествование, импликацию (подразумевание);
2. различает части высказывания соответственно их смысловой важности;
3. оформляет высказывание в единое целое, одновременно расчленяя его на ритмические группы и синтагмы;
4. выражает конкретные эмоции;
5. вскрывает подтекст высказывания;
6. характеризует говорящего и ситуацию общения.

Первые две функции относят интонацию к системе языка, остальные связаны с речевой сферой. М. Петер в работе «О некоторых вопросах интонации» определил следующие функции интонации:

1. грамматическую, или, точнее, синтаксическую;
2. эмоциональную.

По мнению Л. В. Бондарко, к компонентам интонации относятся следующие фонетические характеристики:

- изменение частоты колебания голосовых связок, которое на акустическом уровне приводит к изменению основной частоты голоса, что воспринимается как изменение высоты. Этот компонент чаще всего называют *мелодикой*;
- изменение скорости артикуляции, приводящее к изменению длительности звуков, что воспринимается как изменение темпа речи. Этот компонент называют *временной организацией речи*;
- изменение силы артикуляционных движений, приводящее к изменению интенсивности звука, что воспринимается как *изменение громкости*;
- прекращение фонации, приводящее к отсутствию звучания, воспринимаемому как *пауза*.

Без этих изменений нет интонационного оформления высказывания, хотя роль данных компонентов в интонационном оформлении различна. Наибольшая нагрузка ложится на мелодику. Недаром некоторые европейские исследователи под *интонацией* понимают только *мелодику*. В отечественном языкознании интонация понимается как совокупность всех перечисленных средств. В том же значении употребляют термины *просодика* и *просодия*.

§4.Основные фонетические средства интонации в славянских и неславянских языках.

Фонетические средства, с помощью которых происходит интонационное оформление, называют компонентами интонации: 1)изменение частоты колебания голосовых связок, которое на акустическом уровне приводит к изменению основной частоты голоса, что воспринимается как изменение высоты. Этот компонент называется **мелодикой**; 2) изменение скорости артикуляции, приводящее к изменению длительности звуков, что воспринимается как изменение темпа речи. Этот компонент называют временной организацией речи; 3) изменение силы артикуляционных движений, приводящее к изменению интенсивности звука, что

воспринимается как изменение громкости; 4) прекращение фонации, приводящее к отсутствию звучания, воспринимаемому как пауза. Без этих изменений нет и интонационного оформления; ни одна фраза не может быть произнесена с постоянной высотой, неизменным темпом и неизменяющейся громкостью.

Роль различных компонентов в интонационном оформлении различна. Наибольшая нагрузка, как правило, ложится на мелодику. Поэтому некоторые западные исследователи под интонацией понимают только мелодику.

Рассмотрим основные фонетические средства интонации на примере односинтагменных фраз.

1.*Мелодика.* На протяжении синтагмы частота основного тона голоса значительно изменяется. Начинаясь от некоторой средней частоты (обычно это наиболее характерная для данного человека частота колебаний голосовых связок), мелодика сначала повышается, а затем понижается, т.е. мелодическая кривая совершает восходяще-нисходящее движение. Этот общий тип мелодического рисунка, накладывающийся на каждую фразу, имеет разные характеристики, зависящие как от типа интонации, так и от языка, на котором произносится фраза.

Так, если на последнем ударном гласном фразы происходит значительное понижение высоты основного тона, то мы имеем дело с интонацией завершенности, повествования, утверждения. Если на ударном гласном слова, находящимся под фразовым ударением, частота основного тона резко повышается, то скорее всего мы имеем дело с вопросительной интонацией и т.д.

Общие характеристики мелодического контура по-разному проявляются в различных языках. Эти различия зависят как от ширины диапазона, характерного для каждого языка, так и от того, насколько постоянно место интонационного центра. Существенную роль играет и поведение безударных гласных: в одних языках они активно участвуют в организации

мелодического контура, могут иметь собственные мелодические характеристики; в других – полностью зависят от свойств ударных гласных.

2. *Темп, или временная организация фразы.* Длительность звуков определяется, с одной стороны, их собственными характеристиками (например, открытые гласные длиннее закрытых, глухие согласные длиннее звонких), с другой стороны, теми изменениями скорости произнесения, которые используются для интонационного оформления фразы. Темп речи как интонационное средство можно охарактеризовать через следующие показатели: общий темп синтагмы, изменение темпа на протяжении синтагмы и место наиболее выделенных при помощи длительности элементов синтагмы.

Общий темп синтагмы – самый медленный, как правило, при интонации выделенности. Это значит, что выделение какого-либо слова в синтагме приводит к значительному увеличению длительности ударного гласного в этом слове. Синтагмы с вопросительной и незавершенной интонацией характеризуются наименьшей длительностью звуков.

Изменения на протяжении синтагмы различны в зависимости от типа интонации: при завершенном повествовании и восклицании (выделении) темп замедляется к концу синтагмы, т.е., чем ближе звук к концу, тем больше его собственная длительность. Вопросительные и незавершенные синтагмы характеризуются отсутствием такого замедления к концу синтагмы.

Разумеется, это самые общие характеристики временной организации синтагмы. Конкретная реализация этих тенденций определяется особенностями звуковой системы данного языка: если в конкретном языке фонологически противопоставлены долгие и краткие гласные, то главноударный слог не обязательно будет обладать максимальной длительностью, если в нем находится краткий гласный.

3.*Интенсивность.* Общефонетической закономерностью является падение интенсивности от начала синтагмы к ее концу. Это такой же общий признак интонационной организации, как восходяще-нисходящий

мелодический контур. Больше всего ослабляется интенсивность к концу повествовательной фразы, меньше – к концу незавершенной или вопросительной фразы.

Естественно, что при динамическом характере ударения, если оно падает на последний слог, ослабление динамической кривой будет иметь иную фонетическую реализацию, чем тогда, когда словесное ударение не динамическое и располагается ближе к началу слова.

4. *Паузы.* Как фонетическое средство, участвующее в интонационном оформлении, паузы имеют большое значение при организации многосинтагменных фраз. Односинтагменная фраза, как правило, не может содержать внутри себя паузы.

Объединяя слова в одно фонетическое целое, синтагма должна отграничиваться от других синтагм. Это членение на синтагмы может происходить несколькими путями: во-первых, при помощи межсинтагменной паузы, т.е. перерыва в звучании; во-вторых, при помощи специфического интонационного (мелодического, временного, динамического) оформления синтагмы, которое свидетельствует о том, что одна синтагма закончилась и начинается другая. В таких случаях перерыва звучания может и не быть, но слушающие ее воспринимают за счет других интонационных параметров. Такие паузы называют психологическими.

Интонация как фонетическое явление многофункциональна по своей природе. Часть функций интонации не является лингвистической – это, например, способность интонации передавать такие индивидуальные особенности говорящего, как его психологическое состояние, темперамент, социолингвистические особенности.

К числу лингвистических функций интонации относятся следующие:

1.Членение речевого потока на фонетически оформленные единицы – синтагмы и организация элементов синтагмы в одно фонетическое целое;

2.Оформление типа высказывания и осуществление парадигматического противопоставления этих типов в языке;

3. Определение характера связи между синтагмами;

4. Передача эмоциональных значений, например, уверенности, сожаления, сомнения и т.п.

Выводы по главе III:

1. В звуковом потоке следует различать *линейные*, или *сегментные*, единицы языка и *нелинейные*, или *супрасегментные*. **Сегменты** (*фонема – звук – слог – фонетическое слово – речевой такт – синтагма – фраза*) способны самостоятельно функционировать в языке. **Супрасегменты** (*тон – ударение – интонация*) не могут существовать без сегментных единиц, они как бы накладываются на сегменты разной длины.
2. **Ударением** или акцентом называется выделение звука, слога и слова путем усиления мускульного напряжения и напора воздушной среды или изменения высоты голоса. По объекту выделения ударение бывает слоговое, словесное и фразовое, по акустико-артикуляционной характеристике различается ударение монотоническое (экспираторное) и политоническое (музыкальное).
3. **Интонация** – единство взаимосвязанных компонентов: мелодики, интенсивности, длительности, темпа речи и тембра произнесения. Некоторые лингвисты добавляют еще и паузы. Вместе с ударением интонация образует просодическую систему языка и является важным средством формирования высказывания и выявления его смысла.

Вопросы для обсуждения:

1. Фонетическое членение звучащей речи: фраза, такт, фонетическое слово.
2. Особенности ударения в русском, английском и немецком языках.
3. Основные фонетические средства интонации в славянских и неславянских языках.
4. Синтаксические (грамматические) функции мелодики в русском и английском языках.
5. Эмоциональная (эмфатическая) функция мелодики в русском и английском языках.

Упражнение №1.

Проинтонируйте следующие высказывания:

Он ушел. Война окончена. Сегодня пятница. Сколько народу собралось! Здесь проходили бои? Расскажи мне о себе. Лес рубят – щепки летят. Вот именно этого я и не понимаю. Когда мы пойдем гулять? Разве он уехал? Ты пишешь медленно или быстро? Принеси сумку! Ах, я очень рада! Разведи огонь! Всего хорошего! Таня? Ты?

What did the girl do? I was talking yesterday. Sit down. A stupid question! I am so busy now. Are you French? Today is Monday, isn't it? Do you prefer apples or cherries? Open your book at page 5. Well, be careful with it. Excuse me. Wonderful news! This box is heavy. I see you.

Ausgezeichnet! Die Hände nach oben! Ich lebe gut. Warum schweigst du? Schließen Sie, bitte die Tür. Welches warme Meer! Wieviel kosten diese Polstermöbel? Der Mensch ist für das Glück, wie der Vogel für den Flug geschaffen. Ruf mich morgen an. Die Dummheiten! Ich verstehe dich nicht.

Упражнение №2.

Разделите фразы на синтагмы, такты и фонетические слова, укажите фразовое, тактовое и словесное ударение:

1. В двух километрах от города начинался лес, а за лесом проходила железная дорога.
1. Постепенно мы привыкали к новым условиям жизни.
2. Когда я спохватился, он был уже далеко.
3. The wood began in two kilometers from the city, and the railway passed behind the wood.
4. Gradually we got used to the new conditions of life.
5. When I have thought suddenly, he was already far.

Упражнение №3.

Составьте словосочетания с каждым из омографов:

за'мок – замо'к;	'perfect – perfe'ct;
а'тлас – атла'с;	'present – prese'nt;

доро'га – дорога'; 'export – expor't;

по'лки – полки'; 'produce – produ'ce;

про'волочка – проволо'чка; 'increase – increa'se.

Упражнение №4.

Самостоятельно проинтонируйте следующие высказывания:

1. Почему молчит телефон?
2. Don’t worry, be happy now!
3. Where is a station?
4. Вы сами справитесь или вам помочь?
5. Она недавно ушла.

Упражнение №5.

Постройте мелодические схемы фраз, учитывая эмоции разного характера:

Благодарю Вас. Thank you.

Он такой славный, такой добрый! He is so nice, so kind man!

Я это категорически запрещаю! I strictly forbid it!

Он такой грубый человек. He is so rough person.

Упражнение №6.

Затранскрибируйте тексты, выявить и охарактеризуйте все фонетические процессы; разделите фразы на синтагмы, такты и фонетические слова, укажите фразовое, тактовое и словесное ударение; используя интонационные конструкции, постройте послоговые и пословные тонограммы:

Унылая пора! очей очарованье! From the bonny bells of heather

Приятна мне твоя прощальная краса – They brewed a drink long-syne

Люблю я пышное природы увяданье, Was sweeter far than honey,

В багрец и золото одетые леса… Was stronger far than wine.

А. С. Пушкин. Robert Louis Stevenson.

Глава IV.Слог. Теории слога.

§1.Слог. Теории слога.

Слог – последовательность звуковых сегментов, выступающая как единое произносительное и структурное целое, своего рода речевой квант. Слог представляет собой кратчайшую артикуляторную единицу, объединяющую в своёй структуре гласный (или иной звук) в качестве вершины и один или несколько маргинальных согласных. Носитель языка при скандировании способен членить речь на слоги: – *Спар-так – чем-пи-он*! За этой способностью стоит интуитивное знание говорящим правил квантования звучащей речи, в системе же языка этим квантам соответствуют закономерно построенные цепочки фонем. Таким образом, слог является одновременно речевой (фонетической) и языковой (фонологической) единицей.

Теории слога.

Фонетическую *природу слога* исследователи пытаются объяснить либо на основе акустических теорий, в соответствии с которыми в слоге происходит нарастание и спад громкости (или звучности), либо на основе артикуляторных теорий, сводящих образование слога к дыхательному толчку или же к нарастанию и спаду мускульного напряжения.

Акустические теории слога все звуки выстраивают в порядке возрастания громкости: глухие взрывные – глухие аффрикаты – глухие щелевые – звонкие взрывные – звонкие аффрикаты – звонкие щелевые – носовые сонанты – плавные сонанты – закрытые гласные – гласные среднего подъема – открытые гласные. Например, для русского языка: *[p, t, k] – [c, č] – [f, s, š, x] – [b, d, g] – [v, z, ž] – [m, n] – [l, r] – [i, u, ы] – [e, o] – [a]*.

При артикуляторном подходе слог представляет собой такую произносительную единицу, в которой сложные артикуляции согласного как бы уравновешиваются простыми артикуляциями гласного. Каждому слогу соответствует один дыхательный толчок. Любое высказывание содержит столько толчков, сколько в этом высказывании слогов.

У каждой из теорий слога есть свои слабые места. Сегодня может быть принято следующее объяснение произносительной общности элементов

слога: слог является итогом исполнения *единой* управляющей артикуляционной программы. И гласный, и согласные являются лишь частями слога как более крупного звукового образования. Опознание соседних элементов слога как тех или иных фонем происходит в значительной мере за счёт информации о фонетических свойствах предшествующих и последующих сегментов.

Нет достаточно убедительных теорий, объясняющих механизм слогоделения. Опора на ту или иную совокупность правил не всегда надёжна из-за неполной подкреплённости этих правил результатами экспериментально-фонетических исследований. Интуиция носителя языка не всегда убедительна и верна. Поэтому предстоит исследовать более основательно механизмы речеобразования, чтобы найти вместе с ответом, что объединяет звуки в один слог, также ответ, что отграничивает один слог от другого.

Правила слогоделения.

1. согласный, находящийся между двумя гласными, отходит к последующему слогу. Например: *мо-ре, о-чи*; англ. *pi-ty, a-gain*;
2. если между двумя гласными находятся «сонорный и сонорный», то слогоделение проходит между ними. Например: *вол-на, кар-ман*.
3. если между двумя гласными находятся «сонорный и шумный», то слогоделение проходит между ними. Например: *пор-ци-я, боль-шой*; нем. *Kin-der*, англ. *in-ter*.
4. если между двумя гласными находятся «шумный и шумный», то они отходят к последующему слогу. Например: *ша-пка, мо-сты*, англ. *do-ctor*.

Образованию открытых слогов мешают межморфемные и межсловные границы. Например: единственно верным способом слогоделения фраз *Маму позвали в школу* и *Он убежал от нас* является следующий: *Ма-му-по-зва-ли-вшко-лу* и *Он-у-бе-жал-от-нас.*

§2. Универсальный принцип организации слога.

Предполагается, что в артикуляционной системе слог реализуется не как механическая сумма составляющих его звуков, а как цельный комплекс движений, т.е. задается единым блоком нейрофизиологических команд к мышцам (Л. А. Чистович).

При программировании произнесения внутри слога действуют так называемые правила коартикуляции, т.е. совмещения во времени неантагонистических признаков соседних звуков. В частности, артикуляция гласного накладывается на артикуляцию предшествующего согласного: так, в слове *куб* вытягивание губ, свойственное *у*, происходит уже на звуке *к*. Аналогичным образом, при «таймировании» (задании длительностей звуков) учитывается их положение в слоге: наличие комплекса согласных после гласного ведет к сокращению последнего, а отсутствие конечных согласных – к удлинению.

С точки зрения речевой аэродинамики слог есть минимальный звуковой отрезок, на который приходится нарастание и спад величины воздушного потока («дыхательный импульс»). В акустическом сигнале «дыхательному импульсу» отвечает восходяще-нисходящая дуга звукового давления – «волна звучности» (или сонорности).

Этому импульсному принципу организации звукового потока соответствует универсальная тенденция распределения сегментов разных классов внутри слога: вершину (ядро) слога нормально образует гласный (как представитель класса наиболее громких звуков), а в сочетаниях согласных внутри слога более близкую позицию к ядру занимает сонорный (т.е. согласный типа *r, l, n*), а более дальнюю – шумный (т.е. согласный типа *p, t, f, s*). Сонорные обладают бóльшей акустической энергией, чем шумные; этим и определяется их бóльшая близость к гласному в естественно построенном слоге. Любой слог соответствует принципу «волны звучности». Однако многие языки используют только часть потенциальных слоговых схем; с другой стороны, существуют языки, в которых принцип «восходяще-нисходящей звучности» нарушается.

§3. Строение слога в языках мира.

Законы построения звуковых цепей в языках мира по большей части связаны именно со структурой слога (слоговая фонотактика). Есть и другие законы фонотактики, которые не связаны со слоговыми позициями (например, правила уподобления соседних согласных по глухости/звонкости). В языках *нефонемного строя* (например, в китайском) слог обладает конститутивной функцией, а наряду с ней (подобно фонеме) функциями дифференцирующей и идентифицирующей, выступая в качестве минимального экспонента морфемы или слова. Здесь в принципе линейные границы слога (силлабофонемы, или силлабемы) и морфемы слова совпадают. Морфемные швы внутри слога невозможны.

В языках *неслогового строя* слог фонологически не нагружен. Его границы могут совпадать, а могут и не совпадать с границами морфемы (морфа). Морфема может быть односложной (|*стол*|) и многосложной *(*|*лошад*|*к*|*а*|). Её длина может быть меньшей, чем длина слога *(*|*тра*|*в-а*|, |*в-ста-ть*|).

Таким образом, в неслоговых языках морфемная граница может проходить внутри слога и слоговая граница внутри морфемы. В рамках одного слога могут реализоваться несколько морфем *(*|*ш-л-а*|) или два слова (|*в_дом*|). При словоизменении слоговые границы могут перемещаться *(*|*тра*|*ва*| ~ |*трав*|), открытый слог может чередоваться с закрытым. Возможны многочленные сочетания согласных в начале и/или в конце слов (и слогов): *всплеск, Заволжск*. Ничего подобного не наблюдается в языках слогового типа, поэтому количество возможных слогов в фонемных языках трудно подсчитать.

Тем не менее, и по отношению к слогу неслоговых языков можно подходить не только с узко фонетической, но и с фонологической точки зрения. Фонологический подход к слогу основан на учёте существующих в данном языке правил сочетаемости фонем и определённого порядка их

следования в абсолютном начале и абсолютном конце в пределах одного слога.

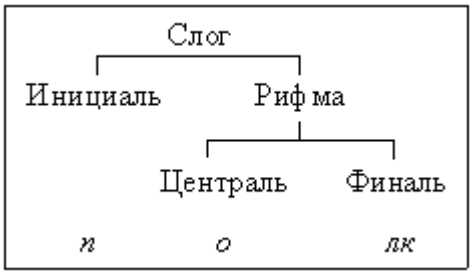
Может быть построена идеальная модель фонологического слога для данного фонемного языка, с которой потом соотносятся реально встречающиеся в этом языке сочетания фонем. По Л.В. Бондарко, идеальная модель русского фонологического слога может быть представлена как **FFESVSFEF** (где V обозначает слогообразующую гласную фонему, F – щелевую фонему, E – смычно-взрывную фонему, S – сонант). Наблюдающиеся случаи либо полностью соответствуют идеальной модели, либо не полностью её реализуют.

Слог как единица фонетическая (независимо от его фонологического статуса) привлекает особое внимание лингвистов потому, что многие звуковые изменения происходят в границах слога и на стыках слогов и что, прежде всего, слог (или цепочка слогов) является физическим носителем просодических характеристик. Теория восходящей звучности, известная лингвистам всего мира, действует именно в фонетическом слоге, делая его по возможности максимально открытым. Модель фонетического слога может выглядеть так: **ШСЈГЈСШС**, где гласный – ядро слога, и звучность возрастает/убывает. В такой схеме слога необходимо указывать направление звучности. С точки зрения фонетической, исходя из наличия или отсутствия согласного перед гласным и после гласного, различают слоги закрытые (|*слог*|, |*рост*|) и открытые (|*но*|, |*зло*|), прикрытые *(*|*сон*|, |*сто*|) и неприкрытые (|*он*|). Различают также слоги краткие и долгие, ударные и безударные.

Общая фонетика свидетельствует о том, что глубинной артикуляционной единицей является слог типа CV. Следующий за вершиной слога согласный менее тесно связан с гласным, чем предшествующий согласный (или группа согласных).

При описании структуры слога выделяется два уровня его членения на компоненты (составляющие). Выраженное согласным звуком, иначе говоря,

консонантное начало (**инициаль**) противопоставляется последующей части (**рифме**), которая далее расчленяется на вокалическое (выраженное гласным звуком) ядро, называемое «вершиной», и консонантный конец (финаль). В состав финали могут входить: неслоговой гласный (медиаль) + слогообразующий гласный (централь) + завершающий консонантный элемент (терминаль). Например, структура слога *полк* такова:

Рифма как отдельный компонент выделяется по двум причинам.

Во-первых, она обычно используется как рифма в стихе (*п-олк – в-олк*). Имеется и собственно лингвистическая причина: так называемая «тяжесть» слога (а она во многих языках играет роль при расстановке ударения в слове) оценивается по структуре рифмы.

Слог, имеющий начальный согласный, называется прикрытым, а не имеющий его – неприкрытым. Слог, имеющий конечный согласный, называется закрытым, а не имеющий его – открытым.

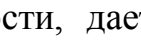
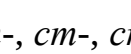
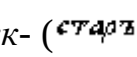
Большинство языков мира имеют фиксированную слоговую структуру: возможные комбинации фонем в слоге жестко регламентированы. Наиболее простой является слоговая структура языков с открытым слогом и без комплексов согласных в инициали, т.е. допускающих только слоги типа CV и V, где символом C обозначен любой согласный звук. Таковы, например, полинезийские языки и южноамериканские языки.

Многие языки мира допускают слоги с одноконсонантной финалью. Таковы, в частности, финно-угорские, чукотско-камчатские (кроме ительменского), арабский, корейский. В этих языках отсутствуют сочетания согласных в начале и конце слова, однако пары согласных внутри слова (между ними и проходит слогораздел) совершенно нормальны.

Среди перечисленных имеются языки, в которых правила формирования слоговой структуры требуют вставки выполняющего роль служебной фонемы нейтрального гласного (типа ə) внутрь недопустимых сочетаний согласных, которые возникают при сложении морфем в слове. Например, в алюторском языке (Камчатка).

Различные способы устранения недопустимых начальных сочетаний согласных часто наблюдаются в заимствованиях. Один из них состоит в упрощении начального сочетания, например, эстонские формы: *kool* ‘школа’, *tool* ‘стул’. Другой способ состоит в добавлении начального гласного (это явление называется протеза). Примеры можно встретить в дагестанском языке.

Дальнейшее расширение репертуара допустимых слогов может идти по линии усложнения как инициали, так и финали. Наиболее типичные структуры хорошо согласуются с универсальным принципом «восходяще-нисходящей звучности», который предполагает цепочку «шумный + сонорный» для инициали и «сонорный + шумный» для финали. Однако далеко не все языки используют оба типа сочетаний согласных. Так, в большинстве дагестанских языков используются конечные сочетания «сонорный + шумный», а вот в начале слога допускается только один согласный. Соответственно, внутри слова возможны лишь трехконсонантные последовательности, например, в арчинском языке:

Примеры, в которых активно использовались начальнослоговые последовательности, дает древнерусский язык: , , , (знаки и в древнерусском обозначали различные редуцированные гласные). Встречались также начальные сочетания фрикативных со взрывными *сп-*, *ст-*, *ск-* (,) и их комбинации с сонорными: , . При этом согласные в конце слога не допускались (закон открытого слога). Таким образом, древнерусский язык имел четкую слоговую структуру, и звуковая цепь однозначно делилась на слоги. Такая организация звуковой цепи сохраняла свойства общеславянского языка.

Однако позднее, в результате утраты редуцированных гласных, в русском и других славянских языках возникли разнообразнейшие сочетания согласных. Примеры сочетаний в начале и конце слова в польском и русском языках: *drgnąć* ‘вздрогнуть’, *pstrąg* ‘форель’, *głupstw* ‘глупостей’; *вздрогнуть*, *Псков;* *черств*, *Волжск.* Отсутствие строгой структурированности консонантных последовательностей характерно и для ряда других языков мира (абхазо-адыгские и картвельские языки Кавказа, индейские языки Северной Америки).

Языки со сложными консонантными комплексами в начале и конце слова имеют обычно и весьма разнообразные срединные сочетания (русские примеры: *бедственный*, *мудрствовать*). Во многих таких случаях однозначное проведение границы между слогами невозможно. Даже предложенный польским лингвистом Е. Куриловичем принцип, в соответствии с которым слогораздел должен давать сочетания, типичные для начала и конца слова, исключает лишь часть возможных членений: для русского языка допускаются, например, членения *ве-сна* и *вес-на*; *о-стрый*, *ос-трый* и *ост-рый.* Интуиция носителей языка также не дает здесь однозначного решения. Однако существует и точка зрения (Л. В. Бондарко), согласно которой слогораздел в русском слове всегда проходит после гласного.

Из сравнения слоговой фонотактики в разных языках мира следует вывод, что имеется два разных способа организации звукового потока, которые можно условно назвать «квантовым» и «волновым» (С. В. Кодзасов, И. А. Муравьева). «Квантовая» речь основана на сложении слоговых цепочек со строго фиксированной внутренней структурой и четко заданными границами. «Волновая» речь основана на чередовании вокалических «вершин» и консонантных «провалов»; при этом структуры консонантных сочетаний являются неопределенными, а границы нисходящего и восходящего склонов соседних слоговых импульсов – размытыми. Языки

типа русского относятся к «волновым», тогда как языки, которые рассматривались до него, являются «квантовыми».

Однако провести четкое различие между языками первого и второго типа удается не всегда. Основные европейские языки занимают промежуточное положение. Например, в английском языке корневые морфемы имеют относительно простую базовую структуру конечнослоговых комплексов – это в основном сочетания сонорного с шумным (например: *bulk, since, band, ink*) или двух глухих шумных (например: *mist, apt*). Однако концы словоформ часто бывают отягощены сложными конечными сочетаниями, возникающими в результате прибавления консонантных аффиксов – *th, -s, -d*, например: *sixth, tenths, twelfths, plunged, glimpsed*. Такие сочетания не описываются простыми общими законами. Более ограниченную сочетаемость мы находим в немецком и французском языках, но и здесь представлены конечные комплексы, не характерные для языков со строгой структурой слога (например: нем. *sagt, Angst;* фр. *prendre, ventre).*

Тенденции организации конца и начала слога не симметричны. Если одни языки подчиняются закону открытого слога, то другие языки, напротив, не допускают неприкрытого слога. Универсальным нейтральным слогом необходимо признать слог структуры CV; такие слоги наиболее частотны в любом языке. При этом языки различаются по тому, насколько употребительны в них неприкрытые слоги. Так, для славянских языков этот тип слога не столь типичен. Некоторые из слов праславянского языка, которые начинались с гласных, в нынешних языках получили протетические согласные (например, ст.-сл. – рус. *ягненок*, ст.-сл. – рус. *восемь*). Для русских корней характерно почти полное отсутствие так называемых зияний, т.е. сочетаний гласных, не разделенных согласным (типа *паук*). Однако при возникновении зияний в производных словах они не устраняются (*научить, наигрывать*), т.е. системного запрета на неприкрытость слога нет. В то же время существуют языки, в которых слог обязательно прикрыт согласным, например, алюторский язык.

Однако существуют языки с гораздо большей терпимостью к неприкрытым слогам, и в таких языках допустимы длинные цепочки одногласных слогов. Таковы языки банту и полинезийские языки.

Иногда сонорный бывает отделен от ближайшего гласного шумным согласным; стандартная схема слога при этом нарушается. В этом случае сонорный может стать вершиной дополнительного слога: он произносится более звучно, чем обычно («вокализуется»). Примеры из русского языка: *театр* [т'а=тр̥], *корабль* [ка=ра=бль̥](в квадратных скобках дана фонетическая транскрипция, в ней слоговое произношение согласного обозначается кружочком снизу). Примеры из английского языка: *little* [li=tl̥], *written* [ri=tn̥]. В русском и английском языке сонорные никогда не являются единственными (а тем самым ударными) слогоносителями в слове, однако существуют языки, в которых слоговой сонорный выступает как вершина единственного слога (таковы, вчастности, чешский, сербский и др. славянские языки). Примеры из чешского: *srp* [r̥] – ‘серп’, *smrt* [r̥] – ‘смерть’, *vlk* [l̥] – ‘волк’. Эти слоговые сонорные восходят к праславянскому языку, а в нем, как предполагается, они отражают соответствующие звуки праиндоевропейского языка.

§4. Слог в системе языка.

Структура слога и ударение. Ритмическая схема слова в качестве основы имеет слоговую структуру. Фонетическое выделение одного из слогов делает его ритмической вершиной – носителем словесного ударения. Природа этого выделения в разных языках различна, однако имеются случаи, когда размещение ударения зависит от так называемой «тяжести» слогов. Если рифма состоит из одного лишь краткого гласного, то слог является «легким», «тяжелыми» же являются слоги, содержащие консонантную финаль или же имеющие долгий гласный в качестве ядра. Обычно «тяжесть» слога имеет значение в том случае, когда выбор ударения ориентирован на начало или конец слова. Примером является латинский язык, который имеет

ударение на предпоследнем слоге, если он является тяжелым; в противном случае ударение размещается на втором слоге от конца независимо от его тяжести: *natú:ra* 'природа', но *né:bula* 'туман'; *modéstus* 'скромный', но *ásinus* 'осел'.

Слог и слово. В большинстве языков минимальной единицей ритмико-слоговой организации речи является слово. Нарушающий эту закономерность тип ритмико-слоговой структуры обнаруживает французский язык, который в качестве минимальной ритмической единицы имеет синтагму – грамматически и семантически объединенную группу слов. Ритмической вершиной синтагмы является ее последний слог, тогда как неконечные слова в составе синтагмы ударения не имеют. Синтагма объединяется не только ударением, но и отсутствием ориентации на границы морфологических слов при слогоделении – внутри нее происходит свободное слоговое перераспределение звуков, относящихся к разным словам, например: *C'est une autre affaire* [s□=ty=no=tra=f□:r] 'Это другое дело'. (Это явление называется слоговым переразложением.) Такой тип ритмико-слоговой организации речи является редким исключением – обычно границы слова совпадают со слоговыми границами.

Слог и морфема. В большинстве языков мира членение слова на минимальные значимые единицы (морфемы) и на слоги не скоррелировано. Например, морфологическое и слоговое строение русского слова *отыскалась*: *от+иск+а+л+а+сь* [а=тыс=ка=лас']. Границы морфем и слогов здесь не соотнесены: части одной морфемы оказываются внутри разных слогов, соединяясь с частями соседних морфем, т.е. имеет место слоговое переразложение морфем. Однако имеется особый тип языков (морфосиллабические, или моносиллабические), в которых морфема и слог совпадают. Сюда относятся языки Юго-Восточной Азии (китайский, вьетнамский языки), на которых говорит значительная часть населения земного шара.

Структура слога может в процессе развития языка изменяться. Так, в общеславянском языке стал господствующим на длительное время открытый слог. Позже эта структура была утрачена. По Л. В. Бондарко, и в современном русском языке господствует тенденция к открытости слога. Слоговая структура слова может перестраиваться за счёт появления паразитических гласных (эпентеза и протеза), появления паразитических согласных, стяжения соседних гласных, упрощения сочетаний согласных.

Выводы по главе IV:

1. Слог представляет собой кратчайшую артикуляторную единицу, объединяющую в своёй структуре гласный (или иной звук) в качестве вершины и один или несколько маргинальных согласных.
2. Фонетическую *природу слога* исследователи пытаются объяснить либо на основе акустических теорий, в соответствии с которыми в слоге происходит нарастание и спад громкости (или звучности), либо на основе артикуляторных теорий, сводящих образование слога к дыхательному толчку или же к нарастанию и спаду мускульного напряжения.
3. Может быть построена идеальная модель фонологического слога для данного фонемного языка, с которой потом соотносятся реально встречающиеся в этом языке сочетания фонем. По Л.В. Бондарко, идеальная модель русского фонологического слога может быть представлена как ***FFESVSFEF*** (где V обозначает слогообразующую гласную фонему, F – щелевую фонему, E – смычно-взрывную фонему, S – сонант).
4. Слог как единица фонетическая (независимо от его фонологического статуса) привлекает особое внимание лингвистов потому, что многие звуковые изменения происходят в границах слога и на стыках слогов и что, прежде всего, слог (или цепочка слогов) является физическим носителем просодических характеристик. Теория восходящей звучности, известная лингвистам всего мира, действует именно в фонетическом слоге, делая его по возможности максимально открытым. Модель

фонетического слога может выглядеть так: **ШСЈГЈСШС**, где гласный – ядро слога, и звучность возрастает/убывает. В такой схеме слога необходимо указывать направление звучности.

Вопросы для обсуждения:

1. Слог с артикуляционной и акустической точки зрения. Типы слогов.
2. Основные теории слога (акустические и артикуляторные) в общей фонетике.
3. Особенности слогоделения в языках мира.
4. Правила русского слогоделения.
5. Типы слоговой организации в славянских и неславянских языках.

Упражнение №1.

Затранскрибируйте и разделите на слоги следующие слова:

обязательно:

верность, скользкий, аллея, район, подъехать, острый, аудиенция, воробьиный, ненастный, голландский, виноград, апатия, помнить, сомнение, продлить,

fidelity, slippery, avenue, area to approach, sharp, an audience, sparrow, rainy, Dutch, grapes, apathy, to remember, doubt, to prolong, curls,

по выбору:

die Richtigkeit, sehr glatt, die Allee, den Bezirk, heftig, heranzufahren, die Audienz, sperlings, finster, holländisch, weintrauben, die Apathie, den Zweifel, erinnern, die Locken, die Leere, die Familie, die Tasche;

de moineau, mauvais, hollandais, le raisin, l'apathie, se rappeler, le doute, prolonger, les boucles, le vide, la famille, la poche, les resources énergétiques, le calendrier.

Упражнение №2.

Укажите типы слогов и колебания в слоговых границах следующих слов:

кудри, пустота, семья, карман, энергоресурсы, времяисчисление;

emptiness, family, a pocket, power resources, calendar;

die Energieressourcen, die Zeitrechnung, verlängern;

la fidélité, glissant, l’avenue, la region, arriver, aigu, l’audience.

Упражнение №3.

Выполните фонетическую и фонематическую транскрипцию слогов в следующих словах:

blackout, sometimes, return, gonna, Arizona, morning, stars, disappear, forget, complicated, never, another, undercover, falling, rise, our, obstacles;

толерантности, функционально, что, стандартизация, очередь, афера, проверка, начиная, реформаторов, языки, наиболее, лестница, получает.

Глава V. Фонология – учение о фонеме.

§1. Основы общей фонологии. Понятие фонемы.

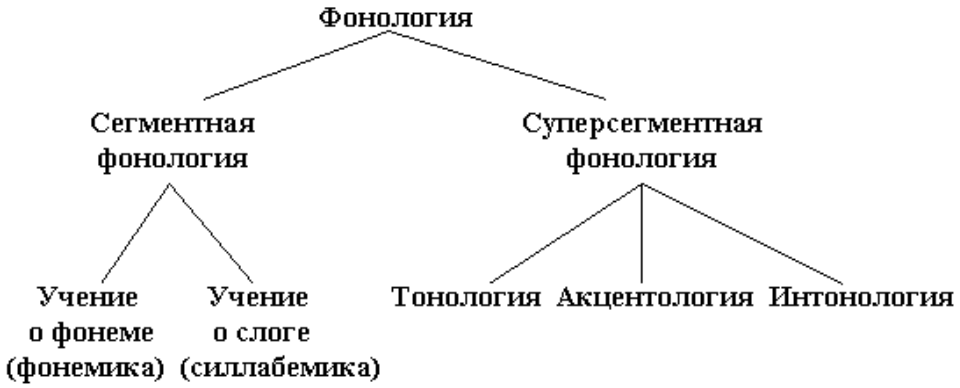
Общая фонология имеет дело с функциональными звуковыми единицами, принадлежащими звуковому стратуму языка. Эти единицы (как линейные, или сегментные, следующие в речевой цепи друг за другом, так и надлинейные, суперсегментные, просодические, которые накладываются на цепочки звуковых сегментов, составляющих материальную сторону морфем, слов, синтаксических объектов) обслуживают трансляционный стратум с его правилами словаря и грамматическими правилами. Они выступают в качестве строительных (конститутивных) и различительных элементов в плане выражения знаковых единиц, а со смысловым (семантико-прагматическим) стратумом связаны лишь опосредованно.

Базовой фонологической единицей является **фонема** (в неслоговых языках). **Фонема** – минимальная незначимая единица звукового строя языка и служит для складывания и различия значений единиц языка (морфем и слов). И одной из первых задач фонологии является установление состава фонем данного языка, выявление принципов их организации в систему, их парадигматических отношений и их синтагматических отношений, т.е. отношений между собой в речевой цепи. Для решения этих задач общая фонология вырабатывает набор методических процедур и приёмов анализа, которые затем в основном используются также в анализе как **слогов**

(силлабем), так и суперсегментных единиц (**просодем**), т.е. для установления системы слогов в тех языках, где слог выступает в качестве конститутивной фонологической единицы, для выявления системы смыслоразличительных тонов (тонем), системы акцентных структур, системы интонационных контуров (интонем).

Фонология может члениться на **линейную** (**сегментную**), имеющую дело с такими следующими друг за другом в речи единицами, как фонема и слог, и **нелинейную** (надлинейную, **суперсегментную, супрасегментную**), которая занимается просодическими средствами (тон, слоговой акцент, ударение, интонация). Иногда в рамках фонологии как функциональной фонетики соответственно противопоставляют фонематику (или фонемику) и просодику (или просодемику). При более тщательном подходе, учитывая, что к линейным единицам относится не только фонема, но и слог, в сегментной фонологии следует различать учение о фонеме (**фонемику**) и учение о слоге (**силлабемику**).

Фонема в языках неслогового строя (таких, например, как русский, немецкий, английский, латинский, санскрит) выступает в качестве кратчайшей функциональной единицы в составе означающего (экспонента) морфемы или слова. В языках же нефонемного строя (как, например, в китайском, бирманском, вьетнамском) аналогичную роль играет слог. Как конститутивную фонологическую единицу, его именуют силлабемой (или слогофонемой).

В суперсегментной фонологии могут быть разграничены тонология, акцентология и интонология — дисциплины, имеющие своими объектами такие просодические явления, как тон, словесное ударение и синтаксическая интонация. Следует отметить, что если в первой и особенно во второй трети XX в. интерес языковедов сосредоточивался преимущественно на проблемах сегментной фонологии, то в самые последние десятилетия XX в. резко обострился интерес к суперсегментной фонологии (особенно к проблемам интонации). Объясняется это тем, что сегодня в фокусе интереса оказываются не столько такие значащие языковые единицы, как слово и морфема, а такие конструктивные языковые объекты, как предложение и высказывание (звучащий текст). Значительное внимание уделяется проблемам ввода звуковой информации в компьютер и компьютерного синтеза звучащей речи.

«Фонолог не может не быть одновременно фонетистом, если он не хочет погрязнуть в мире абстракций - функций и отношений, оторванных от живой ткани конкретных языков в их развитии. С другой стороны, и фонетист всегда (в том числе и до появления фонологии) был до известной степени фонологом, так как он изучал не звуки вообще, а звуки языка и выделял звуки, различаемые в том или ином положении в данном языке: Можно доказать, что «стихийными фонологами» были и создатели или нормализаторы древних систем письма, например Константин-философ и Вульфила для славянского и готского. И это естественно, ибо фонология имеет дело с реальными, существенными для языка категориями, которые не могут не быть так или иначе отражены в звуковом письме».

Аванесов Р.И. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956.

«Звуки чужого языка человек «слышит» сквозь призму фонологической системы родного языка. Это касается всех явлений звучащей речи: и фонем в их артикуляционно-акустических характеристиках, и их появления и поведения в тех или иных позициях, и в ритмике слова, и в интонации фразы.

Можно утверждать, что главная трудность в обучении произношению чужого языка – не овладение чужим, а борьба со своим. Для овладения чужим надо прежде всего, оттолкнуться от своего».

Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии. М., 1970.

§2. Фонемная сегментация.

Звуковая материя формируется и используется каждым языком по-особому, в соответствии с правилами его фонологической системы, включающей в себя подсистему сегментных средств и подсистему суперсегментных (просодических) средств. Минимальными (кратчайшими в линейном плане) структурно-функциональными звуковыми единицами в большинстве языков являются **фонемы**. Они сами по себе не обладают значениями, но потенциально связаны со смыслом как элементы единой знаковой системы. В сочетании друг с другом и нередко по отдельности они образуют экспоненты слов и морфем и обеспечивают **опознавание (идентификацию)** и **различение (дифференциацию)** языковых знаков как значимых единиц. Так, благодаря разному составу фонем, а именно употреблению разных фонем в одной и той же позиции, в экспонентах русских слов *род* /rot/ и *рад* /rat/ оказываются возможными опознание каждого из этих слов и их различение между собой. Точно так же различные фонемы появляются в тождественных позициях, различая экспоненты, например:

- английские слова *but* – ‘но’ и *boot* – ‘ботинок, башмак’,
- немецкие слова *liegen* – ‘лежать’ и *legen* – ‘положить, класть’,
- французские слова *mais* –‘но’ и *mes* – ‘мои’.

В большинстве случаев экспоненты слов оказываются многофонемными. Однофонемными экспонентами располагают, например, русские слова *а* /а/, *и* /i/, *у* /u/, *в* /v/, *к* /k/, морфемы *-л* /l/ в *спа-л*, *-ть* /t’/ в *спа-ть*, *-ы* /ы/ в *стол-ы*, *-у* /u/ в *ид-у*, *в-* /v/ во *в-лез-ть*, *-а-* /а/, *-j-* и *-у* /u/ в *шаг-а-j-у* (орфографически: *шагаю*). По одной фонеме содержат

- экспоненты английских слов *o* ‘нуль’, *A* ‘оценка “отлично” (в американской школе)’, *e /i:/* ‘число *e* (в математике)’, *I* ‘я’,
- экспоненты немецких слов *A* /a:/ ‘ля (муз.)’, *E* /e:/ ‘ми (муз.)’, *o!* /o:/ ‘*o!*, ах!’,
- экспоненты французских слов *a* /a/ ‘имеет’, *eau* /o/ ‘вода’, *ou* /u/ ‘или’.

Однофонемными являются экспоненты многих морфем в этих языках. Экспонент языкового знака не может состоять меньше чем из одной фонемы.

Фонема выполняет следующие функции:

- перцептивную (опознавательную);
- сигнификативную (конститутивную, различительную);
- разграничительную (делимитативную);
- дистинктивную;
- экспрессивную.

Звучащая речь представляет собой с точки зрения акустической и с точки зрения артикуляционной континуум, т.е. нечленимое целое. Языковые же единицы вообще и фонемы в частности имеют дискретную природу, т.е. они достаточно чётко отграничиваются друг от друга в синтагматическом и парадигматическом отношениях. Выделимость фонем в речи опирается не на акустические или артикуляторные признаки, а на признаки структурно-функциональные, т.е. собственно языковые. Фонемная сегментация задаётся самой языковой системой. Цепочке дискретных фонем в результате фонемной сегментации ставится в соответствие ряд звуков (**фонов**). Фон выступает индивидуальным, единичным представителем (репрезентантом) определённой фонемы в речи. Каждой фонеме соответствует бесконечное множество фонов.

В соответствии с **морфологическим** (семиотическим по своей природе) принципом, который сформулирован в школе Л.В. Щербы и Л.Р. Зиндера, ***границы между фонемами проходят там, где проходят границы между морфемами***. Например, слог *да* в слове (словоформе) *вод-а* членится на две фонемы: */d/* и */a/*, отражая наличие морфемного шва: *вод-а.* Точно так же

устанавливается синтагматическая граница между фонемами */v/* и */a/* в словоформе *трав-а,* между */u/* и */p/* в словоформе *у-пад-у*.

Многократно повторяясь по отдельности, фонемы приобретают **автономию** в фонологической системе языка. Так что и в экспоненте слова *да*, где нет морфемного членения, наличествует граница между фонемами */d/* и */a/*. С помощью морфологического критерия можно определить, имеем ли мы дело с долгими согласными, долгими гласными, дифтонгами как с едиными фонемами или как с сочетаниями фонем (монофонематическая и бифонематическая трактовка). Так, в слове *вводить*, начинающемся фонетически долгим *[v:]*, выделяются две фонемы */v/*, одна из которых является экспонентом морфемы *в-*, а другая является начальной в экспоненте корневой морфемы *-вод-*. Морфологический критерий даёт возможность доказать, что в русском языке отсутствуют дифтонги как единые фонемы и что в немецком и английском языках дифтонги они неделимы, монофонематичны. О границах между фонемами могут сигнализировать также значащие чередования (например, чередования по аблауту в английских словоформах *find ~ found* ([aI] ~ [aU]), в немецких словоформах *find-en ~ fand-en* ([I] ~ [a]). Таким образом, границы между фонемами возможны как на стыках слов и морфем, так и внутри морфем. Они не обязательно должны совпадать с границами слогов. Иным оказывается положение в слоговых языках (китайском, вьетнамском и др.). В них слог, как правило, является неделимым экспонентом морфемы и/или слова. По своим функциям такой слог подобен фонеме. Поэтому о слоге в таких случаях говорят как о кратчайшей фонологической единице — **силлабеме**.

§3. Фонологические оппозиции и дифференциальные признаки.

Каждый язык фонемного (неслогового) строя насчитывает небольшое по количеству, закрытое множество фонем. Они могут осуществлять свою идентифицирующую и дифференцирующую функцию благодаря тому, что они различаются между собой, будучи противопоставленными парадигматически. Парадигматические особенности фонем выявляются на

основе **фонологических оппозиций**, т.е. таких противопоставлений между фонемами, которые различают разные слова (и морфемы). Впервые типология фонологических оппозиций была разработана Н.С. Трубецким.

Существуют следующие характеристики оппозиций:

1. по числу противопоставляемых членов: оппозиции **двухчленные** (бинарные), например: /d/:/t/ - *дом*:*том*; **трёхчленные** (тернарные), например: /p/:/t/:/k/ - *пот*:*тот*:*кот*, и т.д.;
2. по числу дифференциальных признаков, служащих различению противопоставляемых фонем: оппозиции **однопризнаковые** (например: /g/:/k/, противопоставленные по признаку [звонкость]:[глухость] ([незвонкость]) - *год*:*кот*), и **многопризнаковые**, например: /t/:/z/, противопоставленные по признакам [звонкость]:[глухость] и [смычность]:[щелинность] ([несмычность]) - *тол*:*зол*;
3. по отношению к системе фонем: оппозиции **изолированные** (например, нем. /l/:/r/ - *lassen*:*Rassen*, и **пропорциональные**, например: рус. /l/:/r/ = /l'/:/r'/ - *лов*:*ров* = *Лёв* (< *Лёва*):*рёв*.

Тесты на участие данной фонемы в фонологических оппозициях позволяют установить набор её **дифференциальных признаков**. Так, для русской фонемы /d/ посредством оппозиционного анализа, т.е. сопоставлений /d/ с другими фонемами (/d/:/t/, /d/:/n/, /d/:/d'/, /d/:b/, /d/:/g/, /d/:/z/, фонологическое содержание /d/ предстаёт как набор признаков:

[звонкость] (*дом*:*том*),

[ртовость] (*дам*:*нам*),

[непалатализованность] (*дот*:*идёт*),

[язычность] (*дал*:*бал*),

[переднеязычность] (*дол*:*гол*),

[смычность] (*дал*:*зал*).

К этому можно добавить противопоставление всего класса согласных классу гласных (групповая оппозиция) и дополнить вышеприведённый перечень дифференциальным признаком [согласность].

Вообще, многие оппозиции имеют групповой характер: так, классу смычных противопоставляются класс щелевых и класс дрожащих, классу переднеязычных противостоят классы среднеязычных и заднеязычных, классу непалатализованных класс палатализованных, классу неогублённых гласных класс огублённых (лабиализованных). Подобные фонологические оппозиции (вслед за Н.С. Трубецким) квалифицируются как **фонологические корреляции**. Чаще всего для противопоставления подбираются **минимальные пары**, т.е. разные слова, которые в звуковом отношении различаются минимально, лишь в одной позиции, например: *бар*:*пар; шар*:*жар.*

Но если не находится минимальной пары, допускается противопоставление двух разных звуков, находящихся в тождественном фонетическом окружении, например, противопоставление слов *кот*:*ткёт* вполне достаточно как свидетельство наличия в русском языке двух разных смычных глухих фонем: /k/ и /k'/. Например, *тот*:*ткёт* (эта оппозиция доказывает существование в русском языке самостоятельной фонемы /k'/). Среди дифференциальных признаков русских фонем /ts/, /tS/, /g/ отсутствует признак [звонкость], так как они не противопоставляются соответствующим звонким и в позиции перед звонкими выступают в виде комбинаторных звонких вариантов [dz], [dZ], [G]; например: *отец_бы*, *лечь_бы*, *лёг_бы.*

Звуковые различия, которые не выявляются при противопоставлениях разных фонем, квалифицируются как нефонематические (избыточные). Они учитываются при описании фонем данного языка не на уровне системы (совокупности оппозиций), а на уровне нормы и на уровне узуса, а иногда и на уровне индивидуального речевого акта. Число фонологических оппозиций (благодаря тому, что многие из них являются пропорциональными) и, соответственно, число дифференциальных признаков фонем меньше числа самих фонем. Фонологические оппозиции выступают как те отношения, которые упорядочивают инвентарь фонем, делая его системой. Иначе говоря,

совокупность фонологических оппозиций и есть структура фонематической системы.

Н.С. Трубецкой и Р.О. Якобсон считали возможным к числу определений фонемы относить её квалификацию как «связки» дифференциальных признаков. Р.О. Якобсон вообще склонен был считать **фонологический дифференциальный признак** (ДП), по Э. Бенвенисту, меризм, элементарной единицей фонологической системы. Р. О. Якобсон предложил универсальный список фонологических признаков (в акустических терминах), из которых строится та или иная фонема любого языка. Щербовская школа исходит из того, что фонологические ДП выделяются при «расщеплении» фонем и, следовательно, вторичны по отношению к фонемам, являются не особыми элементами, а лишь чертами фонем. К тому же экспериментально-фонетические исследования в этой школе показали, что ДП представляют собой абстрактные, инвариантные черты, которые артикуляционно и акустически по-разному реализуются у фонем разных классов. Оппозиционный анализ даёт возможность не только выявить фонологически существенные черты фонем, но и установить состав (инвентарь) фонем, распределить эти фонемы по коррелятивным классам, построить на этой основе модель фонематической системы данного языка и определить место в ней каждой данной фонемы. Это место характеризуется набором ДП данной фонемы. Такой набор остаётся неизменным, инвариантным при любых реализациях той или иной фонемы в речи.

Фонема и аллофоны. Дистрибутивный анализ.

Каждая фонема в потоке речи подвергается различным модификациям (видоизменениям) в результате: **коартикуляции** (наложения артикуляций смежных звуков), комбинаторных звуковых изменений типа **аккомодации** и **ассимиляции**, позиционных звуковых изменений типа **редукции,** обусловленных её реализацией в ударном или неударном слоге.

Возникают фонетически обусловленные (специфические) комбинаторные и позиционные варианты данной фонемы (**аллофоны**). В

рамках одной и той морфемы, но в разных её морфах отмечаются аллофонные чередования; например: разные *[а]* в *да-л* и *да-м* ([а]~[а~]); *мат-к-а* и *мать* ([а]~[а.]); разные *[d]* в *сад-а* и *сад-у*; *вад-а* и *вад-ой* ([d]~[d^{o}]).

Фонемы противопоставляются по *дифференциальным признакам*, благодаря которым и различаются. Есть признаки, по которым фонемы не различаются – *интегральность фонем* (например, признак взрывности у *[г]*). В одних позициях фонемы различают смысл, в других нет. В сильных позициях фонема проявляет свои дифференциальные признаки. В таких позициях фонема выполняет все свои функции. В слабых позициях фонема нейтрализуется. Так, в перцептивно слабых позициях бывают различные *вариации* фонем. В сигнификативно слабых позициях обнаруживаются варианты фонем. Также существует такое понятие, как *гиперфонема.* Это такая ситуация, когда фонему нельзя точно идентифицировать. Она служит «над-единицей» разных фонем, объединяющей все конкретные фонемы в одно целое, например, в таких случаях, как *бо/аран, со/абака*. Такую фонему нельзя проверить проверочным словом. Если позиция является сигнификативно и перцептивно сильной, она называется *абсолютно сильной позицией* фонемы.

Итак, полная характеристика фонемы является многомерной, так как фонема может быть охарактеризована:

1. по отношению к языковым знакам (морфемам и словам), в построении экспонентов которых участвуют фонемы (конститутивная функция), обеспечивая различение и опознавание этих знаков (дифференцирующая и идентифицирующая функции);
2. по отношению к языковой системе в целом и к фонологической системе, где каждая фонема занимает своё определённое место, участвуя в разнообразных фонологических оппозициях и отличаясь от любой другой фонемы как единица-инвариант со своим стереотипным набором фонологических дифференциальных признаков;

3. по отношению к речи, где каждая фонема выступает в бесконечном множестве разнообразных звуков (фонов), сводимых в одну фонему в качестве её фонетически обусловленных вариантов (аллофонов) и факультативных вариантов на основе дистрибутивных критериев.

Фонемный анализ обычно имеет целью установление инвентаря фонем и обнаружение набора коррелятивных оппозиций, которые лежат в основе системы фонем. Инвентарь фонем конечен, он насчитывает от 20 до 80 или 100 элементов. Конечен и набор фонологических корреляций (около десятка). Итогом такого анализа является представление системы фонем в виде их классификации. О системе фонем можно говорить только по отношению к определённому конкретному языку. Фонематическая система того или иного языка уникальна. Классификации гласных и согласных фонем того или иного языка опираются на общефонетические признаки и повторяют в известной степени универсальные классификации, но они могут строиться более экономно, с учётом только используемых в данном языке дифференциальных признаков.

§4.Фонологические характеристики морфемы и слова.

Звуковые средства языка служат строительным материалом для экспонентов всех языковых знаков, и, прежде всего, таких, как морфема и лексема. Характеризуя с фонологической точки зрения *морфемы и лексемы*, следует, однако, иметь в виду, что это единицы абстрактные, которые, с одной стороны, могут быть описаны как наборы существенных признаков, а с другой, как классы своих вариантов. А это значит, что лингвист должен сперва сосредоточить свои усилия на описании фонологической структуры более конкретных единиц, а именно *морфов и лексов* (словоформ) и лишь потом рассматривать фонологические характеристики морфем и слов, представляющие собой по сути дела совокупности фонологических характеристик морфов и словоформ.

Фонемный анализ морфемы и слова.

Анализ на морфемном уровне (морф и морфема).

Фонемный анализ экспонента морфа включает в себя:

- характеристику его *сегментной структуры*, а именно:
- его описание его фонемной структуры (состав фонем, порядок их следования, ограничения на появление в начальной и конечной позициях определённых классов фонем, допустимые сочетания согласных в начале и конце морфа, длина морфа в фонемах);
- описание его слоговой структуры (односложность или многосложность, длина морфа в слогах, виды слогов, соотношение слоговых границ с границами морфа);

Поскольку морфема представляет собой парадигматический класс морфов, то её фонологическая характеристика как раз и складывается из суммы характеристик морфов.

При этом может обнаружиться, что разные морфы одной морфемы могут иметь в составе своих экспонентов не одно и то же количество фонем (*день* /d'en'/ ~ *дн-я* /d'n'/) и даже разные фонемы (*сад-а* /s''ad/ ~ *сад* /s''at/ ~ *саж-а-j-у* /saZ/; *вод-ы* /v''od/ ~ *вод-ы* /vad/)/.

Чередования фонем типа */d/ ~ /Z/* объясняются действием звуковых (фонетических) законов прошлых периодов развития русского языка, это исторические чередования. Чередования же типа /*d/ ~ /t/* и */d/ ~ /Z/* отражают действие звуковых законов современного русского языка, это живые чередования. В трактовке этих явлений как раз и расходятся Московская и Петербургская фонологические школы.

В щербовской школе живые чередования трактуются как чередования разных фонем, появление которых может быть ограниченным в определённых фонетических позициях. А вот Московская фонологическая школа (А.А. Реформатский, П.С. Кузнецов и др.), заимствовав у Н.С. Трубецкого понятие нейтрализации фонологических противопоставлений и сделав упор на различении сильных и слабых позиций (позиций, в которых нейтрализации не происходит, и позиций, где наблюдается нейтрализация),

видит в чередующихся в слабых позициях *d ~ t, o ~ a* реализации одних и тех же фонем в их разных вариантах.

Н.С. Трубецкой постулирует для этих случаев архифонему как своего рода надфонемную единицу, объединяющую в себе одинаковые различительные признаки чередующихся фонем.

А.А. Реформатский утверждает, что в так называемых несоотносительных слабых позициях (например, в позиции первого гласного в слове *баран*) опознание фонем невозможно и здесь выступает гиперфонема. В словах же *сад*, *вода* в соотносительных с сильными слабых позициях функционируют фонемы t, о, которые появляются в соответствующих сильных позициях (*сада*, *`воды*). В позиции первого безударного гласного в словах *сама* и *сома* представители МФШ постулируют разные фонемы (например, *сам* и *сом*). В результате имеет место пересечение классов реализаций разных фонем в одинаковых звуках, с чем категорически не соглашаются представители Петербургской фонологической школы.

Дело в том, что фонема в понимании МФШ оказывается более абстрактной единицей, чем фонема в понимании ПФШ. В Московской школе фонема оказывается привязанной не к морфу, а к морфеме, тогда как в Петербургской школе фонема привязана к морфу (и словоформе). Трактовка фонемы в МФШ лучше служит интересам исторической фонетики (диахронической фонологии) и теории письма, опирающегося на морфологический принцип орфографии. Но она практически оторвана от учёта материальной стороны фонемы и в итоге менее приспособлена к целям преподавания произношения. Трактовка фонемы по-щербовски адекватнее отражает связь фонемы с её фонетическими (артикуляторно-акустико-перцептивными) коррелятами и лучше служит интересам лингводидактики и работ в области автоматического ввода и вывода речевой информации.

Анализ на лексико-морфологическом уровне (словоформа и слово).

Поскольку слово (лексема) представляет собой в принципе парадигматический класс словоформ, то его фонемное описание объединяет в себе более конкретные фонемные описания словоформ:

- описание *фонемной структуры* (количество фонем, их инвентарь, ограничения на появление в определённых позициях тех или иных классов фонем, допустимые сочетания согласных в анлауте, т.е. абсолютном начале, и ауслауте, т.е. абсолютном конце, слова, длина слова в фонемах);
- описание *слоговой структуры* (количество слогов, их виды, слоговые границы, их соотношение с границами словоформы, длина словоформы в слогах);
- описание звуковых явлений, характеризующих *взаимодействие соседних морфов* в составе одной словоформы и соседних словоформ (явления стыка, включающие в своё число, в частности, явления элизии, наличие или отсутствие гортанной смычки или нового приступа; образование фонетических слов благодаря процессам сингармонизма или наличию единой акцентной вершины).

Требуется обращать особое внимание на проявление живых звуковых законов в комбинаторных и позиционных изменениях звуков (коартикуляция, различные виды аккомодации, ассимиляции, эпентезы, гаплологии, метатезы, редукции, оглушения звонких и озвончения глухих и пр.), которые иногда не ограничиваются модификациями фонем (т. е. возникновением аллофонных, внутрифонемных) чередований, но и приводят к чередованиям фонем. Интересны ассимилятивные в своей основе явления гармонии гласных (тюркские и финно-угорские языки), ставшие уже историческими чередования гласных по ряду (умлаут) и по степени подъёма (преломление) в германских языках.

Выводы по главе V:

1. **Общая фонология** имеет дело с функциональными звуковыми единицами, принадлежащими звуковому стратуму языка. Эти единицы (как линейные, или сегментные, следующие в речевой цепи друг за

другом, так и надлинейные, суперсегментные, просодические, которые накладываются на цепочки звуковых сегментов, составляющих материальную сторону морфем, слов, синтаксических объектов) обслуживают трансляционный стратум с его правилами словаря и грамматическими правилами.

2. **Фонема** – минимальная незначимая единица звукового строя языка и служит для складывания и различия значений единиц языка (морфем и слов). Каждая фонема в потоке речи подвергается различным модификациям (видоизменениям) в результате: **коартикуляции** (наложения артикуляций смежных звуков), комбинаторных звуковых изменений типа **аккомодации** и **ассимиляции**, позиционных звуковых изменений типа **редукции**, обусловленных её реализацией в ударном или неударном слоге.
3. Возникают фонетически обусловленные (специфические) комбинаторные и позиционные варианты данной фонемы (**аллофоны**). В рамках одной и той морфемы, но в разных её морфах отмечаются аллофонные чередования.
4. Фонемы противопоставляются по *дифференциальным признакам*, благодаря которым и различаются. Есть признаки, по которым фонемы не различаются – *интегральность фонем* (например, признак взрывности у [г]). В одних позициях фонемы различают смысл, в других нет. В сильных позициях фонема проявляет свои дифференциальные признаки. В таких позициях фонема выполняет все свои функции. В слабых позициях фонема нейтрализуется. Так, в перцептивно слабых позициях бывают различные *вариации* фонем. В сигнификативно слабых позициях обнаруживаются варианты фонем. Также существует такое понятие, как *гиперфонема.* Это такая ситуация, когда фонему нельзя точно идентифицировать. Она служит «над-единицей» разных фонем, объединяющей все конкретные фонемы в одно целое, например, в таких случаях, как *бо/аран, со/абака*. Такую фонему нельзя проверить

проверочным словом. Если позиция является сигнификативно и перцептивно сильной, она называется *абсолютно сильной позицией* фонемы.

Вопросы для обсуждения:

1. Фонология – учение о фонеме. Фонологические школы.
2. Основные понятия общей фонологии: фонема, аллофон, архифонема, вариант, вариация, гиперфонема.
3. Соотношение понятий: звук речи, звук языка, фонема. Основные функции фонем в языке, признаки и позиции фонем.
4. Фонемная организация русского и английского языков. Классификация гласных фонем.
5. Фонемная организация русского и английского языков. Классификация согласных фонем.

Упражнение №1.

Какими дифференциальными признаками различаются первые фонемы следующих пар слов:

мал – мял, моль – боль, ум – им, шар – пар, рок – бок, мот – пот, щель – мель, лом – ром, честь – жесть; дал – бал, дал – зал, лук – люк, год – кот, тот – кот, быль – пыль, ус – ас, честь – шесть, ток – сок.

Упражнение №2.

Затранскрибируйте данный микротекст по правилам русской фонематической транскрипции:

Весною степь зеленая
Цветами вся разубрана,
Вся птичками летучими,
Певучими полным-полна;
Поют они и день и ночь,
То песенки чудесные!
Их слушает красавица
И смысла в них не ведает,

В душе своей не чувствует,
Что песни те волшебные:
В них сила есть любовная…
Любовь – огонь; с огня пожар…

(А. В. Кольцов).

Упражнение №3.

Выполните полный фонетический и фонематический анализ текста:

Есть в осени первоначальной
Короткая, но дивная пора:
Весь день стоит как бы хрустальный,
И лучезарны вечера…
Где бодрый серп гулял и падал колос,
Теперь уж пусто все – простор везде,
Лишь паутины тонкий волос
Блестит на праздной борозде.
Пустеет воздух, птиц не слышно боле;
Но далеко еще до первых зимних бурь,
И льется чистая и теплая лазурь
На отдыхающее поле.

(Ф. И. Тютчев).

Глава VI. Основы русской и международной транскрипции.

§1. Общие понятия о письме и предпосылки возникновения письма.

Язык существует в двух формах – в устной и письменной. Письменная форма языка возникает в связи с потребностью в передаче информации на расстояние и сохранении ее во времени. Знаки письма появляются в то время, когда нужно было посчитать и запомнить, сколько голов скота ходит по пастбищам, сколько людей живет здесь, когда нужно было распространить на огромные расстояния распоряжения, указы, законы правителя.

Письмо можно определить как систему знаков, позволяющую передавать информацию на расстояние и сохранять ее во времени. Система

письма имеет постоянный состав знаков. Знаки письма могут фиксировать разные единицы звуковой речи. Если знаки соотносятся со словом или с морфемой, то мы говорим об **идеографическом** типе письма. В том случае, когда знак обозначает звук (фонему), говорят о **фонографической** разновидности.

Идеографические знаки соотносятся прежде всего с содержательной стороной слова и морфемы. Звуковой облик в этом случае не передается, за письменным знаком закрепляется только значение. Принцип, на котором построены эти типы письменных знаков, можно продемонстрировать на примере, заимствованном из математики. Знак **2** не передает звучание слова, поэтому на разных языках этот знак будет звучать по-разному: *[два], [эки]*. Однако говорящие на разных языках поймут этот знак одинаково.

Идеографические знаки называют логограммами. Логограммы (идеограммы) соотносятся со словами. Но есть еще идеографические знаки, которые обозначают значащие части слов – морфемы. В языках, где морфема совпадает со слогом, этот тип идеограмм соотносится и со слогом.

Фонографическое (или фонетическое) письмо основано на передаче звуковых единиц. Такими единицами могут быть как отдельные звуки, так и их сочетания – слоги. Фонетическое письмо имеет две разновидности – силлабическое (слоговое) и алфавитное письмо.

Силлабическое письмо передает следующие типы сочетаний звуков: согласный+гласный, гласный+согласный, согласный+гласный+согласный и некоторые другие. Силлабическое письмо широко распространено в языках Юго-Восточной Азии.

Для обозначения некоторых сочетаний часто используются составные буквы-лигатуры. Лигатура образуется путем соединения элементов разных знаков. Так, история русских букв *я* и *щ* – это превращение старых лигатур в обычные буквы *я* и *щ*.

В алфавитном письме один знак обычно соответствует одному звуку, хотя в этой же системе письма один звук может обозначаться составным

знаком-диграфом. Дираф – это сочетание нескольких букв для обозначения одной фонемы. Например, диграфами являются сочетания *sh, th, ch* в английском языке.

Основные вехи в историческом развитии письма: пиктография, идеография, фонография.

Письму предшествовали другие способы закрепления и передачи информации. Среди этих способов надо назвать пиктографию. Пиктография – это отражение содержания в виде рисунка. Отличие пиктографии от идеографического и фонетического письма состоит в том, что элементы этого письма не фиксируют каких-либо отдельных единиц языка. Сообщение может передаваться одним сложным пиктографическим знаком или последовательностью простых рисунков. Различные сочетания схематических рисунков использовались индейцами Америки, аборигенами Австралии вплоть до XX века. Пиктография может применяться в системе дорожных знаков.

На основе пиктографии возникает идеографическое письмо. Знаки идеографического письма – иероглифы – имели первоначально рисуночный характер. По мере развития внешний облик иероглифов изменялся, они становились все более условными. Идеографическое письмо в чистом виде существовало только в переходный период от пиктографии к идеографии. Поскольку возможности чистой идеографии в выражении значений были ограничены (система разрасталась до огромного количества знаков), со временем появляется словесно-слоговая разновидность идеографии. Эта разновидность имеет специальные знаки, уточняющие многозначные иероглифы, и знаки, выражающие какие-либо грамматические элементы. В некоторых случаях иероглифы могли передавать фонетический состав слова, поскольку иероглиф, соотносясь с морфемой-слогом, мог фонетизироваться. Фонописание использовалось в том случае, когда необходимо было передать сложное абстрактное понятие или имя собственное.

Идеографическое письмо, его словесно-слоговой тип, сохраняется в китайском языке. Диалекты китайского языка отличаются друг от друга фонетически, а поскольку иероглифы соотносятся с содержательной стороной языковых знаков, а не с фонетической, то возможно применение одних и тех же иероглифов во всех диалектах. В этом случае иероглифическое письмо выполняет интегрирующую (объединительную) функцию, в китайском языке. Недостатком идеографической системы является ее громоздкость, трудность при освоении чтения. Дальнейшее развитие письма определялось процессами фонетизации. Так, уже у древних египтян, наряду с обычным употреблением иероглифов, вырабатываются знаки для согласных фонем.

Первой фонетической системой, известной нам, являлось финикийское письмо. В этом письме буквы не выполняют идеографических функций, за исключением тех случаев, когда они обозначают число. Финикийское письмо было консонантным, поскольку в этой системе отражались только согласные. Это было связано с характером языка, в котором корень слова обычно состоял только из согласных звуков, гласные выполняли функцию грамматического элемента, поэтому для обозначения слова достаточно было обозначить корень через знаки согласных.

Финикийский алфавит был воспринят древними греками и дал начало всем западным алфавитам. Греческое письмо возникло примерно в VIII в. до н.э. Поскольку греческий текст без обозначения гласных был непонятен, то в греческом письме некоторые старые буквы финикийского письма начинают употребляться для обозначения гласных. Такими буквами были, например *a*, *ε, i*, которые обозначали финикийские согласные, отсутствовавшие в греческом языке. Обозначение на письме не только согласных, но и гласных явилось важным достижением, позволившим отражать последовательность фонем.

Греческое письмо существовало в нескольких вариантах. Главные из них – это восточно-греческий и западно-греческий варианты. Они

отличались формой и употреблением отдельных букв. Из восточно-греческого письма развивается классическое, затем византийское, на основе которого создается славянская система письма. На базе западно-греческого письма возникает латиница, которая обслуживает многие языки Европы и Азии. Греческое письмо оказало влияние на создателей армянского и грузинского алфавитов.

Алфавит, графика и орфография.

Алфавит, графика и орфография – это понятия, связанные с фонетическим типом письма.

Алфавит – совокупность букв (графем), содержащая основные знаки письма. Знаки письма в алфавите расположены в определенном, алфавитном, порядке. Принцип алфавитного расположения используется в словарях, справочных изданиях.

Графика и орфография представляют собой правила использования графем. Графика в отличие от орфографии – это правила соответствия букв фонемам. Соотношения между буквой и фонемой могут быть разными. Один тип соотношения наблюдается в тех случаях, когда одна буква передает одну фонему. Такой тип считается идеальным, но он не встречается в чистом виде ни в одной графической системе. Зачастую графические системы отдельных языков имеют гораздо меньше букв, чем фонем. В этом случае фонема соотносится с комбинациями графем (диграфами). Однако не всегда равное количество графем и фонем является идеальным качеством. Иногда меньшее число графем по сравнению с фонемами свидетельствует о рациональности графической системы. Например, можно усмотреть это качество в русской графике, в которой рациональность проявляется в слоговом принципе обозначения мягкости согласных (подробнее об этом в курсе современного русского языка).

Другой тип правил составляют правила орфографии. Это правила правописания слов и морфем. Существует несколько принципов, на основе которых строятся орфографические правила. Наиболее важными принципами

являются фонетический и морфологический. По фонетическому принципу слова и их части пишутся в соответствии с их произношением. Например, приставка *з* пишется в двух вариантах: *разбить* и *раскрыть*. В качестве ведущего он используется в белорусской орфографии.

Благодаря морфологическому принципу сохраняется одинаковое написание одной и той же морфемы. На письме не отражаются позиционные изменения фонем. Так, в корневой морфеме *гриб / грибы* представлено чередование согласных *п//б*, которое на письме не отражено. Из нескольких возможных вариантов выбирается один, который соответствует фонеме в сильной позиции.

Помимо указанных принципов, существует традиционное написание слов. При традиционном написании выбор букв основывается на традиции и этимологии. Типичным примером такого написания является правописание *жи, ши* в русском языке.

Разные типы написания сочетаются в орфографии одного и того же языка. Однако обычно один из принципов является ведущим. Например, для русского языка характерным является морфологическое написание, а для английского – традиционное.

§2. Правила транскрибирования звучащей речи.

Особенности тех или иных звуков могут фиксироваться посредством специальных символов **транскрипции**. Разнообразие звуков речи чрезвычайно велико. Поэтому в каждой из систем транскрипции, кроме основных символов, имеются многочисленные дополнительные знаки.

Транскрипция может осуществляться средствами графики своего языка. Примеры такой практической транскрипции можно видеть, например, в русско-немецких разговорниках, предназначенных для носителей немецкого языка: здесь русское слово *шар* будет передано в транскрипции как *[schar]*. В подобных же разговорниках, но предназначенных для русских, немецкое слово *Freund* ‘друг’ будет передано как *[фройнт]*.

В нашей отечественной лингвистике для фиксации звуков русского языка часто используются знаки русской (кириллической) графики с добавлением некоторых знаков из других систем письма. На основе русской графики нашими лингвистами часто строятся также системы транскрипции для описания звукового строя языков России, восточных языков (арабский, японский, китайский, корейский и т.д.).

Транскрипция – это специальный вид буквенного письма, она используется для точной передачи звуков того или иного языка, диалекта или индивидуальной речи. Создание транскрипции вызвано тем, что любое современное буквенное письмо отражает звучание слов лишь в некоторых случаях, когда используется фонетический принцип орфографии. Чаще всего правила написания и правила чтения не совпадают.

По предмету транскрипции бывают алфавитные и неалфавитные (аналфабетические). Алфавитные транскрипции записывают акустическое впечатление о звуке или фонеме. Аналфабетическая транскрипция фиксирует не акустическое впечатление о звуке речи, а его артикуляцию. Поэтому аналфабетическую транскрипцию называют также аналитической. Аналфабетической транскрипцией пользовались Бодуэн де Куртенэ, Фердинанд де Соссюр и др. Так, у Ф. де Соссюра латинские буквы от a до l обозначают место артикуляции (пассивные органы): a, b, c – верхнюю губу, c, d, e – верхние зубы, f – альвеолы, g, h, i, j, k – небо, l – фаринкс. Греческие буквы обозначают активные органы: ά- нижняя губа, β –кончик языка, γ – спинка языка, δ – увула, ε – голосовые связки,ζ – органы дыхания. Обозначается также степень раствора при помощи цифр: 0 – абсолютный затвор, 1 – желобок, 2 – щель и т.д.

Из-за сложности транскрипции неалфавитного типа не получили распространения. Транскрибирование текста или произносимой речи осуществляется обычно при помощи алфавитной транскрипции.

Знаками фонетической транскрипции служат современные буквы латиницы или кириллицы, а также дополнительные буквы и диакритические (различительные) знаки, которые ставятся при букве.

Наибольшее распространение получила международная фонетическая транскрипция, созданная Международной фонетической ассоциацией (МФА).

По правилам МФА в таблицу не включены аффрикаты, которые рекомендуется обозначать сочетанием знаков, каждый из которых соотносится с одной из частей (смычной или щелевой) аффрикаты: для русского *ц* –[ts], для русского *ч* – [t∫].

Транскрипция Л.В.Щербы создана на основе знаков международного фонетического алфавита, но с дополнениями и изменениями, обусловленными самим подходом Л.В.Щербы к артикуляторной классификации звуков. Более точная фонетическая характеристика дается с помощью дополнительных знаков. Для гласных такие знаки используют, чтобы отметить отличия от звукового типа по ряду и подъему; при согласных дополнительные знаки указывают прежде всего на дополнительную артикуляцию.

Для русского языка нередко по традиции применяется транскрипция на основе русского алфавита, в которой русские буквы использованы в их основных алфавитных значениях и введены дополнительные знаки для обозначения безударных гласных, смягченности и огубленности согласных.

Основное правило фонетической транскрипции состоит в том, что буквы, используемые как знаки транскрипции, имеют только одно звуковое значение.

Поскольку система гласных русского языка насчитывает 6 фонем, постольку используется только 6 знаков для обозначения гласных в позиции под ударением – *а, о, у, э, ы, и.* Буквы *я, ё, ю* в транскрипции не используются.

Русские фонемы <а>, <о>, <э> в безударной позиции подвергаются качественной редукции, т.е. изменяют не только свою длительность и четкость артикуляции, но и ее качество. Так, <*о*> теряет огубленность, <э> становится более узким. Для обозначения качественной редукции гласных используются 4 транскрипционных знака – *[^], [ъ], [иᵊ], [ь]*. Знаки *[иᵊ], [^]* обозначают слабую редукцию, когда безударный гласный находится в первом предударном слоге, например: *весна* [в’и□ᵊсна]. Знаки *[ъ]* и *[ь]* обозначают сильную редукцию, например: *переход* [п‘ьриᵊхот].

Знаками для транскрибирования согласных звуков служат буквы *б, в, г, д, ж, з, к, л, м, н, п, р, с, т, ф, х, ц, ч, ш.* Знаком среднеязычного согласного является *[j]* (в середине или в начале слова) и *[й]* (в конце слова). Буква *щ* в транскрипции не употребляется, и соответствующий ей звук обозначается в зависимости от произношения как мягкий долгий *[ш]* или как два мягких звука *[ш’ч’]*. Звонкий щелевой заднеязычный согласный обозначается буквой γ, звонкие переднеязычные аффрикаты обозначаются лигатурами *[дз]* и *[дж]*. Звук γ встречается в словах *господи, бога (ради), ого,* а также при уподоблении <х> звонкому согласному в потоке речи. Звук *[дз]* свойствен некоторым южнорусским говорам: [дзэти] *дети*, а также появляется на стыке морфем и слов, когда аффриката <ц> попадает в позицию перед звонким ^т’эдз=бы=был] *отец бы был*. То□ же надо сказать и о появлении в русской речи звонкой аффрикаты *[дж]*, которая уподобляется последующему звонкому согласному: [нодж=бы] *ночь бы*.

Знаком мягкости согласного является постановка после буквенного знака вверху справа апострофа: [м’эл’] *мель*. Приспособление гласного к соседним мягким согласным обозначается точкой или двумя точками вверху справа или слева от буквенного знака для гласного: [м’а˙□съ] мясо,[м̥ а˙з’] мазь, [м˙□а˙т’] мять.

Знаком длительности звука является черта над буквенным знаком. Иногда долготу звука обозначают постановкой после буквенного знака двоеточия *(:)*. Краткость гласного обозначается дугой над знаком. Огубление

(аккомодация по лабиализации) твердых согласных перед ударными ***о, у*** обозначается знаком ˚ над буквой.

Транскрипционные знаки =, /, // используются для деления и разделения речевого потока. Знак = указывает на слитное произношение слов. Знаки / и // указывают на деление речевого потока на синтагмы и фразы.

Наряду с фонетической транскрипцией существует и фонематическая транскрипция. Если фонетическая транскрипция передает произношение слов и фраз, то фонематическая транскрипция передает состав фонем. Фонематическая транскрипция дается в ломаных скобках <>.

§3. Международная транскрипция, дополненная Л. В. Щербой.

Для нужд общей фонетики требуются транскрипционные системы универсального назначения, пригодные для фиксации особенностей звучащей речи на любом языке и более или менее общепринятые в международных лингвистических кругах. Наиболее распространены системы, использующие в качестве фонетических символов знаки латинской графики с добавлением, в случае необходимости, знаков из других графических систем. Таковы, например,

- система МФА (Международной фонетической ассоциации, International Phonetic Association) в разных её версиях;
- восходящая к ней система Л.В. Щербы.

В этих системах имеются символы для обозначения согласных и гласных в основном, для обозначения их дополнительных артикуляционных свойств (палатализованность, веляризованность, придыхательность, огублённость, назализованность, отодвинутость назад, продвинутость вперёд), для обозначения степеней силового ударения, тона и характера музыкального ударения.

Щербовская система транскрипции (включая дополнительные символы для обозначения особенностей артикуляции) принята в Петербургской фонологической школе (М.И. Матусевич, Л.Р. Зиндер, Л.В. Бондарко, Л.А. Вербицкая, М.В. Гордина, Л.Л. Буланин, В.Б. Касевич); с которой студенты и

преподаватели могут познакомиться в её новой (1993/1996) версии, которая также содержит перечни дополнительных символов и широко используется в Западной Европе и Америке, прежде всего по учебнику Ю.С. Маслова, учебному пособию коллектива авторов во главе с Л.В. Бондарко и учебному пособию Л.Р. Зиндера, по сборнику задач Л.Р. Зиндера, по Лингвистическому энциклопедическому словарю. Транскрипция МФА также используется

для передачи особенностей артикуляции отдельных звуков и для нотации просодических явлений разного рода.

В этой системе, в отличие от щербовской, нет специальных символов для аффрикат. Для нотации аффрикат используются комбинации символов (*ts, dz*). Различаются собственно дрожащие (многоударные) и «хлопающие» (одноударные). Недыхательные согласные (щёлкающие, имплозивные и эйективные) представлены отдельной таблицей. Между обеими системами транскрипции есть различия в использовании разных знаков для одних и тех же звуков (например, среднеязычные смычные) или дополнительных артикуляций (палатализация, придыхание, лабиализация согласных).

Обычная клавиатура компьютера позволяет набирать латинские и кириллические знаки стандартных инвентарей, не содержащих букв с диакритиками. Набор же знаков иного рода может производиться с помощью цифрового блока клавиатуры или же путём использования в редакторе опций ВСТАВКА и СИМВОЛ. Но при межкомпьютерной связи (например, посредством электронной почты) нестандартные символы не используются. Это относится и к символам транскрипции.

Поэтому в последние годы была разработана для большого ряда европейских языков система транскрипции **SAMPA**. Она ориентирована на использование только тех символов, которые имеются в основной части клавиатуры и могут быть переданы в межкомпьютерной сети.

Транскрипция может ориентироваться на фиксацию только значимых для фонологической системы данного языка звуковых элементов и черт. В

этом случае мы имеем дело с **фонемной**, или фонематической, или фонологической, транскрипцией.

Её знаки принято заключать в косые скобки: *он весьма рад* /"on v'is'm"a r"at/, фр. *femme* ‘женщина’ /fam/, *temps* ‘время’ /ta~/, *bon* ‘хороший’ /bo~/, англ. *ship* ‘корабль’ /SIp/, *thin* ‘тонкий’ /TIn/, *this* ‘это’ /DIs/, нем. *Staat* ‘государство’ /Sta:t/, *Teich* ‘пруд’ /taIC/, *deutsch* ‘немецкий’ /dOYtS/.

В транскрипции могут фиксироваться не только фонемы как инвариантные сущности, но и их варианты (прежде всего аллофоны, а также факультативные варианты). Тогда мы имеем дело с **аллофонной** (аллофонической), или фонетической, транскрипцией. Её знаки обычно заключаются в квадратные скобки: *грусть* [gr^{o}us't'], нем. *Tat* ‘поступок’ [t^{h}a:t^{h}], нем. *Rad* ‘колесо’ [ra:t^{h}] и [Ra:t^{h}]. Например, фонематическую запись этих слов: /grus't'/, /ta:t/, /ra:t/. Фонетическая транскрипция может быть подчас очень и очень детализирована.

§4.Транслитерация.

Транскрипция не должна смешиваться с **транслитерацией**, которая служит передаче написания слова (чаще всего собственного имени) какого-либо языка средствами иной графической системы. Передача осуществляется буква за буквой: *А-л-е-к-с-е-й, Ш-о-л-о-х-о-в --> A-l-e-k-s-e-j, Sch-o-l-o-ch-o-w* (при ориентации на немецкую графику), *A-l-e k-s-e-y, Sh-o-l-o-kh-o-v* (при ориентации на английскую графику). Имеются международные системы транслитерации. Так, русские имена *Тверь*, *Пермь*, *Усть-Каменогорск* будет уместно передать в транслитерации следующим образом: *Tver', Perm', Ust'-Kamenogorsk.*

При транслитерации иностранных имён средствами русской графики нередко появляются написания, не соответствующие реальному звучанию этих имён: фр. *Hugo* /ygo/ → Гюго /g'ug"o/. В русскую транслитерацию могут включаться элементы приблизительной практической транскрипции: *New York* → Нью Йорк.

Универсальные классификации звуков не просто регистрируют то, что наблюдается в речи на разных языках мира. Они обладают прогностирующей силой. Так, с помощью таблиц согласных могут предсказываться звуки, которые не наблюдались, но артикуляторно возможны, и звуки, которые артикуляторно невозможны (в последних случаях соответствующие клетки зачёркиваются или затушёвываются).

Выводы по главе VI:

1. Письмо можно определить как систему знаков, позволяющую передавать информацию на расстояние и сохранять ее во времени. Система письма имеет постоянный состав знаков. Знаки письма могут фиксировать разные единицы звуковой речи. Если знаки соотносятся со словом или с морфемой, то мы говорим об **идеографическом** типе письма. В том случае, когда знак обозначает звук (фонему), говорят о **фонографической** разновидности.
2. Транскрипция – это специальный вид буквенного письма, она используется для точной передачи звуков того или иного языка, диалекта или индивидуальной речи. Создание транскрипции вызвано тем, что любое современное буквенное письмо отражает звучание слов лишь в некоторых случаях, когда используется фонетический принцип орфографии. Чаще всего правила написания и правила чтения не совпадают.
3. По предмету транскрипции бывают алфавитные и неалфавитные (аналфабетические). Алфавитные транскрипции записывают акустическое впечатление о звуке или фонеме. Аналфабетическая транскрипция фиксирует не акустическое впечатление о звуке речи, а его артикуляцию.
4. Для нужд общей фонетики требуются транскрипционные системы универсального назначения, пригодные для фиксации особенностей звучащей речи на любом языке и более или менее общепринятые в международных лингвистических кругах. Наиболее распространены системы, использующие в качестве фонетических символов знаки

латинской графики с добавлением, в случае необходимости, знаков из других графических систем. Таковы, например, система МФА (Международной фонетической ассоциации, International Phonetic Association) в разных её версиях и восходящая к ней система Л.В. Щербы.

5. Транскрипция не должна смешиваться с **транслитерацией**, которая служит передаче написания слова (чаще всего собственного имени) какого-либо языка средствами иной графической системы. Передача осуществляется побуквенно.

Вопросы для обсуждения:

1. Письмо Алфавит, графика и орфография.
2. Соотношение понятий: транскрипция и транслитерация.
3. Понятие фонетической транскрипции. Общие правила транскрипции.
4. Основы русской транскрипции. Правила транскрибирования звучащей речи.
5. Международная транскрипция, дополненная Л. В. Щербой.
6. Понятие фонематической транскрипции.

Упражнение №1.

Затранскрибируйте данный микротекст по правилам русской полной и упрощенной фонетической транскрипции:

Природа, перед тем как отправить деревья на покой, устраивает каждый год лесной пир, последний лесной карнавал, своеобразную выставку красоты леса. Каждое дерево одевается в свою одежду. И только сосны, кажется, равнодушны к земной суете своих собратьев.

(Ф. Абрамов).

Упражнение №2.

Затранскрибируйте данный микротекст по правилам международной транскрипции;

Упражнение №3.

Переведите текст на английский (немецкий, французский) язык и затранскрибируйте полученный микротекст по правилам данного иностранного языка;

Упражнение №4.

Затранскрибируйте перевод текста по правилам международной транскрипции;

Упражнение №5.

Затранскрибируйте данный микротекст по правилам русской фонематической транскрипции.

Часть II. Основы общей грамматики.

Глава I. Основные разделы общей грамматики.

§1. Грамматика, ее основные разделы. Единицы грамматического строя языка.

Грамматика (греч. grammatike, от gramma — ‘буква, написание’) — 1) строй языка, т. е. система морфологических категорий и форм, синтаксических категорий и конструкций, способов словопроизводства. В триаде, организующей язык в целом — в его звуковой, лексико-фразеологической и собственно формальной системах, — это категории и все явления формального, собственно строевого уровня языка. Грамматикой называется вся несобственно звуковая и нелексическая организация языка, представленная в его *грамматических категориях, грамматических единицах* и *грамматических формах.* Грамматика в этом значении представляет собой строевую основу языка, без которой не могут быть созданы слова (со всеми их формами) и их сочленения, предложения (шире — высказывания) и их сочленения;

2)раздел *языкознания,* изучающий такой строй, его неодноуровневую организацию, его категории и их отношения друг к другу;

3)термин «грамматика» иногда также употребляют для обозначения функций отдельных грамматических категорий или лексико-грамматических множеств. Так, например, говорят о грамматике той или иной части речи

(например, грамматика имени, грамматика глагола) или о грамматика того или иного падежа, инфинитива, предлогов.

Грамматика так же, как и лексикология, является семантически ориентированным разделом языкознания, однако предметом изучения ее является грамматический строй языка, его формальная организация и функционирование. Если лексический строй языка образуют конкретные единицы — слова и устойчивые идиоматические выражения (фразеологические обороты), то грамматический строй — абстрактные единицы (формы, конструкции), объединяющиеся в классы, подклассы, отражающие законы и правила образования и изменения слов, соединения их в словосочетания и предложения. В отличие от лексического строя языка, подверженного изменениям под влиянием языковых и внеязыковых факторов, грамматический строй характеризуется большей стабильностью, поэтому его часто относят к языковому центру, тогда как лексический строй — к смысловой периферии. Происходящие в нем изменения касаются, как правило, внутреннего устройства отдельных грамматических категорий (например, утрату в русском языке форм двойственного числа при сохранении в целом категории числа), тогда как сам грамматический строй языка на протяжении многих веков остается без изменения. Вместе с тем грамматический строй языка тесно связан с лексическим, о чем свидетельствуют следующие факты:

1) слово как единица языка принадлежит одновременно и лексике, и грамматике: к лексике оно относится как единица, имеющая свое собственное лексическое значение, связанная разнообразными семантическими отношениями с другими единицами языка, входящая в различные лексические группы и подгруппы; к грамматике слово относится как единица морфологии (принадлежащая тому или иному грамматическому классу, обладающая грамматической формой и значением) и в то же время — как единица синтаксиса, использующаяся в словосочетаниях и предложениях;

2) двойственная природа словообразования: образование слов происходит по существующим в языке грамматическим законам сочетания морфем, в результате действия этих законов создаются новые лексические единицы — слова;

3) наличие общих грамматических признаков в мотивирующих и мотивированных словах (например: *стирать — стирка:* сохранение признака процессуальности и сильного управления или *читать — чтение, прочитать — прочтение:* сохранение следов видовых значений);

4) характер распределения слов по частям речи, которые представляют собой лексико-грамматические классы слов, объединенных общностью грамматического категориального значения (сопровождающего лексическое значение слова), морфологических признаков и синтаксических функций;

5) наличие в той или иной части речи лексико-грамматических разрядов слов, выделяющихся своими лексическими и грамматическими характеристиками (например, среди имен существительных выделяются вещественные существительные, объединяемые значением однородного по своему составу, неделимого вещества, а грамматически — тем, что имеют, как правило, форму одного какого-либо числа: единственного (например: *творог, тушь)* или множественного (например: *щи, белила).*

Этой связью грамматического строя языка с лексическим и объясняется тот факт, что традиционная европейская грамматика сложилась вокруг понятия слова. Не случайно первоначально грамматика рассматривалась как «служанка текстов», т.е. как основа для правильного понимания произведений словесности. И только лишь со временем на основе грамматических комментариев к текстам сложилось учение о грамматических классах слов — частях речи, их категориях и правилах словоизменения.

Грамматический строй языка — многоуровневая система. В неё входят словообразование, морфология и синтаксис, которые в своем взаимодействии и образуют грамматический строй языка.

Грамматика изучает не только организацию грамматического строя языка, но и законы и правила образования и изменения слов, соединения их в словосочетания, правила построения предложений и объединения их в рамках более сложных синтаксических конструкций. Поэтому в грамматике в самостоятельные разделы выделяются словообразование, морфология и синтаксис. Словообразование обращено к изучению внутреннего строения слова, его членимости на словообразовательные морфемы, а также к изучению правил образования слов. Морфология изучает грамматические свойства слов, явления их словоизменения (парадигматику слов), а также способы выражения абстрактных грамматических значений, разрабатывает учение о частях речи. Предмет изучения синтаксиса — явления сочетаемости слов, порядок их следования внутри предложений, общие свойства предложений, правила объединения простых предложений в составе сложных, т.е. механизмы языка, которые способствуют порождению речи.

Центральными понятиями грамматики являются грамматическая категория, грамматическое значение, грамматическая форма и грамматический способ. Все эти абстракции представлены в конкретных грамматических единицах (в слове, словосочетании, предложении), оформленных в соответствии с грамматическими законами языка.

Основные единицы грамматического строя языка.

Грамматический строй языка имеет и свои **грамматические единицы,** т.е. грамматически оформленные языковые образования — морфему, слово, словоформу, словосочетание и предложение,— каждое из которых характеризуется своими отличительными признаками.

Морфема (< греч. *morphe* – ‘форма’) — это минимальная значимая часть слова или словоформы. Морфемы являются строительным материалом слова. Есть языки (например, китайский или вьетнамский), в которых морфема совпадает со слогом и непосредственно доступна наблюдению, но обычно морфемы выделяются путем специального морфемного анализа.

В зависимости от роли морфемы в слове среди них выделяют **корневые** морфемы (непроизводные основы) и **служебные** (различные аффиксы < лат. *affixus* – ‘прикрепленный’: префиксы, суффиксы, интерфиксы, инфиксы, трансфиксы, конфиксы, постфиксы, флексии). В корневых морфемах понятие выражается «в чистом виде», поэтому именно они формируют лексическое значение слова, служебные морфемы привносят дополнительные оттенки, передают словообразовательное и грамматическое значения (например: в слове *беловатый* корневая морфема *бел-* передает понятие ‘белизны’, суффикс *-оват-* передает значение слабой степени проявления признака, окончание *-ый* привносит грамматическое значение признаковости, а также значение муж.р., ед.ч. и им.п.).

Слово является одной из основных грамматических единиц. Оно представляет собой единство формы (звуковая оболочка) и содержания (лексическое и грамматическое значение). К грамматическому значению слова относятся: общее категориальное значение, т.е. его значение как части речи (как единицы, принадлежащей к определенному лексико-грамматическому классу), а также все его частные грамматические значения (например, у имени существительного в русском языке — значение рода, значение одушевленности/неодушевленности, у некоторых существительных — такие частные грамматические значения, как значение собирательности, единичности; у глагола — значения вида, залога, времени, лица, наклонения, а в формах прошедшего времени — и рода и т.д.).

К грамматическим свойствам слова относится его грамматическая и словообразовательная оформленность, его способность к формальным изменениям (например, склонению или спряжению). Будучи элементом грамматики, слово обладает не только словообразовательной структурой, но и грамматической формой, а также синтаксическими свойствами, т.е. способностью сочетаться с другими словоформами в предложении, участвуя в построении предложений и высказываний. Т.о., слово является грамматической единицей, принадлежащей одновременно всем трем

уровням грамматической системы языка — словообразованию, морфологии и синтаксису.

Словосочетание — это синтаксическая конструкция, которая состоит из двух или более знаменательных слов, связанных между собой подчинительной связью — согласованием, управлением, примыканием или в некоторых языках — соположением (в ряде языков, например, в иранских и тюркских существуют и другие виды синтаксической связи слов, в частности, изафет, а в чукотско-камчатских языках — инкорпорирование). В этой синтаксической конструкции грамматически независимое слово является главным компонентом словосочетания, грамматически подчиненное — зависимым компонентом. Частеречная принадлежность стержневого компонента словосочетания определяет его тип, в связи с чем словосочетания подразделяются на субстантивные (например: *новый дом),* адъективные (например: *полный воды),* глагольные (например: *читать книгу)* и наречные *(*например: *поблизости от дома)*. Словосочетание так же, как и слово, является единицей называющей. Оно обозначает предмет, явление, процесс, качество, названные стержневым словом и конкретизируемые зависимым. Грамматическое значение словосочетания создается отношением, которое возникает между знаменательными словами, входящими в это словосочетание, соединяющимися на основе подчинительной грамматической связи согласования (например: *зеленый май),* управления (например: *купить книгу)* и примыкания (например: *весело смеяться)*. Словосочетание тесно связано с предложением, поскольку функционирует оно в составе предложения, обнаруживая здесь разные правила своего употребления.

Существует, однако, и другое определение словосочетания, согласно которому под словосочетанием понимается любое грамматическое соединение полнозначных слов. В этом расширительном толковании словосочетания выделяется не только подчинительная связь, но и предикативная (связь между подлежащим и сказуемым), сочинительная

(связь между однородными членами предложения), а также аппозитивная (связь между словами, поясняющими друг друга).

Предложение — это синтаксическая конструкция, представляющая грамматически организованное соединение слов (или слово), обладающее известной смысловой и интонационной законченностью. Будучи единицей общения, предложение служит для формирования и выражения мысли, в чем проявляется единство языка и мышления. В отличие от словосочетания — единицы называющей, предложение является коммуникативной единицей языка. Кроме коммуникативности, предложение отличают от словосочетания предикативность, т.е. отнесенность высказывания к действительности (В.В. Виноградов), и модальность, т.е. оценка говорящим высказывания с точки зрения реальности/ирреальности, достоверности/вероятности, возможности, целесообразности, необходимости. Предложение строится по определенному синтаксическому образцу, существующему в данном языке, всегда функционально нагружено (т.е. используется с той или иной коммуникативной целью, например, вопросительные, побудительные или повествовательные предложения) и интонационно оформлено. Как единица грамматики оно обладает грамматическим значением (в частности, значением предикативности), категориями семантической структуры и компонентами актуального членения (т.е. членения на исходную часть сообщения или *тему* и на то, что утверждается о ней или *рему).* Предложение, подобно слову в словосочетании, может вступать в синтаксические отношения с другими предложениями, образуя разные виды сложных предложений.

Лексическое и грамматическое значение слова.

Слово как единица грамматического строя языка обладает лексическим и грамматическим значениями.

Лексическое значение слова — это его содержание, т.е. устанавливаемая нашим мышлением соотнесенность между звуковым комплексом, понятием и предметом (или явлением), обозначаемым этим

комплексом. Лексическое значение слова индивидуально, причем оно остается одним и тем же во всех грамматических формах слова (например: *дом, дома, дому* и т.д.), т.е. оно принадлежит не одной словоформе, а всему слову в целом. Лексическое значение выражено в слове непосредственно, поскольку оно соотносит слово с тем или иным понятием и делает его знаком этого понятия.

Грамматическое значение — это абстрактное языковое содержание грамматической единицы, имеющее в языке регулярное (стандартное) выражение (например, грамматическим значением слов *новый, старый* является общее категориальное значение признаковости, а также частные грамматические значения — рода, числа и падежа: все эти значения имеют в языке стандартное выражение в аффиксальной морфеме *-ый;* в английском языке грамматическое значение множественного числа регулярно выражается с помощью суффикса *-(e)s,* например: *books, students, hors-es).* Грамматическое значение отличается от лексического более высоким уровнем абстракции, т.к. «это абстракция признаков и отношений» (А.А. Реформатский). Грамматическое значение не индивидуально, поскольку оно принадлежит целому классу слов, объединенных общностью морфологических свойств и синтаксических функций. Некоторые частные грамматические значения могут меняться в слове в разных его грамматических формах (например, изменение значения числа и падежа у существительных или времени в глагольных формах, тогда как лексическое значение слова остается у них неизменным). Вместе с тем возможность изменения грамматического значения слова ограничивается самим набором грамматических значений той или иной части речи, «закрытостью» их списка в каждом языке, тогда как список лексических значений является открытым, так как лексическая система любого языка носит открытый характер, а это, значит, она способна пополняться новыми словами и соответственно новыми значениями. В отличие от лексического значения, грамматическое не называется словом прямо, непосредственно, а выражается в нем «попутно»,

строго определенным способом, с помощью специально закрепленных за ним грамматических средств (аффиксов). Оно как бы сопутствует лексическому значению слова, являясь его добавочным значением.

Абстрагированное языковое содержание, выражаемое грамматическим значением, имеет разную степень абстракции, т.е. по своей природе грамматическое значение неоднородно: оно может быть более абстрактным или менее абстрактным (например, в слове *читал* наиболее абстрактным является значение процесса: оно присуще всем глаголам и всем его формам; за ним следует значение прошедшего времени: оно присуще всем глаголам в форме прошедшего времени; более определенным и узким является значение мужского рода: оно присуще только формам глагола, противостоящим формам женского и среднего рода и сочетающимся с местоимением *он).* В зависимости от характера грамматического значения, т.е. от того, является ли оно внутренне присущим слову (например, значение предметности у существительного) или же реализуется в словоформе в определенном контексте в составе словосочетания или предложения (например, значение числа и падежа у существительного), различаются несинтаксические или референциальные (< лат. *refere* –‘связывать, относить’) грамматические значения, которые внутренне присущи слову (например, значение рода у существительных), и синтаксические или реляционные (< лат. *relatio* – ‘сообщение’) грамматические значения, указывающие на отношение слова (а точнее словоформы) к другим словам в словосочетании или предложении (например, значение рода, числа, падежа у прилагательного). Наконец, в зависимости от соотношения грамматического значения с характером отображаемых объектов, различают объективные или диктальные (< лат. *dictare* – ‘предписывать’) грамматические значения, которые передают объективные, не зависящие от субъекта признаки и отношения (например: грамматические значения признака у прилагательных, времени и вида у глагола) и модальные (< лат. *modalis* < лат. *modus*– ‘мера, способ’), отражающие отношение говорящего к тому, о чем он говорит или с кем он

говорит (например: грамматические значения субъективной оценки, наклонения и т.д.).

Грамматическое значение слова выводится из его отношения к другим единицам того же класса (например, грамматическое значение формы прошедшего времени глагола *нес* выводится путем соотношения ее с другими временными формами — *несет, будет нести).*

К грамматическому значению слова относят нередко и его словообразовательное значение (если слово производное), поскольку словообразование является частью грамматического строя языка. **Словообразовательное** значение — это обобщенное значение, присущее лишь мотивированным словам, выраженное словообразовательными средствами. Оно представляет собой определенное смысловое соотношение между членами словообразовательной пары — производящим и производным словами. Как и грамматическое значение, оно не индивидуально, а характеризует целые классы слов, относящихся к одному **словообразовательному** типу, т.е. построенных по одной типизированной модели (а это значит, что все эти слова относятся к одной и той же части речи, образованы одним и тем же способом словообразования, с помощью одного и того же аффикса от основы, принадлежащей к одной и той же части речи, и все они имеют одно и то же словообразовательное значение, например:, например, словообразовательный тип ‘лицо, производящее действие, названное мотивирующим словом’: *учитель, писатель, строитель, следователь* и т.д.). Словообразовательное значение имеет разную степень абстрактности (например: разную степень абстрактности следующих словообразовательных значений: ‘невзрослости’ в словах, называющих детенышей животных: *котенок, волчонок* или ‘кратковременности действия’ в глаголах *всплакнуть, прихворнуть).* Вместе с тем словообразовательные значения более абстрактны, чем лексические, но более конкретны, чем грамматические (например:, например,

словообразовательное значение ‘уменьшительности’ и грамматическое значение ‘одушевленности’).

Поскольку смысловые отношения между производящим и производным словом могут складываться по-разному, то различают несколько семантических типов словообразовательного значения: мутационный, при котором значение производного слова выводится из значения производящего, т.е. производное слово выступает как носитель признака, названного производящим (например, предметно характеризующее словообразовательное значение ‘носитель атрибутивного признака’ в слове *мудрец)*, при этом частеречная принадлежность производного слова может совпадать, а может и не совпадать с производящим (например: *хлеб — хлебница, читать — читатель);* **транспозиционный** тип, при котором значение производного слова полностью сохраняет грамматическую семантику производящего, хотя оно переводится в другой частеречный класс (например: значение опредмеченного действия в слове *ходьба* или значение отвлеченного признака в слове *мудрость)* и **модификационный** тип, при котором значение производного слова, получающего дополнительный семантический компонент, лишь модифицируется, поскольку значение производящего слова полностью включается в семантический объем производного, частеречная принадлежность которого не меняется (например: значение собирательности в слове *воронье* или единичности в слове *горошина).*

Материальным выражением грамматического значения слова в широком смысле является его **грамматическая форма. В** узком смысле слова под грамматической формой понимается одно из регулярных видоизменений слова (например, любая форма слова при его склонении или спряжении). Грамматическое значение и грамматическая форма неотделимы друг от друга, они являются двумя сторонами языкового знака. Однако отношения между ними не однозначные: одна и та же грамматическая форма может передавать несколько грамматических значений (например, словоформа

братом заключает в себе значения предметности, мужского рода, единственного числа, творительного падежа, одушевленности, конкретности) и наоборот, одно и то же грамматическое значение может быть передано несколькими грамматическими формами (например, значение множественности, заключенное в словах *листья* и *листва,* которое передается разными грамматическими формами, или значение уменьшительности и ласкательности, передающееся разными суффиксами: *-ик: домик, -ок: городок, -очек: сыночек* и др.). Совокупность грамматических форм одного слова называется **парадигмой** (например: им.п. *дом,* род.п. *дома,* дат.п. *дому*). Слово может обладать **полной парадигмой,** т.е. включающей все возможные в том или ином языке грамматические формы, присущие данной части речи (например, склоняемые существительные русского языка типа *стол, страна, село* имеют полную парадигму из двенадцати грамматических форм), **неполной** или **дефектной парадигмой,** в которой отсутствуют некоторые грамматические формы (например, в глаголах типа *победить, убедить* нет формы 1 л. ед.ч.) и **изобилующей парадигмой,** в которой имеются избыточные грамматические формы (например, парадигмы глаголов капать: *капает* и *каплет* или двигать: *двигает* и *движет)*.

Несмотря на то, что грамматическое значение является как бы побочным значением слова, оно играет существенную роль в создании целостного значения предложения (например: *я положил подарок друга ...* и *я положил подарок другу...,* изменение грамматического значения падежа в слове *друг* приводит к изменению смысла предложения). Яркой иллюстрацией этого положения может служить предложение, составленное Л.В. Щербой из бессмысленных, но грамматически правильно оформленных и связанных между собой слов, передающих определенное грамматическое значение и формирующих даже некоторый смысл предложения: *Глокая куздра штеко будланула бокра и кудрячит бокренка.* Каждое слово в нем содержит в себе морфемы, значение которых легко выводится из отношения слов друг к

другу (например, значение женского рода, которое передается флексиями *-ая (глокая), -а (куздра* и *будланула),* значение времени – прошедшего – суф. *-л (будланула)* и настоящего – флексия *-ит (кудрячит),* значение невзрослости — суф.*-онок (бокренка),* значение одушевленности – флексия *-а (бокра* и *бокренка),* значение однократности действия – суф. *-ну (будланула).*

В разных языках мира «статус» того или иного значения слова может быть разным, а именно лексическим или грамматическим: например, значение определенности/неопределенности в одних языках (в частности, в английском, немецком, французском) является грамматическим (так как в них имеются специальные языковые средства для его выражения), а в других (например, в русском) — лексическим (так как здесь артикли отсутствуют).

§2. Статус морфемики как раздела науки о языке.

Морфемика — морфемный строй языка, совокупность вычленяемых в словах *морфем* и их типы; раздел языкознания, изучающий типы и структуру морфем, их отношения друг к другу и к слову в целом. Основными объектами исследования в морфемики являются морфемы, их формальные видоизменения — *морфы* и их линейные сочетания (слово в целом как последовательность морфем; во флективных языках — основа, словоформа). Поскольку грамматические морфемы (аффиксы) являются объектом грамматики, морфемика может рассматриваться как часть грамматики, охватывающая те аспекты разделов «Морфология» и «Словообразование», которые связаны с грамматическим морфемами, выражаемыми с их помощью грамматическими и словообразовательными значениями. В качестве подразделов морфемики могут быть определены: 1) учение о видах морфем по их месту в слове и по функции [корень и служебные морфемы (аффиксы); виды аффиксов: префикс, суффикс, флексия, постфикс, интерфикс, инфикс, конфикс и т. п.]; 2) учение о типах значений, выражаемых морфемами [лексические, грамматические (морфологические), словообразовательные значения: разновидности грамматических и словообразовательных значений]; 3) учение о линейных (синтагматических)

и нелинейных (парадигматических) языковых единицах морфемного уровня, первые из которых являются представителями вторых в тексте (морф и морфема, словоформа и слово, основа словоформы и основа слова); 4) учение о принципах вычленения в словоформах минимальных значимых линейных единиц — морфов и о правилах объединения морфов (алломорфов, вариантов морфемы) в парадигматические единицы (морфемы); 5) учение о звуковых изменениях, связанных с сочетаемостью значимых единиц языка, меньших, чем слово (чередование фонем в пределах морфемы — в разных ее морфах; усечение и наращение основ; в языках с подвижным ударением — ударение в его морфематической функции); 6) учение о типах (моделях) фонологической структуры морфов разных классов и морфной структуры словоформ (слов). Два последних подраздела (полностью или частично, в зависимости от лингвистической концепции) относятся к сфере *морфонологии,* которая может, т. о., рассматриваться как часть морфемики. В соответствии с разработкой типологии морфем, их значений, разновидностей, морфонологических явлений осуществляется их инвентаризация в грамматиках и морфемных словарях.

Морфемный анализ слова (иногда называемый также морфологическим) представляет собой один из возможных способов анализа структуры слова наряду с анализом словообразовательным**.** Морфемный анализ предполагает вычленение в слове (словоформе) всех составляющих его морфов и установление их значений. В школьной практике подобный анализ осуществляется в т. н. разборе слов по составу. Правильное установление границ между морфами определяется рассмотрением слова (словоформы) в рядах однотипных по структуре (однокоренных и одноаффиксальных) образований.

Хотя термин «морфемика» не является общепринятым, учение о морфемах и принципы описания морфемного уровня разработаны применительно к языкам различной структуры.

§3. Общая и частная морфология.

Морфология (от греч. morphe —форма и logos — слово, учение) — 1) система механизмов языка, обеспечивающая построение и понимание его *словоформ;* 2) раздел *грамматики,* изучающий закономерности функционирования и развития этой системы.

Объем понятия «морфология» трактуется в различных концепциях по-разному. Согласно одной из наиболее распространенных точек зрения, морфология изучает структуру значимых *единиц языка,* по протяженности не превышающих синтагматические *слова* (или словоформы). Максимальная единица морфологии — словоформа — является вместе с тем минимальной единицей *синтаксиса.*

Главное основание для выделения морфологии в качестве особого раздела грамматики — членимость словоформы на меньшие знаковые единицы, называемые *морфемами, морфами* или монемами: *означаемое* словоформы членится на меньшие означаемые, а ее *означающее* — на меньшие означающие. Морфология, т. о., обеспечивает «поморфемное» соотнесение компонентов внутренней (содержательной) стороны словоформы с компонентами ее внешней (звуковой) стороны, причем нацеленность морфологии на передачу значений именно служебными элементами (а не корнями) отличает морфологию от *лексикологии* (в центре внимания которой, напротив, значения корней и целых слов.

Традиционное членение грамматики на морфологию (грамматику слова) и синтаксис (грамматику словосочетания, предложения), в целесообразности которого сомневались Ф. де Соссюр, Л. Ельмслев, 3. 3. Харрис, Ч. Ф. Хоккет, не обладает абсолютной и универсальной значимостью. Важнее всего оно для языков с четкой структурной противопоставленностью слова и морфемы и по мере нарастания *аналитизма* теряет свою ценность. Поэтому в описаниях языков с бедной морфологией (англ., кит., индонез., ми. тибето-бирманские языки и др.) морфология как раздел грамматики отходит на задний план, а для аморфных («корневых») языков (др.-кит., совр. тайские, вьетнам., йоруба, пиджин-инглиш) значимость морфологии практически

сводится к нулю (если не считать сложения, трактуемого либо как словосложение, либо как морфемосложение). Кроме того, для ряда агглютинативных языков (япоп., дравидийские, марийский) трудно отличить *аффиксы* от *служебных слов:* одни и те же единицы квалифицируются то как «неотделимые частицы», то как «подвижные» («мобильные») аффиксы. Линейная расстановка таких служебных морфем более адекватно описывается методами синтаксиса, чем традиционными методами морфологии.

Различают общую (теоретическую) морфологию и частные морфологии отдельных языков. В задачи общей морфологии обычно включается инвентаризация морфологических способов, применяемых в языках мира, и морфологических значений, ими выражаемых, а также типов формально-смысловых отношений между знаками. Явления асимметрии морфологического знака, а также функциональное расслоение знаков на корневые и служебные делает целесообразным самостоятельное изучение относительно автономных односторонних компонентов формы («формативов», «субморфов») или значения («сем»). Частная морфология как раз и рассматривает специфику языкового знака в контексте его формально-смысловых отношений внутри того или иного языка.

§4. Комплексные разделы общего синтаксиса.

Синтаксис (от греч. syntaxis — ‘построение, порядок’) — 1) характерные для конкретных языков средства и правила создания речевых единиц; 2) раздел грамматики, изучающий процессы порождения речи: сочетаемость и порядок следования слов внутри предложения, а также общие свойства предложения как автономной единицы языка и высказывания как части текста.

Объект общего синтаксиса как области языкознания составляют те механизмы *языка* (морфологические, фонетические, композиционные и др.), которые обеспечивают переход от языка к *речи,* способы образования из конечного числа исходных языковых элементов (слов, словоформ,

словосочетаний, предложений) бесконечного множества речевых произведений (интонационно оформленных высказываний, способных входить в состав текста). С. исследует и формулирует правила речеобразования. В соответствии с этапами синтезирования речи, на каждом из которых происходит создание не только более сложных, но и наделенных новым качеством единиц, общий синтаксис членится на три комплексных раздела. В первом — синтаксис частей речи (словосочетания, присловных связей, синтагматический синтаксис) — изучаются сочетательные возможности слова (синтаксические валентности), способы их реализации (согласование, управление, примыкание и др.) и выражаемые ими отношения. Во втором разделе синтаксиса — описываются внутренняя структура, коммуникативные типы (сообщение, вопрос, побуждение), предикативность и модальность, семантика и синонимия, преобразования (например, замена придаточной части причастным оборотом) простого и сложного предложения как целостной предикативной и полипредикативной единицы, а также виды и способы выражения отношений, формирующих сложное предложение,— *сочинения* и *подчинения.* Словоформы и словосочетания рассматриваются в качестве компонентов предложения. Набор модальных, временных и других форм предложения иногда рассматривается как его парадигма. В третьем разделе исследуется актуализация предложения, т. е. те модификации, которые оно претерпевает при вхождении в диалогический или монологический текст, — актуальный синтаксис, синтаксис текста. В этом разделе изучаются также правила адаптации предложения к контексту (прономинализация, эллипсис, изменение порядка слов, метатекстовые вводные слова типа *поэтому, однако, следовательно*), с одной стороны, и к ситуации речи, с другой (референция имен и именных выражений, авторизация и адресация высказывания). Вся перечисленная проблематика исследуется в синхронном и диахроническом аспектах.

Выводы по главе I:

1. Грамматика имеет дело с абстракциями, обобщениями. Характер этих обобщений различен. Это может быть, например, обобщение способов словесного называния (в словообразовании), разнообразных отношений (в падежных значениях, в соединениях слов и форм слов, в строении предложения), обобщенно выраженных в языке ситуаций (таких, например, как отношение между субъектом и его действием или состоянием, между действием и его объектом). Грамматика (грамматический строй языка) как система абстрактных категорий, представляющих собой единства отвлеченных грамматических значений и их формальных выражений, является той основой, без которой язык не существует и не функционирует.
2. Грамматические категории находятся друг с другом в сложных и тесных взаимоотношениях, имеющих свойство системы. Грамматические категории противопоставлены друг другу как категории, принадлежащие слову, и как категории, принадлежащие предложению.
3. *Слово* — одна из основных единиц грамматики. В слове сочленены его звуковая материя и его значения — лексическое и грамматическое. К грамматическому значению слова относятся: его значение как *части речи,* т. е. как единицы, принадлежащей к определенному лексико-грамматическому классу, его словообразовательное значение (в производном слове) и все его общие и частные грамматические значения (у имени — значения рода, числа, падежа, у глагола — значения вида, залога, времени, лица, числа, наклонения, в ряде форм также значение рода). Кроме того, у мн. знаменательных слов есть и более частные грамматические значения, принадлежащие отд. их группам (например, у русских имен существительных значение одушевленности или неодушевленности), а также т. н. лексико-грамматические значения (например, у русских имен существительных значение вещественности, у многих производных глаголов значение способов действия).

4. Кроме общих и частных грамматических значений слову принадлежит также его собственный активный потенциал, проявляющийся, с одной стороны, в возможностях его синтаксической и лексико-семантической сочетаемости (интенция слова, его *валентность),* а с другой стороны, в том, что слово постоянно проявляет тенденцию вбирать в себя, конденсировать и абстрагировать семантические и грамматические характеристики своего лексико-грамматического окружения.
5. Слово является единицей как лексического, так и грамматического уровней языка и обнаруживает признаки, свойственные единицам обоих этих уровней. Кроме того, сама звуковая организация слова также небезразлична как к его формальным изменениям, так и к его непосредственному окружению.
6. Слово связано со всей системой языка несколькими линиями отношений. Во-первых, это лексико-парадигматические отношения, т. е. вхождение в лексико-семантические классы и подклассы; во-вторых, это собственно грамматические отношения, т. е. связи грамматических категорий и грамматической парадигмы; в-третьих, это все синтагматические отношения слова, характерные для его функционирования в сообщении, объективируемые в системе языка как внутреннее свойство слова и являющиеся основой для построения словосочетаний.
7. Роль слова в грамматике понимается разными грамматистами по-разному. По существу ни один из них не обходится без обращения к слову как к важнейшей грамматической единице языка; однако роль слова в организации грамматической системы трактуется неодинаково.
8. Другой важнейшей единицей грамматического строя языка является единица сообщения — *предложение.* Предложение в его противопоставлении *высказыванию* может быть определено как сообщающая единица, построенная по определенному грамматическому (синтаксическому) образцу, существующая в языке в различных своих формах и модификациях, функционально (с той или иной

коммуникативной целью) нагруженная и всегда интонационно оформленная.

9. Предложению как грамматической единице принадлежат такие категории, как предикативность (максимально абстрагированное грамматическое значение, свойственное любому предложению и предстающее в категориях объективной модальности, т. е. в системе значений, выявляющихся на уровне синтаксической реальности/ирреальности, а также синтаксических времен), категории его семантической структуры, категории *актуального членения предложения* — тема и рема. Традиционно выделение в предложении его членов — главных и второстепенных, а также распределение предложений по грамматическим типам. Предложение, как и слово, вступает в синтагматические отношения с другими предложениями или с их аналогами, образуя разные виды *сложных предложений,* бессоюзные соединения или входя в строй текста как его конструирующий компонент.
10. Характеристики слова, относящиеся к его звуковым преобразованиям, вызываемым его формальными изменениями и его соседством, принадлежат в языке к сфере морфонологии. Явления, связанные с образованием слова как отд. единицы, относятся к *словообразованию.* Все, что связано с абстрактными грамматическими значениями слова и его формоизменением, относится к *морфологии.* Все явления, связанные с синтагматикой слова, а также с построением и синтагматикой предложения, относятся к синтаксической сфере языка. Отдельной единицей грамматического строя может считаться *морфема,* т. е. минимальная значимая часть слова или словоформы. Средствами морфем конструируются слова и их формы. Явления, которые относятся к образованию и функционированию словообразовательных и словоизменительных морфем, могут быть выделены в качестве отд. сферы внутри грамматики слова — его *морфемики,* однако традиционным

является рассмотрение морфем в системах словообразования (словообразовательная морфемика) и морфологии

11. Грамматика как строй языка представляет собой сложную организацию, сочленяющую в себе словообразование, морфологию и синтаксис. Эти подсистемы, особенно морфология и синтаксис, находятся в самом тесном взаимодействии и переплетении, так что отнесение тех или иных грамматических явлений к морфологии или синтаксису часто оказывается условным (например, категории падежа, залога). Вопрос о принадлежности к грамматике – «высшего синтаксиса», т. е. закономерностей строения сложных, развернутых текстовых единств, не решен в науке; однако несомненно, что эти закономерности имеют несколько иной характер, чем грамматические законы языка.
12. К грамматике иногда относят такие стороны звуковой организации языка, которыми непосредственно (материально) образуются его значимые единицы, а именно: звуковой строй языка, его акцентную систему и его интонационные конструкции, включая синтагмы как ритмические единицы речи. Основания для такого расширенного понимания предмета грамматики имеются, т. к. единицы звукового уровня, не являясь двусторонними знаками (т. е. знаками, обладающими как материальной оболочкой, так и значением), служат материальной основой этих знаков и таким образом участвуют в формировании морфем, слов, их форм, предложений и их членов. Однако незнаковый характер перечисленных звуковых средств не позволяет рассматривать звуковой строй языка наряду со словообразованием, морфологией и синтаксисом как подсистему грамматики. Соответственно в грамматике теперь уже традиционно выделяются разделы: словообразование, морфология и синтаксис.
13. В определенный момент своего развития грамматический строй языка представляет собой, с одной стороны, относительно стабильную систему, организованную по строгим и твердым законам; с другой стороны, эта

система находится в состоянии постоянного и активного функционирования, предоставляя свои средства для организации бесконечного кол-ва отдельных, конкретных слов и высказываний. Двойственность самой природы грамматического строя языка — его относительная стабильность и сложная внутренняя организация и многообразные явления функционирования этой организации свидетельствуют о том, что в грамматическом строе языка сочленены свойства стабильной системы и заложенных в ней возможностей.

14. Грамматический строй языка является исторической категорией, он находится в состоянии постоянного движения и развития и подчинен общим *законам развития языка.* На каждом этапе своей истории грамматический строй языка достаточно совершенен и служит формированию и выражению мыслей носителей языка, отвечая своему историческому назначению.

Вопросы для обсуждения:

1. Грамматика, ее основные разделы. Единицы грамматического строя языка.
2. Статус морфемики как раздела науки о языке.
3. Общая и частная морфология.
4. Комплексные разделы общего синтаксиса.

Упражнение №1.

Определите лексическое и грамматическое значение выделенных слов. Укажите средства выражения грамматических значений:

1.Закрытые измученные *веки,*
Миг отошедший *берегу,*
О, если б так стоять *вовеки*
На этом тихом *берегу* (В.Брюсов).

2. Мы открывали Маркса каждый *том,*
Но и без чтения мы разбирались в *том* (В. Маяковский).

3. И горячий, как кровь, материк

Замирает и слушает *с нами*

Тот серебряный курский язык,

Что наполнен любовью и *снами* (Е.Долматовский).

4. Старатель перед ним — и оборван и *бос*.

Но фирма неумолима.

Кричит, угрожает, торгуется *босс*,

Он больше не даст ни сантима (Е.Долматовский).

5. Продолжая ровно *есть*,

Улыбнулся вроде Теркин

И сказал: «Частично *есть*!» (А.Твардовский).

6. Есть и у капусты

Верхние листы:

Как подошва новая, толсты,

Крепче *бранных* слов,

Грубее *бранных* лат,

С жилами,— что парусный канат (Н.Матвеева)

7. Ой, вы, гости-господа,

Долго ль ездили? Куда?

Ладно ль за морем, иль худо?

И какое в *свете* чудо? (А.Пушкин).

8. Во всю ночь домовой на нем ездил

По горам, по лесам, по болотам,

С полуночи до белого *света* (А.Пушкин).

9. Вот мой Онегин на свободе;

Острижен по последней моде;

Как dandy лондонский одет —

И наконец увидел *свет* (А.Пушкин).

10. Дохнуло нежною весной,

Дохнуло свежестью лесной,

Когда, купаясь в *свете*.

Пришли на площадь дети (С.Маршак)

Упражнение №2.

Определите лексическое и грамматическое значение выделенных слов. Укажите средства выражения грамматических значений:

The English Language.

Knowledge of the foreign *language* is becoming more important *nowadays*. There are many reasons why we study English. *Now*, in a period when we are reconstructing our economy, when there are many joint ventures with foreign companies operating in our *country*, we need a number of specialists who *know* foreign *languages*. If you know English, you are *an intellectual*; you can communicate (personally or *in writing*) with *others* who use this language.

If you wish to make a career in *science*, you must read *scientific* books and magazines in English. *Knowing* and *understanding* English you can read the works of foreign *writers in original*.

A more general aim is to broaden our *intellectual*, *original* and cultural horizons through contacts with people of *other* countries.

Knowledge of foreign languages helps people of different *countries* to develop mutual friendship and *understanding*.

Упражнение №3.

Найдите имена существительные, прилагательные и числительные и глагольные формы, укажите их основные семантические, морфологические и синтаксические признаки:

Москва — сердце России, столица могущественного государства. Восемь столетий прошло с тех пор, когда впервые на страницах древней русской летописи было названо имя Москвы. В 1147 году летописец отметил встречу в Москве владимиро-суздальского князя Юрия Долгорукого со своими союзниками — черниговскими князьями. Этот исторический факт стал началом большой жизни Москвы, многовековая история которой, как в фокусе, отразила историю русского народа.

В 1156 году князь Юрий Долгорукий построил крепость — Московский Кремль. Первые его стены были деревянными, а каменные башни и стены возведены в XIV – XV веках. Скромное начало Москвы в середине XII века, казалось, ничем не предвещало ее великого будущего.

Упражнение №4.

Найдите имена существительные, прилагательные и числительные и глагольные формы, укажите их основные семантические, морфологические и синтаксические признаки:

The capital of Great Britain is London. It is an ancient city many centuries old. London was built by the Romans many years ago. They built a first town on the river Thames. The name of the town was Londinium. In Roman times it was a small town. In 1666 there was the Great Fire of London After that people built a new city. About 9 million people live in London. It is the seat of government of the whole country. It is also the center of British cultural life and famous for its places of interest.

Упражнение №5.

Вставьте пропущенные буквы, определите лексическое и грамматическое значение:

Соблюдать ч...стоту, ч...стота радиоволн; нав...вать скуку, нав...вать проволоку; разр...дить атмосферу, разр...дить посевы; проживать хлеб, прож...вать по адресу; зав...зировать документ, зав...зать шнурок; подр...жать старшим, др...жать от холода; спл…тить единомышленников, запл...тить долг; ув...дать друга, ув...дать от жары; скр...пить подписью, скр...петь на морозе; сл...пить глаза, сл...паться в комок; прекращать работу, укр...щать животных; св...ла гнёздышко, св...ла по лестнице; сп...шите к поезду, сп...шите задание у товарища; зал...зать рану, зал...зать в огород; отв...рить окно, отв...рить в воде; пот...рал руки, пот...рял перчатки; посв...тил фонарём, посв...тил стихи; деревенский ст...рожил, ст...рожил сад; вып...рите в бане, выл...рите шов; ч...стота в квартире, ч...стота употребления в языке; разр.-.дить густые всходы, разр...дить ружьё; упл...тил по предъявленному счету,

упл...тнил свое рабочее время; ст...сненный в средствах, т...сненный золотом переплёт; прим...рял врагов, прим...рял костюм; вып...лоть сорняки, выл...лить из пушки; нак...лите дров, нак...лите железо; скр...пить лист булавкой, скр...петь дверью; б...чевать баржу, б...чевать пороки;прист...жная в русской тройке, прист...жной воротник к пальто; б...резовое полено, б...рюзовое море; пр...дут в гости, пр...дут шерсть;в...лять шерсть, позв...лять шалость; ст...чить зазубрину на ноже, ст...чать сапоги.

Упражнение №6.

Определите лексическое и грамматическое значение следующих конверсивов. Составьте с ними предложения:

To jump – a jump, to salt – a salt lake – salt, to play – a play, to round with – a round table – a round, to love – a love story – love, to book – a book, to bore – a bore, to cook – a cook, to result – the result, Indian ocean – ocean current, air mass – in open air, in our country – country-side, an intellectual – intellectual point, an original – an original text, knowing and understanding Russian – love and understanding – he’s understanding you.

Глава II.

Морфемная организация английского и русского языков.

§ 1. Морфема как минимальная единица языка. Слово и морфема.

В качестве основной единицы языка слово всегда выступает перед нами как единство плана выражения и плана содержания. Поэтому слово, если и членится, то только на значимые части – морфемы.

Подавляющее большинство слов выступает как структурное целое, состоящее из определенным образом связанных между собой морфем.

Слова и морфемы принадлежат к знакам, они обладают своими соотнесёнными друг с другом **означаемыми** и **означающими.**

Слово и морфема являются основными единицами морфологического компонента языковой системы – верхней и нижней. Отношения между ними трактуются по-разному в различных направлениях лингвистической мысли.

В истории индийской языковедческой мысли сперва внимание исследователей было обращено на слово, но уже в древнеиндийских грамматических трудах исследовалось членение слова на его значимые части, т.е. стали выявляться элементы морфологической структуры слова. То же самое наблюдалось и в истории арабской лингвистической мысли. В античной (средиземноморской, греко-римской) языковедческой традиции и вслед за этим на протяжении многих веков в европейском языкознании в центре внимания стояло слово. Внутреннее его строение эпизодически описывалось уже в XVI в., но лишь в работах, посвящённых древнееврейскому и арабскому языкам. К значимым частям слова на материале языков иного строя европейские языковеды начали обращаться лишь в XIX в., когда пробудился интерес к сравнительно-историческим и типологическим исследованиям, когда стало ясно, что при сравнении родственных языков и при построении морфологических классификаций языков должны соотноситься не столько слова в целом, сколько их корневые и аффиксальные составляющие.

В конце XIX в. **И.А. Бодуэн де Куртенэ** объединил такие элементы в строении слова, как корень, суффикс, флексия (окончание), префикс (приставка), под общим именем **морфема.**

Впоследствии понятия слова и морфемы стали центральными в грамматическом анализе. И, тем не менее, есть различия в национальных лингвистических традициях. Языкознание в России и Германии преимущественно **словоцентрично** (лексицентрично), объявляет слово центральной единицей языка и отводит морфеме второстепенную роль. Напротив, языкознание во Франции и США по преимуществу **морфемоцентрично,** и выводит слово из морфемы, описывая его как своего рода синтаксическую конструкцию, построенную из морфем.

Под понятие морфемы многие представители французской и американской мысли стали подводить не только сегментные единицы, но и суперсегментные явления, служащие выражению грамматических значений

(значащие чередования фонем, чередования тонов и акцентных кривых, удвоение и т.п.).

У словоцентрического и морфемоцентрического подходов есть свои положительные моменты. Психологически носитель языка скорее выделяет слово, чем морфему. Для него слово конкретнее, а выделение морфемы требует определённых аналитических действий. Правда, это наблюдение в основном справедливо по отношению к языкам флективным (таким, как индоевропейские), где выделимость слова (словоформы) ощущается довольно хорошо и где различение слова и морфемы более контрастно. Для лингвиста-аналитика морфема представляет собой более определённый в своих границах объект, и этим понятием удобнее оперировать в описании мало изученных языков. Для лексикографии важнее понятие слова.

Выбор часто определяется целями исследования. Поэтому не надо жёстко противопоставлять словоцентрический и морфемоцентрический подходы и признавать только один из них правомерным.

Положение осложняется тем, что в большом ряде языков слово и морфема не могут быть чётко противопоставлены. Это касается аналитических языков типа вьетнамского, китайского и т.п. Поэтому разграничение слова и морфемы для китайского языковеда оказывается своего рода псевдопроблемой. В японском языкознании, которое в своих истоках во многом опиралось на китайскую языковедческую традицию (хотя и имеет дело с языком принципиально иного строя, где границы слогов и морфем в основном совпадают, но система имени агглютинативна, а система глагола флективна), под словом понимают и то, что словом называется в европейском языкознании, и то, что совпадает с формообразующей основой слова и даже с корнем в европейском понимании.

В языках, которые используют инкорпорацию, предполагающую построение предложения или словосочетания в результате сложения «голых» основ, без использования формальных показателей связи (как, например, в чукотском), разграничение слов и морфем тоже затруднено. Слово

агглютинативных языков (типа тюркских, финно-угорских языках) устроено не так, как слово флективных языков.

Надо иметь в виду, что современное языкознание в значительной мере европоцентрично, ориентируясь, прежде всего, на строй флективных индоевропейских языков (в средние века на строй латинского языка) и нередко стремясь описывать языки иного строя с использованием своих выработанных в течение более чем двух тысячелетий грамматических канонов. Однако общая грамматика, если она действительно хочет быть общей, должна считаться с материалом самых разных языков мира.

Сходства и различия между словом и морфемой.

Под **словом** обычно понимается минимальная значимая единица языка, которая

- **в функциональном плане**: прежде всего, является основной **номинативной** единицей языка и предназначена служить чаще всего прямому называнию отдельных элементов опыта (предметов, качеств, свойств, состояний, действий, оценок и т.п.; например: *стол*, *студент*, *умный*, *рослый*, *дремать*, *рубить*, *отлично*), а также отсылке к этим элементам опыта, например: *вышеназванный*, *этот*, *я*, *здесь*, *сейчас* или выражению отношений между элементами опыта, например: *и*, *к*, *для*;
- **в структурном плане**: вступает в синтаксические связи с другими словами в данном словосочетании и предложении; во многих случаях представляет собой возможный минимум предложения и берёт на себя функцию члена предложения, например: *Что он пил утром*? – *Чай*.; обладает позиционной самостоятельностью и, соответственно, способностью перемещаться в пределах словосочетания или предложения, отделяться словом или словосочетанием от предшествующего или последующего слова.

Под **морфемой** (во французской лингвистической традиции в этом случае употребляют, вслед за Андре Мартине, термин ***монема*)** обычно понимают минимальную значимую единицу языка, которая:

- **в функциональном плане**: не выступает сама по себе в качестве номинативной единицы и может лишь соучаствовать в сочетании с другими морфемами в образовании номинативных единиц, например: *чай-ник*, *при-город*, *вы-сып-а-ть*;
- **в структурном плане**: не вступает в синтаксические связи с другими единицами, не обладает позиционной самостоятельностью; может являться одной из составляющих слова (в случае многоморфемного слова) или же совпадать в своих линейных границах со словом (в случае одноморфемного слова).

Итак, и слово, и морфема являются **минимальными** знаками языка. При этом слово характеризуется как минимальный **свободный** знак. Морфема тоже оказывается минимальным языковым знаком, который, однако, в отличие от слова лишён признака *'свободный'***.** Морфема представляет собой, как правило, **связанный** знак. На этом, в частности, основании морфема *дом-* как связанный знак отличается от слова *дом* как свободного знака.

В отношении слова можно говорить о его членении на более элементарные значимые единицы, т.е. о его морфемной структуре (даже и в том случае, когда слово одноморфемно, например: *но*, *уже*, *здесь*, *и*, *однако*, *у*, *в*, *за*).

Морфема же не членится на более элементарные значимые единицы. При сегментации высказывания на знаки она вычленяется как конечная составляющая, как предельный знак.

В речи морфема может быть представлена различными морфами. Морф – это конкретный представитель морфемы в слове. Морфема – это единица обобщенная, это совокупность морфов. Так, в словах *друг*, *дружба, друзья* можно выделить три морфа *друг-, друж- и друз-*, но одну морфему.

Языковые единицы		**Речевые единицы**
морфема	алломорфы	морфы

-рук-	-рук- -рук’- -руч-	-рук- в словоформе [рук-а] -рук’- в словоформе [рук’-u] -руч- в словоформе [руч-н-oj]

В данном случае мы имеем дело с алломорфами, морфами, тождественными по значению, но позиционно обусловленные.

Необходимо различать алломорфы и варианты морфем. Варианты морфем позиционно не обусловлены, они выполняют стилистическую нагрузку, например, алломорфы окончания в словах *зимой* и *зимою*.

§2. Типология морфем.

Морфемы могут быть распределены по классам на основе ряда разных классификационных критериев.

1. Если исследователь исходит из того, что признаёт морфемами элементарные суперсегментные показатели грамматических значений, то могут быть, соответственно, выделены класс сегментных морфем и класс суперсегментных морфем. В последний включаются из числа приложимых к отдельному слову, как значащее чередование гласных или согласных фонем (по старой терминологии, средства внутренней флексии), усечение корня, сдвиг ударения, мена тонов, удвоение (редупликация). Так, в частности, солидаризуясь со взглядами некоторых дескриптивистов, поступает Ю.С. Маслов. Он именует суперсегментные показатели грамматических значений морфемами-операциями, подчёркивая таким названием, что данные операции совершаются над сегментными морфемами (или их последовательностями).

Есть основания, однако, говорить не о морфемах-операциях, имеющих суперсегментный характер и применимых к неким неопределённым сегментным морфемам (или их цепочкам), а о морфологических операциях (или трансформациях) вообще, объектами которых являются такие их функциональные носители, как словоформы. Сюда правомерно войдут и аффиксация, представляющая собой взаимную мену аффиксов (в том числе и

чередование нулевого аффикса с ненулевым) в морфологической структуре слова, и чередование синтетических и аналитических способов образования словоформ, и чередование супплетивных корней. Но это уже проблема формальных показателей грамматических значений слов

2. Собственно морфемы, т.е. морфемы сегментные, подразделяются на два класса: морфемы как части слов (и знаменательных, и служебных) и морфемы-слова (и знаменательные, так и служебные).

К морфемам-словам (словоморфемам) относятся, например: *вчера*, *здесь*, *вот*, *у*, *при*, *перед*, *но, а*, *и, или* и т.п. Нет особого смысла отказывать им в двойственном статусе. Они ведут себя и как слова, т.е. как свободные знаки, могущие вступать в синтаксические связи, и как морфемы, т.е. как минимальные значимые единицы языка.

3. Морфемы – части знаменательных и служебных слов распределяются между двумя классами: корни и аффиксы. Корневые морфемы знаменательных слов являются носителями лексических значений простых слов (например: *дом-* и *дом-#*, *дом-а*, *дом-у*) и опорой для мотивировки более сложных слов (например: *дом-ов-ый*, *дом-о-вод-ств-о*). Число корневых морфем равняется нескольким десяткам тысяч.

Аффиксы выполняют служебную функцию, участвуя в морфологических операциях над словами в процессах формообразования слов и словообразования. Число аффиксов достигает нескольких сотен.

Иногда выделяются полуаффиксы, т.е. аффиксы, ещё не порвавшие своих связей со знаменательными словами, от которых они происходят (например: нем. *auf-, hoch-, -mann* в составе *aufsehen* – ‘посмотреть вверх’, *hochbringen* – ‘возвысить’, *Steuermann* – ‘штурман’). Экспоненты корневых морфем, как правило, обладают большей средней протяжённостью по сравнению с аффиксами, т.е. содержат в среднем большее число фонем. В распоряжении корневых морфем оказывается также более широкий инвентарь фонем, чем у аффиксов.

4. Морфемы могут распределяться на два больших функционально-смысловых класса: лексические (знаменательные) и грамматические (служебные) морфемы. В первый класс входят корни знаменательных слов и морфемы – знаменательные слова. Во втором классе группируются аффиксальные морфемы знаменательных слов, морфемы - служебные слова и морфемы (и корневые, и аффиксальные) служебных слов. Иногда под именем аффиксов объединяют аффиксальные морфемы и все служебные слова (и одноморфемные, и многоморфемные).

5. Морфемы могут быть непрерывными и прерывистыми. Прерывистыми оказываются, например, корневые морфемы в арабском, древнееврейском (и продолжающем его иврите) и, соответственно, аффиксальные морфемы (именуемые трансфиксами). Прерывистыми являются немецкие аффиксы *ge-___ -t, ge-___ -en,* участвующие в образовании вторых причастий (*ge-frag-t* –‘спрошенный’, *ge-schloss-en* – ‘закрытый’). Их называют конфиксами, или циркумфиксами. При трактовке суперсегментных показателей как особого вида морфем некоторые исследователи предполагают, что, например, в немецкие и английские морфемы значащего чередования «разрывают» корневую морфему (например: *broke* – ‘поломал’ = *break + ea /eI/ > o /OU/*; *brach* –‘поломал’ = *brech + e /E/ > a /a:/*).

6. Морфемы, подобно словам, могут быть моносемичными и полисемичными, т.е. допускать содержательное варьирование.

7. Морфеме присуще также экспонентное варьирование. Фонемный состав морфемы является величиной, производной от фонемного состава экспонентов морфов, репрезентирующих данную морфему. Так, русская префиксальная морфема *с-* [S] реализуется в виде набора морфов /s/, /s'/, /z/, /z'/, /S/, /Z/ (например: *с-растись, с-тянуть, с-дуть, с-держать, с-шить, с-жать*). Если морфеме соответствует один морф, то можно говорить о её постоянном облике. То же самое справедливо и по отношению к чередованию ударности – неударности морфемы во многих акцентных

языках, к чередованию гласных при действии механизма сингармонизма в финно-угорских и тюркских языках.

8. По способности сочетаться с другими морфемами морфемы могут быть многовалентными (при их практически неограниченной сочетаемости) и одновалентные (так, корень *бужен*’- является уникальным потому, что он сочетается только с суффиксом -*ин*-).

9. Аффиксальные морфемы классифицируются по своей позиции относительно корня. Предшествуют корню префиксы, следуют за ним постфиксы, среди которых различаются окончания (флексии), сигнализирующие наличие синтаксической связи, и суффиксы, лишённые этой функции. Внутрь корня вставляются инфиксы (ср. лат. *fidi* –‘расколол’ – *findo* –‘раскалываю’). Корень охватывают (как в немецком языке) циркумфиксы. В «пазы» (слоты, slots) обычно трёхсогласного семитского корня вставляется двух- или трёхгласный трансфикс (например: арабский корень *k_t_b* – ‘идея связи с процессом письма’: *kataba* –‘он написал’, *kutiba* –‘был написан’, *kaatibun* –‘пишущий’, *kitaabun* –‘письмо, книга’, *maktabun* – ‘место, где пишут: школа, кабинет, контора и т.д.’).

10. По характеру своей связи с корнем аффиксы могут быть агглютинативными и флективными.

Агглютинативные аффиксы:

- построены по схеме «одно означающее - одно означаемое (грамматическое значение)»;
- их набор стандартен, случаи их омосемии (синонимии) не наблюдаются;
- не наблюдаются также случаи омонимии аффиксов;
-экспонентное варьирование ограничено только пределами действия механизма фонетически обусловленных чередований;
- соседние аффиксы чётко отграничиваются друг от друга;
- нулевые аффиксы используются только в исходных словоформах;
- отсутствие аффикса не лишает словоизменительную основу её права на автономность, присущую словоформе.

Флективные аффиксы, напротив:

- часто построены по схеме «одно означающее - пучок одновременно реализуемых грамматических значений» (например: *-ая* /aja/ в слове *красивая* как носитель грамматических значений ‘имя прилагательное, ед. ч., им. п., жен. род’);
- часто они реализуют схему «множество означающих - одно грамматическое значение», так как велик набор конкурентов среди омосемичных (синонимичных) аффиксов;
- широко представлена омонимия аффиксов (так, рус. фонема /а/ может быть экспонентом омонимичных морфем a_1 (сущ., жен. род, им. п., ед. число: *рек-а*), a_2 (сущ., муж. р., род. п., ед. ч.: *стол-а*), a_3 (сущ., им. п. мн. ч.: *сёл-а*), a_4 (прил., кр. форма, ед. ч., жен. род: *умн-а*), a_5 (глагол, прош. вр., жен. р. ед. ч.: *сел-а* и т.д.);
- экспонентное варьирование очень широко;
- границы между морфемами могут утрачивать чёткость по причине слияния (фузии) соседних морфем;
- нулевые аффиксы используются и в исходных, и в косвенных словоформах;
- словоизменительная основа часто неспособна без сочетания с аффиксами быть автономной словоформой.

11. Активная роль в процессах ассимилятивного взаимодействия корня и аффикса может принадлежать корню (как в агглютинативных языках - тюркских и финно-угорских, где передний или непередний ряд гласных постфиксов определяется рядом гласного предшествующего корня; ср. чередование показателя мн. ч. -lar ~ -ler в тюркских языках) или же постфиксу (как в истории германских языков, где наличие в суффиксе -i-/-j- было причиной умлаута, т.е. чередования по заднему и незаднему ряду гласных корня и возникновения передних лабиализованных, и где наличие узких или широких гласных в суффиксе явилось причиной преломления, т.е. чередования гласных корня по степени подъёма).

12. В соответствии со своей функцией аффиксы могут отнесены к числу собственно грамматических (формообразующих), лексико-грамматических (словообразовательных) и формальных, служащих либо соединителями морфем в сложных словах (например: *пар-о-ход, земл'-е-паш-ец*), либо показателями словоизменительных классов (например: *пах-а-ть, стел'-и-ть*).

§3. Способы словообразования.

Новые слова в языках образуются на базе уже имеющихся либо с помощью словообразовательных морфем, либо без участия морфем, либо путем изменения семантики слова. В качестве исходной единицы может выступать как слово, так и словосочетание.

Традиционно способы словообразования делят на морфологические и неморфологические.

Под **морфологическими** способами понимают создание новых слов с помощью морфем по существующим в языке правилам и законам аналогии. Самым распространенным морфологическим способом словообразования является аффиксация – образование нового слова путем присоединения к производящей основе тех или иных аффиксов. В зависимости от того, какой аффикс участвует в образовании нового слова, выделяют следующие разновидности аффиксации:

1) **Аффиксация:**

Префиксация– например: лат. ***ab****esse* – ‘**от**сутствовать’, нем. ***über****blicken* – ‘**обо**зревать’, англ. ***under****line* – ‘**под**черкивать’, исп. ***in****separable* – **‘не**отделимый’ – используется в словообразовании для выражения различных значений, чаще всего пространственных и значения отрицания.

Суффиксация – например: лат. *juven**al**is* – ‘юноше**ск**ий’, нем. *das Wirr**sal*** –‘пут**аниц**а’, англ. *comfort**able*** –‘удоб**н**ый’, исп. *observa**cion*** – ‘наблюд**ени**е’ – используется для выражения различных деривационных значений и образования частей речи.

Суффиксация является самым продуктивным способом во флективных языках.

В некоторых языках в отдельных случаях используется **конфиксация**, т.е. образование новых слов при помощи двухэлементной морфемы, которая осложняет производящую основу одновременно и в препозиции, и в постпозиции. Этот способ иногда называют префиксально-суффиксальным, например: *курс* - ***со***-*курс*-***ник***, *снег* - ***под***-*снеж*-***ник.***

В области глаголов и наречий новые слова образуются по способу постфиксации, например: *плакать – плакать*-***ся***, *слушать – слушать*-***ся***, *кто*-***нибудь.***

К морфологическим способам также относится безаффиксный способ, который нередко называют нулевой аффиксацией. Например, в английском языке: *an enthusiasm → to enthuse*– ‘энтузиазм’ → ‘вдохновлять’; *a legislator → to legislate* –‘законодатель’ → ‘принимать законы’.

Этот способ может выражать следующие словообразовательные значения:

1) значение отвлеченного действия (например: *пускать → пуск, выходить → выход*);

2) значение отвлеченного признака (например: *синий → синь*);

3) лицо по признаку (например: *лодырь, бездарь*);

4) орудие действия (например: *ломать → лом*);

5) значение места действия (например: *лазать → лаз*);

6) значение результата действия (например: *насыпать → насыпь*).

К морфологическим способам также относится способ **сложения** – образование слов путем соединения нескольких основ или слов. Этот процесс может осуществляться при помощи интерфикса (spokesman, statesman, пятитонный, трехъязычный) или без него (Ленинград, платье-костюм).

Сложные слова, как и все производные слова, обладают фразеологизированным значением, например:

blackboard ‘школьная доска’ ≠ ‘чёрная’ + ‘доска’, ср. также

bullfinch	‘снегирь’ ≠	‘бык’ +	‘вьюрок’

chaffinch	‘зяблик’ ≠	‘мякина’ +	‘вьюрок’
greenfinch	‘зеленушка’ ≠	‘зелёный’ +	‘вьюрок’
blackbird	‘дрозд’ ≠	‘черная’ +	‘птица’
redbird	‘иволга’ ≠	‘красная’ +	‘птица’
yellowbird	‘щегол’ ≠	‘желтая’ +	‘птица’

Сложное слово может остаться по форме похожим на словосочетание, но по функции и значению стать словом: *end-of-term* [examinations] – ‘экзамены конца семестра’, *English-by-radio* [lessons] –‘уроки английского языка по радио’, *an air-to-air* [missile] –‘ракета воздух-воздух’, *a never-do-well* –‘неумеха’. Образование сложных слов на базе словосочетания или предложения в английской лексикологии называется компрессией.

Аббревиация также является морфологическим способом словообразования. Для образования новых слов соединяются усеченные основы. В зависимости от компонентов, из которых строятся аббревиатуры, различают следующие типы аббревиатур:

1) аббревиатуры инициального типа:

- буквенные – состоят из алфавитных названий начальных букв исходных словосочетаний (например: *МВД, НТР; NBA*);

- звуковые – состоят из начальных звуков слов исходного словосочетания (например: *ВУЗ, МХАТ*)

- буквенно-звуковые, которые в свою очередь делятся на:

2) аббревиатуры слогового типа составлены из начальных частей слов (например: *колхоз*);

3) аббревиатуры смешанного типа, которые содержат элементы и слогового, и инициального типа, например: *районо, стенгазета*.

Такой способ словообразования как редупликация (удвоение корня или основы слова) в русском языке не встречается, однако, широко распространен в австронезийских языках. Так, например, в языке ниуэ от

глагола *ako* – ‘учить’ путем редупликации образуется существительное *akoako* –‘учитель’.

К **неморфологическим способам** словообразования относятся:

1) **морфолого-синтаксический** – образование слов путем перехода слова или словоформы из одной части речи в другую. При этом фонетически новое слово не образуется, но изменяется значение слова и, соответственно, грамматические признаки. В зависимости от того, в какую часть речи переходят слова других частей речи, выделяют разновидности этого способа словообразования: субстантивация, адъективизация, прономенализация, адвербиализация, нумерализация. Такой способ словообразования еще называют конверсией, а образованные таким образом слова – конверсивами.

Примеры слов, образованных таким способом: *to bore – a bore* – ‘надоедать → зануда’; *to cook – a cook* –‘варить → повар’; *больной* (в значении ‘больной человек’), *вокруг* – предлог, образованный от наречия и т.п.

2) **лексико-синтаксический** – образование новых слов в результате сращения в одну единицу целого словосочетания (тот час – тотчас, сего дня – сегодня). Образование новых слов данным способом происходит в результате длительного словоупотребления. Для того чтобы словосочетание стало словом, необходимы определенные условия:

- постоянный лексический состав;
- стабильный порядок слов;
- частая повторяемость.

Иногда при образовании слов могут происходить фонетические изменения, например: *спаси бог – спасибо; есть ли – если.*

3) **лексико-семантический**. Впервые этот способ выделил, охарактеризовал и описал В.В.Виноградов. По его мнению, этот способ состоит в переосмыслении прежних слов, в формировании омонимов путем распада одного слова на два, поскольку появляется иное значение (например: *коса, ключ*).

4) **Лексикализация** представляет собой превращение грамматической формы слова в самостоятельное слово с новым лексическим значением. Лексикализации чаще всего подвергаются формы множественного числа имён существительных, например:

Исходное слово	Значение	Лексикализованная форма	Значение
attention	внимание	attentions	ухаживание
colour	цвет	colours	знамена
custom	обычай	customs	таможня
damage	ущерб	damages	убытки

В русском языке также есть случаи лексикализации формы множественного числа существительных, например: *поля* (книги, шляпы), *верхи* (общества), *разводы* (узоры), *весы, часы, леса* (строительные), *выборы*.

§4. Исторические изменения в структуре слова.

Морфемная и словообразовательная структура слов в процессе исторического развития языка подвергается определенным изменениям в отдельных своих звеньях. Чтобы их обнаружить, лингвисты подвергают словарный массив языка этимологическому анализу. В итоге выясняется, что значительная часть словарного массива на протяжении длительного времени сохранила свою прежнюю структуру. Вместе с тем в морфемной и словообразовательной структуре некоторой части слов произошли определенные изменения. Чтобы их выяснить, словарный состав языка шаг за шагом подвергают этимологическому анализу, сопоставляя одни и те же слова в двух синхронных срезах – современном и одном из прежних.

В числе важнейших процессов, влияющих на морфемный состав слов можно указать процессы опрощения, усложнения, переразложения и декорреляции.

Сущность процесса **опрощения** состоит в том, что слово, ранее бывшее производным и членимым на морфемы, со временем по тем или иным причинам утрачивает эти свойства и переходит в разряд корневых слов.

Хорошей иллюстрацией может служить пример со словом *кольцо*. В наши дни это слово является непроизводным, равным корню: *кольц-о.* Но в далеком прошлом это слово было производным и членимым, поскольку рядом с ним было слово *коло* (‘круг’), от основы которого оно было образовано суффиксальным способом (с помощью уменьшительно–ласкательного суффикса *–ьц*) в значении ‘маленький круг’, *колечко: кол-о, кол-ьц-е*. Со временем слово *коло* как самостоятельная единица словаря исчезло, а *кольц -о* осталось и дожило до наших дней. В итоге его структура стала проще, почему процесс и называется опрощением: корень расширился за счет поглощения суффикса.

Сравни также: англ. *lord* ← др.-англ. *hlafweord* –‘хранитель хлеба’, англ. *lady* ← др.-англ. *hlafdige* –‘замешивающая хлеб’;

Нетрудно догадаться, что благодаря процессу опрощения язык пополняется новыми корневыми словами, которые занимают место исходных слов словообразовательных гнезд.

В результате процесса **переразложения** слово, бывшее ранее членимым, осталось до наших дней производным и членимым, но границы членимости (морфемный шов) несколько переместились, обозначившись в ином месте протяженной структуры слова. Сравните (сохраняем современную орфографию):

Было: *живой* → *жив-н-ый* → *живн-ость*

Стало: *живой* → *жив-ность*

Аналогичное преобразование морфемной и словообразовательной структуры претерпело слово готовность из-за выпадения из словарного запаса языка слова *готовный*, от основы которого оно когда-то было образовано.

Благодаря процессу переразложения словообразовательная система языка пополняется вариантными формами аффиксов, отдельные представители которых становятся самостоятельными служебными морфемами и могут при наличии благоприятных условий развить свою продуктивность. Так обстояло дело, в частности, с суффиксом *-льщик,* образовавшимся за счет расширения суффикса *-щик*, возникшего в свою очередь, на базе суффикса *-ик*. Теперь это три самостоятельных суффикса, например: *отпускной – отпускн-ик, дрессировка – дрессиров-щик, точить – точи-льщик*.

Изменениям морфемной структуры слов подвергается и определенная часть заимствованной лексики. Классический пример – слово *зонтик,* пришедшее к нам из голландского языка, где оно существует в виде *zonnedek* –‘солнцепокрышка’. Будучи воспринято на почве русского языка в виде *зонтик,* оно подстроилось к словам с уменьшительным значением типа *дом-ик, нос-ик, шар-ик* и под их влиянием распалось на *зонт-ик*. Здесь мы видим результат действия процесса **усложнения**. В данном конкретном случае благодаря процессу усложнения (слово было нечленимым, более простым по структуре – стало более сложным, усложнилось) лексика русского языка пополнилась словом *зонт*.

Сравни также, например: исп. *hamaca*, фр. *hamac*, русск. *гамак*, но нидерл. сложное слово *hangmat* –‘подвесной коврик, мат’.

В других случаях процесс усложнения приводит к обогащению морфемного, а нередко и словообразовательного инвентаря на почве заимствованной лексики. Таковы, в частности, суффиксы *-изм, -ист (*например: *атеизм – атеист,* а далее на собственно русской почве, например: *связь - связист, очерк - очеркист), -ирова-, -ация, -тор (*например: *агит-иро-ва-ть – агит-ация – агита-тор* и мн. др.).

Процесс **декорелляции** впервые выделил Н.М.Шанский. Это внутренний процесс, который не отразился на внешней структуре слова.

Происходит лишь изменение характера или значения морфемы при прежней членимости.

Например, слово *заморозки* в современном русском языке мотивируется словом *заморозить*, но первоначально оно соотносилось с существительным *заморозы*, и суффикс *–к-* имел уменьшительно-ласкательное значение.

Иногда в процессе длительного развития в слове может измениться словообразовательная структура в результате замены одной морфемы другой. Это называется замещением. Например, слово *свидетель* раньше писалось как *сведетель*, так как мотивировалось словом *ведать* (‘знать’) и имело корень *–вед-*.

Выводы по главе II:

1.Подавляющее большинство слов выступает как структурное целое, состоящее из определенным образом связанных между собой морфем.

2.Морфемы могут быть распределены по классам на основе ряда разных классификационных критериев.

3.Новые слова в языках образуются на базе уже имеющихся либо с помощью словообразовательных морфем, либо без участия морфем, либо путем изменения семантики слова. В качестве исходной единицы может выступать как слово, так и словосочетание.

4.Традиционно способы словообразования делят на морфологические и неморфологические.

5.Под морфологическими способами понимают создание новых слов с помощью морфем по существующим в языке правилам и законам аналогии. Это аффиксация, сложение и аббревиация.

6.К неморфологическим способам словообразования относятся:

1) морфолого-синтаксический

2) лексико-синтаксический

3) лексико-семантический.

4) лексикализация

7.Морфемная и словообразовательная структура слов в процессе исторического развития языка подвергается определенным изменениям в отдельных своих звеньях. В числе важнейших процессов, влияющих на морфемный состав слов можно указать процессы опрощения, усложнения, переразложения и декорреляции.

Вопросы для обсуждения:

1. Морфема как минимальная значимая единица языка. Слово и морфема.

2. Типология морфем.

3. Морфемная организация русского и английского языков.

4. Классификация способов образования, предложенная Н.М.Шанским:

- морфологические способы словообразования;

- морфолого-синтаксический способ словообразования;

- лексико-синтаксический способ словообразования;

- лексико-семантический способ словообразования.

5. Классификация способов словообразования, предложенная В.М.Марковым:

- морфемный способ словообразования;

- семантический способ словообразования

6. Исторические изменения в структуре слова в русском, английском и немецком языках.

Упражнение № 1.

Выделите из приведённых словоформ те, которые обладают нулевым показателем. Укажите, какие грамматические значения этим показателем выражены.

Город, писал, горячо, дач, вверх, воздух, завтра, обойдя, пальто, шесть, пой. Стол, ещё, коров, такси, пять, вперёд, май, ветер, вчера, положа, дал, стой.

Упражнение № 2.

Выбрать слова, в которых есть а) только корень; б) корень и окончание; в) корень и суффикс(ы); г) приставка и корень:

сидишь, видит, рука, колос, тепло, вбок (нар.), ни (част.), над (предл.), смотреть, пел, спать. иду, город, горячо, вверх, писать, под (предлог), не (частица), книга, хорошо, вниз, слушать.

Упражнение № 3.

Среди следующих слов выберите слова с общим историческим корнем: течь, стык, делить, жар, гарь, сутки, точка, созерцать, восток, доля, зеркало.

Упражнение № 4.

Какие из нижеследующих слов вы считаете мотивированными, какие – нет? (Можно ли определить исходный мотивировочный признак? Если да, указать его). Свадьба, копыто, творог, подушка, пояс, масло, говядина, оспа, устье, декан, облако, партер, окно, мышь, боровик, метель, перчатка, обличье, качели, печаль, жук, песец, окрошка, сугроб, валенок

Упражнение № 5.

Определите, какие из приведённых ниже пар слов имеют общую этимологию, а какие – нет: порох – перхоть, деревня – дерево, нож – заноза, подушка – ухо, мышь – муха, видеть – зависть, чары – очаровывать, ерш – ерошить, лань – ланита, суд – судно, рычаг – рычать.

Упражнение № 6.

Определите тип словообразования выделенных слов (I. Морфологический; II. Морфолого-синтаксический; III. Лексико-синтаксический; IV. Лексико-семантический). Подберите примеры слов этого же словообразовательного типа.

1. Готовилось *наступление* под Харьковом, и *передовая заранее* просила резервов (К. Симонов). *2.* Подходят *пионеры* к старикам цветы вручить от имени страны (И. Рядченко). 3. ...Не *зря* ведь *молодость* и зрелость от вокзалов свой *разбег* берут (И. Рядченко). 4. И ежели тебе придется туго, ты

не *предай* ни совести, ни друга: ведь ты предашь и *мертвых,* и живых (Е. Евтушенко). 5. Россия... За малую *горстку* из белого моря снегов все прелести жизни *заморской* отдать *россиянин* готов (И. Уткин). 6. И вот летит над миром *спутник,* его *по-русски* произносит мир (Э. Иодковский). 7. Родных кораблей *патриоты,* со *львиной* отвагой в груди — *гвардейцы* советского флота всегда и везде *впереди* (В. Лебедев-Кумач).

Упражнение № 7.

Определите, каким способом образованы следующие слова.

Беспризорничать, залюбоваться, затосковать, приусадебный, замоскворецкий, прибыльный, небезопасный, крикливый, белизна, поджог, напор, подпись, окись, промах, зелень, темень, гордость, смелость, бригадир, командир, подорожник, подснежник, застольный, подоконник, расписаться, разгуляться, чернь, жизнь, зимовье, кочевье, Приднестровье, Поволжье, ненормальный, несправедливый, аморальный, антинаучный, реферат, референт, листаж, шпионаж, очеркист, связист, гниль, новь.

Упражнение № 8.

Укажите, какие из слов образованы морфологическим способом и какие посредством сложения основ.

Легкомыслие, легкомысленный; малограмотность, малограмотный; домостроение, домостроитель, домостроительство, домостроительный; благотворный, благотворительный, благотворитель, благотворность; властолюбие, властолюбец, властолюбивый; книготорговля, книготорговец, книготорговый; мореходство, мореход, мореходный; законодательство, законодатель, законодательный; литературовед, литературоведение, литературоведческий.

Упражнение № 9.

Укажите, к какому виду словообразования относятся слова (морфологическому, морфолого-синтаксическому, лексико-синтаксическому, лексико-семантическому).

Дежурный, раненый, столовая, мостовая, запятая, пирожное, мороженое, жаркое, портной, городовой; сегодня, сейчас, тотчас, умалишенный, сумасшедший, Ленинград, Новгород, легкораненый, многоуважаемый, нижеподписавшийся; исподтишка, чересчур, благодаря (помощи), благодаря (за помощь), не смотря (в лицо), несмотря (на затруднения), изысканный (костюм), изысканный (вкус), преданный (народу), преданный (врагами), нетерпимый (в обществе), не терпимый (пчелами), не видимый (глазами), невидимые (миру слезы), завод — завод (заводной—заводской), край—край (крайний—краевой), пост—пост (постный — постовой), долг — долг (долговой — должный), мир — мир (мировой — мирный).

Упражнение № 10.

Выполните морфемный разбор выделенных слов:

This book *takes* a *particular perspective* on the nature of poetry and follows this through to *proposals* for *teaching.* It focuses attention on how the use of language in short poems can set up *conditions* for *individual interpretation* and the *representation of reality* in ways other than those which are *established* by *normal social convention*. This view of poetry *leads* to a *recognition* of its *essential* role in *education*, and provides a set of *principles* for an approach to teaching it which *integrates* the study of language and literature.

Упражнение № 11.

Выполните морфемный разбор следующих слов:

Kommissar, Besonderheiten, deutschen Schriftsprache, Sprachgeschichte, Erforschung, Mundartforschung, Dialektgeographie, Literaturwissenschaft, Sprachgeschichte, Sprachatlas, Niederdeutsches, Sprachvereins, Gegenwartssprache, Wörterbuch, Sprachforschung, Zeitschrift, germanistische, Dialektforschung, Untersuchungen

Упражнение № 12.

Определите способ образования слов:

Colonnade Plombières Entracte

Avant-gardisme	Gentleman	russisch
Dégénération	Jazz-band	luxuriös
Demi-saison	Kid-napping	Füllhorn
Parlamentaire	Impossible	kommandieren
Impressionniste	Underlined	Wassermesser
Immatriculation	Interviewer	Basketballspieler
Arranger	Image-maker	Langstreckenläufer
Bestseller	Uncountable	Hauskomitee
Descriptive	Störfisch	Naturkatastrophe

Глава III. Антитеза имени и глагола – основа общей грамматики.

§1. Вопрос о выделении частей речи в общей грамматике.

Части речи – основные лексико-грамматические разряды, по которым распределяются слова языка на основании признаков: а) семантического (обобщенное значение предмета, действия или состояния, качества), б) морфологического (морфологические категории слова) и в) синтаксического (синтаксические функции слова).

В современном русском языке различаются: 1) самостоятельные части речи: имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение, глагол, наречие, категория состояния;

2) служебные части речи (частицы речи): предлоги, союзы, частицы; 3) модальные слова; 4) междометия (и звукоподражательные слова).

В разных языках мира состав частей речи (их структура и объем) различен, например: в русском, французском, латинском языках среди знаменательных частей речи выделяются имя существительное, прилагательное, глагол, наречие; в ряде языков Северной Америки и Африки наречия и прилагательные не различаются. В китайском языке выделяются имя, предикатив (объединяющий глагол и прилагательное) и наречие. В некоторых языках вычленяется только имя и глагол (например, в индейском языке йума). Однако главные части речи — имя и глагол — различаются во всех языках мира. Это первая граница, которую удается провести между

частями речи. Что касается прилагательного и наречия, то они нередко могут сливаться либо между собой, либо с одной из главных частей речи, вследствие чего в языке может функционировать трехчленная система частей речи (как, например, в датском языке, где наречие и прилагательное совпадают в одной категории) или двухчленная в разных своих вариантах (как, например, в арабском языке, где прилагательное и наречие примыкают к имени существительному; в некоторых африканских языках прилагательное и наречие примыкают к глаголу; в тюркских – прилагательное сливается с существительным, а наречие — с глаголом).

Различия прослеживаются и в объеме частей речи (например, в болгарском языке имя существительное, кроме тех грамматических категорий, которыми оно обладает и в русском языке, за исключением категории падежа, имеет также категорию определенности/неопределенности; в английском, корейском, грузинском языках имя существительное не имеет категории рода; в венгерском языке оно обладает категорией притяжательности, но не имеет категории рода, в иберийско-кавказских языках в именах существительных выделяется грамматическая категория личности и вещи, а в табасаранском языке, распространенном в Дагестане, имеется грамматический класс разумных существ и грамматический класс неразумных существ и предметов).

Несмотря на существование различий в составе, структуре и объеме частей речи разных языков мира, наиболее постоянным в них является противопоставление имени и глагола.

§2. Грамматикализация именных категорий.

Грамматикализация. – 1. Утрата словом лексической самостоятельности в связи с употреблением его в служебной функции. Например, роль глагола *быть* в сочетаниях: *быть дома — быть студентом. 2.* Превращение словосочетания в аналитическую форму слова. *Более интересный* (то же, что *интереснее).*

Род — грамматическая категория, свойственная разным частям речи и состоящая в распределении слов или форм по двум или трем классам, традиционно соотносимым с признаками пола или их отсутствием; эти классы принято называть мужской, женский, средний род. Классифицирующая категория для существительных, анафорическая — для местоимений 3-го л. ед. ч., словоизменительная (синтаксическая)— для остальных частей речи. Род смыкается с именными классами как разновидность согласовательных классов.

Семантические основания родовой классификации еще более размыты, чем в именных классах. Лишь в части существительных можно видеть отражение реальных половых различий (названия людей и некоторых животных, например: *брат — сестра, царь — царица, жеребец — кобылица*, лат. *lupus — lupa* – ‘волк’ — ‘волчица’.). Отсутствие четких формальных показателей рода у существительных (в индоевропейских языках можно говорить лишь о преобладании в женского рода основ на *-а*, в мужском роде — основ на *-о*) привело к образованию промежуточных классов слов, которые еще в античных грамматиках называли общим родом (греч. koinâ), например: рус. *сирота, неряха*, греч. *ho hippos* – ‘конь’ — *hё hippos* 'лошадь’, и обоюдными (греч. epikoina) — рус. *собака*, греч. *hё chelidön* – ‘ласточка’, нем. *die Maus* – ‘мышь’. Особенность этих классов в том, что они содержат имена формально одного рода, но приложимы к лицам (особям) обоего пола. Разница между ними проявляется в согласовании, которое вообще считается главным показателем рода (синтаксический критерий определения рода); морфология, критерий (оформление имени и разные типы склонения) не дает такого однозначного определения рода, как синтаксический. В синтаксическом плане имена общего рода имеют двоякое согласование, в зависимости от пола лица (особи), к которому они относятся (например: *сосед такой неряха /соседка такая неряха*), а именно обоюдного рода — одну согласовательная модель (например: *он/она сущий хорек*); существительные общего рода выступают в предложении в виде

согласуемых предикатов, а существительные обоюдного рода — в виде несогласуемых.

Категория рода — характерная черта грамматического строя индоевропейских языков, хотя они отражают разную степень сохраняемости рода, что находится в прямой зависимости от устойчивости *синтетизма* в системе словоизменения. Древние языки (авестийский, санскрит, греч., лат.) демонстрируют трехродовую систему, но в хеттском — 2 рода: общий (одушевленный) и средний, что иногда трактуется как более древнее состояние. В современных языках встречаются как трехродовые системы (например: в слав, языках и в немецком языке), так и двухродовые (в романских, иранских). Развитие аналитизма в английском языке привело к разрушению словоизменения и утрате родовых противопоставлений в именах, род превратился в скрытую категорию, обнаруживаемую только через анафорические местоимения *he, she, it* (‘он’, ‘она’, ‘оно’). Значительно разрушен род в иранских языках (в некоторых утрачен полностью), что также связано с развитием аналитизма; в скандинавских языках трехродовая система преобразовалась в двучленную по признаку одушевленности/неодушевленности. Функция различения рода часто переходит от флексии к артиклю, как в немецком языке (*der — die — das*) или романских (франц. *un — une, le—la*), но возможна вторичная морфологизация рода, как в испанском, где сформировался значительный пласт слов с аффиксальным различением мужского и женского рода (например: *hermano* – ‘брат’ – *hermana* – ‘сестра’, *cabrön* – ‘козел’ — *cabra* – ‘коза’).

В славянских языках наблюдается не только сохранение, но и усложнение трехродовой системы. Так, в русском языке категория рода неразрывно сплелась с категорией одушевленности/неодушевленности, образовав единую категорию согласовательных классов; выделяется 6 таких классов (плюс особый класс имен pluralia tantum), т. к. каждый род имеет одушевленный и неодушевленный подроды (пары форм им. п. ед. ч./вин. п. мн. ч., например: *новый дом/ новые дома – новый директор/новых*

директоров, новая дверь/новые двери — новая лошадь/новых лошадей). Различение двух подродов может развиваться только в одном роде, (например, в сербскохорватском и чешском – в мужском роде). Возможно дальнейшее усложнение системы рода., как, например, в польск. яз., где в пределах мужского различаются одушевленный и неодушевленный (в ед. ч.), а в пределах одушевленного — личный и неличный подроды (во мн. ч.), например: им. п. ед. ч. *dom*/ вин. п. ед. ч. *dom* – им. п. ед. ч. *pies* (‘собака’), *chłop* (‘крестьянин’)/ вин. п. ед. ч. *psa, chłopa* — им. п. мн. ч. *psy/chłopy* – вин. п. мн. ч. *psy/chłopów*.

Индоевропейская трехродовая система трактуется как результат преобразования более древней двухклассной системы; А. Мейе полагал, что Р. развивался из оппозиции одушевленность — неодушевленность, К. К. Уленбек — из оппозиции активность — пассивность.

Род считается пережиточной, «палеонтологической» категорией, уходящей корнями в особенности древнего мифологического мышления, и потому представляет интерес для ист. этнолингвистики.

Число – грамматическая категория, служащая для выражения количества. Наряду с показателями числа средствами выражения количества в языке могут быть числительные, а также такие существительные, прилагательные и наречия, как, например, *пара, сотня, единственный, несколько, много* Языки, в которых есть лексические средства выражения количества, но нет грамматических средств (т.е. грамматической категории числа), встречаются очень редко. Это прежде всего языки Юго-Восточной Азии (вьетнамский, лаосский и др.) и некоторые языки индейцев Северной Америки. Заметим также, что языки без грамматической категории числа – это явление значительно более редкое, чем языки без категории рода, падежа и определенности/неопределенности.

Различают семантическую грамматическую категорию числа существительных и личных местоимений (так называемое «субстантивное число»), с одной стороны, и синтаксическую (согласовательную)

грамматическую категорию числа прилагательных и глаголов, с другой. Так, в примере *Там лежат большие мячи* форма мн. числа существительного непосредственно отражает количество обозначаемых объектов (‘несколько мячей’), а форма мн. числа прилагательного, как и форма глагола, лишь согласуется с формой существительного *мячи*. Чрезвычайно редко согласование по числу бывает у наречий. Так, например, в цахурском языке, на котором говорят в Дагестане, форма наречий образа действия выбирается в зависимости от формы глагола, которая, в свою очередь, зависит от числа подлежащего.

В случае, когда формы числа имеют собственное значение (т.е. у существительных и местоимений), они обозначают либо количество предметов, людей и животных – всего того, что человек видит в окружающем мире, либо количество каких-то событий, действий и т.п., например: *две битвы, несколько выступлений, жалобы, взмахи* рук и др. Однако не все, о чем говорится, поддается счету. Например, по-русски нельзя считать многие абстрактные качества, свойства, состояния, процессы, такие, как *доброта, свежесть, покой, торговля* и др. Из объектов предметного мира не поддаются счету прежде всего вещества: *вода, песок, снег* и др. Сколько бы такого вещества не было, оно все равно обозначается единственным числом. Хотя во многих веществах, таких, как песок, соль, снег, человеческий глаз может различить отдельные частицы (для их обозначения в языке используются специальные слова, называемые сингулятивами, например: *песчинка, снежинка* и т.п.), все же они, по-видимому, кажутся настолько неважными и незаметными, что человек представляет себе песок и т.п. объекты именно как массу, а не как множество частиц. Отличие несчетных объектов от счетных состоит в том, что любая часть (порция) воды, песка и т.п. все равно называется водой или песком; напротив, часть стола уже не будет столом.

Похожий механизм представления множества объектов как нерасчленимой массы может использоваться и в других случаях, когда

составляющие имеют больший размер, чем частицы вещества. Например, в русском языке клубника, состоящая из довольно крупных ягод, представляется как несчетная: *ну и наелся я клубники*! (единственное число); интересно, что в близком к русскому польском языке эта ягода, наоборот, обозначается как множество: *truskawki* – букв. ‘клубники’. Специально как нечленимые (несчетные) совокупности могут представляться даже группы – люди (например: *человечество, аристократия, профессура*), а, кроме того, животные (например: *скот, дичь*) и предметы (например: *паркет, мебель, мусор, развалины* и др.). Такие обозначения еще называют собирательными существительными, особенно если они образованы от названий предметов или людей с помощью специальных собирательных суффиксов.

Свойством несчетности в русском языке обладают названия ягод (например: *смородина, виноград*), кустарников и трав (в отличие от деревьев, например: *бузина, осока*, но *березы*). А вот различные овощи и фрукты ведут себя в этом отношении по-разному. Так, яблоки, огурцы и помидоры счетны, капуста же, напротив, не поддается счету (нельзя сказать *две капусты*), а такие овощи, как *морковь, репа, свекла, редиска*, в одних случаях представляются как счетные (например: *надо почистить несколько морковок*), а в других – как несчетные (например: *я почистила всю морковку*). В этот же переходный класс между счетными и несчетными попадают и некоторые другие существительные, например: *улица вымощена булыжником* и *я поднял два булыжника*; *на улице продают гвоздику* и *в вазе стоят белые гвоздики*. Некоторые имена становятся несчетными, если у них меняется значение, например: *по двору ходят куры* (‘животные’) и *всех гостей накормили курицей* (‘мясо’).

В языках мира различается несколько типов систем числа – в зависимости от состава значений данной грамматической категории: единственное, множественное, двойственное (‘два объекта’), тройственное (‘три объекта’), четверное (‘четыре объекта’) и паукальное (‘небольшое

количество объектов’) чисел. Естественно, что все эти грамматические значения могут выражать только счетные имена.

Наиболее распространена система, в которой противопоставлены единственное и множественное число, например: *стол – столы*. Она свойственна большинству индоевропейских языков, урало-алтайским, картвельским и нахско-дагестанским языкам Кавказа, африканским языкам банту и др.

Система, основанная на противопоставлении 3-х значений: единственное – двойственное – множественное число, – имеется в семитских языках, в индоевропейских (особенно в древних – в санскрите, древнегреческом, старославянском, древнерусском, из современных – в словенском и лужицком), в ненецком, корякском, алюторском и некоторых других. Так, по-древнерусски говорили *жена* (ед. число), *жены* (мн. число), но *двѣ женѣ* (двойств. число). Некоторые современные русские формы, употребляющиеся с числительными от двух до четырех, также восходят к древнерусской форме двойственного числа, например: *два соседа*, но мн. число *соседи, соседей* и т.д. Кроме того, современные формы множественного числа *очи, плечи, уши* и некоторые другие на самом деле представляют собой старые формы двойственного числа (конечно же, не случайно, что это именно такие слова, которые обозначают «парные» объекты).

Очень редко встречается система с противопоставлением 4-х чисел: единственное – двойственное – тройственное – множественное. Она засвидетельствована в ряде папуасских языков. Еще более сложная система, включающая четверное число, имеет место, например, в языке сурсурунга (один из австронезийских языков), в котором по пяти числам противопоставлены личные местоимения , например: *‘ты’ – ‘вы двое’– ''вы трое’ – ‘вы четверо’ ~ ‘вы* (более четырех)’.

Паукальное число (от латинского слова paucus – ‘немногочисленный’), обозначающее небольшое количество (до 5–7) объектов, противопоставляется единственному, множественному, а иногда и

двойственному числам в некоторых полинезийских, дагестанских и ряде др. языков, например, *‘лев’ – ‘несколько/немного львов’– ‘много львов’*.

Наконец, в отдельных языках существуют особые показатели «множества множеств», например, в бретонском языке существительное «глаз» имеет форму двойственного числа, а если надо сказать «несколько пар глаз», то к окончанию двойственного числа присоединяется еще окончание множественного числа.

Помимо основных значений единичности, множественности, двойственности и т.п. формы числа могут выражать и некоторые дополнительные значения. Так, в дистрибутивном контексте формы единственного числа обозначают множество объектов, но не простое, а соотнесенное с другим рассматриваемым множеством (например, говоря *Все подняли руку*, мы имеем в виду, что рук было несколько, причем каждый человек поднял только одну руку). В том же контексте в русском языке может быть использована форма множественного числа. Она также обозначает множество, распределенное относительно второго рассматриваемого множества, но несколько иначе: говоря *Все подняли руки*, мы имеем в виду, что каждый поднял обе руки.

Во многих языках распространено гиперболическое, или экспрессивное употребление множественного числа, например: *разъезжать по Европам; Какие люди пришли!* Преувеличение состоит в том, что здесь реально обозначается один объект.

Формы множественного числа употребляются также в значении количества, известного говорящим исходя из общих знаний о мире, например: *глаза* в значении ‘два глаза’, *колеса автомобиля* – ‘четыре колеса’, *карты* – ‘набор (игральных) карт’.

Так называемое репрезентативное множество, выражаемое формами множественного числа, обозначает группу лиц по одному из ее представителей, например: испанск. *los padres* – ‘отец и мать’, букв. ‘отцы’, например: также рус. *Ивановы* – ‘семья Ивановых’. Похожий механизм

лежит в основе обозначения приблизительного множества, так, в русском выражении *шестидесятые годы* используется форма множественного числа первого года десятилетия, а в татарском языке фраза *примерно в середине июня* буквально звучит как *в серединах июня.*

У существительных, обозначающих вещества и не имеющих вследствие этого осмысленного прочтения «обычной» множественности, формы множественного числа употребляются в значении ‘несколько сортов или разновидностей’ (например: *вино – вина*), а также в значении большого количества и интенсивности (например: *пески Сахары*).

В личных местоимениях встречается особое множественное величия или вежливости, например: русское вежливое *Вы*, немецкое *Sie*, местоимение *мы*, обозначающее царствующих особ (например: *мы, Николай II*).

Для выражения грамматических значений числа могут использоваться самые разнообразные средства. Это и аффиксы (например, англ. *book* – ‘книга’– *books* – ‘книги’), и т.н. внутренняя флексия, т.е. изменение гласных внутри корня (например, в арабском *madona* (*t*) – ‘город’ – *mudun* –‘города (больше двух)’, например: также англ. foot – ‘нога’ – feet – ‘ноги’), и редупликация, т.е. удвоение корня (например, в индонезийском языке форма *люди* буквально переводится как *человек-человек*). В некоторых языках, например в венгерском, число выражается факультативно в том случае, если значение множественности ясно из контекста, например, в сочетании с обозначениями количества ‘много’, ‘десять’ и т.п. используется форма единственного числа.

Во многих языках встречаются существительные, имеющие только форму множественного числа (т. н. pluralia tantum). Обычно таким образом обозначаются предметы, состоящие из двух частей (например: *очки, брюки*) или сложные (например: *грабли, счеты*), а также некоторые вещества и другие неисчисляемые объекты (например: *белила, дрова, именины, побои*). Если существительное обозначает счетные объекты, то форма множественного числа у него омонимична, т.е. используется и для

обозначения одного предмета, и для обозначения множества: например, фраза *В шкафу висели брюки* может указывать как на одну, так и на несколько пар брюк.

Число часто выражается совместно с другими грамматическими категориями – такими, как падеж, род (именной класс), определенность/неопределенность (например, в русском и др. славянских языках, латинском, древнегреческом, норвежском, языках банту). В языках с разрушенной системой склонения, таких как французский или немецкий, показателем числа может становиться артикль (наряду с определенностью/неопределенностью и др. грамматическими значениями). Так, в немецком языке для многих существительных лишь форма артикля отличает единственное число от множественного в косвенных падежах, например: *der Bär* – ‘медведь’ (именит. падеж ед. числа) – *die Bären* – ‘медведи’ (именит. падеж мн. числа), но: *des Bären* – ‘медведя’ (род. падеж ед. числа) – *der Bären* (род. падеж мн. числа), *dem Bären* – ‘медведю’ (дат. падеж ед. числа) – *den Bären* (дат. падеж мн. числа).

Падеж, наряду с числом, одна из двух основных словоизменительных категорий именных частей речи – существительного, прилагательного, причастия, местоимения, числительного.

В русском языке падежи несут огромную информационную нагрузку: без падежей не может обойтись ни одно русское предложение. Как же в таком случае могут существовать беспадежные языки – такие, как английский, французский, китайский? Очевидно, информация, которая в русском языке кодируется падежными формами, в таких языках передается другими средствами.

В английском языке различение подлежащего и прямого дополнения опирается на порядок слов: подлежащее располагается перед глаголом в личной форме, а прямое дополнение – после. Так английский и многие другие языки решают проблему отсутствия форм именительного и винительного падежей. Аналогами других падежей являются сочетания с

предлогами. Реципиент, который в падежных языках кодируется дательным падежом, в английском языке кодируется предлогом *to*, аналогами творительного падежа являются предлоги *with* и *by*. В некоторых языках сочетание с предлогом может соответствовать русскому винительному падежу (например, в испанском: *Veo a Juan* – ‘Я вижу Хуана’), но все же для беспадежных языков, по-видимому, более типична ситуация, когда подлежащее и прямое дополнение различаются только положением по отношению к глаголу.

Именно поэтому для таких языков характерен гораздо более жесткий порядок слов – изменение порядка слов приводит к тем же последствиям, что изменение падежного маркирования в русском языке, т.е. либо к грамматической ошибке, либо к перераспределению ролей партиципантов в ситуации, в то время как изменение порядка слов в русском языке, хотя и требует специального интонационного оформления, никогда не приводит к изменению ролей партиципантов и только в очень редких случаях дает определенно недопустимые предложения. Так, например, английское предложение *My dog bit that old woman over there* – ‘Моя собака искусала вон ту старушку’ при изменении порядка слов дает либо грамматически неправильное предложение (**My dog that old woman over there bit*), либо предложение с другим смыслом (*That old woman over there bit my dog* – Вон та старушка искусала мою собаку’). Между тем русское предложение *Моя собака искусала вон ту старушку* при изменении порядка слов дает вполне допустимые предложения (*Моя собака вон ту старушку искусала*, *Вон ту старушку искусала моя собака* и т.д.), а при изменении падежного оформления существительных получается либо грамматически неправильное предложение (**Моя собака искусала вон та старушка*), либо предложение с другим смыслом (*Мою собаку искусала вон та старушка*)

В каждом языке конкретная падежная форма почти всегда имеет не одну, а много функций. Например, русский родительный падеж чаще всего оформляет именное (несогласованное) определение (например: *стакан воды*,

трубка деда), но может выражать семантическую роль Пациенса (*Налей мне молока*), а иногда его употребление мотивировано синтаксически, например наличием отрицания (например: *Выход есть* и *Выхода нет*). При этом два значения, выражаемые в одном языке одним падежом, в другом языке могут выражаться двумя разными падежами, т.е. с точки зрения употребления однозначного соответствия между падежными системами разных языков установить не удается. С другой стороны, при описании различных языков желательно использовать по возможности сходную терминологию. Для этого необходимо выяснить, какие значения имеют падежи в разных языках мира, и договориться о том, как эти значения называть. После этого выделяется «центральное» значение конкретной падежной формы в данном языке. Например, если падежная форма является в языке основным способом выражения именного определения, то такую падежную форму называют родительным падежом.

К настоящему моменту описаны не все языки мира (а надежно описана лишь малая их часть), но предварительный набор базовых значений уже определен. Ниже приводится список важнейших падежей, встречающихся во многих языках мира.

Номинатив (от лат. nomin-o – ‘называю, именую’; русский «именительный»). Этот падеж кодирует единственного партиципанта одноместной ситуации. Он же чаще всего является формой называния, т.е. той формой, в которой слово выступает тогда, когда говорящий указывает на предмет и произносит его название. В русском и многих других языках именная группа в номинативе обладает особыми синтаксическими свойствами; такая именная группа называется подлежащим. Почти во всех языках номинатив используется также для кодирования одного из партиципантов ситуации с ролевой рамкой <Агенс, Пациенс>; в русском языке таким партиципантом оказывается Агенс, но во многих языках мира, например в большинстве кавказских и австралийских языков, в чукотском,

эскимосском, баскском языках, в ролевой рамке <Агенс, Пациенс> номинативом кодируется Пациенс.

Аккузатив (от лат. accus-o – ‘обвинять’; русский «винительный»). Падеж, кодирующий Пациенса в ролевой рамке <Агенс, Пациенс> в языках аккузативного строя. Во многих языках именная группа в этом падеже обладает особыми синтаксическими свойствами (прямое дополнение).

Эргатив (от греч. ergat-es – ‘деятель’). Падеж, кодирующий Агенса в ролевой рамке <Агенс, Пациенс> в языках эргативного строя. Часто также выражает причину или инструмент действия.

Генитив (от лат. gen-us – ‘род’; русский «родительный»). Падеж, выражающий принадлежность (например: *дом отца*) или отношение часть – целое (например: *крыша дома*). Часто генитив можно определить в широком смысле как падеж существительного, служащего определением к другому существительному (например: *дом отца*, *крыша дома*, *взгляд василиска*): в отличие от русского языка, в котором именные словосочетания могут обходиться и без родительного падежа (например: *дом из камня*, *окно во двор*, *власть над умами*), в некоторых языках генитив является единственно возможным способом оформления имени-определения. Вполне естественно, что семантика генитива в таких языках оказывается шире , например: русские выражения *дом из камня*, *девочка с голубыми волосами* и *трое из нас* переводятся буквально *дом камня, девочка голубых волос, трое нас*. Очень характерно использование генитива в конструкциях с так называемыми именами действия, как в русских словосочетаниях *приезд отца*, *убийство царя.*

Датив (от лат. do, dat-um – ‘давать’; русский «дательный»). Падеж, при глаголах типа ‘давать’ обозначающий лицо, которому передается предмет (например: *Он подарил мне одно золотое кольцо с сапфиром*). В большинстве языков датив кодирует также роль Адресата речи (например: *Скажи мне, кудесник, любимец богов…*). Датив часто используется для обозначения лица, интересы или физическое состояние которого

затрагиваются действием (например: *Сестра сшила мне пижаму*, *Охотники распороли волку живот, Мне здорово влетело*); эти участники близки роли Экспериенцера, но не полностью тождественны ей. Во многих языках датив используется для кодирования собственно Экспериенцера при глаголах, обозначающих ощущения и разного рода внутренние состояния (например: *мне холодно/тошно/стыдно/страшно/кажется/хочется*) или возможность/долженствование (например: *мне можно*/*нужно*).

Локатив (от лат. loc-us – ‘место’) или «местный». Обозначает местонахождение одного из участников ситуации, например татарская форма *at-ta* –‘на лошади’ от *at* – ‘лошадь’.

Аллатив (от лат. allat-us – ‘принесенный’) или «направительный». Указывает на конечный пункт траектории движения одного из участников ситуации, например татарская форма *at-ka* –‘на лошадь’.

Аблатив (от лат. ablat-us – ‘унесенный’), иногда переводится как «отложительный». Указывает на исходный пункт траектории движения одного из участников ситуации, например татарская форма *at-tan* – ‘с лошади’.

Вокатив (от лат. voc-o – ‘звать’) или «звательный». Используется при обращении или оклике, часто сопровождает глагол в повелительном наклонении. Например, лат. *Ave, Marc-e, evangelista meus* – ‘Здравствуй, Марк, мой евангелист’.

Инструменталис (от лат. instrumentum, – ‘орудие, инструмент’; русский «творительный»). Обозначает инструмент или средство, с помощью которого осуществляется действие , например: *забивать гвозди киянкой*, *стрелять золотыми пулями*; при глаголе в форме страдательного залога во многих языках кодирует Агенса (например: *Волк был убит случайным прохожим*).

Комитатив (от лат. comit(-is) – ‘спутник’) или «совместный». Обозначает лицо, совместно с которым осуществляется действие (типа *Петя со своими друзьями*); часто также кодирует семантическую роль

Инструмента. Комитатив иногда оформляет именное определение, обозначающее принадлежность (значения типа *человек с ружьем*).

Как можно заметить, многие из названных падежей – такие, как локатив, аллатив, комитатив и т.д., – не имеют отношения к различению участников ситуации, которое выше было признано базовой функцией падежа в любом языке. Возникает вопрос: в каком смысле эти формы являются падежами? Дело в том, что при ответе на вопрос, является ли определенная форма существительного падежной или нет, мы опираемся не только на функцию, но и на морфологию этой формы. Именно поэтому русские формы одушевленных существительных первого склонения на *–ин* (например: *Катин, мамин*), по своему значению очень близкие к родительному падежу, считаются не падежными формами, а образованными от существительного прилагательными: как любые прилагательные (и в отличие от «настоящего» родительного падежа), они согласуются с определяемым в роде, числе и падеже (например: *Митин шарм – Митино обаяние – Митина обворожительность – Митины чары*). Иными словами, падежными признаются те формы существительного, которые служат для различения партиципантов ситуации, а также все формы существительного, морфологически однородные с первыми. Многие из стандартных падежных значений даже в падежных языках выражаются непадежными средствами – так, звательность часто выражается частицей, а различные пространственные значения – предлогами, как в русском языке.

§3. Проблема прилагательных как части речи.

Самостоятельный грамматический класс прилагательных выделяется далеко не во всех языках мира и объем этого класса (если он выделяется) оказывается различным. Обычно говорят о трех типах языков: **«адъективные» языки** (т. е. языки с самостоятельным классом прилагательных), **«глагольные» языки** (т. е. языки, в которых прилагательные являются подклассом глаголов) и **«именные» языки** (т. е. языки, в которых прилагательные являются подклассом существительных).

«Глагольные» – языки Юго-Восточной Азии, Африки и Северной Америки; дагестанские языки. «Именные» языки – латынь, древнегреческий язык. «Адъективные» языки – русский язык, английский язык.

Имя прилагательное (букв. перевод с лат. nomen adiectivum – ‘имя прилегающее, примыкающее’), лексико-семантический класс слов (часть речи), называющих качества и свойства предметов (например: *тяжелый чемодан*), событий (например: *громкое дело*), состояний (например: *острая боль*) и других явлений окружающего мира, обозначенных именами существительными. Прилагательное может также указывать на принадлежность объекта кому-либо (например: *воронье перо*).

Обозначая признак предмета, прилагательное определяет имя существительное и, следовательно, в синтаксическом отношении зависит от него. Эта связь может выражаться лишь порядком слов, как, например, в современном английском языке с бедной морфологией, где прилагательное не имеет форм рода, числа и падежа, например: *a pretty boy* хорошенький мальчик», *a pretty girl* «хорошенькая девочка», *pretty children* «хорошенькие дети».

Зависимость прилагательного от существительного может иметь морфологическое выражение, и в этом случае признаковое имя согласуется с именем предмета в роде, числе и падеже – как в русском языке, например: *деревянн-ый стол* – □ (м. р., ед. ч., Им.), *на деревянн-ом стол-е* (м. р., ед. ч., предл.); *снег* – □ *бел* – □ (м. р., ед. ч.), *девушк-а бел-а лицом* (ж. р., ед. ч.). Во множественном числе противопоставление по роду нейтрализуется, т.е. используется одна и та же форма прилагательного для мужского и женского рода: *девушк-и красив-ы, юнош-и красив-ы*. Во французском языке формы всех родов и чисел противопоставлены, например:

un beau film – ‘хороший фильм’ (м. р., ед. ч.)

beaux films – ‘хорошие фильмы’ (м. р., мн. ч.)

une belle promenade – ‘прекрасная прогулка’ (ж. р., ед. ч.)

de belles promenades – ‘прекрасные прогулки’ (ж. р., мн. ч.).

Согласование прилагательного и существительного может выражаться также в том, что они получают одинаковый показатель согласовательного класса, как, например, в языке суахили, например:

wa*-toto* – ‘люди’ – ‘дети’

wa*-zuri* – ‘люди’–‘красивые’

wanakijua – ‘знают’

ki*-swahili* – ‘язык’ – ‘суахили’

ki*-gumu* – ‘язык’ – ‘трудный’.

Красивые дети знают трудный язык суахили, где показатель *wa-* обозначает класс людей, показатель *ki-* обозначает класс названий языков.

В древних индоевропейских языках падежные формы прилагательных были именными, т.е. совпадали с окончаниями существительных, например: лат. Nom. *Pulchr-a puell-a*, Acc. *Pulchr-am puell-am*. В большинстве современных индоевропейских языков падежные формы прилагательных утрачены (французский, персидский, армянский).

Именное склонение имели прилагательные и в древних славянских языках, например, в старославянском:

И. *жв-ъ рав-ъ*,
Р. *жв-а рав-а*,
Д. *жв-оу рав-оу*,
М. *жв-ѣ рав-ѣ*.

Помимо этого существовал местоименный тип склонения: окончания прилагательных произошли от слияния со старославянскими указательными местоимениями:

И. *слѣпы-и рав-ъ*,
Р. *слѣпа-его рав-а*,
Д. *слѣпоу-емоу рав-оу*,
М. *слѣпѣ-емь рав-ѣ*.

В современном русском языке утрачено деление прилагательных на именные и местоименные. Из старых местоименных форм развились современные полные прилагательные, а именные превратились в краткие прилагательные; падежные формы кратких прилагательных встречаются

только в устойчивых сочетаниях (например: *средь* ***бела*** *дня*, *по* ***белу*** *свету*, *полюбил он* ***красну*** *девицу*).

Имя существительное обозначает всю совокупность признаков, носителем которых является предмет. Они составляют суть предмета и определяют его связи с другими предметами реального мира. У одного имени таких связей обнаруживается довольно много, поскольку по каждому признаку оно организует вокруг себя целую сеть отношений. Например, *дверь* обозначает, с одной стороны, неотъемлемую часть помещения (наряду с *потолком*, *полом*, *стенами*); с другой стороны, дверь предназначена для прохода внутрь и наружу и по этому признаку похожа на *ворота*, *калитку*, *лазейку*, *окно*; с третьей стороны, ее основная функция состоит в закрывании помещения (с целью сохранения содержимого), и поэтому она входит в один ряд с *конвертом*, *крышкой*

Прилагательное же описывает отдельные свойства объекта (например: *красный забор*, *плотный картон*, *умный мальчик*, *теплый свитер*). Как правило, это статичные признаки, не изменяющиеся во времени, в отличие от глаголов, которые описывают действия и процессы, протекающие во времени (например: *краснеть*, *сохнуть*, *уплотняться*). Это смысловое противопоставление было наглядно зафиксировано Т.Гивоном в виде шкалы временной стабильности: имена существительные считаются максимально стабильными, а глаголы – максимально изменяющимися во времени.

Прилагательные занимают на этой шкале промежуточное положение. Как самостоятельный грамматический класс имена прилагательные выделяются далеко не во всех языках. К типично адъективным языкам (т.е. языкам с отдельным классом прилагательных) относятся английский, французский, русский, суахили. В тех языках, где прилагательные не выделяются в отдельный класс, они примыкают по своим характеристикам то к существительным, то к глаголам. Например, латинское *pauper* может переводиться и как ‘бедный’, и как ‘бедняк’, т.е. прилагательное имеет те же морфологические категории, что и существительное (род, склонение), но

выступает в атрибутивной функции. С другой стороны, многие названия свойств являются глаголами – *valere* – ‘быть здоровым’, *calere* – ‘быть горячим’. Однако и в русском языке, обладающем самостоятельным классом имен прилагательных, наблюдаются похожие явления: некоторые имена типа *ученый*, *столовая*, *прошлое* являются морфологическими прилагательными (склоняются как прилагательные) и синтаксическими существительными (употребляются независимо); вместе с тем краткие формы прилагательных являются подклассом глаголов (например: *мальчик болен*, *хлеб свеж*, *снег бел*), т.к. не изменяются по падежам и выполняют функцию сказуемого.

Существует, однако, целая область значений, которые имеют тенденцию кодироваться именами прилагательными в языках различных типов. К этому выводу пришел известный типолог Р.Диксон. По результатам его исследования, типичные прилагательные обозначают следующие признаки предметов:

размер (например: *маленький, крупный*),

физические свойства (например: *тяжелый, прочный, плотный*),

возраст (например: *молодой*),

цвет (например: *красный, белый*),

скорость (например: *быстрый, медленный*),

оценку (например: *хороший, плохой*),

трудность (например: *простой, сложный*),

«квалификацию» (например: *правильный, нормальный*),

сходство (например: *похожий*),

человеческие свойства (например: *умный, добрый*).

Эти значения настолько естественны для прилагательных, что обычно выражаются адъективно, т.е. при помощи прилагательного, практически во всех языках мира.

Значение прилагательных достаточно неоднородно. Некоторые качества предметов являются «неотъемлемой частью» своих носителей – это размер (например: *крупный почерк*, *маленький щенок*), цвет (например: *красные*

ягоды), форма (например: *прямая дорога*), звуковая характеристика (например: *тихий плач*, *глухие голоса*), возраст (например: *молодой волк*, *старый дуб*). Эти параметры, так сказать, встроены в структуру объекта. Другие качества проявляются при использовании предмета. Например, *сумка* или *рюкзак* поднимаются и перемещаются в пространстве и обнаруживают свой вес, т.е. могут быть *тяжелыми* или *легкими*; *скорлупа ореха* может быть *крепкой* или *хрупкой* в зависимости от того, насколько быстро она расколется, т.е. распадется на части при воздействии щипцами; *глина* именно в процессе лепки проявляет качество *мягкой* (если она легко меняет форму) и *твердой* (если она застывшая и ей трудно придать нужную форму). Обратим внимание на то, что каждый предмет имеет свое особое назначение и потому проявляет свои особые признаки: например, мы не можем сказать **тяжелый дом* (в процессе функционирования данного предмета мы не поднимаем его), **крепкий карандаш* (т.к. мы пишем им, но не проверяем его на прочность), **острая дверь* (потому что, открываясь, она никого не колет и не режет).

Все эти признаки присущи предмету как отдельной автономной сущности и обусловлены его внутренней структурой и назначением. Соответствующие прилагательные получили название качественных. Они обозначают чистый признак, которого в предмете может быть больше или меньше по сравнению с другими подобными предметами. Русские качественные прилагательные образуют степени сравнения: сравнительную, с суффиксом *-е* или *-ее* (например: *тоньше*, *сильнее*, *важнее*), и превосходную, с суффиксом *-ейш/-айш* (например: *тончайший*, *сильнейший*, *важнейший*); часто, однако, прилагательные, по форме относящиеся к превосходной степени, имеют значение просто очень большой степени признака, например: *Первую премию получит сильнейший* (‘самый сильный’) и *Стоял сильнейший мороз* (‘очень сильный’). Некоторые прилагательные имеют супплетивную (т.е. образованную от другой основы) форму сравнительной степени, например: *хороший – лучше*, *плохой – хуже*.

Качественные прилагательные имеют краткую форму (например: *могуч*, *тверд*, *быстр*), а также сочетаются с интенсификаторами (наречиями типа *очень*, *весьма*, *совсем*). Важно отличать омонимичные формы сравнительной степени прилагательных и наречий, например: *этот дом выше* (прилагательное) и *Петя прыгнул выше* (наречие), а также краткую форму среднего рода прилагательного и омонимичное ей наречие , например: *платье красиво* и *Она выглядит сегодня красиво*. Наречие синтаксически зависит от глагола, а прилагательное – от существительного. Некоторые прилагательные не имеют полной формы , например: *рад*, *должен*, *горазд*, *люб*. Качественные прилагательные являются, как правило, непроизводными словами, но от них возможно образование существительных с отвлеченным значением признака (например: *твердость*, *тишина*, *краснота*, *желтизна*).

С другой стороны, прилагательное может описывать свойства предмета через его отношение к другому предмету или к действию, например: отношения типа ‘содержащий что-то’ – *жирный кусок*, ‘сделанный из чего-то' – *деревянный дом*, ‘предназначенный для’ – *письменный стол*, *измерительный прибор*, ‘находящийся в’ – *баночное пиво*. Это относительные прилагательные. Они не имеют степеней сравнения и краткой формы.

Образуются относительные прилагательные, как правило, суффиксальным способом от соответствующего имени или глагола, поэтому их семантика тесно связана со структурой значения исходных слов, например: *морские рыбы*, *морская вода* со значением ‘находящиеся в море’ и *морской ветер*, т.е. ‘дующий с моря’. В некоторых языках подобные прилагательные являются формой имени существительного, например, в грузинском *kva* 'камень' – *kv-is* – ‘каменный’ (букв. ‘камня’). Отношения между объектами могут выражаться сочетанием двух существительных, например: англ. *a stone wall* (‘каменная стена’), *a bus stop* (‘остановка автобуса’, ‘автобусная остановка’). Т.о., очевидно, что деление

прилагательных на качественные и относительные не универсально, это особенность славянских языков, в частности русского.

Наконец, прилагательные могут обозначать принадлежность чего-либо лицу (например: *мамина сумка*, *рыбацкий поселок*) или животному (например: *кошкин дом*, *оленьи рога*). Это притяжательные прилагательные, которые являются особенностью славянских языков. В других языках значение притяжательности выражается существительным с предлогом, например: франц. *un livre de Paul* – ‘книга Поля’, специальным падежом (possessive case) , например: *Mary's book* – ‘книга Мэри’, изафетной конструкцией: перс. *xane-ye pedar* (*дом*-показатель изафета + *отец*) – ‘дом отца’.

Такое деление прилагательных на разряды не является строгим: будучи употребленными в переносном значении, они меняют свой класс. В основном, это касается относительных прилагательных, которые переходят в качественные, например: *малиновое варенье* (‘из малины’) – *малиновый берет* (‘цвета малины’), *каменная плотина* (‘построенная из камня’) – *каменное лицо* (‘неподвижное, как будто из камня’), *свинцовая пуля* (‘из свинца’) – *свинцовые тучи* (‘темно-серые, как будто из свинца’). Притяжательные прилагательные могут переходить в качественные и относительные, выражая отношение ‘свойственный кому-либо’ или ‘сделанный из’, например: *медвежья пасть – медвежья шуба – медвежья походка*; *лисья нора – лисий воротник – лисья хитрость*.

Очень редко качественные прилагательные в переносном употреблении утрачивают свое признаковое значение и начинают обозначать постоянное свойство предмета, т.е. переходят в разряд относительных, например: *кислые ягоды – кислая реакция*; *цветное платье – цветные металлы*. Развитие их значения связано главным образом с переносом на непредметные сущности, например: *твердый камень – твердые цены*, *яркое солнце – яркая личность*, *острая игла – острое зрение*, *прочные стены – прочные знания*. Этот перенос подчиняется определенным правилам, которые регулируют употребление

прилагательных. Так, по-русски нельзя сказать **прочные нервы*, **крепкая личность*, **прочные цены*. Вместе с тем заметна смысловая разница в сочетаниях *крепкие зубы* и *прочные зубы*, *твердый характер* и *жесткий характер*.

Все эти прилагательные описывают свойства предметов, которые воспринимаются человеком. Причем в некоторых случаях воспринимаемые объекты сами воздействуют на человека, как, например: *яркий свет*, *громкий плач*, *резкий запах*. Такие признаки проявляются активно и называются агентивными. Иногда человеку самому необходимо определенным образом воздействовать на объект, чтобы тот проявил свое свойство. К таким свойствам относятся пассивные, или пациентные признаки. Чтобы понять, что глина твердая, ее надо попробовать размять; крепкая скорлупа проявит свое свойство, только если попытаться ее расколоть. *Крепкие зубы* – это такие (свои) зубы, которые выдерживают интенсивные нагрузки и при этом не ломаются. А *прочные зубы* – это зубы искусственные, изготовленные из прочных долговечных материалов. Теперь становится понятным, почему бывают *крепкие нервы* и не бывает *прочных нервов*.

Состав прилагательных пополняется за счет причастий – особых форм глагола. При переходе в разряд прилагательных причастие теряет свои видовременные и залоговые значения и приобретает значение чисто качественное, например: *грядущий год*, *выдающийся ученый*, *преданный друг*, *избитое сравнение*, *вооруженные силы*/

§4. Принципы классификации имен числительных в общей грамматике.

Имя числительное — это лексико-грамматический класс слов, обозначающих число, количество, меру (например: рус. *пять, дважды, много).* Как часть речи числительное во многих языках оформилось сравнительно недавно, источником его являются т.н. счетные слова (или слова-классификаторы): так, например, числительное *пять* во многих языках восходит к слову *рука,* чукотское *мын-гыткен* – ‘десять’ дословно переводится как ‘две руки’, а эскимосское *югинак* буквально означает ‘весь человек’. Многие современные языки до сих

пор сохраняют указание на связь числительных с названиями руки человека, например: итальянское слово *1e dita*, которое означает и ‘числа до десяти’ и ‘пальцы’ или русское *перечесть по пальцам,* говорящее о том, что у наших предков счет был связан с пальцами. В языках Новой Гвинеи счет осуществляется путем сопоставления не только с пальцами, но и с фалангами пальцев, с запястьем, локтем, плечом, грудью.

Специфической грамматической чертой числительных является их сочетаемость с существительными, обозначающими считаемые предметы: в одних случаях они управляют существительными (например: рус. *три стола),* в других — согласуются с ними (например: *многих студентов).* Другой особенностью числительных является их отношение к числу: передавая понятие числа, числительное обычно категорией числа не обладает (например: как исключение в русском языке числительное *один – одни).* В академической грамматике современного русского языка к числительным относятся количественные числительные (передающие понятие числа в чистом виде, например: *три, пять)* и собирательные (обозначающие совокупность однородных предметов, например: *двое, трое),* порядковые же числительные рассматриваются как относительные прилагательные.

В то время как существительные обладают всеми тремя признаками частей речи — морфологическими, синтаксическими и семантическими, а у прилагательных морфологический признак представлен слабее, числительные объединены только своей семантикой. Они обозначают точное количество или точный порядок следования; соответственно, они подразделяются на количественные *(*например: *one, two ...)* и порядковые *(*например: *the first, the second ...).* Словоизменительные признаки у них отсутствуют; синтаксически они могут занимать позиции, свойственные как существительным, так и прилагательным, например:

She might be thirty or forty-five. (Christie) *Two Italian primitives on the wall.* (Christie) *She had not seen me for four days.* (Snow)

Обе позиции в равной степени свойственны числительным; следует, однако, указать, что субстантивная позиция, как правило, связана с анафорическим употреблением: *after a minute or two...*

Количественные числительные могут употребляться неанафорически, если они обозначают отвлеченное число, например: *Two and two is four.*

С атрибутивной позиции количественные числительные обусловливают форму числа существительного, например: *one day — two days.*

Порядковые числительные, обозначающие знаменатель дроби, подвергаются полной субстантивации; они получают морфологическую форму множественного числа, например: *two thirds.*

Количественные числительные способны обозначать порядок следования, когда речь идет о годах, страницах или главах книги, например: *in ten sixty-six; Chapter seven.*

Отсутствие морфологических признаков, а также особых, только им свойственных синтаксических функций были причиной того, что некоторые лингвисты (Есперсен, Керм) не признавали за числительными статуса части речи, причисляя их к существительным и прилагательным. Однако, как мы видели, оба подкласса числительных способны выступать в равной мере в функциях, свойственных и существительному, и прилагательному; они имеют специфическую семантику, их объединяющую, и, наконец, у них имеется свойственная им словообразовательная система: для количественных от двенадцати до двадцати — образования с суффиксом *-teen,* от двадцати до ста — с суффиксом *-ty,* для порядковых, начиная от пяти, с суффиксом *-th.*

Количественные *hundred, thousand, million* являются числительными, когда они обозначают точное число, например: *two thousand five hundred and ten.* Омонимичные им существительные употребляются для обозначения большого количества приблизительно, не называя точной цифры, причем эти существительные выступают тогда в форме множественного числа: *hundreds of people, by twos and threes.*

Являясь универсальной лингвистической категорией, числительные имеют разную организацию в языках мира. Различия наблюдаются не только в классификационных видах числительных, но и в грамматических свойствах (позволяющих рассматривать их в разряде существительных, прилагательных или наречий), в способности сочетаться с другими словами, например, в нивхском языке (коренного населения о. Сахалин) имеется двадцать шесть типов числительных, неодинаково сочетающихся с названиями предметов разных классов: живых, длинных, круглых, плавающих и т.д.

§5. Вопрос о местоимении и детерминации в общей грамматике.

Частям речи, называющим предмет, признак, процесс, количество (т.е. существительным, прилагательным, наречиям, числительным) противостоят местоимения, не имеющие собственного предметно-логического содержания. Между тем именно местоимения, по мнению многих ученых, являются древнейшими словами в языке. Не случайно они представляют собой лингвистическую универсалию, так как во всех языках мира местоимения используются для выделения говорящего и собеседника или для указания на лицо или предмет, не участвующий в речи.

Местоимение — это часть речи, объединяющая в своем составе слова, указывающие на предмет, признак или количество, но не называющие их. Являясь своего рода заместительными словами, местоимения образуют свою особую систему, параллельную системе существительных, прилагательных, числительных. Одни местоимения указывают на предметы (в грамматическом смысле слова), поэтому их называют местоименными существительными (например: рус. *я, ты, мы, вы, он, себя, кто, что, никто, ничто, некто, нечто* и др.), другие указывают на признаки предмета, поэтому их называют местоименными прилагательными (например: рус. *мой, твой, свой, наш, ваш, этот, такой, чей, всякий* и др.), третьи указывают на обобщенное количество, поэтому их называют местоименными числительными (например: рус. *сколько, столько, несколько)*. Вместе с тем местоимения имеют и некоторые свои, отличительно характеризующие их категории: 1) лицо – вещь (например: *кто* –

что); 2) далекое – близкое (например: *то – это),* а также синтаксические особенности, связанные с их сочетаемостью (например: невозможность сочетания притяжательных местоимений с глаголами или личных местоимений с прилагательными-определениями).

В некоторых языках функцию слов-заместителей могут выполнять также наречия (т.н. местоименные наречия) и глаголы (т.н. местоименные глаголы). Местоименные наречия указывают на обобщенно-обстоятельственное значение (например: рус. *где, куда, здесь, там* и др.). Заместительной функцией обладают наречия, генетически связанные с местоимениями. Местоименные глаголы указывают на обобщенно-процессуальное значение (например: монг. *ингэх тэгэх* –‘делать так’). Местоименные глаголы типологически более редкий класс слов-заместителей, однако они встречаются в татарском, монгольском, ряде европейских языков, в частности во французском, английском языках (например: англ. глагол *to do* при замещении им глагольной группы, с которой он связан анафорически, когда в значение одного выражения входит отсылка к другому).

Английские местоимения представляют собой очень пеструю картину в отношении грамматических категорий.

Категория падежа существует у личных местоимений, показывающих четкое противопоставление именительного и объектного падежей. Производные с компонентами *-body, -one,* а также *other* могут иметь форму посессива, например:

The subject of everybody's talk.; …to try to win anyone's favour.} ... looked into the other's face. (Poutsma)

Категория числа имеется у указательных местоимений и у *other,* соотнесенного с именем лица, например: *The others, who had been listening soberly, did not want to argue.* (Snow)

Синтаксические функции также не совпадают у различных разрядов. Одни могут занимать позиции только предметного члена предложения: личные, часть вопросительных, субстантивированные формы притяжательных,

производные *от some, any, no, every.* Только в функции определения выступают притяжательные местоимения, неопределённые местоимения *no, every.* Ту и другую функцию могут иметь указательные, часть вопросительных, неопределённые *some, any, each, other.*

Эта пестрота морфологических категорий и синтаксических функций явилась причиной разногласий между лингвистами в вопросе существования местоимений как части речи. На материале различных европейских языков была выдвинута теория, отрицающая правомерность выделения местоимений как части речи. Авторы грамматик тех или иных языков, в том числе русского и английского, пытались распределить местоимения так, что они составляли часть разрядов прилагательных и существительных. Для этого были основания: как мы видели, синтаксически местоимения примыкают к одной из этих частей речи или к двум одновременно. Морфологическая категория числа, там, где она есть, отличается от категорий числа существительного только по форме выражения, но не по содержанию. Синтаксические категории совпадают с функциями существительного и прилагательного. Однако при таком распределении местоимений по именным частям речи исчезает специфика местоимений, их особая черта — отсутствие постоянной предметной закрепленности; эта черта охватывает все разнородные подразряды, объединяя их в одну часть речи. Их свойства и функции перекрещиваются друг с другом и с другими частями речи; это нелогично. Но такого рода нелогичности отмечались и выше; поэтому такое положение вещей не должно нас удивлять.

Основная функция местоимений — дейксис (указание). Местоимения участвуют в номинации только косвенно, указывая на уже названный ранее предмет *(*например: *My brother works in a hospital; he is a surgeon),* но они не передают новой содержательной информации. Именно это общее дейктическое значение представляет собой основание для объединения разнородных по морфологическим и синтаксическим свойствам разрядов в единую часть речи.

Местоимения, т.о., представляют собой особую часть речи, отличительным признаком которой является указательная и заместительная функция, поэтому в грамматиках разных языков местоимения часто распределяются по другим частям речи (см., например, академическую грамматику русского языка, в которой в состав местоимений включены только местоименные существительные, замещающие лицо или предмет (например: *я, ты, мы, вы, он (она, оно, они), себя* **и** др.), тогда как остальные рассматриваются в разряде прилагательных, числительных и наречий).

Артикль (от лат. *articulus* – ‘соединительный элемент’, собств. ‘сустав, сочленение’) – условное название показателя детерминации, одной из наиболее сложных и своеобразных грамматических категорий существительного. В лингвистике, вообще говоря, не принято давать особые названия показателям грамматических категорий (так, не существует специальных терминов для показателей числа, лица, времени, вида и т.п., если не считать несколько расплывчатого и неоднозначного понятия *окончание*), поэтому само существование термина *артикль* можно рассматривать как признание особого статуса категории детерминации.

В чем же специфика категории детерминации? Хорошо известно, что существительное обозначает не столько конкретный объект (или множество объектов), сколько определенный набор свойств; так, слово *камень* вне контекста (например, в толковом словаре) соотносится не с каким-то определенным *камнем* (и даже не со всеми вообще мыслимыми *камнями*), а с тем, что можно было бы назвать *эталонным камнем*, т.е. прежде всего с набором свойств, необходимым для того, чтобы «иметь право называться» камнем. Иными словами, мы можем утверждать, что существительное «само по себе» обозначает скорее понятие как таковое, чем объект как таковой. (Эта разница еще более отчетливо проявляется у абстрактных существительных: так, *молодость* «вообще» отнюдь не то же самое, что, например, *моя молодость* или *молодость моей прабабушки*.) Чтобы существительное могло обозначать не только свойство, но и конкретного

носителя этого свойства, оно должно «воплотиться» в него: именно в этом случае ‘камень вообще’ становится ‘вот этим камнем при дороге’, а ‘молодость вообще’ – ‘молодостью моей прабабушки’.

Процедура воплощения отвлеченного понятия в конкретного носителя – одна из важнейших в естественном языке; именно она позволяет человеку адекватно описывать окружающий его мир с помощью слов. Эта процедура и называется детерминацией (в близком значении в современной лингвистике используются также термины *референция*, *квантификация*, *актуализация* и др.). Механизмы детерминации существуют во всех языках, однако не во всех языках они имеют грамматический статус (точно так же во всех языках существуют способы обозначения количества объектов, но далеко не во всех существует грамматическая категория числа). Напомним, что артиклями называются именно показатели грамматической категории детерминации, а не любые средства ее выражения (к каковым можно отнести, например, такие русские слова, как *этот, один, какой-то, любой* и мн. др., не говоря уже о порядке слов и интонации). Но и в тех случаях, когда грамматическая категория детерминации в языке существует, ее внутренняя структура в разных языках может не совпадать.

Существуют два основных типа систем выражения детерминации (или «артиклевых систем») в языках мира. В первом типе ведущую роль играет противопоставление т.н. референтного и нереферентного статуса имени, во втором типе – противопоставление т.н. определенного и неопределенного статуса.

Чтобы понять разницу между референтным («конкретным») и нереферентным («обобщенным») употреблением существительного, достаточно сравнить смысл слова *человек* в контекстах типа [*будь человеком, не жадничай*] или [*забота о человеке*] – и в контекстах типа [*из дому вышел человек с веревкой и мешком*]. В первом случае имеется в виду человек «вообще», любой человек как носитель определенной совокупности свойств (поэтому к употреблениям такого типа нельзя, например, задать вопрос

«какой?»); во втором случае имеется в виду конкретный «экземпляр» человека.

Системы с противопоставлением референтности и нереферентности свойственны многим тюркским, иранским, африканским и др. языкам. Средства выражения этого противопоставления могут быть различны: может использоваться особый «референтный артикль» (в некоторых языках банту в этом качестве выступает начальная согласная показателя именного класса существительного), но может использоваться и более сложная техника. Так, в тюркских языках, как правило, только референтные существительные могут изменяться по падежам и числам, тогда как нереферентные существительные в большинстве контекстов выступают в так называемой «немаркированной форме» (совпадающей с именительным падежом единственного числа); тем самым показателем референтности оказывается сама возможность принимать падежно-числовые показатели. Похожие механизмы (предполагающие «ущербный» грамматический статус нереферентного существительного) имеются и в других языках мира.

В европейских языках более распространенной является другая система, которая основана на противопоставлении значений определенности и неопределенности. Само это противопоставление, однако, возможно только для референтных существительных; оно сводится к тому, считает ли говорящий данный объект известным или неизвестным адресату. Именно эти значения чаще всего выражаются с помощью служебных слов (или аффиксов), называемых «определенным» и «неопределенным» артиклями. Нереферентный статус существительного в таких системах, естественно, тоже обозначается, однако не специальным показателем, а либо с помощью отсутствия артикля (так называемый «нулевой» артикль, как, например, в английском языке в примерах типа *he drinks wine* – ‘он пьет [‘употребляет’] вино’, *birds can sing* – ‘птицы умеют петь’, или во французском языке в примерах типа *il est devenu soldat* – ‘он стал солдатом’), либо с помощью одного из двух имеющихся в системе артиклей – определенного или

неопределенного, который в этом случае выступает в своем непрямом значении (например: англ. *he became a soldier* – ‘он стал *солдатом’* [неопределенный артикль]', франц. *les oiseaux savent chanter* – ‘птицы [определенный артикль] умеют петь’). Т.о., можно сказать, что системы типа тюркских выражают в первую очередь степень референтности объекта, а системы типа западноевропейских – в первую очередь степень определенности (референтного) объекта. Система второго типа засвидетельствована уже в древнегреческом языке (но отсутствует в латинском); она развилась во всех романских и германских языках, а также в албанском, болгарском, македонском, армянском, венгерском, арабском и др.

В качестве самостоятельных показателей детерминации используются служебные слова, имеющие весьма узкий круг лексических источников. Так, неопределенный артикль чаще всего восходит к числительному *один* (причем количественное значение у него может и сохраняться, как во французском или немецком языках), а определенный артикль – к указательным местоимениям типа *тот* (это значение у артикля также может сохраняться, как в немецком языке). В дальнейшем эти служебные слова могут утратить синтаксическую самостоятельность и превратиться в аффиксальные артикли: этот процесс (на разных стадиях завершенности) имеет место в болгарском, албанском, шведском, датском, армянском языках.

Грамматическое выражение детерминации не обязательно предполагает существование в языке двух различных показателей; возможны как редуцированные системы (с одним артиклем), так и расширенные (с большим числом артиклей). В системах с одним артиклем отсутствие артикля воспринимается как показатель противоположного значения категории детерминации. Нулевое выражение может иметь как значение неопределенности (таковы, например, древнегреческая, болгарская или мальтийская системы с единственным определенным артиклем), так и значение определенности (такова, например, персидская система с единственным неопределенным артиклем). Полное отсутствие одного из

артиклей в системе не следует смешивать со случаями, когда артикль не может быть употреблен в каких-то контекстах: так, во многих языках значение неопределенности при формах множественного числа существительных выражается нулевым артиклем (как в английском, немецком или новогреческом языках, где в единственном числе имеется как определенный, так и неопределенный артикль).

Системы с большим числом артиклей выражают дополнительные противопоставления: например, особые артикли могут употребляться при именах собственных (как в полинезийских или филиппинских языках), при неопределенных несчетных именах – как партитивный артикль во французском языке, например, франц. *du vin* – ‘некоторое количество вина’ в отличие от *un vin* – ‘некоторый сорт вина [неопр]’ и *le vin* – это конкретное вино [опр]’ или ‘вино вообще [опр]’ и т.п. Помимо собственно значений детерминации, артикли могут выражать и другие грамматические значения существительных, прежде всего род, число и падеж (по этим категориям артикли согласуются с существительными, подобно прилагательным и местоимениям). В таких языках, как немецкий или французский, многие грамматические значения существительных формально выражаются именно в согласуемых с ними артиклях, тогда как сами существительные это различие уже утратили, например: франц. *le lis* ‘лилия [ед. опр]’ – *les lis* – ‘лилии [мн. опр]’ или нем. *der Spiegel* – ‘зеркало [ед. им. опр]’ – *dem Spiegel* – ‘зеркалу [ед. дат. опр]’ – *die Spiegel* – ‘зеркалá [мн. им. опр]’ и т.п.

Выводы по главе III:

1. **Части речи –** основные лексико-грамматические разряды, по которым распределяются слова языка на основании признаков: а) семантического (обобщенное значение предмета, действия или состояния, качества), б) морфологического (морфологические категории слова) и в) синтаксического (синтаксические функции слова).
2. **Род** — грамматическая категория, свойственная разным частям речи и состоящая в распределении слов или форм по двум или трем классам,

традиционно соотносимым с признаками пола или их отсутствием; эти классы принято называть мужской, женский, средний род. Классифицирующая категория для существительных, анафорическая — для местоимений 3-го л. ед. ч., словоизменительная (синтаксическая)— для остальных частей речи. Род смыкается с именными классами как разновидность согласовательных классов.

3. **Число –** грамматическая категория, служащая для выражения количества. Наряду с показателями числа средствами выражения количества в языке могут быть числительные, а также такие существительные, прилагательные и наречия
4. **Падеж,** наряду с числом, одна из двух основных словоизменительных категорий именных частей речи – существительного, прилагательного, причастия, местоимения, числительного.
5. В русском языке падежи несут огромную информационную нагрузку: без падежей не может обойтись ни одно русское предложение. Как же в таком случае могут существовать беспадежные языки – такие, как английский, французский, китайский? Очевидно, информация, которая в русском языке кодируется падежными формами, в таких языках передается другими средствами.
6. Самостоятельный грамматический класс имен прилагательных выделяется далеко не во всех языках мира и объем этого класса (если он выделяется) оказывается различным. Обычно говорят о трех типах языков: **«адъективные» языки** (т. е. языки с самостоятельным классом прилагательных), **«глагольные» языки** (т. е. языки, в которых прилагательные являются подклассом глаголов) и **«именные» языки** (т. е. языки, в которых прилагательные являются подклассом существительных).
7. **Имя числительное** — это лексико-грамматический класс слов, обозначающих число, количество, меру (например: рус. *пять, дважды, много).* Как часть речи

числительное во многих языках оформилось сравнительно недавно, источником его являются т.н. счетные слова (или слова-классификаторы)

8. Частям речи, называющим предмет, признак, процесс, количество (т.е. существительным, прилагательным, наречиям, числительным) противостоят местоимения, не имеющие собственного предметно-логического содержания. Между тем именно местоимения, по мнению многих ученых, являются древнейшими словами в языке. Не случайно они представляют собой лингвистическую универсалию, так как во всех языках мира местоимения используются для выделения говорящего и собеседника или для указания на лицо или предмет, не участвующий в речи.
9. **Артикль** (от лат. *articulus* – ‘соединительный элемент’, собств. ‘сустав, сочленение’) – условное название показателя детерминации, одной из наиболее сложных и своеобразных грамматических категорий существительного. В лингвистике, вообще говоря, не принято давать особые названия показателям грамматических категорий (так, не существует специальных терминов для показателей числа, лица, времени, вида и т.п., если не считать несколько расплывчатого и неоднозначного понятия *окончание*), поэтому само существование термина *артикль* можно рассматривать как признание особого статуса категории детерминации.

Вопросы для обсуждения:

1. Лексико-грамматические разряды имен в русском и в одном из неславянских языков:

- имена существительные;
- имена прилагательные;
- имена числительные;
- местоимение.

2. Вопрос о выделении частей речи в общей грамматике.
3. Родовая система имен.
4. Значение и грамматикализация категории числа.

5. Инвентарь падежей и парадигматика имен.
6. Проблема прилагательных как части речи.
7. Вопрос о местоимении и детерминации в общей грамматике.

Упражнение № 1.

Определите род приведенных слов и укажите, чем вызвано изменение рода этих существительных в современном русском языке по сравнению с тем языком, из которого они заимствованы:

Аквариум (лат. aquarium, ср. род),
акула (исландск. haccal, м. род),
базис (греч. basis, ж. род),
банк (фр. la banque, ж. род., нем., die Bank, ж. род),
бук (нем. die Buche, ж. род),
бюро (фр. le bureau, м. род),
галстук (нем. die Halsbinde, ж. род),
графин (нем. die Karaffe, ж. род),
замша (нем. das Samischleder, ср. род),
депо (фр. le depot, м. род),
догма (греч. dogma, ср. род),
зал (фр. la sala, ж. род),
желе (фр. la gelee, ж. род),
жираф (фр. la girafe, ж. род),
камзол (нем. das Kamisol, ср. род),
карниз (нем. das Karnies, ср. род),
карусель (фр. Le carousel, м. род),
кафе (фр. le cafe, м. род),
клякса (нем. der Kleeks, м. род),
контора (нем. das Kontor, ср. род),
кукуруза (рум. cucuruz, м. род),
метод (фр. la methode, ж. род),
пальто (фр. le paletot, м. род),

папироса (польск. papieros, м. род),

парламент (нем. das Parlament, ср. род),

редька (нем. der Rettich, м. род),

редис-редиска (фр. radis, нем. Radis/chen, ср. род),

система (греч. systema, ср. род),

стамеска (нем. das Stemmeisen, ср. род),

стерлядь (нем. der Sterlet, м. род),

схема (греч. scheme, ср. род),

тема (греч. thema, ср. род),

теорема (греч. theorema, ср. род),

фарс (нем. die Farse, ж. род, франц. la farce, ж. р.).

шрифт (нем. die Schrift, ж. род).

Упражнение № 2.

Выпишите из текста имена существительные и выполните их полный морфологический разбор:

В начале августа жары часто стоят нестерпимые... Именно в такой день случилось мне быть на охоте. Долго противился я искушению прилечь где-нибудь в тени, хоть на мгновенье; долго моя неутомимая собака продолжала рыскать по кустам, хотя сама, видимо, ничего не ожидала путного от своей лихорадочной деятельности. Удушливый зной принудил меня наконец подумать о сбережении последних наших сил и способностей. Кое-как дотащился я до речки Исты, уже знакомой моим снисходительным читателям, спустился с кручи и пошел по желтому и сырому песку в направлении ключа, известного во всем околотке под названием «Малиновой воды». Ключ этот бьет из расселины берега, превратившейся мало-помалу в небольшой, но глубокий овраг, и в двадцати шагах оттуда с веселым и болтливым шумом впадает в реку. Дубовые кусты разрослись по скатам оврага; около родника зеленеет короткая бархатная травка; солнечные лучи почти никогда не касаются его холодной, серебристой влаги. Я добрался до ключа; на траве

лежала черпалка из бересты, оставленная прохожим мужиком на пользу общую. Я напился, прилег в тень и взглянул кругом

(И. С. Тургенев).

Упражнение № 3.

Найдите в тексте прилагательные и выполните их полный морфологический разбор:

Удивительные черты русского художественного гения впервые во всей своей красоте и мощи воплотились в Пушкине. Находящийся в одном ряду с Шекспиром и Гете по своей гениальности, он принципиально отличается от них в своем подходе к человеческой душе: если он рисует ее прекрасной, то для подтверждения этого обращается к качествам, непосредственно заключенным в ней самой, пускай и не нашедшим соответствующего внешнего воплощения. У Шекспира даже Джульетта совершает подвиг,— пушкинская Татьяна прекрасна и величественна в своем гордом смирении, которое, вероятно, по своей человеческой значимости не уступает подвигу. Это характеризует вообще всю пушкинскую поэзию...

Это относится, по-своему, ко всем замечательным русским писателям... Такова судьба всякого гениального художника, но о Пушкине должен быть особый разговор: выше его в искусстве слова никто подняться не мог, но дальше, в неизведанные сферы жизни, в разных направлениях шли многие.

(Б. Бурсов).

Упражнение № 4.

Прочитайте предложения; поставьте числительные в соответствующих падежах:

1. Произведение 727 и 58 равно 42 166, сумма этих чисел равна 785, а разность — 669. 2. Частное от деления 42 166 на 58 равно 727, сумма этих чисел равна 42 224, а разность — 42 108. 3. Произведение 84 и 95 равно 7980, сумма этих чисел равна 179, а разность — 11.4. Частное от деления 36 960 на 42 равно 880, сумма этих чисел равна 37 002, а разность — 36 918. 5.

Разность 1152 и 366 равна 786, а сумма равна 1518. 6. Разность 2347 и 684 равна 1663, а сумма равна 3031.

Упражнение № 5.

Прочтите и переведите тексты. Выпишите из текстов имена существительные, имена прилагательные и местоимения, выполните их морфологический разбор:

Wir liegen neun Kilometer hinter der Front. Gestern wurden wir abgelöst; jetzt haben wir den Magen voll weißer Bohnen mit Rindfleisch und sind satt und zufrieden. Sogar für abends hat jeder noch ein Kochgeschirr voll fassen können; dazu gibt es außerdem doppelte Wurst- und Brotportionen – das schafft.

So ein Fall ist schon lange nicht mehr dagewesen: der Küchenbulle mit seinem roten Tomatenkopf bietet das Essen direkt an; jedem, der vorbeikommt, winkt er mit seinem Löffel zu und füllt ihm einen kräftigen Schlag ein. Er ist ganz verzweifelt, weil er nicht weiß, wie er seine Gulaschkanone leer kriegen soll.

(Erich Maria Remarque. Im Westen nichts Neues)

Le soleil baissait vers l'horizon, inondant de clarté les plaines verdoyantes, tachées de place en place par l'or des colzas en fleur, et par le sang des coquelicots. Une quiétude infinie planait sur la terre tranquille où germaient les sèves. La carriole allait grand train, le paysan claquant de la langue pour exciter son cheval.

Et Jeanne regardait droit devant elle en l'air, dans le ciel que coupait, comme des fusées, le vol cintré des hirondelles. Et soudain une tiédeur douce, une chaleur de vie traversant ses robes, gagna ses jambes, pénétra sa chair; c'était la chaleur du petit être qui dormait sur ses genoux.

(Guy de Maupassant. Une Vie).

And as the language is fashioned, so it brings, indeed sings, into existence new if elusive images of reality. It is essentially the language that brings them into being. And outside the language so shaped to express them they have no existence. Poems are uses of language, and they can only be understood as uses of language. But since these uses are unusual, so they have to be understood in ways which are different from those which are common in the management of ordinary life.

(Henry E. Jackobs).

Глава IV. Функционально-семантические категории глагола.

§1. Общее представление об аспекте.

Глагол – часть речи, обозначающая действие или состояние как процесс, протекающий во времени и пространстве и выражающий это значение в морфологических категориях вида, залога, наклонения, времени, лица, числа, рода. Общекатегориальным значением глагола является значение процессуальности. Глагол обладает самым богатым набором грамматических категорий. Их семь: вид, залог, наклонение, время, лицо, число, род. Категории неравноценны. Их можно разделить на две группы:

1. грамматические категории, которые отражают специфику глагола как части речи – **собственно глагольные категории** – вид, залог, наклонение, время, лицо;
2. грамматические категории, которые не отражают специфику глагола как части речи и являются общими для глагола и других частей речи – **несобственно глагольные категории –** род, число.

Только две категории глагола присущи всем глагольным формам – категория вида и залога. Это **всеобщие (универсальные) категории** глагола. Любой функционально-семантической категории соответствует грамматическая категория.

Вид – категория глагола, указывающая на внутреннюю структуру и способ существования ситуации во времени. Различают вид в широком смысле (в этом значении употребляется также термин «*аспект*» и «*аспектуальность*»), т.е. вид как понятийную категорию, которая имеет универсальный характер и выражается теми или иными средствами (лексическими, словообразовательными) в самых разных языках мира; с другой стороны, вид может быть грамматической категорией – в тех языках, где выражение понятийной категории вида обеспечивается грамматическими средствами (вид в узком смысле). Наличие грамматической категории вида является характерной особенностью славянских языков. На лексическом

уровне аспектуальность выражается словами, указывающими на характер протекания действия, например: *часто, каждый раз, иногда, всегда; seldom, always, sometimes.* На семантическом уровне аспектуальность выражается способами глагольного действия. На синтаксическом уровне на характер протекания действия указывает порядок слов и порядок следования предикативных частей в сложном предложении. Все разноплановые средства выражения аспектуальности не существуют изолированно, а взаимодействуют в конкретном высказывании.

Вид и способ глагольного действия. Понятийная категория вида в русском языке выражается, в частности, в категории способа глагольного действия. Вопрос о соотношении категорий вида и способа действия традиционно относится к числу дискуссионных. Согласно наиболее распространенной в современной аспектологии точке зрения, способы действия представляют собой различные классы производных глаголов, связанные с исходным глаголом регулярными словообразовательными отношениями (например, *хаживать* представляет собой многократный способ действия, обозначаемого глаголом *ходить*, *зашуметь* – начинательный способ действия, обозначаемого глаголом *шуметь*). Способ действия не является грамматической категорией, так как его выражение в русском языке не обязательно. Мы говорим *Он ко мне частенько захаживал* (многократный способ действия) – если мы хотим специально выразить в глаголе идею многократности. Но мы можем обозначить ту же ситуацию словами *Он ко мне часто заходил*, оставив эту идею в глаголе невыраженной. Способ действия есть результат определенной семантической модификации исходного глагола, которая выражается формальными средствами – приставками и суффиксами. Так, глаголы *закричать*, *накричаться*, *покрикивать*, *крикнуть* представляют собой различные семантические модификации глагола *кричать*, каждой из которых соответствует свой формальный показатель. Некоторые из типов модификаций действия исходного глагола весьма близки, иногда даже тождественны, некоторым

типам семантических соотношений в видовых парах. Поэтому бывает так, что один и тот же глагол является видовым коррелятом к некоторому глаголу противоположного вида и одновременно одним из образованных от него способов действия. Так, например, глагол *понравиться* является одновременно видовым коррелятом к *нравиться* и его начинательным способом действия. Глаголы типа *прыгнуть*, *кинуть* или *укусить* являются одновременно однократным способом действия к *прыгать*, *кидать* и *кусать* и их видовыми коррелятами. Хотя подобные совмещения функций встречаются относительно редко, в принципе такая возможность существует и обусловлена она сходством семантических отношений между членами видовой пары и между мотивирующим глаголом и его способом действия. Другими словами, содержательная сторона категории вида и категории способа действия очень близки – в том смысле, что множество передаваемых той и другой категорией значений имеет большую область пересечения. Различие же между ними касается функциональной стороны.

Значения, относящиеся к понятийной категории вида (такие, как временная локализация, динамичность/статичность, кратность, длительность, моментальность, узуальность и т.п.), могут быть выражены и другими средствами. А именно, для этого используются: перифрастические глагольные конструкции (например, франц. *être en train de faire qch*, ит. *stare per partire*, исп. *estar hablando*), глагольные префиксы (например, нем. *Streichen – anstreichen*), адвербы (например, англ. *eat – eat up*), категория времени глагола (например, франц. *il parlait – il a parlé*) и т.д. Поэтому, задаваясь вопросом «Есть ли в таком-то языке виды?», следует четко различать, имеем ли мы в виду грамматическую категорию вида – и тогда, например, в немецком языке она отсутствует – или речь идет лишь о семантических противопоставлениях того типа, которые могут выражаться категорией вида (и в этом случае можно говорить о «выражении вида» в немецком, французском, итальянском и других языках).

Вид как грамматическая категория. В русском, как и в других славянских языках, имеется грамматическая категория вида, противопоставляющая два значения: «совершенный вид» и «несовершенный вид». Выражение этого противопоставления является для русского языка обязательным: всякий глагол, употребленный в высказывании на русском языке, обладает тем или иным значением категории вида, т.е. является глаголом либо совершенного, либо несовершенного вида. Это распространяется, в том числе, и на так называемые двувидовые глаголы: в предложениях типа *Я женюсь*, где глагол может быть понят двояким образом – как глагол сов. вида (будущего времени) и как глагол несов. вида (настоящего времени), имеет место грамматическая неоднозначность, порождаемая внешним совпадением (омонимией) разных грамматических форм. Эта неоднозначность разрешается в более широком контексте, например: *Решено. Я женюсь* [несов. вид] *на Мари и уезжаю с ней в Париж* и *Я женюсь* [сов. вид] *на Ирине, если она согласится жить со мной в шалаше*.

Семантика видового противопоставления. При помощи категории вида в русском языке могут выражаться различные смысловые противопоставления, относящиеся к понятийной категории вида. Принято говорить об общем значении (семантическом инварианте) – каждого из видов, а также самого видового противопоставления – и о частных значениях видов (частновидовых значениях).

Аспектуальная система русского языка опирается на определенный способ концептуализации действительности. А именно, различаются следующие фундаментальные категории: событие, процесс, состояние. Состояние – это положение дел, сохраняющееся неизменным на протяжении некоторого отрезка времени, например: *Маша любит Петю*; *Васю знобит*. Когда одно состояние сменяется другим, это концептуализуется как событие. Событие – это переход в новое состояние (в некоторый момент времени имело место одно состояние, а в некоторый последующий – уже другое),

например: *Маша разлюбила Петю*; *Вася согрелся*. Наконец, процесс – это то, что происходит во времени. Процесс состоит из последовательно сменяющих друг друга фаз и обычно требует энергии для своего поддержания, например: *мальчик гуляет, играет*; *они разговаривают*; *костер горит*. Русская аспектуальная система устроена таким образом, что глаголы сов. вида всегда обозначают события, а глаголы несов. вида могут обозначать любое из трех типов явлений: прежде всего процессы (например: *кипит*, *беседует* с приятелем, долго *пишет* письмо) и состояния (например: *умирает* от нетерпения, *хворает*, чего-то *ждет*), но также и события (например: внезапно *понимает*, каждый день *приходит*).

Соответственно, общее значение видового противопоставления состоит в том, что сов. вид, всегда выражающий событийность, противопоставляется несов. виду, немаркированному в этом отношении, т.е. способному выражать как процессуальность или стативность, так и событийность. Эта инвариантная семантика видового противопоставления реализуется различными способами в зависимости от контекста. Имеется в виду контекст в широком смысле, куда входит тип лексического значения самого глагола (так как семантика видового противопоставления различна для глаголов разных семантических классов), значение грамматических категорий (прежде всего времени и наклонения), наличие в предложении некоторых специальных показателей, в частности отрицания и дейктических слов (таких, как *этот*), тип речевого акта (сообщение, вопрос, просьба). Существует два принципиально различных типа контекстов. В одних противопоставление видовых форм выражает именно то различие, которое имеется в данном семантическом типе видовых пар, например, ‘действие, развивающееся по направлению к своему пределу’ – ‘достижение предела’, как в паре предложений *Прошлым летом мы* ***строили*** *дачу* (‘занимались строительством’) – *Прошлым летом мы* ***построили*** *дачу* (‘закончили строительство’), т.е. речь идет о разных ситуациях. В других контекстах обе видовые формы описывают одну и ту же ситуацию действительности, и

видовое противопоставление выражает лишь разные способы ее концептуализации (например: *Этот дом **строил** мой дед – Этот дом **построил** мой дед*). Наиболее изученными контекстами второго типа являются оппозиция совершенного вида и несов. общефактического в прошедшем времени и употребление видов в императиве (например: ***Расскажи** мне, что там произошло – Ну, **рассказывай**, что там произошло*).

Частновидовые значения. Совершенный вид имеет небольшой разброс частных значений. Основное значение сов. вида называется конкретно-фактическим (например: *Иван **уехал** за границу*). Имеется также ряд периферийных значений: наглядно-примерное (например: ***Увидит** бездомную собаку на улице, **скажет** ей ласковое слово и **пойдет** своей дорогой*); это же значение иногда называют узуальным, потенциальное (например: *Ты, Вась, и мертвого **расшевелишь***), суммарное (например: *Семь раз **примерь**, один **отрежь***) и некоторые другие. Несовершенный вид имеет более богатый спектр частновидовых значений; при этом некоторые из них возможны только для глаголов определенных семантических классов. Самым ярким значением несов. вида является актуально-длительное, которое называют также конкретно-процессным. Глагол несов. вида в актуально-длительном значении описывает процесс или состояние, длящиеся в момент наблюдения (например: *Когда я вошел, моя жена **накрывала** на стол, а сын **лежал** на диване и **читал** книгу*). Разновидностью актуально-длительного значения является когнитивное, т.е. значение попытки (например: ***утешал**, но не утешил*; ***решал**, но не решил*).

Актуально-длительное (оно же конкретно-процессное) значение есть далеко не у всех глаголов несов. вида; более того, наличие или отсутствие у глагола актуально-длительного значения является его важной семантической характеристикой. А именно, это значение не может выражаться глаголами, описывающими ситуации, которые не являются актуальными (конкретными) или не являются длительными (процессными). Первую категорию составляют глаголы, обозначающие устойчивые состояния, свойства и

соотношения, лишенные признака процессности, протекания во времени (например: *знать*, *понимать*, *предполагать*, *подозревать*, *любить*, *существовать*, *присутствовать*, *отсутствовать*, *соответствовать*, *означать*, *иметь*). Такие глаголы можно назвать глаголами неактуального состояния. Другую группу глаголов, не способных к актуально-длительному употреблению, составляют глаголы, обозначающие вид деятельности (например: *руководить, управлять, царствовать, воровать, учительствовать, торговать, рыбачить, плотничать, вдовствовать*). Не имеют актуально-длительного значения также глаголы многократного и прерывисто-смягчительного способа (например: *хаживать, сиживать, бывать, почитывать, поколачивать*), у которых неактуальный характер действия входит в лексическое значение.

Кроме того, актуально-длительное значение отсутствует у т. н. «моментальных» глаголов (например: *находить, достигать, приходить* и т.п.), которые могут обозначать лишь момент достижения цели, но не ведущий к нему процесс: так, нельзя сказать **Альпинисты три часа достигали вершины*, **Я долго находил потерянный кошелек.*

Помимо актуально-длительного, у несов. виды выделяют следующие значения. Узуальное: обозначение привычного, постоянно воспроизводимого действия (например: *Он курит, обедает в ресторане, спит с открытой форточкой, по субботам он моется в бане*); потенциальное: значение умения, способности делать что-то (*Она говорит по-французски* – ‘умеет говорить’; *крокодилы не летают, мост выдерживает сто тонн*). Специального упоминания среди значений несов. вида заслуживает значение многократности, или итеративное. Его особое место в системе частных значений несов. вида определяется даже не столько тем, что обозначение повторяющегося действия исторически является первичной функцией несов. вида (а формальные показатели имперфективации – исходно являются показателями интеративизации), сколько тем, что несов. вид здесь может использоваться для обозначения событий – вместо сов. вида, который был бы

употреблен при обозначении того же события, но случившегося один раз, например: *Утром он* ***заварил*** *себе чай* и *Он каждое утро* ***заваривает*** *себе чай*. Необходимость такой замены лежит в основе критерия установления видовой парности.

Еще одно важное частное значение несов. вида – общефактическое. Оно включает группу значений, главным в которой является общефактическое результативное, когда глагол несов. вида обозначает действие, достигшее результата (например: *Зимний Дворец* ***строил*** *Растрелли* – имеется в виду ‘построил’). Важная роль этого значения в аспектуальной системе русского языка определяется тем обстоятельством, что здесь возникает так называемая конкуренция видов, так как несов. вид в общефактическом результативном значении может употребляться для обозначения тех ситуаций действительности, которые могут быть названы также глаголом сов. вида в конкретно-фактическом значении (например: *Ты* ***показывал*** *ей это письмо*? и *Ты* ***показал*** *ей это письмо*?). Между совершенным и несовершенным видом всегда имеется, однако, различие на уровне интерпретации, способа видения одного и того же события действительности, суть которого сводится к тому, что общефактическое значение несов. вида делает акцент на самом факте, а конкретно-фактическое значение сов. вида – на его релевантных последствиях.

Кроме результативного, у общефактического результативного значения различают следующие разновидности: общефактическое двунаправленное (результат был достигнут, но аннулирован противоположно направленным действием, например: *К тебе кто-то приходил* – ‘пришел и ушел’), нерезультативное (действие не достигло результата, например: *Я умолял ее вернуться*), непредельное (значение прекратившегося состояния или процесса (например: *В детстве Маша боялась мышей*; *На этой стене висела картина*).

Понятие видовой пары. Зачем нужно понятие видовой пары? Прежде всего, затем, что видовыми парами активно пользуются носители языка в

своей повседневной речевой деятельности. Дело в том, что многие языковые правила требуют, в определенных контекстах, замены совершенного вида глагола на несовершенный. Так, всем иностранцам, изучающим русский язык, сообщают правило, согласно которому в предложениях с императивом при добавлении отрицания совершенный вид заменяется на несовершенный (например: ***Позвони*** *жене – Не* ***звони*** *жене*). Существуют и другие подобные контексты. Одним из них является повествование в так называемом настоящем историческом, когда рассказ о прошлых событиях ведется в настоящем времени, как если бы они происходили на наших глазах, например: *И тогда Спартак поворачивает на юг и за три дня добирается до Сиракуз.* Если бы мы вели повествование в прошедшем времени, мы бы сказали: *повернул* и *добрался*, восстановив тот сов. вид, который при переводе повествования в наст. историческом был заменен на несовершенный. Другой такой контекст – рассказ о повторяющихся событиях, например: *Встретив на своем пути черную кошку, Николай каждый раз пугается, плюет через левое плечо и на всякий случай поворачивает обратно*. Если бы речь шла о единичном событии, мы бы сказали: *испугался, плюнул, повернул*. Во всех таких случаях носитель языка легко справляется с подобной заменой, и тем самым с задачей нахождения видового коррелята – поскольку в качестве имперфективного субститута данного глагола сов. вида может выступать, естественно, не произвольный глагол несов. вида, а именно тот единственный глагол несов. вида, который образует с ним видовую пару.

На этом основан критерий видовой коррелятивности, предложенный Ю.С.Масловым в работе 1948 года (которая была оценена по достоинству лишь в 1970-е годы и в значительной степени определила дальнейшее развитие аспектологической науки). Видовую пару образуют два глагола противоположного вида (их называют, соответственно, перфективным и имперфективным членом видовой пары), если данный глагол несов. вида может быть употреблен вместо данного глагола сов. вида при переводе

повествования в форму наст. исторического и в контексте многократности. Так, например, глаголы *открыть* и *открывать* образуют видовую пару, потому что наряду с предложением *Придя домой, я* ***открыл*** *окно* в русском языке существуют предложения типа *Прихожу я вчера домой,* ***открываю*** *окно…* с одной стороны, и *Каждый день, приходя домой, я* ***открываю*** *окно* – с другой; при этом в обоих предложениях с глаголом несов. вида *открывать* этот глагол обозначает то же самое событие, что и глагол совершенного вида *открыть*. Критерий Ю.С. Маслова позволяет установить и более нетривиальные случаи видовой коррелятивности, например, он показывает, что пара *искать – найти* не является видовой (в отличие от семантически близкой *ловить – поймать*). Так, например, предложение *Он вышел во двор,* ***поймал*** *бабочку и принес ее домой* в настоящем историческом времени будет выглядеть как: *Он выходит во двор,* ***ловит*** *бабочку и приносит ее домой* (здесь форма *ловит* указывает на процесс, достигший результата, т.е. ‘поймал’). Однако аналогичную замену *нашел* на *ищет* – например, в предложении *Он* ***нашел*** *на дороге кошелек и поднял* его произвести нельзя: *ищет кошелек* по-русски не может обозначать то же самое, что *нашел кошелек.* Последнее предложение в настоящем историческом должно быть передано как *Он* ***находит*** *на дороге кошелек и поднимает его* – откуда следует, что видовой парой к *найти* является глагол *находить*.

Итак, видовая коррелятивность имеет место тогда и только тогда, когда глагол несов. вида может обозначать то же самое событие, что и глагол сов. вида. Однако обычно входящий в видовую пару глагол несов. вида обозначает, кроме того, еще какой-то процесс или состояние, связанные с этим событием. В зависимости оттого, что обозначает глагол несов. вида (в несобытийном значении), между членами видовой пары могут быть различные семантические соотношения. Наиболее характерным является предельное соотношение: глагол несов. вида обозначает действие, развивающееся по направлению к своему внутреннему пределу (завершению), а глагол сов. вида обозначает достижение этого предела,

например: *строить – построить*, *писать – написать*, *переписывать – переписать*, *делать – сделать*. Предельное соотношение в некотором смысле является образцовым, парадигматическим для всей категории вида (в частности, в том, оно послужило источником для обозначения видов – соответственно, «несовершенный» и «совершенный»). Однако оно вовсе не является единственно возможным. От предельных пар отличаются градационные (например: *повышаться – повыситься*, *увеличиваться – увеличиваться*), в которых нет внутреннего предела: здесь процесс ограничивается извне, самим моментом наблюдения. С другой стороны, в русском языке имеется довольно обширный класс видовых пар, в которых имперфективный член обозначает некоторое состояние (обычно – внутреннее состояние человека), а перфективный – переход в это состояние; например, глагол *понимать* обозначает состояние, наступившее в результате события, описываемого глаголом *понять*. Например: *видеть – увидеть*, *слышать – услышать*, *чувствовать – почувствовать*, *хотеться – захотеться*, *огорчаться – огорчиться*, *удивляться – удивиться* и т.п. Такое семантическое соотношение называется перфектным. Семантическое соотношение в парах типа *идти – пойти*, *бежать – побежать* называют ингрессивным (или начинательным). Весьма обширным является класс семельфактивных видовых пар (например: *кидать – кинуть*, *махать – махнуть*), в которых имперфективный член описывает некоторую деятельность, а перфективный указывает на единичный «квант» этой деятельности. Существуют и другие типы семантических соотношений. Возможен даже такой «вырожденный» случай, когда имперфективный член видовой пары не имеет никакого собственного значения: он может выступать только в функции «заместителя» глагола сов. вида в тех контекстах, где правилами русской грамматики требуется замена сов. вида на несов.; такие пары называются тривиальными; к ним относятся, например: *найти – находить*, *прийти – приходить*, *съесть – съедать*, *достичь – достигать*, *оказаться – оказываться*.

Морфологически соотношение между членами видовой пары тоже может быть различным. Наиболее распространено такое формальное соотношение, при котором глагол несов. вида морфологически является производным от глагола сов. вида, а именно, получается при помощи присоединения имперфективирующего суффикса: *-ыва-/-ива-* (например: *переписать – переписывать*, *зашнуровать – зашнуровывать просмотреть – просматривать*), *-а-/-я-* (например: *решить – решать, заменить – заменять, обвинить – обвинять*), *-а-/-ва-*, например: *нажать – нажимать, напасть – нападать*; *открыть – открывать, убить – убивать*), *-ева-* (например: *затмить – затмевать, застрять – застревать*). Глагол несов. вида может получаться из глагола сов. вида путем отсечения имеющегося в нем суффикса *-ну-*: и одновременного присоединения имперфективирующего суффикса *-а-/-я-* или *-ыва-/-ива-*, например: *крикнуть – кричать*, *махнуть – махать*, *улыбнуться – улыбаться*, *отдохнуть – отдыхать*, *погибнуть – погибать*, *оглянуться – оглядываться*. В других случаях, наоборот, глагол сов. вида получается из глагола несов. вида путем присоединения приставки (такие пары называются префиксальными – в отличие от суффиксальных, полученных присоединением суффикса), например: *чувствовать – **по**чувствовать*, *варить – **с**варить*, *хотеться – **за**хотеться*, *слепнуть – **о**слепнуть*, *пугаться – **ис**пугаться*. Имеются, кроме того, так называемые супплетивные пары, т.е. образованные от разных основ (например: *взять – брать*, *положить – класть*, *поймать – ловить*, *сказать – говорить*), а также разнообразные смешанные типы (например: *покупать – купить, сажать – посадить, треснуть – трескаться*). Наконец, отдельным формальным типом видовых пар являются двувидовые глаголы (например: *жениться, велеть, казнить, обещать, исследовать, ликвидировать, эмигрировать, квалифицировать*), которые с точки зрения их функционирования в системе представляют не что иное, как пары омонимичных (формально не различающихся) глаголов противоположного вида. Класс двувидовых глаголов в русском языке представляет собой периферийное явление. Он

постоянно пополняется за счет заимствований, но по мере освоения эти глагола начинают формально дифференцироваться за счет того, что или перфективный член пары маркируется префиксом (например: ***про****информировать*, ***от****реставрировать*), или же имперфективный – суффиксом (например: *арестов****ыва****ть*, *организов****ыва****ть*).

Непарные глаголы. Далеко не все русские глаголы входят в видовые пары. Существуют как непарные глаголы сов. вида (perfectiva tantum), так и непарные глаголы несов. вида (imperfectiva tantum). Эти два класса устроены по-разному. К непарным глаголы сов. вида относятся, например: *очнуться*, *очутиться*, *ринуться*, *хлынуть*, *грянуть*, *рухнуть*, *посчастливиться*, *поперхнуться*, *угораздить*, *состояться*; кроме того, сюда относятся также глаголы некоторых способов действия, а именно: инхоативного (*заплакать*), делимитативного (*поиграть*), дистрибутивного (*пооткрывать* <все окна>). Запрет на образование несов. вида от таких глаголов, как *очнуться* или *ринуться*, связан с морфологией и вообще говоря не имеет абсолютного характера: при необходимости в речи могут появится формы типа *очунаться* или *ринаться*. Невозможность имперфективации глаголов перечисленных способов действия имеет более системный характер. Что касается класса непарных глаголов несов. вида, то он, во-первых, является более обширным, во-вторых, отсутствие видового коррелята у этих глаголов обусловлено непосредственно их семантикой: это глаголы, обозначающие различные состояния, свойства и соотношения (например: *иметь*, *значить*, *стоить*, *принадлежать*, *состоять*, *соответствовать*, *знать*, *любить*, *бояться*), которые не могут обозначать никакое событие – и тем самым не могут входить в видовую пару.

Категория вида относится к одной из наиболее сложных категорий русской грамматики; многие вопросы аспектологической теории остаются дискуссионными. Особенную трудность категория виды вызывает при изучении русского языка, так как выбор вида в конкретном высказывании является результирующей множества взаимодействующих факторов.

§2. Залоговость в общей грамматике.

Залог – грамматическая (морфологическая и лексико-грамматическая) категория глагола, выражающая «диатезу», т.е. характер соотнесения основных участников ситуации (субъекта и объекта действия) с основными именными членами предложения – подлежащим и прямым дополнением. К разным залогам относятся такие морфологически различные формы глагола, которые употребляются в одной синтаксической позиции, но различаются по своей «синтактике» – т.е. по набору валентностей или по схеме управления.

Центральной залоговой оппозицией является противопоставление прямого (в терминологии В.И.Даля и Е.В.Падучевой), т.е. немаркированного, залога, выражающего «прямую диатезу» (при которой субъект действия выражен подлежащим, а прямой объект – прямым дополнением) косвенным («производным», по терминологии Е.В.Падучевой) залогам, обозначающим косвенную диатезу – то или иное отклонение от этой канонической схемы. Поэтому залог можно определить как грамматически (или «морфологически») маркированную в глаголе диатезу (А.А.Холодович, И.А.Мельчук).

Основной функцией важнейших косвенных залогов является:

(а) конвертирование ситуации, т.е. развертывание ориентации процесса в противоположную сторону, (так, согласно М.М.Гухман, актив выражает «центробежную» направленность действия, а пассив – «центростремительную»);

(б) фокусирование внимания на одном из участников ситуации в ущерб другому; так, согласно Ю.С.Мартемьянову, агентивное дополнение, поставленное в безударную начальную позицию, играет по отношению к магистральной линии высказывания такую же периферийную роль, как и разные виды обстоятельств (места, времени и особенно причины).

В «номинативных» (= «аккузативных») языках прямым залогом является актив, или действительный залог; в эргативных языках ту же функцию выполняет эргативный залог. Актив переходных глаголов обозначает

действие-процесс, как правило, контролируемый, производимый субъектом действия и переходящий на объект действия (например: *Каин убил Авеля*).

Важнейшим косвенным залогом в аккузативных языках является пассив, или страдательный залог, обозначающий «претерпевание» – процесс, как правило, неконтролируемый, происходящий с объектом действия (например: *Рабочими строится дом*) или наступившее в результате такого процесса состояние объекта (например: *Рабочими построен дом*; *Авель убит Каином*). Внимание сфокусировано на объекте действия; сообщение о состоянии объекта становится магистральным, поэтому пассивный залог во многих языках используется для тематизации объекта действия (постановки его в позицию темы сообщения). Обозначение же субъекта в пассивной конструкции вытеснено на периферию высказывания – в «трехчленном пассиве» он выражен так называемым «косвенным агентивным дополнением», которое фактически носит обстоятельственный характер, т.е. ведет себя во многом сходно с обстоятельствами, особенно с обстоятельствами причины. В русском языке в этом случае используется творительный падеж деятеля, в латыни – аблатив деятеля, в английском – предлог *by*, во французском – предлог *par*. Более того, в пассиве обозначение субъекта становится факультативным: в так называемом «двухчленном пассиве» его обозначение опущено (например: *Авель убит*; *Дом построен*). Таким образом, с помощью пассивного залога от прямопереходных глагольных лексем со значением действия образуются непереходные залоговые словоформы со значением претерпевания и состояния.

В некоторых языках (филиппинских, японском и др.) пассивизации может быть подвергнут не только прямой объект действия, но и другие именные члены предложения – такие, как косвенный объект (со значением адресата), или даже обстоятельство места. В таких языках залог играет особенно существенную роль как средство выражения коммуникативной организации предложения (топикализации). Согласно данным Ч.Хоккета, в алгонкинских языках такая коммуникативная функция залога становится

практически основной или даже единственной (поэтому следует говорить уже не о пассиве, а просто об «инверсивном» залоге, на основании функционального сходства этого залога с коммуникативной инверсией).

В эргативных языках важнейшим косвенным залогом является антипассив, обозначающий «самодостаточное» действие субъекта или состояние субъекта, наступающее в результате такого действия – на котором и сфокусировано внимание. Объект действия в антипассиве выражен косвенным падежом и таким образом вытеснен на периферию высказывания. Аналогом этого явления в русском языке можно считать вытеснение на периферию объекта действия в русских косвеннопереходных конструкциях с антипассивной диатезой, например: *Он наелся грибов*, *упился пивом*, *бросается камнями*, *задержался с письмом*, *учится иностранному языку*, *таскается с чемоданом*.

Залоги, конвертирующие ориентацию процесса, считаются основными членами центральной залоговой оппозиции. При суженном понимании залога к нему относят лишь прямой залог и важнейший из косвенных залогов, выполняющий конверсную функцию. Однако более распространено широкое понимание залога, при котором в число функций залога включается не только конвертирование ориентации процесса, но и другие функции (передача значений т. н. «актантной деривации» по классификации В.А.Плунгяна). В их число входят, прежде всего, выражение отношения тождества между участниками ситуации и совместности выполняемых действий; обобщенный характер участников (неопределенность, универсальность или несущественность участников), введение в поле зрения лишних или фиктивных участников; устранение со сцены несущественных участников.

Отношение тождества между субъектом и объектом выражается возвратным залогом, или рефлексивом; возвратное значение свойственно многим (но далеко не всем) возвратным глаголам, а именно так называемым «собственно-возвратным» (например: *бриться*, *умываться*, *одеваться*,

чесаться, *вешаться*). При рефлексивном залоге сказуемого подлежащее соответствует одновременно как субъекту, так и объекту действия в силу их тождества друг другу.

Симметричное отношение между участниками сложного процесса, состоящего из нескольких (двух или более) одновременно протекающих одноименных процессов, участники которых попеременно выступают в ролях субъектов и объектов некоторого отношения или действия, выражается взаимным залогом, или реципроком. Взаимное значение имеют, русские «взаимно-возвратные» глаголы типа *пересекаться*, *встречаться*, *обниматься*, *целоваться*.

Отношение совместности (кооперации) между субъектами, на равных правах участвующими в некотором действии, выражается (в монгольском языке) совместным залогом (называемом также социативом или кооперативом); примером социативного значения в русском языке может служить приставка *с*(*о*)- в словообразовательной структуре русских глаголов типа *сотрудничать*, *соучаствовать*, *собутыльничать*, *соратничать*.

Как в реципроке, так и в социативе соотношение между подлежащим и субъектом действия не является тривиальным: вместо одного субъекта действия, выраженного подлежащим в ед. ч. (как в исходной прямой диатезе) перед нами предстает множественный субъект, выражаемый либо сочинительной группой, либо существительным во множественном числе.

Средний залог (или медиальный, медий) – имеющийся, напр., в древнегреческом языке) означает, что действие сосредоточено в субъекте, тогда как объект действия оказывается в принципе несущественным. Представление о медиальном значении дают русские глаголы типа *кусаться*, *царапаться*, *ругаться* (например: *Не делай этого: мама будет ругаться*). Фокусирование внимания на субъекте сближает медиальный залог с антипассивом.

Имперсонал, или безличный (бесподлежащный) залог означает, что позиция подлежащего не занята (либо занята лишь пустым служебным

местоимением). Отсутствие субъекта в позиции подлежащего сближает имперсонал с пассивом, поэтому предлагалась (В.С.Храковским) такая широкая трактовка пассива, при которой пассив усматривается также в безличных и неопределенно-личных конструкциях.

Имперсонал, в отличие от других косвенных залогов (как правило, образуемых только от переходных глаголов), возможен и от непереходных глаголов.

Имперсонал имеет свои разновидности. Так, в некоторых языках возможен переходный имперсонал, при котором наименование субъекта процесса ставится в позицию прямого дополнения. Так, во французском переходном имперсонале в позицию дополнения (прямого или косвенного) попадает субъект процесса (обычно непереходного). Например, франц. *Il est arrivé un train* – ‘Пришел поезд’ (букв. ‘Пришло поезда’). В русском языке значение безличного переходного залога выражено в конструкциях типа *Больного трясет, лихорадит, скрючило, бьет*. В ряде языков (в частности, в русском) распространен аффективный имперсонал, образующий безличную конструкцию с дательным падежом субъекта, имеющую модальное значение неподконтрольной субъекту желательности-нежелательности: *мне сегодня не спится* (например: *не читается, не пишется, не гуляется*); *не лежится* (*не сидится*) *на месте; хорошо дышится* и т.п.

Имперсонал, бессубъектный пассив, безобъектный антипассив, медий сходны друг с другом в том отношении, что они как бы устраняют одного из участников действия со сцены. Это делается тогда, когда в замысел высказывания входит нежелание конкретизировать, о ком или о чем идет речь; это может быть вызвано как экономией усилий говорящего (в случае заведомой известности обоим собеседникам, заведомой неизвестности говорящему, обобщенности или неопределенности участника), так и его нежеланием не делиться информацией с собеседником. Такая «подавляющая» функция указанных производных залогов по классификации В.А.Плунгяна называется понижающей деривацией.

«Акцессивные» (по Г.Г.Сильницкому) или «контактные» (по И.А.Мельчуку) залоги, наоборот, вводят дополнительных участников ситуации; по классификации В.А.Плунгяна, такое преобразование называется повышающей деривацией. К числу акцессивных залогов относятся каузатив (фактитив) и аппликатив.

Каузатив, или побудительный залог (представленный, напр., в монгольских языках), производен от значения каузации. Он означает, что в позиции подлежащего стоит обозначение каузатора (т.е. причины основного процесса), а позицию прямого дополнения занимает субъект основного процесса (каузируемой ситуации, или следствия). В русской морфологии представлена одна из разновидностей каузатива – т. н. трансформатив (залог со значением ‘делать таким-то’). Словообразовательный трансформатив выражается отадъективными глаголами (например: *сухой – сушить*, *меньше – уменьшать*, *простой – упростить*, *белый – белить*, *ровный – ровнять*, *русский – русифицировать*) и отсубстантивными глаголами (например: *болван – оболванивать*, *дурак – одурачивать*).

Значение, обратное каузативному, выражается декаузативом, означающим, что ‘про причину ситуации неясно, локализуется ли она вне субъекта процесса и известна ли она вообще’. В русском языке декаузативное значение регулярно выражается показателем непереходности – постфиксом *-ся* в составе таких декаузативных глаголов, как «общевозвратные» глаголы движения (например: *катиться*, *валиться*, *двигаться*, *подниматься*, *опускаться* ...) и глаголы чувств (например: *радоваться*, *печалиться* ...).

Фактически смысл декаузативной конструкции оказывается проще, чем смысл каузативной (в ней одним участником меньше), поэтому в речи декаузативные глаголы оказываются во многих отношениях параллельны прямым обозначениям процесса (например, глаголы движения *плывет*, положения *стоит*, *сидит*, состояния покоя *спит*, чувства *грустит*, *хандрит*, состояния отсутствия покоя *бодрствует*), а исходные каузативные глаголы

параллельны таким производным каузативным глаголам (типа глаголов каузации движения *сплавляет*, положения *ставит, сажает*, состояния покоя *усыпляет*, состояния отсутствия покоя *будит, взбадривает* и т.п.). Вопрос о том, какой член оппозиции по каузативности является исходным, а какой – производным, не имеет однозначного решения, так как здесь отношения смысловой и формальной сложности противоположны.

Аппликатив вводит в актантную структуру глагола дополнительного участника ситуации (обычно – в позицию прямого дополнения). Например, в грузинском языке имеется сильно грамматикализованный аппликатив, вводящий бенефицианта – того участника, в пользу которого совершается действие. Разновидностью зачаточного аппликатива можно считать русскую местоименную клитику *себе* в таких служебных приглагольных употреблениях, как *иду себе, пою себе, гуляю себе* и т.п., а также ее агглютинативный потомок – возвратный постфикс *-ся* в составе таких глаголов, как *строиться* в значении – ‘строить себе дом’.

Противопоставление залоговых форм следует отличать от противопоставления залоговых значений. Асимметрия между системой залоговых форм и системой залоговых значений в русском языке (как и во многих других языках) весьма высока.

Так, форма прямого залога выражает:

(1) нулевое («общее») значение (у непарных форм, в частности у всех непереходных глаголов и у переходных глаголов типа *благодарить*);

(2) медиальное значение (например: *Он славно пишет, переводит...*; *Петя читает*; и т.п.);

(3) активное («действительное») значение: у большинства переходных глаголов при наличии прямого дополнения (например: *Петя читает книгу* и т.п.);

(4) взаимное значение (например: *Кузнецов и Соколов дружат; Ирак и США враждуют; Индия и Пакистан имеют общую границу*);

(5) каузативное значение (например: *катит, качает, огорчает, тревожит, радует, поднимает, опускает...*).

Страдательная форма выражает:

(1) собственно страдательное значение (например: *Наполеон побежден Кутузовым*);

(2) псевдострадательное значение (например: *Сибирь покрыта льдом и мраком*).

(3) общее значение (например: *Ира огорчена; Дверь открыта*).

Возвратная форма выражает:

А. От переходных глаголов:

(1) собственно возвратное значение (например: *бреется, моется...*);

(2) взаимное значение (например: *Дети мирятся, ссорятся*);

(3) страдательное значение (например: *дом строится*);

(4) декаузативное значение (например: *катится*, *качается*, *движется*, *опускается*, *поднимается...*);

(5) медиальное (среднее, активно-безобъектное) значение (например: *кусается*, *царапается*, *жжется*, *ругается*, *лягается...*);

(6) длительно-усилительное (кратно-пассивно-возвратное) значение (усиленного сосредоточения действия в субъекте) (например: *стучится*, *целится*, *просится*, *звонится*, *грозится*, *всматривается*, *задумывается*, *целится*, *стучится*, *целится*);

(7) нулевое или общее значение – при частичной лексикализации (например: *добивается*, *находится*, *состоится*, *прощается*, *принимается*, *торгуется*), при полной лексикализации (например: *борется*, *боится*, *гордится*, *заботится*, *кажется*, *кланяется*, *касается*, *ленится*, *смеется*, *улыбается...*);

(8) безличное значение (например: *полагается*, *кажется*, *думается...*);

(9) косвенно-возвратное значение (например: *Поселенцы строятся; Крестьяне уже отпахались*);

(10) объектно-квазипассивное значение (например: *растворится*, *впитается*, *преломится*, *покроется*, *колышется*);

(11) субъектно-квазипассивное значение (например: *показался*, *вспомнился*, *приснился*, *приглянулся*, *запомнился*, *встетился.* От непереходных глаголов:

(12) безлично-аффективное значение непроизвольной склонности к действию (например: *И верится, и плачется...*, *живется*, *спится*, *дышится*);

(13) статальное значение: обнаружение свойства или выделение свойства на контрастном фоне (например: *белеется*, *чернеется*, *зеленеется*).

Сложностью формально-смысловых отношений в сфере залога и объясняется разнообразие точек зрения на выделение инвентаря залогов и залоговых значений в русском языке.

Так, М.В.Ломоносов и вслед за ним многие его последователи усматривали в русском языке 6 залогов (действительный, страдательный, возвратный, взаимный, средний и общий). А.Х.Востоков считал, что залоги – это всего лишь семантические подклассы глаголов и глагольных значений, не имеющие отношения к грамматике. Г.П.Павский свел число залогов к трем (действительный, страдательный и средний); три залога выделял также А.А.Потебня и его ученики.

Ф.Ф.Фортунатов, трактовавший залог как словообразовательную категорию, предложил на формальных основаниях (наличие – отсутствие постфикса *-ся*) выделять 2 залога (возвратный – невозвратный); а у причастий выделять 3 залога (действительный, страдательный и возвратный); аналитические же образования Фортунатов и его школа выводили за пределы морфологии и относили к синтаксису.

Выбор между значениями возвратного постфикса зависит, прежде всего, от принадлежности глагола к тому или иному подклассу, но отчасти и от того, в составе какой конструкции этот глагол употреблен. Изучение залоговых конструкций («диатез») стало предметом особенного внимания в работах Ленинградской типологической школы в 1970–1980-е годы.

Способы выражения залога подразделяются на (1) синтетические; (2) полусинтетические; и (3) аналитические.

К синтетическим способам относятся (1а) флексии пассивного спряжения (напр., в латыни) и деривационные аффиксы типа русских причастных суффиксов пассива (*-нн-*, *-т-*, *-м-*) и актива (*-щ-*, *-вш-*); (1б) агглютинативные «прилепы» (напр., русский постфикс *-ся* или литовский пост- или префикс *-si*).

К полусинтетическим способам относятся: (2) местоименные клитики типа франц. *se* (*me*, *te*, *nous*, *vous*) или нем. *sich* (*mich*, *dich*, *uns*, *euch*).

К аналитическим способам относятся: (3) вспомогательные связочные глаголы со значением бытия или становления типа рус. *быть* или нем. *sein* и *werden* в сочетании с грамматической формой пассивного причастия от основного знаменательного глагола (например: *das Haus* ***wird*** *gebaut* – ‘дом строится’; *das Haus* ***ist*** *gebaut* – ‘дом построен’).

Место залога среди других грамматических категорий (если использовать классификацию категорий А.В.Бондарко) можно охарактеризовать следующим образом.

Залог относится к числу содержательных (а не синтаксически обусловленных) категорий – т.е. не существует ни согласования по залогу, ни навязывания залога управляющим словом. Содержание залога является преимущественно интерпретативным (отражающим интерпретацию ситуации говорящим): он выражает определенный взгляд на иерархию участников процесса по их относительной важности и на направление процесса. Таким образом, залоговые формы отличаются друг от друга не столько отражаемыми внеязыковыми ситуациями действительности, сколько их развертыванием перед мысленным взором, их подачей, «упаковкой». Вместе с тем залог непосредственно не связан с такими координатами речевого акта, как говорящий, слушающий, время и место речевого акта, и, таким образом, не принадлежит к числу «шифтерных» категорий (таких, как дейксис, наклонение, тип референции).

С точки зрения коррелятивности залог относится к числу непоследовательно коррелятивных (так называемых лексико-грамматических) категорий – наподобие глагольного вида, числа существительных и степеней сравнения прилагательных. Залог занимает в этом отношении промежуточное место между преимущественно коррелятивными (словоизменительными) и преимущественно некоррелятивными (классифицирующими) категориями – такими, как род неодушевленных существительных.

Коррелятивность по залогу проявляется в том, что значительная часть глаголов образует залоговые оппозиции. Непоследовательность этой корреляции состоит в том, что значительная часть глаголов стоит вне основной залоговой оппозиции (так, в большинстве языков пассив возможен только от переходных глаголов). Вместе с тем некоторые специфические оппозиции (такие, как оппозиция прямого залога безличному) охватывает как раз только непереходные глаголы.

В типологическом исчислении А.А.Холодовича дедуктивно доказывается и теоретическая возможность существования 7 залогов для двухвалентного (однообъектного) переходного глагола (эта возможность иллюстрируется реально-языковыми примерами) и 34 залогов для трехвалентных (двухобъектных) глаголов; при этом ни реципрок, ни рефлексив, ни каузатив в понятие залога не включаются. В концепции Холодовича выделяются такие диатезы: актив, пассив, объектный имперсонал, субъектный имперсонал, объектный квазипассив (с примерами из японского языка и из языка шиллук), субъектный квазипассив (например: *мне мечтается*) и абсолютный имперсонал (например: *Убивают*! *Грабят*!). Впоследствии В.И.Гавриловой было доказано существование объектного квазипассива в русском языке (например: *Обратная сторона Луны скрыта от взоров*). В аналогичном исчислении И.А.Мельчука для двухвалентного (однообъектного) переходного глагола дедуктивно доказана и

лингвистически проиллюстрирована теоретическая возможность существования 11 залогов.

Исторически обычный путь возникновения показателей возвратного залога – клитизация и дальнейшая агглютинация возвратных местоимений. Типичный механизм возникновения аналитических показателей страдательного залога – сочетание связки с пассивным причастием, первоначально со статальным значением, переходящим затем в результативное и далее в перфектное. Синтетический пассив часто возникает на базе рефлексивных показателей; то же касается возникновения реципрока.

Залог характеризует не только личные формы глагола, но также причастия и деепричастия; причем в русском языке регулярность залоговых противопоставлений у причастий выше, чем у синтетических личных форм глагола: у синтетических личных форм нет специальной формы для пассива (ее функции выполняет показатель непереходности *-ся*, традиционно называемый показателем возвратности). Между тем у причастий существует также ярко выраженная форма синтетического морфологического пассива (например: *читаемый, прочитанный*).

§3. Грамматикализация модальности. Наклонение.

Модальность – грамматико-семантическая категория, выражающая отношение говорящего к высказываемому, его оценку отношения сообщаемого к объективной действительности. Содержание высказываемого может мыслиться как реальное или нереальное, возможное ели невозможное, необходимое или вероятное, желательное или нежелательное. Модальные значения вместе со значениями времени и лица образуют категорию предикативности. Модальность выражается грамматическими и лексическими средствами (формами наклонений, модальными словами и частицами, интонацией).

Объективная модальность – выражение отношения сообщаемого к действительности (реальность или нереальность, возможность или невозможность, необходимость или вероятность). Грамматическими

средствами выражения объективной модальности являются категория наклонения, категория времени, различные типы интонации (интонация сообщения, интонация вопроса).

Субъективная модальность – выражение отношения лица говорящего к сообщаемому (уверенность или неуверенность, согласие или несогласие, экспрессивная оценка). Языковыми средствами выражения субъективной модальности являются порядок слов, интонация (интонация восклицания, интонация, выражающая радость, сожаление, сомнение, удивление, уверенность, неуверенность, иронию), лексические повторы, модальные слова и частицы, междометия, вводные слова и словосочетания, вводные предложения.

Грамматическим средством выражения объективной модальности являются категория наклонения. **Наклонение –** одна из основных грамматических категорий глагола.

Различные модальные значения (возможности, долженствования, желания, эмоциональной оценки) по-разному выражаются в языках мира. Так, эти значения часто передаются с помощью отдельных слов – модальных глаголов, наречий, прилагательных, т.е. лексическими средствами, например: *Я хочу, чтобы он поскорее вернулся.* С другой стороны, те же значения могут выражаться с помощью специальных морфем, которые регулярно присоединяются к глаголу, т.е. с помощью грамматических средств, например: *Вернулся бы он поскорее*! Модальные значения, которые выражаются грамматическими средствами, и называют наклонениями.

Итак, употребляя глагол в форме того или иного наклонения, говорящий имеет возможность выразить свое отношение к ситуации, обозначаемой глаголом, или оценить ее. Например, он может сообщить о том, является ли она желанной для него, огорчает его или удивляет. Он может оценить вероятность осуществления этой ситуации, определить ее статус по отношению к действительности или указать на источник своего знания о ней.

«Нейтральное» наклонение, с помощью которого говорящий изображает ситуацию как реальную, не сообщая никаких своих оценок, называют изъявительным, или индикативным. Все остальные наклонения называются косвенными, или неиндикативными.

Набор наклонений в языках мира сильно варьируется. Бывают языки, в которых наклонений нет вообще, а есть такие, которые различают больше десятка наклонений.

Русский язык не очень богат в этом отношении. В нем имеется всего три наклонения: изъявительное, сослагательное и повелительное. Изъявительное наклонение в русском, как и в большинстве других языков, не имеет никакого специального морфологического показателя – нет таких суффиксов или приставок, которые обозначали бы изъявительное наклонение. Отличительной особенностью русского изъявительного наклонения является то, что только в нем различаются времена. Ни сослагательное, ни повелительное наклонения не противопоставляют форм настоящего/прошедшего/будущего. Поэтому можно сказать, что, хотя русское изъявительное наклонение не имеет своего собственного морфологического показателя, но выражается с помощью тех морфем, которые обозначают настоящее, прошедшее и будущее время.

Итак, русские косвенные наклонения не имеют временных форм. Это обстоятельство нетрудно объяснить. Сослагательное наклонение обозначает ирреальную ситуацию, т.е. такую, которая никогда не имела места в действительности. Эта ситуация существует лишь в воображении человека и, тем самым, вне реального времени. Тем не менее, во многих языках сослагательное наклонение (как правило, оно имеет другие названия) все-таки может иметь разные временные формы; так происходит, например, в английском. Напротив, повелительное наклонение, или императив, не имеет временных форм и в других языках мира (об императиве будущего времени. В повелительном наклонении изначально заложена идея будущего времени,

поскольку побудительное высказывание может быть произнесено только по отношению к действию, которое еще не реализовано.

Русское сослагательное наклонение образуется сочетанием формы глагола в прошедшем времени с частицей *бы* (*б*). Поскольку форма прошедшего времени в составе сослагательного наклонения здесь теряет свое временное значение, иногда ее называют «форма на *-л*» (исторически это форма причастия прошедшего времени). Особенностью сослагательного наклонения является то, что оно образуется с помощью частицы, что для русского языка не характерно (дело в том, что эта частица восходит к форме глагола *быть*).

Сослагательное наклонение употребляется, во-первых, в составе условных предложений, причем как в его главной части, так и в зависимой. Если предложение относится к плану прошедшего, то сослагательное наклонение обозначает такое положение дел, про которое известно, что оно не существовало в действительности (такое условие называют контрфактическим). Например: *Если бы мы вчера встали рано, то все грибы достались бы нам.* Если условное предложение относится к будущему, то сослагательное наклонение обозначает условие, которое, с точки зрения говорящего, едва ли будет реализовано (хотя в принципе его реализация возможна, т.е. оно не является контрфактическим), например: *Если бы мы завтра встали рано, то все грибы достались бы нам.* Заметьте, что время в этих предложениях выражается только наречиями *вчера* и *завтра*; предложение *Если бы мы встали рано, то все грибы достались бы нам* может быть понято и как относящееся к прошлому, и как относящееся к будущему.

Помимо условных конструкций, сослагательное наклонение может употребляться в зависимых частях других сложных предложений. Так, в русском и многих других языках форму сослагательного наклонения имеет глагол в изъяснительных придаточных, подчиненных глаголам *хотеть*, *просить*, *приказать*. Заметьте, что частица *бы* «приклеивается» при этом к

союзу *что*, например: *Я хочу, чтобы все грибы достались мне.* Сослагательное наклонение используется в таких предложениях не случайно. То, чего хочет, о чем просит говорящий, относится к миру нереализованных ситуаций, таких, которые лишь могут стать реальными. Сравните предложения: *Мне нравится, что кофе приносили в постель* и *Мне нравится, чтобы кофе приносили в постель.* Если в первом случае придаточная часть описывает такую ситуацию, которая имела место в действительности, то про вторую этого не скажешь: здесь она обозначает потенциальную ситуацию, которая лишь может быть реализована. Еще одна область употребления сослагательного наклонения – целевые придаточные, которые тоже обозначают потенциальную ситуацию, например: *Он едет во Францию, чтобы любоваться собором Парижской Богоматери.*

Если сослагательное наклонение употребляется в простых предложениях, то чаще всего оно обозначает желательную для говорящего ситуацию, например: *Дали бы ему денег на поездку во Францию*! Еще сослагательное наклонение используется для выражения мягкого побуждения: *Отдал бы ты деньги по-хорошему*.

Русское повелительное наклонение образуется либо с помощью нулевого суффикса (например: *встань*-□!), либо с помощью суффикса *-и* (например: *уход-и*!). Повелительное наклонение является самым частым неиндикативным наклонением в языках мира. Эта форма выражает просьбу, приказ, совет. С помощью императива говорящий не только сообщает о своем желании, чтобы то или иное действие было реализовано, но и пытается заставить адресата его выполнить. В некоторых языках, например в Дагестане, существуют также особые морфологические показатели, которые выражают просьбу говорящего о том, чтобы действие не было реализовано; в этом случае выделяют особое наклонение, которое называют запретительным, или прохибитивом. Встречаются также специальные формы для выражения побуждения к 1-му лицу множественного числа – ‘Пойдем!’ и к 3-му лицу – ‘Пусть уходит!’. Подробнее об образовании и значении этих

форм. Во многих языках мира существует еще одна форма, которая тоже служит для выражения желания говорящего, – оптатив. Оптатив выражает желание «в чистом виде»; с его помощью говорящий сообщает, что ему хотелось бы, чтобы та или иная предполагаемая ситуация осуществилась. Такая форма существует во многих кавказских языках, например в грузинском; оптатив есть также в древнегреческом и в санскрите. В русском языке нет специального наклонения с таким значением, но этот смысл может быть выражен с помощью сослагательного наклонения (например: *Вот бы родилась дочка*!). В отдельных языках существует наклонение, с помощью которого можно сообщить не просто о желании, но о намерении совершить некоторое действие. Такие формы нередко существуют только в 1-м лице, т.е. способны выразить лишь желание говорящего. Вообще, можно сказать, что в языках мира чаще встречаются такие наклонения, которые выражают желание или намерение именно говорящего; наклонение, с помощью которого можно сообщить также о желании собеседника (2-го лица) или постороннего человека (3-го лица), является значительно более редким.

Итак, императив и оптатив – наиболее распространенные представители группы наклонений, для которых основным компонентом значения является желание. Второй распространенный тип наклонений связан с другим видом модальности, а именно с оценкой степени реальности/ирреальности ситуации.

Во многих языках существует наклонение, с помощью которого можно сообщить о том, какой статус имеет ситуация по отношению к реальному миру. В русском языке, как уже было сказано, таким наклонением является сослагательное. На примере русского языка видно, что этому типу наклонений свойственно употребление в разного рода сложных синтаксических конструкциях; это особенно характерно для европейских языков, например для французского субжонктива. Впрочем, функции французского субжонктива несколько уже, чем функции русского сослагательного наклонения, поскольку субжонктив не употребляется в

условных конструкциях; для этой цели во французском существует специальная форма – кондиционалис. Французский кондиционалис употребляется только в главной части условных конструкций; между тем в языках мира чаще встречается такой кондиционалис, который употребляется в зависимой части, для обозначения условия. Так, в татарском кондиционалис заменяет условный союз, который оказывается ненужным. Следует иметь в виду, что терминология для обозначения ирреальных наклонений в значительной степени определяется грамматической традицией данного языка, поэтому иногда очень близкие по смыслу наклонения в разных языках называют разными терминами, а далекие – одинаковыми. Например, в немецком языке существует наклонение, близкое по значению к русскому сослагательному; его называют конъюнктивом. Применительно к индейским и тихоокеанским языкам форму ирреального наклонения чаще называют ирреалисом. Далеко не во всех языках основной областью употребления ирреалиса являются сложные предложения. Употребляясь в простом предложении, ирреальное наклонение может обозначать такую ситуацию, которая могла быть реализована, но не реализовалась. Иначе говоря, морфема ирреалиса может выразить смысл, который в русских предложениях *Я чуть не умер*, *Он почти достал до неба* выражается словечками *чуть не* и *почти.*

Итак, сослагательное наклонение, субжонктив, конъюнктив, кондиционалис и ирреалис – это разные названия близких по значению категорий, которые служат для обозначения ситуаций, не существующих в действительности. В то же время во многих языках мира есть особое наклонение, обозначающее ситуацию, которая еще не осуществлена, но близка к реализации, т.е. имеет статус потенциальной. Это наклонение часто является основным средством для указания на события, отнесенные к будущему. Более того, само будущее время в большинстве языков мира ведет себя не как время, а как наклонение. Это проявляется, в частности, в том, что показатель будущего времени во многих языках (например, в немецком)

может сочетаться с показателем прошедшего времени, образуя форму «будущего в прошедшем». Между тем граммемы одной категории не могут быть реализованы одновременно; значит, будущее время в таких языках, как немецкий, строго говоря, не является временем. Будущее время и в самом деле сильно отличается от других времен: если о событиях в прошлом или в настоящем говорящий может судить с уверенностью, поскольку они принадлежат к реальному миру, то о событии в будущем говорящий не может иметь достоверной информации, так как оно еще не произошло и тем самым принадлежит не к реальному, а к предполагаемому миру. Тем самым будущее время очень близко к категориям ирреальной модальности. Разница в том, что будущее время рассматривает такой мир, который близок к реализации, а формы ирреальных наклонений создают мир, который говорящий либо с уверенностью считает не существовавшим, либо оценивает как крайне маловероятный.

Степень реальности/ирреальности ситуации может быть представлена в языке и с другой точки зрения. Говоря *Сеня может поднять пятьдесят килограмм*, мы оцениваем реальность ситуации с точки зрения возможностей ее главного участника (Сени). В русском языке это значение выражается с помощью модального глагола *может*; однако, если в некотором языке для этой цели служат грамматические показатели, это значит, что в нем существует соответствующее наклонение. С другой стороны, в языке могут быть грамматически выражены значения необходимости или долженствования, которые в русских предложениях *Мне нужно лечить зубы* или *Ты должен попросить прощения* выражены словами *нужно*, *должен*.

Менее распространенными являются наклонения, которые указывают на оценку вероятности того события, о котором идет речь, иными словами, служат для выражения эпистемической модальности. Говорящий на русском языке имеет возможность сообщить о том, насколько вероятным ему представляется то или иное событие, но делает это с помощью вводных слов и разного рода частиц, например: *Мне, наверное, придется часто ездить в*

Москву; *Грибов в этом лесу как будто бы нет*; *Конечно, им не понравится твоя диссертация.* Между тем в некоторых языках значения вероятности, уверенности, сомнения можно выразить с помощью специальных наклонений.

Источник знания о ситуации – это еще один тип информации, который в русском языке выражается с помощью вводных слов и частиц (если выражается вообще), в то время как многие другие языки используют для этого специальные грамматические формы, их называют эвиденциальными. Так, при желании мы можем уточнить, что не являемся непосредственными свидетелями события, а знаем о нем лишь с чужих слов, например: *Говорят, она вышла замуж за американского бизнесмена.* Для этой же цели служили частицы *мол*, *дескать* и *де*, неупотребительные в современном языке, например: *А не спрашивал он, на что, мол, барину нужен фрак*? (Н.В.Гоголь). Между тем в некоторых языках существует специальная форма пересказывательного наклонения. В Дагестане встречается и такая форма глагола, которую достаточно употребить, чтобы стало ясно, что сообщаемая информация не засвидетельствована говорящим лично, а, например, выведена им по каким-то косвенным признакам, например: *Похоже, что они уезжали в спешке*. Во многих языках это значение выражается только в прошедшем времени, а именно в форме перфекта. Некоторые индейские языки имеют грамматические средства для различения конкретного способа получения информации, например, используют специальную форму, чтобы указать на то, что говорящий воспринимал событие только на слух, не имея возможности его видеть. Не стоит думать, что эвиденциальность встречается только в таких экзотических языках, как индейские и тибето-бирманские: в болгарском, литовском, турецком тоже есть эвиденциальные категории.

В албанском языке существует форма, близкая к эвиденциальным, которая указывает на то, что информация является неожиданной для говорящего, например: *Надо же, оказывается, у соседа дома живет крокодил*! Эта форма совмещает эвиденциальность (говорящий не наблюдал

ситуацию лично) с эмоциональной оценкой (удивлением). Вообще, разного рода эмоциональные оценки (‘ситуация радует/огорчает говорящего’) тоже иногда могут получать выражение в особых наклонениях. Впрочем, встречается это нечасто.

Еще одна форма, которую иногда относят к наклонениям, – интеррогатив, или вопросительное наклонение. В русском языке вопрос выражается с помощью специальных вопросительных слов (например: *кто*, *где*, *почему*), частиц (например: *ли*) или просто с помощью интонации. Между тем существуют языки, в которых для выражения вопроса служат особые грамматические показатели.

Итак, мы перечислили основные типы наклонений, которые встречаются в языках мира. Конечно, в языке редко бывает больше трех-четырех наклонений. Во-первых, потому, что многие из тех значений, которые мы перечислили, выражаются не грамматическим, а лексическим способом. А во-вторых, потому, что несколько значений могут совмещаться в одной грамматической форме.

§4. Темпоральность как функционально-семантическая категория глагола.

Темпоральность – функционально-семантическая категория глагола – опирается на различные средства выражения времени. На лексическом уровне темпоральность выражается с помощью слов-определителей типа *вчера, завтра, потом, сегодня, yesterday, now, tomorrow*, взаимодействующими с глагольными формами времени, уточняя и конкретизируя время осуществления действия. На морфологическом уровне темпоральность может быть выражена формами индикатива или формами других наклонений, имеющих временную отнесенность относительно контекста. На синтаксическом уровне темпоральность передается структурой предложений.

Время – грамматическая категория, значения которой характеризуют временную отнесенность (временную референцию) ситуации, описываемой

предложением. Значения показателей грамматического времени в конкретных языках могут отличаться по трем параметрам.

Первый параметр – взаиморасположение временного интервала, в течение которого описываемая ситуация имеет место в актуальном мире, и выбранной на временной оси точки отсчета. Этот параметр имеет три значения – одновременность, предшествование и следование. Второй параметр – взаиморасположение точки отсчета и момента речи. Этот параметр имеет те же три значения: точка отсчета может совпадать с моментом речи, предшествовать ему, и следовать за ним. Третий параметр – относительная удаленность временного интервала, который занимает описываемая ситуация, от точки отсчета. Первые два параметра определяют статус грамматического времени как дейктической категории.

Расположение временного интервала, который занимает описываемая ситуация по отношению к точке отсчета, совпадающей с моментом речи, называется абсолютным грамматическими временем. Абсолютное время имеет три значения – настоящее (временной интервал, в течение которого ситуация имеет место, содержит в себе момент речи, а в предельном случае – совпадает с ним), прошедшее (временной интервал, в течение которого ситуация имеет место, предшествует моменту речи), будущее (временной интервал, в течение которого ситуация имеет место, следует за моментом речи). В русском языке грамматически выражаются все эти три значения, например: *делает – делал – будет делать*. Присутствие в языке грамматических единиц, выражающих абсолютное время, универсально или близко к универсальному; языки, в которых наличие таких единиц можно поставить под сомнение, представлены единичными примерами (в частности, бирманский (сино-тибетская семья, Мьянма) и дирбал (австралийская семья, Австралия)).

Грамматические показатели абсолютного времени допускают при определенных условиях временную отнесенность, отличную от ожидаемой. Во многих языках показатели настоящего времени допускаются при

описании ситуаций, имевших место до момента речи, как, например, *Выхожу вчера на улицу, а там стоит Петька и улыбается*. Такое употребление настоящего времени называют **настоящим историческим**, или **настоящим нарративным**. Настоящее историческое связывают с особым нарративным режимом интерпретации дейктических переменных, для которого, в отличие от речевого режима, момент речи нерелевантен. В качестве единственной точки отсчета в нарративе фигурирует *здесь и сейчас* повествователя, относительно которого и устанавливается временная отнесенность нарративных предикаций. Употребление настоящего нарративного в европейских языках, где это явление было впервые описано, создает стилистический эффект присутствия при описываемых событиях. В других языках, например, в тюркских, настоящее время является немаркированным нарративным временем и используется для построения основной линии стилистически нейтрального повествования.

Дейксис (греч. ‘указание’), использование языковых выражений и других знаков, которые могут быть проинтерпретированы лишь при помощи обращения к физическим координатам коммуникативного акта – его участникам, его месту и времени. Соответствующие вербальные средства именуются *дейктическими* выражениями или элементами. Обычно различается три основных вида дейксиса – персональный (личный), пространственный и временной. Центральные языковые единицы, соответствующие этим трем типам, – это, соответственно, местоимения 1-го и 2-го лица (например: *я, вы*), локативные (например: *здесь*) и временные (например: *сейчас*) выражения. Эти три типа единиц соответствуют *прагматическим переменным речевого акта* (термин Е.В.Падучевой), или эгоцентрическому *дейктическому центру*, на который ориентируются участники коммуникативного акта. Дейктические элементы могут представлять собой отдельные лексемы, а могут быть связанными аффиксами в составе других слов. Так, например, русское личное окончание *-у* (в слове *пишу*) так же указывает на говорящего, как и местоимение *я*.

Пространственный и временной дейксис осуществляется в языках мира формальными элементами двух основных типов: именными группами, включающими указательные местоимения или их аналоги (например: *в этом лесу, в этом году*) и элементами наречного типа (например: *здесь, сегодня, сейчас*, [такое-то время] *назад*). Помимо этого, во многих языках для выражения времени существует одноименная грамматическая категория. Высказывание типа *Я пишу статью* с глаголом в настоящем времени ясно указывает на промежуток времени, включающий момент речи. Существуют более сложные пространственные и временные дейктические выражения, указывающие не непосредственно на объекты, места и моменты, совпадающие с дейктическим центром, а через их посредство на другие объекты, места и моменты (например:*в соседней комнате, поблизости, в прошлом году, вчера, скоро, раньше*). Так же устроено употребление прошедшего и будущего грамматического времени, например: *Я буду писать статью* – указание на промежуток времени, определяемый по отношению к настоящему моменту. Предметный и пространственный дейксис часто бывает трудно различить. Например, следующую цепочку слов, означаемые которых различаются размером, например: *ручка – стол – комната – здание – город – страна – планета...* Каждый из этих концептов может функционировать в дискурсе и как объект, и как локус. Концепты меньшего размера в левой части шкалы (например: *эта ручка*) чаще оказываются объектами, а концепты в средней и особенно правой частях – локусами (например: *в этом городе*). В высказывании типа *Этот район неудобен для проживания* трудно определить, является ли дейктическое выражение предметным или пространственным.

Временной дейксис – абсолютное время – ориентация времени ситуации относительно времени момента речи.

Дейксис – греч. «указание» – указание на положение в пространстве или времени объекта или ситуации относительно «дейктического центра», связанного с речевым актом (термин **К. Бюлера**).

Дейктические слова – указательные слова, осуществляющие данную локализацию. Например: лат. **ille** и **iste**, англ. **this** и **that**, русск. **вон, там, этот, тот.**

Грамматическое выражение временной отнесенности к будущему и к прошлому не является взаимоисключающим: во многих языках в предикации допускается одновременное присутствие грамматических показателей будущего (например, интенционального или проспективного) и прошедшего времен (например англ. *will come* (будущее) и *would come* (будущее-в-прошедшем)).

Значительную часть естественных языков составляют языки с трехчленным грамматическим противопоставлением ‘настоящее’ – ‘прошедшее’ – ‘будущее’. К этому типу относятся, в частности, германские, романские и славянские языки. Во многих языках встречаются также двучленные временные системы, противопоставляющие прошедшее – непрошедшее или будущее – небудущее времена. Локализация описываемой ситуации по отношению к точке отсчета, отличной от момента речи, называется относительным временем. Некоторые исследователи вслед за Р.О.Якобсоном для обозначения относительного времени используют термин *таксис*. Категория относительного времени, или таксиса, имеет также три значения – предшествование, одновременность и следование, однако, в отличие от абсолютного, точкой отсчета здесь является не момент речи, а какое-то другое описываемое событие. Как особая грамматическая категория таксис существует лишь в тех языках, где имеется соответствующая система грамматических форм. В русском языке таксис не является самостоятельной грамматической категорией; отличной от вида и времени. Так, у русских деепричастий значение одновременности предшествования по отношению к действию, описываемому глаголом в личной форме, выражается видом, например: *Слушая радио, она приготовила обед* и *Послушав радио, она приготовила обед*.

Выражение абсолютного и относительно времени может совмещаться в одной грамматической единице. О таких единицах говорят как о показателях абсолютно-относительного времени. Значение этих показателей определяется, во-первых, расположением точки отсчета – в прошлом или в будущем (при совпадении ее с моментом речи мы имеем абсолютное время), – а также расположением описываемой ситуации относительно точки отсчета.

Глагольные формы, которые вводят в рассмотрение ситуации, имевшие место до точки отсчета в прошлом, обычно называют **плюсквамперфектом. Имперфект** – традиционное название форм, выражающих значение ‘временной интервал, в течение которого ситуация имела место, включает точку отсчета в прошлом’. **Будущее в прошедшем** описывает ситуации, которые, как ожидалось, должны были наступить после точки отсчета в прошлом; показатели будущего в прошедшем регулярно вводят в рассмотрение намерения участника ситуации (‘собирался осуществить действие’) или имеют долженствовательное прочтение (‘должен был осуществить действие’).

Абсолютно-относительные времена, задающие временную референцию ситуации относительно точки отсчета в будущем, представляют собой зеркальное отражение системы «плюсквамперфект – имперфект – будущее в прошедшем». В языках эти показатели встречаются реже и не имеют общепринятых обозначений. Примером преждебудущего, которое сообщает, что описываемая ситуация завершится до точки отсчета в будущем, является англ. форма Future Perfect (*will have done*). Англ. форма Future Progressive *will be doing* представляет собой пример грамматического выражения значения одновременности в будущем. Наконец «будущее в будущем» сообщает, что наступление описываемой ситуации ожидается после точки отсчета в будущем. Примером может служить лат. *daturus erit* букв. – ‘будет собираться дать’, состоящая из причастия будущего времени и вспомогательного глагола будущего времени.

Во многих языках существуют грамматические показатели, которые выражают относительную удаленность временного интервала, занимаемого описываемой ситуацией, от точки отсчета. Такие показатели обычно рассматривают как граммемы отличной от грамматического времени категории – категории временной дистанции. Оппозиции по временной дистанции существуют среди показателей прошедшего и, реже, будущего времени в языках Центральной Африки (в частности, в языках банту), а также в некоторых австралийских и американских языках и языках Новой Гвинеи. В подавляющем большинстве этих языков грамматически выражается абсолютная временная дистанция – расстояние во времени от описываемой ситуации до точки отсчета, совпадающей с моментом речи. Единичными примерами (язык сото, семья банту, Лесото) представлена относительная временная дистанции – расстояния от описываемой ситуации до точки отсчета, отличной от момента речи.

Дистрибуция временных показателей может быть подвержена действию разного рода синтаксических ограничений. Временная референция главного предложения часто задает точку отсчета для интерпретации времени зависимого предложения, например русск. *Он заметил, что Петя потихоньку* ***продвигается*** *к двери*, в котором референция зависимого может устанавливаться относительно момента речи, а может и относительно момента осуществления ситуации, описываемой главным предложением. Часто грамматическое выражение временной референции в зависимых предложениях организовано иначе, чем в независимом. Например, в английском языке для выражения временной отнесенности к будущему во временных зависимых предложениях используются формы не будущего, а настоящего времени, например: *When he* ***comes*** || ****will come****, he will open the window* – ‘Когда он придет, он откроет окно’. Наконец, во многих языках существуют разного рода импликативные отношения между грамматическими характеристиками главного и зависимого предложений. Если грамматическое время вершины главного предложения определяет

выбор временных показателей в зависимом предложении, говорят о наличии в языке правил согласования времен; такие правила имеются, например, в английском языке и отсутствуют в русском, например, англ. *He said he* ***would come*** и *Он сказал, что* ***придет***.

Грамматическое время является по преимуществу глагольной категорией – показатели времени чаще всего являются аффиксами в глагольной словоформе. Прочие морфосинтаксические возможности представлены значительно реже. В языке вальбири (австралийская семья, Австралия), например, показатели времени представляют собой клитики, стоящие на втором месте в предложении (в так называемой позиции Ваккернагеля), а в ряде языков показатели времени могут размещаться и на вершине именной группы, образуя т.н. «именное» время. Это явление засвидетельствовано, в частности, в языке гуарани (семья тупи, Бразилия), например: *tetã ruvixa-□□* – ‘президент’, *tetã ruvixa-kue* – ‘бывший президент’ и *teta ruvixa-rã* – ‘будущий президент’.

Категория времени обнаруживает разнообразные связи с другими категориями – в первую очередь, с категорией вида, описывающей внутреннюю темпоральную структуру ситуации, и категорией наклонения, кодирующей статус описываемой ситуации по отношению к действительности. Значение совершенного вида – ‘ситуация вводится в рассмотрение как целостная, с включением ее начальной, промежуточной и завершающей фаз’ накладывает ограничение на временную локализацию описываемой ситуации: интервал, занимаемый ситуацией, или предшествует точке отсчета, или следует за ней. В русском языке, например, глаголы совершенного вида могут описывать ситуации или в прошлом, или в будущем (*сделал – сделает*), но не в настоящем. Тесная связь времени и вида проявляется и в полисемии видо-временных показателей, когда дистрибуцию показателя трудно однозначно интерпретировать в категориях только времени или только вида. Например, хабитуальность относится к аспектуальным, а не собственно временным значениям, однако часто она

выражается временными формами глагола; то же можно сказать и о значении проспективности у показателей, кодирующих временную референцию к будущему. Выражение одновременности в прошлом и настоящем с помощью форм абсолютно-относительного времени также допускает описание не только в терминах временной референции, но в терминах вида. Особую сложность представляет разграничение прошедшего времени и совершенного вида.

Связь категории времени и наклонения прослеживается в первую очередь в сфере временной референции к будущему, выражение которой по необходимости имеет модальные оттенки. Во многих языках различие между будущим временем и ирреальным наклонением почти незаметно. Другой тип отношения между временем и наклонением связан с ограничениями на выражение временной референции в неиндикативных наклонениях. Известно, что в ирреальных предложениях, кодирующих контрфактическую модальность, никогда не бывает больше временных противопоставлений, чем в предложениях реального наклонения. В русском языке, например, сослагательное наклонение исключает грамматическое выражение временной референции ситуации, например: *если бы ты вчера/сейчас/завтра писал письмо*.

§5. Персональность в общей грамматике.

Персональность – функционально-семантическая категория глагола, охватывающая лексические, морфологические и синтаксические средства выражения семантики лица. На морфологическом уровне персональность выражается личными формами глаголов и личными местоимениями. Лексические элементы персональности вступают в различные сочетания с глагольным лицом. На синтаксическом уровне персональность представлена двусоставными и односоставными предложениями.

Лицо – дейктическая грамматическая категория, значения которой характеризуют объекты внеязыковой действительности по их участию в речевом акте. Языковые средства, кодирующие лицо, служат для

идентификации говорящего (1-е лицо), слушающего (2-е лицо) и лица, не принимающего участия в данном речевом акте (3-е лицо). Показатели лица могут передавать информацию о роде референта, числе объектов, включаемых в референта, социальном статусе референта, социальных отношениях между референтами. Показатели лица обнаруживаются в разных фрагментах грамматической системы языка и демонстрируют большое морфологическое и морфосинтаксическое разнообразие.

Морфосинтаксически показатели лица неоднородны: к ним относятся единицы, способные выступать в качестве вершины именной группы (например: *я, ты, он*,...); показатели согласования при предикатной вершине предложения (например: *дела**ю**, дела**ешь**, дела**ет***), выбор которых определяется характеристиками одного или нескольких аргументов предиката; посессивные показатели (например: *мой, твой*,...). Морфологически показатели лица могут выступать как автономные словоформы, клитики и аффиксы. Например, местоимение *я* является полностью автономным, а показатель (*е*||*и*)*шь*, выражающий значение второго лица единственного числа, – аффикс. Показатели лица – клитики широко представлены, например, в романских языках, например, франц. *Fran*ç*ois **les** a mang*é*s* – ‘Франсуа **их** съел’. Значение лица во многих языках кодируют также глагольные формы, выражающие модальность, ориентированную на участников речевого акта – императив, юссив, оптатив. Базовыми языковыми единицами данного класса являются показатели первого (‘я’) и второго (‘ты’) лиц, указывающие на участников речевого акта. В одном ряду с ними обычно упоминают и показатели третьего лица (‘он’). Однако с содержательной точки зрения, как отмечается в работах Л.Блумфилда и Э.Бенвениста, третье лицо существенно отличается от первого и второго. При дейктическом употреблении показатели третьего лица производят не положительную, а отрицательную идентификацию референта, например: ‘он’ – это не говорящий и не слушающий. Кроме того, эти показатели, как правило, имеют не только дейктические, но и

анафорические употребления, при которых в качестве референта выступает объект, введенный в рассмотрение в предшествующем отрезке дискурса. Семантически показатели третьего лица сближаются с показателями пространственного дейксиса (‘этот’, ‘тот’) и нередко возникают как продукт диахронического развития последних. Различие между ними состоит в том, что единицы типа *этот* и *тот* не только производят дейктическую идентификацию референта, но и указывают на его ориентацию в пространстве по отношению к координатам речевого акта (‘ближе’ – ‘дальше’, ‘выше’ – ‘ниже’). В некоторых языках, в частности, в алгонкинских, проводится дополнительное грамматическое различие между участниками ситуации, не совпадающими с говорящим и слушающим, и третье лицо распадается на третье **проксимативное** (ближнее) и третье **обвиативное** (удаленное, периферийное). Одна из именных групп третьего лица в предикации всегда является проксимативной, прочие – обвиативными. Это противопоставление мотивировано различными факторами, в частности, положением референта на шкале одушевленности (неодушевленный референт с большей вероятностью является обвиативным), дискурсивно-прагматической выделенностью (обвиативный референт рассматривается как периферийный участник ситуации, информация о котором менее существенна для содержания сообщения, проксимативный – как центральный, коммуникативно более значимый участник ситуации), а также синтаксической функцией. В языке кри (алгонкинский, Канада), например, в прагматически нейтральном переходном предложении пациенс/стимул третьего лица выступает в обвиативной форме, а агенс/экспериенцер – в проксимативной. Если проксимативная именная группа имеет несвойственную ей семантическую роль пациенса/стимула, это маркируется в глаголе специальным показателем инверсива. Крайне редко встречаются системы, в которых парадигматически противопоставлены более трех лиц. Одним из языков такого рода является навахо (атапаскский, США), в котором наряду с 1-м, 2-м и 3-м лицами (у последнего различаются

обвиативная и проксимативная формы) имеются также формы 4-го лица, которые употребляются в прагматически маркированных контекстах, когда прямое указание на лицо по каким-либо причинам избегается. Референтом форм 4-го лица может быть любое из первых трех лиц. Они употребляются, в частности, как формы вежливости, при выражении желаний говорящего, для обозначения родственников со стороны супруга, для выражения общих суждений аксиологического характера. Личные показатели допускают безличные употребления – когда в рассмотрение вводится референт, дейктическая идентификация которого невозможна. В русском языке, например, так употребляются показатели второго и третьего лиц: *Никогда не зна**ешь**, где найд**ешь**, где потеря**ешь*** (2-е лицо), *По этой улице невозможно проехать, там стро**ят** дом* (3-е лицо мн. ч.). В некоторых языках в подобных ситуациях используются специализированные средства, например, *on* во французском или *man* в немецком: ***On** ne sait jamais* – ‘никогда не знаешь’, ***Man** sagt...* – ‘говорят,...’. Категория лица обнаруживает тесную содержательную связь с другими грамматическими категориями, в первую очередь, с категорией числа и инклюзивности. Системы грамматических средств, кодирующих лицо, могут различать до четырех грамматических чисел (единственное, множественное, двойственное и паукальное – ‘немного’) и, независимо от этого, выражать инклюзивность – ‘слушающий включается в число референтов местоимения’ и эксклюзивность – ‘слушающий не включается в число референтов местоимения’. Многочленные (до пятнадцати единиц) системы личных местоимений существуют, в частности, в некоторых полинезийских, австралийских и папуасских языках. Одна из таких систем представлена в языке фиджи. Семантическое содержание категории множественного числа, выражаемого при личных показателях, имеет важную особенность: референт множественного числа личных показателей неоднороден, что отличает его от множественного числа предметных имен. Например, ‘яблоки’ – это ‘много яблок’, но ‘мы’ – это не ‘много я’, а ‘я и другие’. Это же относится к

двойственному и паукальному числам: ‘1-е лицо двойственного числа’ = ‘я и другой’, а ‘1-е лицо паукального числа’ = ‘я и еще немногие’. В сфере личных местоимений универсальным является противопоставление 1-го лица единственного числа ‘я’ и по крайней мере одного местоимения 1-го лица множественного числа ‘мы’. Противопоставление по числу во 2-ом и 3-ем лицах может отсутствовать. Морфологически наиболее распространенный способ организации системы показателей 1-го и 2-го лица – супплетивизм, когда показатели множественного числа не являются формально производными от показателей единственного числа, например, русск. *я* (косв. *мн-*/*мен-*) – *мы* (косв. *на-*). Противоположные случаи засвидетельствованы реже, например личные формы глагола, а также именные посессивные формы 1-го лица в чувашском языке, например: *вулар-ӑ**м*** – ‘я прочитал’, *вулар-ӑ**м**-ӑ**р*** – ‘мы прочитали’; *ывӑл-ӑ**м*** – ‘мой сын’, *ывӑл-ӑ**м**-ӑ**р*** – ‘наш сын’. В сфере показателей 3-го лица супплетивизм распространен меньше, а морфологически регулярные способы выражения числа используются чаще. Морфологические характеристики инклюзивных показателей отличаются значительным разнообразием. В некоторых языках инклюзивы со значением ‘я и ты’ имеют морфологические характеристики единственного числа, в других – двойственного. Примечательно и то, что хотя инклюзивы принято рассматривать в одном ряду с показателями первого лица, имеются языки, в которых они являются морфологически производными от показателей второго лица. Так устроены, например, парадигмы местоимений в языке ойибве (алгонкинский, Канада), в котором инклюзивное местоимение образовано от той же основы, что и местоимение второго лица, при этом показатель множественного числа сближает его с местоимением 1-го лица. Грамматическое выражение значения лица часто сцеплено с выражением значений категории времени. Это явление распространено в сфере глагольных показателей (например, французские показатели 1-го лица единственного числа в первом спряжении *-e* (презенс), *-(er) ai* (футурум), *-ais* (имперфект)). В сфере личных местоимений подобная картина наблюдается

значительно реже, примером может служить язык иаи (малайско-полинезийский, Новая Каледония Показатели лица могут кодировать информацию о роде или согласовательном классе. Это явление часто наблюдается среди показателей третьего лица (например, русск. *он, она, оно)*. Личные показатели кодируют также информацию о социальном статусе основных участников коммуникации и отношениях между ними. В частности, в значение личных показателей может включаться указание на то, принадлежат ли говорящий, слушающий или третье лицо одному полу, возрасту, социальной группе, включается ли референт, обозначенный одним показателем, в личную сферу референта, обозначенного другим показателем. Наибольшую известность получили в этой связи системы личных показателей в восточно-азиатских языках, в частности, в тайском, бирманском и вьетнамском. В тайском языке имеется двадцать пять форм местоимения первого лица единственного числа, выбор большинства из которых определяется социальными параметрами ситуации коммуникации, например, ‘взрослый/пожилой мужчина обращается к женщине, принадлежащей его личной сфере или лицу ниже его социальным рангом’, ‘ребенок или молодая женщина обращается к лицу, принадлежащему их личной сфере’, ‘мужчина обращается к мужчине того же социального ранга’. Нередко в языке личные показатели кодируют только социальный статус адресата, и в этом случае противопоставления такого рода проводятся только во втором лице.

Выводы по главе IV:

1. **Глагол –** часть речи, обозначающая действие или состояние как процесс, протекающий во времени и пространстве и выражающий это значение в морфологических категориях вида, залога, наклонения, времени, лица, числа, рода. Наличие грамматической категории вида является характерной особенностью славянских языков. На лексическом уровне аспектуальность выражается словами, указывающими на характер протекания действия, например: *часто, каждый раз, иногда, всегда;*

seldom, always, sometimes. На семантическом уровне аспектуальность выражается способами глагольного действия. На синтаксическом уровне на характер протекания действия указывает порядок слов и порядок следования предикативных частей в сложном предложении. Все разноплановые средства выражения аспектуальности не существуют изолированно, а взаимодействуют в конкретном высказывании.

2. **Залог –** грамматическая (морфологическая и лексико-грамматическая) категория глагола, выражающая «диатезу», т.е. характер соотнесения основных участников ситуации (субъекта и объекта действия) с основными именными членами предложения – подлежащим и прямым дополнением.
3. **Модальность –** грамматико-семантическая категория, выражающая отношение говорящего к высказываемому, его оценку отношения сообщаемого к объективной действительности. Содержание высказываемого может мыслиться как реальное или нереальное, возможное ели невозможное, необходимое или вероятное, желательное или нежелательное. Модальные значения вместе со значениями времени и лица образуют категорию предикативности. Модальность выражается грамматическими и лексическими средствами (формами наклонений, модальными словами и частицами, интонацией).
4. **Темпоральность** – функционально-семантическая категория глагола – опирается на различные средства выражения времени. На лексическом уровне темпоральность выражается с помощью слов-определителей типа *вчера, завтра, потом, сегодня, yesterday, now, tomorrow,* взаимодействующими с глагольными формами времени, уточняя и конкретизируя время осуществления действия. На морфологическом уровне темпоральность может быть выражена формами индикатива или формами других наклонений, имеющих временную отнесенность относительно контекста. На синтаксическом уровне темпоральность передается структурой предложений.

5. **Персональность –** функционально-семантическая категория глагола, охватывающая лексические, морфологические и синтаксические средства выражения семантики лица. На морфологическом уровне персональность выражается личными формами глаголов и личными местоимениями. Лексические элементы персональности вступают в различные сочетания с глагольным лицом. На синтаксическом уровне персональность представлена двусоставными и односоставными предложениями.

Вопросы для обсуждения:

1. Общее представление о глагольном аспекте. Развитие категории вида в славянских и неславянских языках.
2. Залоговость русских и английских глаголов. Морфологический и синтаксический залог.
3. Грамматикализация модальности: наклонение. Прямое и переносное значение наклонений (на материале одного из иностранных языков).
4. Темпоральность как функционально-семантическая категория глагола. Временной дейксис и таксис в славянских и неславянских языках.
5. Персональность. Личные и неличные формы глагола.
6. Число и род как глагольные категории.

Упражнение № 1.

В видовых парах определите способ образования глаголов совершенного вида.

Писать — написать, портить — испортить, белить — побелить; кричать — крикнуть, стучать — стукнуть, толкать — толкнуть; отпирать — отпереть, вытирать — вытереть, касаться — коснуться, слагать — сложить; решать — решить, лишать — лишить, пленять — пленить; ловить — поймать, говорить — сказать, брать — взять, ложиться — лечь, садиться — сесть, искать — найти, становиться — стать; возвращать — вернуть; разрезать — разрезать, рассыпать — рассыпать; помогать — помочь, сберегать — сберечь, увлекать — увлечь.

Упражнение № 2.

Определите, к какому из основных залогов (действительному, средне-возвратному, страдательному) принадлежит каждый из глаголов в предложениях.

1. Прости, забудь мои мученья, дай руку мне... в последний раз (А.Пушкин). 2. Они возвратились на станцию очень довольные друг другом (А.Пушкин). 3. Зарецкий тридцать два шага отмерил с точностью отменной, друзей развел по крайний след, и каждый взял свой пистолет (А.Пушкин). 4. ...Чтенью предалася Татьяна жадною душой. И ей открылся мир иной (А.Пушкин). 5. Кто вам дал право так обращаться ко мне? (В.Гаршин). 6. Кто не проклинал станционных смотрителей, кто с ними не бранивался? (А.Пушкин). 7. Чем хвалится безумец, кто требовал признанья твоего? (А.Пушкин). 8. Клянусь тебе, что сердца моего ты вымучить одна могла признанье (А.Пушкин). 9. Люди, пролежавшие долго в одном госпитале, встречаются потом как братья (Б. Полевой). 10. Взоры мужчин и женщин обратились на нее [Машу]: первые удивились ее красоте, вторые со вниманием осмотрели ее наряд (А.Пушкин).

Упражнение № 3.

Определите наклонение глаголов в приведенном ниже тексте:

1.— Ладно,— тряхнул он, наконец, кудрями.— Наш будет рекорд! Пошли! (Б.Горбатов). 2. Таня примирительно сказала: «Поехали». Все уселись в карету, и вскоре она, гремя колесами, въехала в деревню (Э.Казакевич). 3. Горит алмазами пшеница, ковер душистый стелет гречь (А.Фет). 4. А я-то, старый дурак, не нагляжусь, бывало, не нарадуюсь (А.Пушкин). 5. Помощник было пошел, но приостановился и крикнул: «Да дров натаскай ко мне наверх дня на два...»(А.Пушкин). 6. Тут он было вышел, но остановился в дверях, оглянулся на простреленную мною картину, выстрелил в нее, почти не целясь, и скрылся (А.Пушкин). 7. В эту-то Дуняшу и влюбись Аким! (И.Тургенев). 8. Раз он ему и скажи: «Вижу, Азамат, что тебе больно понравилась эта лошадь» (М.Лермонтов). 9. Полюбите молодца, сердце подарите, до победного конца верно полюбите! (А.Твардовский). 10. А

ты не обижайся, Емеля,— сказал он, проходя мимо Емельяна (А.Чехов). 11. Скажи-ка, дядя, ведь недаром Москва, спаленная пожаром, французу отдана (М.Лермонтов). 12. А ну, зажгите-ка спичку, я закурю (М.Горький). 13. — Ты смотри же не говори маме,— сказала Катя Соне, отправляясь с ней спать (А.Чехов). 14. Ему хочется пыль пустить, а я вот сиди и работай для него, как каторжник! (А.Чехов). 15. Не будь на то господня воля, не отдали б Москвы (М.Лермонтов). 16. Пускай они оставят Годунова, своих князей у них довольно, пусть себе в цари любого изберут (А.Пушкин). 17. Смешно?— пусть шутят их; досадно! — пусть бранят (А.Грибоедов). 18. Да здравствует солнце, да скроется тьма! (А.Пушкин). 19. — Давайте же поговорим,— сказала она, подходя к нему (А.Чехов).

Упражнение № 4.

Разберите глаголы в предложениях:

1. Он остановился и с трепетом ожидал ее ответа (А.Пушкин). 2. Обойми, поцелуй, приголубь, приласкай... (А.Кольцов). 3. Поверь мне, аллах для всех племен один и тот же, и если он мне позволяет любить тебя, отчего же запретит тебе платить мне взаимностью? (М.Лермонтов). 4. Мальчишки в длинных рубашонках с воплем бежали в избы, ложились брюхом на высокий порог, свешивали головы, закидывали ноги кверху и таким образом весьма проворно перекидывались за дверь, в темные сени, откуда уже и не показывались (И.Тургенев). 5. Тогда отец... ударил ее кинжалом и убил бы, если бы ее не отняли (Л. Толстой). 6. Извозчик чмокает губами, вытягивает по-лебединому шею, приподнимается и больше по привычке, чем по нужде, машет кнутом (А.Чехов). 7. Перед глазами ходил океан, и колыхался, и гремел, и сверкал, и угасал, и светился, и уходил куда-то в бесконечность (В.Короленко). 8. Женщины в толпе пытались прорваться сквозь кордон, выкрикивали последние слова прощания или совета детям (А.Фадеев).

Упражнение № 5.

Выпишите из текста глаголы и выполните их морфологический разбор:

So wußten die Kinder wohl, daß die Eltern ihnen allerlei schöne Gaben eingekauft hatten, die sie nun aufstellten, es war ihnen aber auch gewiß, daß dabei der liebe Heilige Christ mit gar freundlichen frommen Kindesaugen hineinleuchte und daß wie von segensreicher Hand berührt, jede Weihnachtsgabe herrliche Lust bereite wie keine andere. Daran erinnerte die Kinder, die immerfort von den zu erwartenden Geschenken wisperten, ihre ältere Schwester Luise, hinzufügend, daß es nun aber auch der Heilige Christ sei, der durch die Hand der lieben Eltern den Kindern immer das beschere, was ihnen wahre Freude und Lust bereiten könne, das wisse er viel besser als die Kinder selbst, die müßten daher nicht allerlei wünschen und hoffen, sondern still und fromm erwarten, was ihnen beschert worden.

(Ernst Theodor Amadeus Hoffmann. Nußknacker und Mausekönig).

La façade de la pension donne sur un jardinet, en sorte que la maison tombe à angle droit sur la rue Neuve-Sainte-Geneviève, où vous la voyez coupée dans sa profondeur. Le long de cette façade, entre la maison et le jardinet, règne un cailloutis en cuvette, large d'une toise, devant lequel est une allée sablée, bordée de géraniums, de lauriers-roses et de grenadiers plantés dans de grands vases en faïence bleue et blanche. On entre dans cette allée par une porte bâtarde, surmontée d'un écriteau sur lequel est écrit: MAISON-VAUQUER, et dessous: Pension bourgeoise des deux sexes et autres. Pendant le jour, une porte à claire-voie, armée d'une sonnette criarde, laisse apercevoir au bout du petit pavé, sur le mur opposé à la rue, une arcade peinte en marbre vert par un artiste du quartier. Sous le renfoncement que simule cette peinture, s'élève une statue représentant l'Amour.

(H. de Balzac. Le père Goriot).

My wife has brown hair, dark eyes, and a gentle disposition. Because of her gentle disposition, I sometimes think that she spoils the children. She can't refuse them anything. They always get around her. Ethel and I have been married for ten years. We both come from Morristown, New Jersey, and I can't even remember when I first met her. Our marriage has always .seemed happy and resourceful to me. We live in a walk-up in the East Fifties. Our son, Carl, who is six, goes to a

good private school, and our daughter, who is four, won't go to school until next year. We often find fault with the way we were educated, but we seem to be struggling to raise our children along the same lines, and when the time comes, I suppose they'll go to the same school and colleges that we went to.

(John Cheever. The Season of Divorce).

Глава V. Неличные формы глагола.

§1. Вопрос о статусе причастия в общей грамматике.

Причастием называется неспрягаемая форма глагола, определяющая предмет подобно имени прилагательному. Она обозначает признак предмета, протекающий во времени, как действие, которое производит предмет, или как действие, которому он подвергается со стороны другого предмета (например: *призывающий – призываемый*).

Причастие совмещает в себе признаки глагола и прилагательного. **Как форма глагола** причастие обладает грамматическими значениями глагола, как-то: переходность и непереходность действия, залог, вид, время, управление, свойственное исходному глаголу, и сочетаемость с наречием. Являясь неспрягаемой формой, причастие лишено категории наклонения и лица. Категория залога выражается посредством суффиксов в причастиях действительного и страдательного залога.

Как прилагательное причастие обозначает признак предмета (с отмеченным уже различием в значении); изменяется по родам, числам и падежам, согласуясь с определяемым существительным; при склонении обладает одинаковой с прилагательным системой падежных окончаний и выполняет в предложении синтаксические функции, свойственные прилагательному, выступая в роли определения и сказуемого.

Причастие в современном русском языке имеет несколько разновидностей, которые определяются по присущим причастию грамматическим значениям глагола:

- причастия действительные, возвратные и страдательные (категория залога);

- причастия настоящего и прошедшего времени (категория времени);
- причастия несовершенного и совершенного вида (категория вида).

Действительные причастия обозначают временной признак как действие, которое производится или производилось самим предметом: выступающий, выступавший. Страдательные причастия обозначают временной признак как действие, которому подвергается или подвергался предмет со стороны другого деятеля, например: *ободряемый – ободренный (слушателями докладчик)*. Возвратные причастия, вполне соответствующие по значению глаголам возвратным (*с -ся*), обычно включаются в разряд действительных причастий, хотя имеют иное залоговое значение (например: *моющий – моющийся*), соответствующее производящему глаголу (например: *мыть – мыться*). Очень часто возвратные причастия несовершенного вида употребляются вместо страдательных причастий совершенного вида, например: *пособие, не издававшееся ранее – не изданное ранее*. Т. о. создается определённое соотношение возвратных причастий несовершенного вида со страдательными причастиями совершенного вида.

Присущая причастиям категория времени подразделяет их на причастия настоящего и прошедшего времени; форма причастия будущего времени отсутствует. Значение времени у причастий связано с их синтаксической ролью и различается у полных и кратких форм.

Синтаксические функции причастий разграничены соответственно их форме: полные причастия (склоняющиеся) выступают в роли определения, реже – сказуемого; краткие (несклоняемые) – исключительно в значении сказуемого, например: *Сребрит мороз* ***увянувшее*** *поле* (А.Пушкин); *Дачи стояли* ***заколоченные*** (А.Пушкин); *Дорога в Симбирск мною* ***очищена*** (А.Пушкин).

Полные причастия, являющиеся определениями, могут иметь относительную форму времени, которая определяется по отношению ко времени глагола-сказуемого.

Причастия настоящего времени выражают одновременность действий, обозначенных причастием и глаголом-сказуемым. Например: *Лодка, веслами махая,* ***плыла по дремлющей*** *реке* (А.Пушкин); *Мальчик* ***прислушивался*** *к треску* ***ломаемых*** *медведем веток* (А.Серафимович). В приведенных примерах причастия имеют значение прошедшего времени, одновременное с действием глагола-сказуемого. В данном случае возможна замена причастий настоящего времени причастиями прошедшего времени без заметного изменения в значении. Причастия прошедшего времени несовершенного и совершенного вида выражают действие, предшествовавшее действию, выраженному глаголом-сказуемым, например: – *Экий бес девка! –* ***закричал*** *казак,* ***расположившийся*** *на соломе и* ***мечтавший*** *согреться остатками чая* (М.Лермонтов); *Мы* ***пошли*** *на вал, возвышение,* ***образованное*** *природой и* ***укрепленное*** *частоколом* (А.Пушкин).

Причастия настоящего и прошедшего времени могут иметь и **абсолютную форму времени**, например: *Мишка, выбежавший на крыльцо, потребовал, чтобы его прокатили* (Л. Толстой); *Тракторы, идущие впереди цугом, напоминают степных жуков...*

Краткие формы, возможные только у страдательных причастий прошедшего времени (гораздо реже у причастий страдательных настоящего времени), употребляются исключительно в роли сказуемого. Показателем времени у таких причастий является связка: в прошедшем и будущем времени – *был* и *буду*, а в настоящем – нулевая, например: *Я новым для меня желанием томим* (А.Пушкин); *Он не был рожден страдальцем* (И.Тургенев); *Да будет смерть ее отомщена!* (Л. Ошанин).

Образование причастий в современном русском языке связано с различиями глаголов в отношении переходности и вида, так что образование всех (четырех) форм причастия от любого глагола невозможно, не говоря об ограничениях, касающихся отдельных глаголов. Так, например, страдательные причастия настоящего времени не образуются от глаголов *печь, жать, брить, полоть* и др. Образование форм причастия вне

указанных ограничений является непродуктивным, например: *читанный, писанный, деланный* и т.д. (от глаголов несовершенного вида). Причастия действительные могут быть образованы от глаголов переходных и непереходных, а страдательные – только от переходных. Причастия настоящего времени действительные и страдательные образуются от глаголов несовершенного вида и не образуются от глаголов совершенного вида, не имеющих форм настоящего времени. Причастия страдательные прошедшего времени, как правило, образуются от глаголов только совершенного вида. Т.о., от глаголов непереходных совершенного вида могут быть образованы лишь причастия действительные прошедшего времени, например: *прыгнувший, простоявший* и т.п.

Причастия **настоящего времени** действительные и страдательные образуются от основы настоящего времени глагола посредством суффиксов *-ущ- (-ющ-), -ащ- (-ящ-)* – для причастий действительных и суффиксов *-ем, -им-* – для причастий страдательных. Суффиксы *-ущ- (-ющ-)* и *-ем-* присоединяются к основе глаголов I спряжения, например: *избирают - избира-ющий, нес-ут - нес-ущий; получа-ют - получа-емый*. Суффиксы *-ащ- (-ящ-)* и *-им-* прибавляются к основе глаголов II спряжения, например: *содерж-ат - содерж-ащий, гон-ят - гон-ящий; гон-им - гон-имый*.

Образование причастий страдательных настоящего времени ограничено не только несовершенным видом и переходностью глагола, но и другими особенностями образующего глагола. Эта форма причастия возможна: 1) от глаголов, оканчивающихся в неопределенной форме на *-а(ть), -ов(ать)* при форме настоящего времени на *-аю (*например: *уважать - уважаю, выдавать - выдаю)*; 2) от приставочных глаголов с суффиксом *-ыва; -ива-*, например: *(вызывать, усиливать)*; 3) от бесприставочных глаголов типа *организовать, атаковать, ликвидировать* и т.п.; 4) от приставочных глаголов движения кратного подвида (например: *уносить, вывозить*). Как остаток прошлого в литературном языке сохраняется несколько страдательных причастий, образованных от глаголов, утративших переходность в современном языке,

например: *руководимый, управляемый, предшествуемый, сопутствуемый* и некоторые другие. Употребление кратких страдательных причастий настоящего времени не свойственно устной речи, а в письменно-книжной очень ограниченно.

Причастия **прошедшего времени** действительные и страдательные образуются от основы неопределенной формы (или прошедшего времени) посредством суффиксов *-вш-* и *-ш-* для причастий действительных и *-нн;* -енн-, *-т-* –для причастий страдательных. Посредством суффикса *-вш-* образуются причастия от глаголов с основой неопределенной формы на гласный (например: *игра-ть – игра-вший*), а от глаголов с основой на согласный – при помощи суффикса *-ш-* (например: расцвес-ти -расцвет-ший). При образовании причастий на *-ший* от глаголов с суффиксом *-ну-* (со значением длительного или усиливающегося состояния) последний утрачивается, например: *киснуть – кис-ший, оглохнуть – оглохший* и т.п.

Страдательные причастия образуются при помощи суффикса *-нн-* от переходных глаголов совершенного вида, у которых основа неопределенной формы оканчивается на *-а(-я)-(ть),* например: *описа-ть – описа-нный, затея-ть – затея-нный*; посредством суффикса *-енн-*, если основа неопределенной формы оканчивается на *-и(ть)* или согласный звук, например: *за-кончи-ть – законч-енный, принес-ти – принес-енный*; и при помощи суффикса *-т-*, если основа неопределенной формы (совершенного вида) оканчивается на *-ну(ть)* или *-ть* (с конечным гласным корня), например: *сверну-ть – сверну-тый, изби-ть – изби-тый, разду-ть – раздутый*. В отличие от страдательных причастий настоящего времени краткие формы страдательных причастий прошедшего времени представлены в языке очень широко и используются в функции сказуемого.

Образование страдательных причастий прошедшего времени производится с учетом правильного соотношения причастия и производящего глагола, например: *пристрелянный (пристрелять), пристреленный (пристрелить, выпоенный (выпоить), выпаянный (выпаять),*

выкушанный (выкушать), выкушенный (выкусить), выметанный (выметать петлю), выметенный (вымести сор), не довешанный (не довешать), недовешенный (недовесить), перекачанный (перекачать), перекаченный (перекатить), развенчанный (развенчать), развинченный (развинтить), разбросанный (разбросать), разброшенный (разбросить). При наличии вариантов правильными формами являются *изнеможенный, клейменный, вышибленный, изрешеченный*.

В английском языке подобными русскому причастию формами являются причастие I, причастие II и герундий.

Причастие первое и герундий. Причастие первое и герундий имеют полностью омонимичные морфологические формы. Это обстоятельство заставляет многих лингвистов считать их одной формой, различающейся только функционально. Такого взгляда, например, придерживаются Е. Крейзинга, В. Я. Плоткин, Л. С. Бархударов. Действительно, парадигматическое тождество этих вербалий дает полное основание рассматривать их как единую форму. Б. А. Ильиш, считая этот вопрос трудно разрешимым, предполагал возможность обоих способов описания этих форм. А. И. Смирницкий и Б. Стрэнг различают герундий и причастие первое.

По-видимому, действительно можно описать герундий и причастие первое как «-*ing*-форму», выступающую то с субстантивным (герундий), то с адъективным (причастие) грамматическим значением. Возможные для них синтаксические позиции определяются именно этими их свойствами, тогда как глагольные черты — наличие форм вида и залога и возможность принимать дополнение первое (прямое) — свойственны обеим формам. Однако есть позиция, по которой они чётко противопоставлены, — позиция препозитивного определения. С другой стороны, существует вторично-предикативная конструкция, где весьма сложно определить, чем является участвующая в ней -*ing*-форма.

В нашем описании мы будем пользоваться терминами «герундий» и «причастие первое». Мы будем придерживаться в своем описании

терминологического различения причастия и герундия, указывая на моменты сходства и различия.

Причастие первое. Причастие первое — неличная глагольная форма, близкая по значению прилагательному и наречию. Она передает признак предмета или действия, возникающий в силу производимого или произведенного действия.

Причастие первое функционирует в двух синтаксических позициях — атрибутивной и адвербиальной; вторая соответствует русскому деепричастию.

Атрибутивное причастие действительного залога основного разряда может употребляться препозитивно, если оно не имеет зависящей от него группы (причастной конструкции). Совмещая в себе глагольные и именные (адъективные) черты, оно может в препозиции приближаться к прилагательному, например:

They must have seen the retreating trio. (Stewart) *A loving mother.*

При наличии зависимой группы, причастная конструкция всегда стоит в постпозиции, например:

There were stone steps leading to a terrace. (Holt) *He sat down self-assuredly with a party consisting entirely of J a g o' s supporters.* (Snow)

Аналитические формы причастия всегда находятся в постпозиции, причем атрибутивная функция им мало свойственна; изредка в этой функции перфектная и пассивные формы встречаются в научной литературе. Именной чертой причастия первого является также его способность занимать позицию именного члена составного сказуемого, например:

The realisation was rather disconcerting. (Braine) *He can be a m u s i n g and he's a scholar.* (Snow)

Причастие первое может функционировать как обстоятельство. Все формы данной выше парадигмы свободно употребляются в этой функции. Причастие может обозначать одновременность обозначаемого им действия с действием глагола-сказуемого, например:

Roy was standing at his upright desk, reading a manuscript. (Snow) *Hurstall entered b e a r i n g the coffee-tray.* (Christie)

Перфектная форма выражает предшествование, например:

Having ushered Battle into a small room, ... Miss Amphrey withdrew. (Christie)

Адвербиальное причастие обычно соотносится с семантическим субъектом, обозначаемым подлежащим; однако существует так называемая абсолютная конструкция, в которой причастие имеет свой собственный семантический субъект; эти конструкции обозначают сопутствующее действие или причинное значение, например:

He went out of sight, Mrs. Thompson walking sedately beside him. (Braine) *Then, his temper boiling o v e r, he made a tactical mistake.* (Snow)

В составе сложного дополнения причастие соотнесено с первым компонентом дополнения как со своим семантическим субъектом, например:

It harassed me to see this proud man humiliating himself. (Snow)

Причастие второе. Причастие второе не имеет собственной парадигмы; оно имеет только одну форму, и эта форма, если она не входит в состав аналитической формы глагола — перфекта или пассива,— обладает, в основном, именными, а именно адъективными чертами. Причастие второе употребляется атрибутивно и в составе именного составного сказуемого, а также в составе обособленных конструкций, например:

As he passed a darkened shop doorway, a hand reached out. (Waine) *An artistically arranged bowl of flowers stood on... an oak chest.* (Holt) *I am not qualified to express a. opinion.* (Snow) *'It's all so safe, and civilised and cosy,' she went on.* (Braine) *But there are nights when Jago sat silently in hall, his face white, ravaged.* (Snow)

В составе именного сказуемого причастие второе может приближаться к компоненту страдательного залога: *I am interested to hear what you think.* (Snow) Четкую грань между ними можно провести только тогда, когда причастие является однородным членом с другим предикативом —

прилагательным или причастием первым, например:

Reporting this to me, she was as embarrassed and vulnerable as when she had confessed... (Snow) В этом предложении возможна перестановка: as *vulnerable and embarrassed.* Это дает основание считать, что здесь составное сказуемое.

Причастие второе может также употребляться в составе абсолютной конструкции; в этих случаях оно имеет свой собственный семантический субъект и, следовательно, реализует свои глагольные черты, например:

Supper finished, they hung mosquito nets from overhanging branches. (Sillitoe)

Герундий. Герундий — наиболее своеобразная неличная форма в системе английского глагола. В то время как инфинитив и причастия — формы, свойственные всем современным европейским языкам, герундий имеет параллель только в испанском языке; германским языкам, кроме английского, эта форма не свойственна. Она представляет собою соединение глагольных и субстантивных черт.

Обладая парадигмой, содержащей глагольные черты, и способностью принимать дополнение первое (прямое), герундий занимает в предложении только субстантивные позиции. Эти противоречивые свойства расширяют возможности простого предложения: герундий часто является сокращенным способом выразить отношения, передающиеся в других языках придаточными предложениями.

В позиции подлежащего герундий может выступать в любой из своих форм. То же самое относится к позиции прямого или предложного дополнения, например:

B e i n g angry wouldn't help. (Braine) *There was cheering still for Arthur and the King's choice.* (Stewart) *She needs taking care of.* (Spark) *Hildegaarde had taken to* s *t u d y i n g the subject.* (Spark*) I hadn't any fears of having said too much.* (Braine)

В позиции препозитивного определения герундий функционирует

только в форме действительного залога основного разряда, как и причастие первое. В этой позиции герундий чётко противопоставлен причастию; он передает действие, представленное предметно, т. е. соотносится с определяемым как любое существительное в позиции препозитивного определения; причастие же, как указано выше, передает значение признака, свойства, возникающего при совершении действия или в результате совершения действия, например:

There was a greyhound racing track. (Waine) *Racing track* — ‘беговая дорожка’, ‘дорожка для бегов’, а не ‘бегущая дорожка’.

Приведем такие общеизвестные примеры для сравнения, как *a dancing hall* – ‘зал для танцев’ и *a dancing girl* – ‘танцующая девушка’; *a swimming match* – ‘состязание по плаванию’ и *a swimming man* – ‘плывущий человек’; *a sleeping draught* – ‘снотворное средство’ (= средство для сна) и *a sleeping boy* – ‘спящий мальчик’.

В данной позиции ярче всего проявляются именные свойства причастия и герундия; однако следует отметить, что далеко не все *-ing*-формы могут быть противопоставлены в этой позиции. Так, вряд ли возможен герундий в позиции препозитивного определения в сочетании *the coming storm* или препозитивное причастие в сочетании типа *hearing-aid.* Эти ограничения зависят, видимо, от лексического значения соответствующих форм и от языковой традиции.

Глагольное свойство герундия — способность принимать прямое дополнение — имеет параллель в таком же свойстве причастия, например:

Each driver was always responsible for removing these plates. (Waine) *Brian became strong in carrying sacks and mixing paste.* (Sillitoe)

Существует вторично-предикативная конструкция, где определить *-ing*-форму как герундий или причастие весьма затруднительно, например:

Is there any chance of the Chief deciding not to proceed} (Spark)... *Whereas the Civil Servants ...spoke with the democratic air of everyone having his say...* (Snow*) I hope you don't mind me consulting you like this?* (Spark)

Отличие от вторично-предикативной конструкции с причастием первым сводится здесь к тому, что семантический субъект *-ing*-формы является предложным или прямым (см. последний пример) дополнением. Но отношение предикативности от этого не меняется, и поэтому вряд ли можно убедительно доказать, что здесь мы имеем дело с герундием или, наоборот, с причастием. Не случайно по этому вопросу существует много разногласий: «сторонники герундия» считали, что в этой конструкции имеется «полугерундий» («Half-Gerund»); «сторонники причастия» называли эту форму «сплавленным причастием» («Fused Participle»).

Видимо, следует признать, что по своим именным свойствам причастие и герундий различаются в силу различных синтаксических позиций, которые они занимают в предложении; по своим глагольным свойствам они не различаются. Единственная позиция, где они противопоставлены, это позиция препозитивного определения; в этой позиции семантическое различие прослеживается чётко. Парадигмы причастия первого и герундия не имеют формальных различий. Представляется поэтому, что герундий и причастие — чисто функциональный способ различения вариантов одной и той же формы в зависимости от занимаемых ими синтаксических позиций. Противопоставление в позиции препозитивного определения не охватывает всего лексического состава глаголов и вряд ли может препятствовать объединению *-ing*-формы. Вместе с тем представляется, что прав Л. С. Бархударов, считающий, что сохранение терминов «герундий» и «причастие» вполне допустимо; эти термины удобны благодаря своей компактности. И герундий, и причастие могут входить в сложные образования, и тогда их именные свойства оказываются ведущими, и образования эти являются сложными существительными или прилагательными например: *hay-making, sightseeing, daydreaming* — существительные; *heartbreaking, nerve-racking, well-wish-ing* — прилагательные.

Герундий способен совершенно отойти от глагольной системы и превратиться в чистое существительное. Показателем этого является

возможность прибавления флексии множественного числа, например: *building-s.* Флексии в английском языке не наслаиваются, и *-ing* превращается в словообразовательный формант, например: *I am in a strong position to know of her doings.* (Powell)

Т.о., английское причастие первое аналогично русским формам причастия и деепричастия (в обстоятельственной функции). Герундий аналогичен русским отглагольным существительным.

Инфинитивные конструкции.

I. Сложное дополнение.

The Complex Object (Objective – with – the – Infinitive Construction).

Эта конструкция состоит из существительного в общем падеже или местоимения в объектном падеже и инфинитива.

Обычно переводится на русский язык придаточным дополнительным предложением, например:

He wants the book to be returned tomorrow. – 'Он хочет, чтобы книгу вернули завтра'.

II. Сложное подлежащее.

The Complex Subject

(The Nominative – with – the – Infinitive Construction).

Эта конструкция состоит из существительного или местоимения в именительном падеже и инфинитива. Переводится на русский язык придаточным предложением, например:

She is expected to come any minute. – 'Ожидается, что она приедет с минуты на минуту'.

The water seems to be boiling. – 'Кажется, вода кипит'.

The Delegation is reported to have left London. – 'Сообщается, что делегация покинула Лондон'.

Эта конструкция употребляется:

1. С глаголами, обозначающими чувственное восприятие, например*: to see, to hear, to notice* и с глаголами, обозначающими умственную деятельность, например: *to think, to consider, to expect* (в страдательном залоге); а также с глаголами *to say, to report, to ask, to order, to announce* (в страдательном залоге).

2. Со словосочетаниями *to be likely* (‘вероятно’), *to be unlikely* (‘маловероятно’), *to be certain / to be sure* (‘несомненно’/‘обязательно’).

3. С глаголами в действительном залоге *to seem / to appear* (‘казаться/по-видимому’), *to prove / to turn out* (‘оказываться’), *to happen* (‘случаться’).

III. Инфинитивная конструкция с предлогом **for.**

The For – to – Infinitive Construction**.**

В этой конструкции перед существительным или местоимением находится предлог **for**. При переводе на русский язык используется или придаточное предложение или инфинитив, например:

It's easy for me to answer this question. – ‘Мне легко ответить на этот вопрос’.

It will be very pleasant for us to spend a week in England. – ‘Нам будет очень приятно провести неделю в Англии’.

Конструкции с причастием.

Объектный падеж с причастием I.

Она состоит из личного местоимения в объектном падеже или существительного в общем падеже и причастия, например:

I saw her crossing the street. – ‘Я видел, как она переходит улицу’.

Это конструкция «объектный падеж с причастием I» – **the Objective – with – the – Participle I Construction** – употребляется тогда, когда говорящий хочет подчеркнуть, что действие, выраженное причастием, не завершено и протекает в момент речи. В этой конструкции употребляется только одна форма причастия I – **Participle I Indefinite Active.**

В этой конструкции местоимение в объектном падеже или существительное в общем падеже называют лицо или предмет, производящее

действие. Она употребляется после глаголов чувственного восприятия *to see, to hear, to watch, to feel*. Переводится придаточным предложением, например:

They watched him entering the house. – ‘Они наблюдали за тем, как он входит в дом’.

I saw John passing our house. – ‘Я видел, как Джон проходил мимо нашего дома’.

Конструкция «объектный падеж с причастием II» – **the Objective – with – the – Participle II** отличается от аналогичной конструкции с причастием I, тем, что в ней причастие II называет действие, направленное на лицо или предмет, выраженные личным местоимением в объектном падеже или существительным в общем падеже. Эта конструкция переводится на русский язык в основном придаточным предложением. Она употребляется:

1) После глаголов чувственного восприятия *to see, to hear, to feel, to watch* ;

2) После глаголов, выражающих желание *to want, to wish*;

3) После глаголов *to have, to get.*

Например:

We head his name mentioned. – ‘Мы слышали, как упомянули его имя’.

I want the work done. – ‘Я хочу, чтобы работа была сделана’.

I have my photo taken. – ‘Я сфотографировался’.

Такие предложения переводятся простым предложением.

II. Независимый причастный оборот.

В состав независимого причастного оборота, также называемого абсолютным причастным оборотом, (**the Nominative Absolute Participial Construction**) может входить как **Participle I,** так и **Participle II**.

1. Независимый причастный оборот с причастием I. В этой конструкции причастие I выражает действие, не связанное с действием, обозначенным глаголом-сказуемым предложения. Сам оборот состоит из существительного в общем падеже (реже местоимения в именительном падеже) и причастия I. Действие, выраженное причастием, относится к этому существительному

(или местоимению). Этот оборот характерен для письменной речи и почти не употребляется в разговорной. В предложении этот оборот выступает в роли различных обстоятельств и на письме всегда отделяется запятой от остального предложения. На русский язык переводится придаточным предложением, например:

The weather permitting, we shall go to the country. – ‘Если погода позволит, мы поедем за город’ (обстоятельство условия).

It being very cold, we could not go for a walk. – ‘Так как было холодно, мы не смогли пойти на прогулку’ (обстоятельство причины).

The sun having risen, we continued our way. – ‘После того, как солнце взошло, мы продолжили свой путь’ (обстоятельство времени).

The article having been translated, the student showed it to the teacher. – ‘После того как (когда) статья была переведена, студент показал её преподавателю’ (обстоятельство времени).

2. Независимый причастный оборот с причастием II. Этот оборот также состоит из двух частей: личного местоимения в именительном падеже или существительного в общем падеже, которые претерпевают действие, выраженное причастием II. Этот оборот употребляется в функции различных обстоятельств и переводится на русский язык соответствующим обстоятельственным предложением, например: *His work finished, he went home.* – ‘Когда его работа была закончена, он пошёл домой’.

§2. Деепричастие как неспрягаемая форма русского глагола.

Деепричастие – неспрягаемая форма глагола, совмещающая в себе грамматические свойства глагола и наречия, например: *Волны несутся, гремя и сверкая* (Ф.Тютчев). Деепричастия *гремя* и *сверкая* обозначают дополнительные действия, связанные с действием несутся (сказуемым), сопутствующие ему. В предложении *Волны несутся, гремят и сверкают* все три действия (сказуемые) самостоятельны.

Деепричастие объединяется с глаголом общим лексическим значением (например: *гремят – гремя, сверкают – сверкая*), общностью вида

(например: *сверкать, сверкая* – несовершенный вид, *сверкнуть, сверкнув* – совершенный вид), залога действительного и средневозвратного (с *-ся*) (например: *переписать, переписав* – действительный залог; *переписываться, переписываясь* – средневозвратный залог), одинаковым управлением, в частности, винительным падежом (например: *любить свободу – любя свободу*), возможностью определяться наречием (например: *верно понимать – верно понимая*). Страдательный залог у деепричастий отсутствует.

Подобно наречиям, деепричастия не изменяются: не согласуются, не управляются, а примыкают.

Чаще всего деепричастия примыкают к сказуемому-глаголу и являются обстоятельством, например:

Я неприметно отошел к окну, желая скрыть свое волнение.

Деепричастие, примыкая к сказуемому, может обозначать и добавочное действие, сопутствующее действию, выраженному сказуемым,например: *Клубятся тучи, млея в блеске алом* (А.Фет). В этом случае деепричастие является второстепенным сказуемым.

Деепричастие в первом значении (обстоятельственном) не допускает замены спрягаемой формой глагола, например: *Они* [мальчики] *пошли не торопясь и покорно, точно гуси* (М. Горький); во втором значении (второстепенного сказуемого) такая замена возможна, например: *Деревья радостно трепещут, купаясь в небе голубом* (Ф.Тютчев) (например: *Деревья радостно трепещут, купаются в небе голубом*). Реже деепричастие примыкает к именному сказуемому, выраженному кратким страдательным причастием, кратким прилагательным и существительным, например:

В полдень, переходя на станции через рельсы, он был оглушен неожиданным свистком паровоза (А.Куприн); *Проведя этот вечер с невестой у Долли, Левин был особенно весел* (Л. Толстой); *Пушкин, не утрачивая в настоящем и будущем своего значения как поэт великий, тем не менее, был и поэтом своего времени, своей эпохи* (В.Белинский).

Деепричастие может относиться не только к сказуемому, но и к другим членам предложения; дополнению – неопределенной форме глагола, например: *Врач разрешил мне пройти к больному, соблюдая тишину* (А.Куприн); определению-причастию, например: *Кучер, спавший опершись на локоть, начал пятить лошадей* (И.Гончаров); обстоятельству-деепричастию, например: *Выпив не поморщившись противное лекарство, он задержал меня в своем углу...* (В.Короленко).

Во всех приведенных предложениях действия, обозначенные деепричастием и глаголом-сказуемым, принадлежат одному и тому же лицу (или предмету) – субъекту действия. Только при наличии этого условия употребление деепричастия допустимо в современном литературном языке.

Если деепричастие и предикативная форма глагола (сказуемое) обозначают действия разных лиц, употребление деепричастия необычно и не соответствует современным нормам, например: *Соня и вчера поразила его* [Левина] *своей красотой. Нынче увидев ее мельком, она ему показалась еще лучше* (Л.Толстой). Принадлежность действий одному лицу, конкретному или обобщенному, допускает употребление деепричастия в безличных предложениях, например: *Внимая ужасам войны... мне жаль не друга, не жены...* (Н.Некрасов).

Деепричастия, как неизменяемые формы глагола, лишены возможности выражать морфологически временные значения. Деепричастиям свойственно только относительное обозначение времени.

Деепричастие несовершенного вида обозначает действие, одновременное с действием глагола-сказуемого, например:

Сидя и лежа под кустами, они курят папиросы (М. Горького) – деепричастия «настоящего времени»; *Трамваи оглушительно звенели, подлетая к площади* (В.Каверин) – деепричастие «прошедшего времени»; *Мы встретимся, приветствуя* друг друга – деепричастие «будущего времени».

Деепричастия совершенного вида обозначают время, предшествующее действию глагола-сказуемого, например: *Отдохнув, он собрался уходить* (К.Федин). Предшествующее действие может относиться не только к прошедшему времени, но и к будущему, например: *Отдохнув, он уйдет*. Указанные отношения во времени между деепричастием и глаголом-сказуемым являются основными. Они могут варьироваться.

Деепричастия несовершенного вида, называющие повторные действия при глаголах-сказуемых с тем же значением, могут обозначать и предшествующие и последующие действия, например: *Вставая* (предшествующее действие) *на рассвете, она спускалась в кухню и вместе с кухаркой готовила закуску к чаю* (М.Горький); *Хохол выбирал книги из чемодана, ставя* (последующее действие) *их на полку у печи* (М. Горький). Обозначая предшествующее действие (1-е предложение), деепричастие обычно предшествует глаголу; при обозначении последующего действия (2-е предложение) деепричастие ставится после глагола.

Деепричастие совершенного вида, стоящее после глагола-сказуемого, может обозначать действие, одновременное с действием глагола, например: *Базаров продолжал лежать, уткнувшись в стену* (И.Тургенев), или последующее действие, являющееся следствием действия, выраженного сказуемым; *Под Игнатовым упала лошадь, придавив ему ногу* (Л. Толстой), или действие, быстро следующее за действием глагола-сказуемого, но не вытекающее из него, например: *Тот поклонился ему, коснувшись рукою пола* (М. Горький).

Как уже говорилось ранее, в неславянских языках (в частности, в английском) нет части речи, полностью соответствующей русскому деепричастию. Поэтому при переводе русских деепричастий на английский язык используются формы причастия первого, например:

Бросая (действительный залог, несовершенный вид) – *throwing*;

Бросив (действительный залог, совершенный вид) – *having thrown*;

Будучи бросаемым (страдательный залог, несовершенный вид) – *being*

thrown;

Будучи брошенным (страдательный залог, совершенный вид) – *having been thrown, being thrown.*

§3.Инфинитив в славянских и неславянских языках.

Инфинитив (неопределенная форма) – одна из неличных форм глагола, близкая к отглагольному имени.

С синтаксической точки зрения, инфинитив представляет собой подчиненную предикацию, употребляемую в определенном наборе конструкций.

Наиболее типичными позициями употребления инфинитива могут считаться позиция дополнения при каузальных глаголах (например: *заставляет, разрешает, запрещает* <нечто сделать>), фазовых (например: *начинает, продолжает, заканчивает*), модальных (например: *хочет, может, требует, должен*), глаголах, обозначающих эмоции и – шире – отношение субъекта к совершаемому действию (например: *любит, ненавидит, предпочитает, боится, ленится, торопится*), словах типа *можно, нужно, нельзя, пора*, а также обстоятельства цели при глаголах движения (например: *идет, уходит, приходит, отправляется, возвращается*) – в тех языках, где отсутствует особая, употребляющаяся именно в этой позиции, форма – так называемый супин.

Инфинитив может выступать также в роли подлежащего и сказуемого (например: *В шахматы* ***играть*** (подлежащее) – *своих* ***сберегать*** (сказуемое)); в ряде языков представлено его абсолютное употребление – как правило, для передачи различных модальных значений (например русск. *Пить! = Хочу пить*, *Молчать! = Приказываю молчать, Не дышать! = Не дышите!, Тебе решать = Ты должен решать, Тебе помочь? = Нужно ли, чтобы я тебе помог?*), в связи с чем некоторые исследователи полагают, что прототипической функцией инфинитива является именно выражение модальности.

С семантической точки зрения, инфинитив может быть охарактеризован как форма, называющая действие само по себе, в максимальном отвлечении от его грамматических характеристик. По этой причине в лексикографической традиции многих языков инфинитивная форма (а если их несколько – наименее маркированная из них) выступает как словарная и, более того, «исходная» (т.е. такая, из которой по определенным правилам могут быть выведены все остальные формы) форма глагола. Такой подход, однако, не характерен, например, для латыни, где формы страдательного причастия и инфинитива приводятся после личных форм – например, заголовок словарной статьи глагола *брать*: *capio* (1 л. ед. ч. наст. вр.), *cēpī* (1-е л. ед. ч. перфекта), *captum* (страд. причастия), *capere* (инфинитив). В древнегреческом языке и в санскрите форма инфинитива, как правило, вообще не включается в словарную статью вследствие морфологической тривиальности и относительно малой употребительности в текстах.

Свойственная инфинитиву «абстрактность» в назывании действия способствует тому, что в инфинитиве практически всегда выражается меньше глагольных категорий, чем в финитных формах, но отнюдь не означает, что их выражение вообще невозможно.

Напротив, языки, имеющие ровно одну форму инфинитива, такие, как французский, румынский, немецкий (например: франц. *étonner*, рум. *a mira*, нем. *wundern* – ‘удивлять’) встречаются относительно редко.

Инфинитивные формы могут различаться по залогу (например: русск. *надо лечить – надо лечиться*, лат. *onerare* – ‘нагружать’ – *onerari* – ‘быть нагруженным’), каузативности (например: тохарское *klautkatsi* – ‘превращаться’ – *klautkästsi* – ‘превращать’), (относительному) времени (например лат. *Audio puellam cantare* – ‘Я слышу, как девушка поет’ – *Audivi puellam cantavisse* – ‘Я слышал, как девушка пела’). Более того, в значительном большинстве языков с единственным «синтетическим» инфинитивом имеются еще так называемые аналитические, т.е. образуемые с помощью вспомогательных глаголов, местоимений и других служебных слов

инфинитивные формы: например, например, формы страдательного залога – франц. *être étonné*, рум. *a fi mirat*, нем. *gewundert sein* – ‘быть удивленным’.

В португальском языке традиционно выделяется так называемый спрягаемый, или личный инфинитив, принимающий показатели лица и числа субъекта действия, например: *falar* – ‘говорить’ – *e preciso falar-es* – ‘надо, чтобы ты говорил’, *e preciso falar-mos* – ‘надо, чтобы мы говорили’, *e preciso falar-des* – ‘надо, чтобы вы говорили’. При этом в ряде уральских языков (венгерском, коми-зырянском языках), где представлено аналогичное явление – например, коми-зыр. *локны-м ог вермы* – ‘прийти я не могу’, *локны-д он вермы* – ‘прийти ты не можешь’, – соответствующие показатели трактуются как лично-числовые притяжательные суффиксы; по-видимому, такая интерпретация (даже несмотря на отсутствие у португальских существительных категории притяжательности) точнее отражает реальное положение дел.

В силу своей близости к отглагольным именам инфинитив во многих языках (уральских, алтайских, некоторых индоевропейских и др.) способен принимать показатели ряда падежей, но, в отличие от отглагольного имени, по-видимому, не может иметь полной падежной парадигмы. В языках, где падежная система отсутствует или сильно редуцирована, разграничение инфинитива и отглагольного имени затруднительно (например, неясный статус формы на *-ing* в английском языке).

Инфинитивные формы могут развивать и такие противопоставления, которые не свойственны в данном языке ни финитным глаголам, ни именам; так, в вепсском языке наряду с обычной имеется также особая предназначительная форма инфинитива (например: *cap-ta* – ‘резать’, но *veic lihan cap-tes* – ‘нож, (чтобы) мясо резать’).

Наличие инфинитива не является обязательным свойством грамматической системы: в целом ряде языков с развитой глагольной морфологией (арабском, грузинском, болгарском, новогреческом языках) инфинитивные формы отсутствуют.

В современном русском языке неопределенная форма занимает такое же положение по отношению к остальным формам глагола, какое занимает именительный падеж существительного по отношению к прочим его падежам, т.е. она является начальной, исходной формой глагола. В русском языке инфинитив является неизменяемой формой глагола. Семантически неопределенная форма аналогична именительному падежу имени существительного со значением действия, например: *ловить* - *ловля*. Слова *ловить* и *ловля* имеют значение действия, но существительное *ловля* обозначает действие как предмет, а неопределенная форма *ловить* – как процесс. Неразрывная связь неопределенной формы с глаголом поддерживается морфологически и синтаксически: ей присущи видовые различия (например: *делать – сделать*), переходность и непереходность (например: *видеть – сидеть*), возвратность и невозвратность (например: *купать – купаться*) и залоговые значения (в соответствующем контексте).

В русском языке инфинитив может быть любым членом предложения: подлежащим (например: *Учиться всегда пригодится*), сказуемым (например: *Быть грозе великой!*), дополнением (например: *Все просили ее спеть*), определением (например: *У меня возникло непреодолимое желание поспать*), обстоятельством (например: *Я пошел пройтись*).

В английском языке инфинитив, как и остальные вербалии, может реализоваться в формах вида и залога. Для действительного залога существуют все четыре формы, для пассива — только основной разряд и перфект:

Действительный залог Пассив.

Например: *To write. To be writing. To be written. To have been*

To have written. To have been written, writing.

Приинфинитивная частица *to* является формальным маркером инфинитива, отличающим его от омонимичных ему личных форм, в то время как формальным показателем личной формы является любой тип соотнесенного с ней подлежащего, в том числе и инфинитива. Если

инфинитив находится в составе модального глагольного сказуемого, и, следовательно, ему предшествует модальный глагол, последний сам является показателем инфинитива, так как модальный глагол без последующего инфинитива может употребляться только при структурной репрезентации; но такое употребление всегда анафорично, и, следовательно, в предыдущей части текста за модальным глаголом следовал инфинитив, например: *I can't be bothered now to wrap anything up. — 'Neither can I, old boy.* (Waine)

Исключение представляет собою модальное употребление *have to, be to, ought to* плюс инфинитив; в этих случаях обязательна частица *to,* например: *By this time it ought to have been over.* (Christie)

Инфинитив может иметь синтаксическую функцию а) подлежащего, б) именной части составного именного сказуемого, в) дополнения, г) определения, д) обстоятельства. Например:

а) *To have asked questions here would have attracted attention.* (Stewart) б) *To see is to believe,* в) *I wanted to tell them before they discovered.* (Holt) г) *There was no one to read the words that were being traced.* (Christie) д) *He was a good workman; too good a workman to be sacked.* (Braine)

Инфинитив способен принимать любой тип дополнения и определяться наречием. Эта комбинаторика является его глагольной чертой, например:

If Godmanchester cared publicly to break the lease with the S o c i e t y, let him do. (Wilson)

Иногда наречие может занимать позицию между частицей *to* и инфинитивом; это — так называемый «расщепленный инфинитив» («split Infinitive»). Строгие стилисты относятся к нему отрицательно, однако для эмфазы содержания наречия он употребляется иногда даже в официальном стиле, например: *I wish to specially stress the fact...*

Инфинитив основного разряда обозначает одновременность действия с действием глагола-сказуемого; в зависимости от контекста он может обозначать и действие, которому надлежит совершиться в будущем по отношению к действию сказуемого, например:

I am sure the Dean never intended to suggest anything else. (Snow) *When I told Rose that I wished to transfer Gilbert Cooke, I had an awkward time.* (Snow)

Перфект обозначает действие, имевшее место ранее действия глагола-сказуемого, например:

It was like her also not to have asked a single question about what I had been doing. (Show)

Выступая в функции подлежащего, инфинитив передает наиболее обобщенное значение действия, не соотнесенного ни с каким субъектом, например:

To reach the escarpment top meant another spelt among the trees. (Sillitoe)

В остальных случаях действие инфинитива соотнесено с семантическим субъектом, обозначенным подлежащим, например:

Then she would force herself to attend to Margaret and to me. (Snow) '*I have no wish to listen to anybody's private conversation."* (Christie)

Однако, находясь в составе группы дополнения, инфинитив соотнесен с семантическим субъектом, обозначенным дополнением, например: *I'm telling you not to worry.* (Snow)

Особенно ярко эта соотнесённость прослеживается в сложном дополнении, например: *Everyone watched him g o.* (Snow) *As her gaze returned to Ralph, I saw her recognise him.* (Stewart) Инфинитив имеет собственную субъектную отнесенность в предикативной конструкции с *for,* встречающейся довольно редко, а также в тех случаях, когда в составе именной части сказуемого, он уточняет значение предикатива-прилагательного, например:

It's extremely funny for me to be consoling you. (Snow) *Office affairs are easy to start and difficult to finish, particularly in a small town.* (Braine)

Выводы по главе V:

1. К неспрягаемым формам глагола относятся причастие, деепричастие и инфинитив (в русском языке), причастие первое, причастие второе, герундий и инфинитив (в английском языке).

2. Причастием называется неспрягаемая форма глагола, определяющая предмет подобно имени прилагательному. Она обозначает признак предмета, протекающий во времени, как действие, которое производит предмет, или как действие, которому он подвергается со стороны другого предмета

В английском языке подобными русскому причастию формами являются причастие первое, причастие второе и герундий.

3. Причастие первое — неличная глагольная форма, близкая по значению прилагательному и наречию. Она передает признак предмета или действия, возникающий в силу производимого или произведенного действия.

4. Причастие второе не имеет собственной парадигмы; оно имеет только одну форму, и эта форма, если она не входит в состав аналитической формы глагола — перфекта или пассива,— обладает, в основном, именными, а именно адъективными чертами. Причастие второе употребляется атрибутивно и в составе именного составного сказуемого, а также в составе обособленных конструкций:

5. Герундий — наиболее своеобразная неличная форма в системе английского глагола. В то время как инфинитив и причастия — формы, свойственные всем современным европейским языкам, кроме английского, герундий имеет параллель только в испанском языке; германским языкам, эта форма не свойственна. Она представляет собою соединение глагольных и субстантивных черт.

6. Деепричастие – неспрягаемая форма глагола, совмещающая в себе грамматические свойства глагола и наречия

7. Инфинитив (неопределенная форма) – одна из неличных форм глагола, близкая к отглагольному имени.

Вопросы для обсуждения.

1. Неличные формы глагола в славянских и неславянских языках. Общая характеристика.

2. Причастие как особая форма глагола. Вопрос о статусе причастий в русском и английском языках.

3. Типы причастных оборотов в английском языке.

4. Инфинитив в славянских и неславянских языках.

5. Инфинитивные конструкции в английском языке.

6. Деепричастие как неспрягаемая форма русского глагола. Аналоги деепричастий в английском и немецком языках.

Упражнение № 1.

Укажите особенность конструкций с точки зрения стилистических норм современного русского языка.

1.Дожидаясь выхода императрицы и императора, ...завязался интересный разговор... (Л. Толстой). 3. Увидев ее мельком, она ему показалась еще лучше (Л. Толстой). 4. Бродя по улицам, мне, наконец, пришел в голову один приятель... (А.Герцен). 5. Осмотревшись в Москве, взгляд Голицына остановился на Дмитрии Павловиче (А.Герцен).

Упражнение № 2.

Определите синтаксическую роль инфинитива в предложениях.

1. Разубедить его в чем-нибудь трудно, спорить с ним невозможно (А.Чехов). 2. Должен был солдат и в горе закусить и отдохнуть (А.Твардовский). 3. Вся в крови была одежа, и просил ты пить да пить (А.Твардовский). 4. Мучительно также прислуживать за обедом, стирать, шить (А.Чехов). 5. Начиналось с того, что у собаки пропадала всякая охота лаять, есть, бегать по комнатам и даже глядеть (А.Чехов). 6. Сидеть в тумане не совсем-то здорово (А.Чехов). 7. Мысль не застать ее в Пятигорске молотком ударила мне в сердце (М.Лермонтов). 8. — Вот беда: во всей колонне завалящей нет гармони, а мороз — ни стать ни сесть... (А.Твардовский). 9. Лейтенант всего лишь просит огоньку туда подбросить (А.Твардовский). 10. Жить без пищи можно сутки, можно больше, но порой на войне одной минутки не прожить без прибаутки, шутки самой немудрой (А.Твардовский). 11. Встрепенулся ясный сокол, бросил думать, начал петь (А.Твардовский). 12. Не велик тебе расчет думать в одиночку (А.Твардовский). 13. Спит — хоть голоден, хоть сыт, хоть один, хоть в куче.

Спать за прежний недосып, спать в запас научен (А.Твардовский). 14. И в один прекрасный вечер вдруг случится разговор: «Разрешите вам при встрече головной вручить убор» (А.Твардовский). 15. И все просит наклониться и поцеловать его... (М. Горький). 16. Кирилл Иванович ощущал в себе желание повторять каждое слово по нескольку раз, но почему-то боялся делать это (М. Горький). 17. Шлепая ногами по сырому песку и упорно разглядывая его с желанием открыть в нем какие-нибудь остатки питательных веществ, я бродил одиноко среди пустынных зданий и торговых ларей и думал о том, как хорошо быть сытым... (М. Горький). 18. А завтра снова мир залить вставало солнце ало. И день за днем ужасно злить меня вот это стало (В. Маяковский). 19. А ты уж сейчас ябедничать, у — какой... (М. Горький). 20. Стрелять не стреляет, а ружье держит! (Н.Гоголь). 21.— Я попрошу вас говорить по существу дела! — сухо заметил старичок (М. Горький). 22. Есть светлая радость под сенью кустов поплакать о прошлом родных берегов... (С.Есенин). 23.— Гляди ж, Корней Тихонович, не задержись и ты! — сказал Проценко отважному старику, оставшемуся с группой партизан прикрыть отход (А.Фадеев). 24. Повелевать в этом случае — труд утомительный! (М.Лермонтов). 25. Меня невольно поразила способность русского человека применяться к обычаям тех народов, среди которых ему случается жить (М.Лермонтов).

Упражнение № 3

Образуйте от данных глаголов все возможные формы причастий и деепричастий. Объясните, почему невозможно образовать от определенных глаголов какие-либо формы:

Сократить, сокращать, шагать, шагнуть, кричать, крикнуть, откликаться, откликнуться, прочистить, прочищать, водить, вести, возить, везти, носить, нести, сесть, сидеть, предупреждать, предупредить.

Упражнение № 4

Выпишите из текста причастия и деепричастия. Охарактеризуйте их:

На плотах

Грузные тучи медленно ползут над сонной рекой; кажется, что они спускаются все ниже и ниже; кажется, что вдали их серые лохмотья коснулись поверхности быстрых и мутных весенних волн, и там, где они коснулись воды, встала до небес непроницаемая стена облаков, заградившая собою течение реки и путь плотам.

И волны, безуспешно подмывая эту стену, бьются о нее с тихим, жалобным рокотом, бьются и, отброшенные ею, разбегаются вправо, влево, где лежит сырая тьма весенней ночи.

Берегов не видать: их скрыла ночь и оттолкнули куда-то широкие волны разлива.

Река точно море. Небо над нею окутано облаками.

Плоты скользят по воде быстро и бесшумно, а навстречу им из тьмы выдвигается пароход, выбрасывая из трубы веселую толпу искр и глухо ударяя по воде плицами колес...

У одного из передних весел стоял Силан Петров, в красной рубахе с расстегнутым воротом, обнажившим его могучую шею и прочную, как наковальня, грудь. Шапка сивых волос нависла ему на лоб, и из-под нее усмехались горячие, карие глаза. По локоть засученные рукава рубахи обнажали жилистые руки, крепко державшие весло, и, немного подавшись корпусом вперед, он напряженно вглядывался в даль, что-то высматривая во тьме.

Марья стояла в трех шагах от него, к течению боком, и с улыбкой поглядывала на широкогрудую фигуру милого. Оба молчали, занятые наблюдением: он — за далью, она за игрой его живого бородатого лица.

Блеснули лучи весеннего солнца и заиграли на воде золотом и радугой. Дунул ветер, все дрогнуло, ожило и засмеялось. Голубое небо между туч тоже улыбалось раскрашенной солнцем воде. А тучи остались уже сзади плотов.

Впереди плотов сияло чистое, ясное небо, и солнце, еще холодное по-утреннему, но яркое по-весеннему, важно и красиво всходило все выше в голубую пустыню неба из пурпурно-золотых волн реки.

(По М. Горькому)

Упражнение № 5.

Расставьте знаки препинания в предложениях с деепричастными оборотами:

1.Князь Андрей слушал удерживаясь от возражений и невольно удивляясь как мог этот старый человек сидя столько лет один безвылазно в деревне в таких подробностях и с такой тонкостью знать и обсуждать все военные и политические обстоятельства Европы последних годов. 2.Жерков тронул шпорами лошадь которая раза три горячась перебила ногами не зная с какой начать справилась и поскакала обгоняя роту и догоняя коляску тоже в такт песни. 3. Офицеры радостно окружали его кто на коленях кто сидя по-турецки на мокрой траве. 4.В ту же ночь откланявшись военному министру Болконский ехал к армии сам не зная где найдет ее и опасаясь по дороге к Кремсу быть перехваченным французами. 5.Анатоль сидел сняв камзол и подпершись руками в бока перед столом на угол которого он улыбаясь пристально и рассеянно устремил свои прекрасные большие глаза. 6.Он спал не раздеваясь облокотившись на руку утонувшую локтем в подложенные ему хозяином пуховые красные подушки. 7.Под..ехав к лесу Хаджи-Мурат остановился и забрав много воздуха в легкие засвистал и потом затих прислушиваясь. 8.Окончив молитву он вернулся на свое место где были переметные сумы и сев на бурку облокотил руки на колена и опустив голову задумался. 9.Воронцов принял курьера не откладывая и потому на несколько минут опоздал к обеду. 10.Офицер вскочил и бледнея и краснея вышел молча за маской из ложи и Николай остался один со своей дамой. 11.Хаджи-Мурат недоумевая покачал головой и раздевшись стал на молитву. 12.Окончив ее он велел принести себе серебряный кинжал и одевшись и подпоясавшись сел с ногами на тахту дожидаясь того что будет. 13.Последние же минуты и часы

он не переставая кричал. 14.В двух шагах от него громко говоря и обращая на себя общее внимание стоил опершись на сук и с обвязанной головой высокий красивый черноволосый унтер-офицер.

(Из произведений Л.Толстого)

Упражнение № 6.

Определите, в каждом ли предложении есть и причастный, и деепричастный обороты. Расставьте знаки препинания.

1.Полосы солнечных отблесков от волн поднятых веслами мерно бежали по берегам поднимаясь от воды и потухая к вершинам деревьев. 2.Заржавленные пароходы приходили из разных стран и дремали у деревянных пристаней тихонько посапывая паром. 3.Загулявшие матросы рассаживались на ступеньках дома и слушали всхлипывая. 4.Застучал медный стержень рукомойника висевшего в коридоре, заплескалась вода, и человек умываясь запел вполголоса. 5. Пошел неожиданный, запоздалый снежок. Ветер сдувал его с мостовых обнажая каменные избитые подковами белые плиты. 6.Человек скользя бросился по крутому скату оврага уходившему, должно быть, к реке. 7.Краны пели на разные голоса... Некоторые наскучив молчанием, как только их трогали, начинали фыркать, стрелять и брызгать на обои изображавшие сломанную арфу на фоне воздушных облаков. 8.Мальчик осторожно поднимался на террасу и прижав лоб к холодному стеклу дверей долго, до ломоты в костях, рассматривал старинные портреты висевшие в залах. 9.Багровый свет уже загорался в окнах дворцов и падал вниз, в темноту, вырывая из нее то полосатую будку часового, то бронзовый памятник полководцу, седой от снежной пыли, то капитель колонны украшенную замерзшими листьями аканта. 10.Живость впечатления была так велика, что глядя на портрет Пушкина как будто слышишь давно знакомый голос поэта обращенный к нам, его далеким потомкам.

(Из произведений К.Паустовского)

Упражнение № 7.

Раскройте скобки, образовав инфинитив глагола:

1. The windows are very dirty; they need (clean).
2. It's very hot, so you don't need (bring) a coat.
3. The house is old, and it badly wants (paint).
4. The famous man didn't need (introduce) himself.
5. The floor is covered with dust; it needs (sweep).
6. The grass in the garden is very dry; it wants (water) badly.
7. The planners didn't realize they would need (build) so many houses.
8. This shirt is quite clean; it doesn't want (wash) yet.
9. Her shoes have a hole in them; they want (mend).
10. The room was in a terrible mess: it needed (tidy up).
11. The baby's crying; I think he needs (feed).
12. I know my hair wants (cut) but I never have time to go to the hairdresser's.
13. John needed (cheer up) when he heard that he'd failed his exams.
14. You should tidy the garden. - Yes, it needs (tidy). The roses want (water), the peaches want (pick), the grass wants (cut).

Упражнение № 8.

Раскройте скобки, образовав герундий:

1. Alter the accident, the injured man recovered consciousness in hospital. He remembered (cross) the road, but he didn't remember (knock down).
2. I am still thirsty in spite of (drink) four cups of tea.
3. This carpet always looks dirty, in spite of (sweep) every day.
4. He didn't return the book he had borrowed after (promise) to do so.
5. He got into the house by (climb) through a window, without (see) by anyone.
6. I think he was foolish to buy a car before (learn) how to drive it.
7. Peter is a much better chess-player than I am, and he was very surprised when I beat him yesterday for the first time. He isn't used to (beat).
8. He went to bed at 9 p.m. in spite of (sleep) all the afternoon.
9. He complained of (give) a very small room at the back of the hotel.
10. The little girl isn't afraid of dogs in spite of (bite) twice.

11. The little girl didn't go near the dog; she was afraid of (bite).
12. The baby went to sleep a few minutes after (feed).
13. The little girl never gets tired of (ask) her mother questions, but her mother often gets tired of (ask) so many questions.
14. They lived in a small town for ten years and then moved without (make) friends with any of their neighbors.
15. The little boy was punished for (tell) a lie by (send) to bed without his supper.
16. Mary was chosen a year ago to act in the school play. She was very pleased at (choose).
17. Jack doesn't like boxing. I don't know if he is afraid of (hurt) his opponent or of (hurt) himself.
18. He was taken to hospital unconscious after the accident. He died in hospital without (recover) consciousness.
19. I always treat people politely and I insist on (treat) politely.
20. The boy was very hungry at eleven o'clock in spite of (eat) a big breakfast two hours earlier.
21. She didn't get out of bed until ten o'clock in spite of (wake up) at seven.

Упражнение № 9.

Закончите следующие предложения, используя герундий:

Example: I'm good at **mending things**.

1. I have difficulty in .....
2. I'm very interested in .....
3. I'm thinking of .....
4. He saved up £1000 for a holiday by .....
5. I sometimes worry about not .....
6. Thank you for .....
7. I'm looking forward to .....
8. She left the room without .....
9. I stayed in bed all day instead of .....

Упражнение № 10.

Закончите следующие предложения:

Example: Working in a coal mine **is dangerous, but well-paid**.

1. Finding a good job these days .....
2. Living in a big city .....
3. Taking regular exercise .....
4. Travelling by air .....
5. Being self-employed .....
6. Learning a foreign language .....

Упражнение № 11.

Закончите следующие предложения, используя инфинитив:

Example: It is easy to **find cheap places to eat**.

1. How do you do. Pleased to .....
2. When you're old, it can be difficult to .....
3. I was surprised to .....
4. If you haven't got much money, it's impossible to .....
5. It can be expensive to .....
6. When you travel abroad, it's important to .....

Упражнение № 12.

Вставьте подходящие по смыслу глаголы либо в форме инфинитива, либо в форме герундия:

Jane's a nurse, but she's trying (1)_____ a new job. Although she enjoys (2)_____ people, nursing is not very well paid, and she cannot afford (3)_____ all her bills. She finds it impossible to live on such a low salary without (4)_____ her account at the bank. Her flat needs (5)_____ , and she would like (6)_____ a car. She managed (7)_____ enough last year for a short holiday by (8)_____ some extra money in her spare time, and this year, she's hoping (9)_____ some friends in France. She has stopped (10)_____ to the theatre, which used to be one of her greatest pleasures. She's thinking of (11)_____ in America, where she could earn a

higher salary in a private hospital, but would prefer (12)_____ in this country if possible. She likes (13)_____ to see her parents whenever she wants to. A friend of hers went to America after (14)_____ university, but began (15)_____ her friends so badly that she had to come back.

earn	work	find
look after	visit	redecorate
miss	save	be able to
leave	buy	overdraw
pay	stay	go

Упражнение № 13.

Закончите следующий рассказ. Вместо пропусков вставьте герундий или инфинитив:

Example: He tried **to find** a job.

I'd like **you** to help me.

John Bradley was surprised (a) _____ _____ a letter waiting for him on his desk when he arrived at work. Before (b) _____ it, he hung up his coat and took out his glasses.

'Dear Mr Bradley,' he read, 'We are sorry (c) _____ _____ you that your services are no longer required …'

He couldn't believe it. After (d) _____ for the company for thirty years, he had been made redundant, one Monday morning, without (e) _____ warned in any way at all. There was no point (f) _____ _____ the letter. The ending was obvious. 'Thank you for your loyalty and dedication over the years, and we hope you will enjoy (g)_____ more time to spend …'

The company wanted (h) _____ to go away quietly and enjoy his premature retirement. He was fifty-two. How could he (i) _____ _____ find another job at this age? He knew that firms were not interested (j)

_____ _____ people over forty-five, let alone over fifty. Could he still afford (k) _____ _____ his daughters to their expensive school?

He sat back in his chair and looked out of the window, wondering (l) _____ _____ _____ next. He decided (m) _____ _____ the office as soon as possible. He did not want (n) _____ to see him while he left so depressed. So he put on his coat and for the last time closed the office door behind him. He stopped (o)_____ _____ 'goodbye' to the telephonist, whom he had known for years, and left the building.

Out in the street, it had begun (p) _____ _____ . He had forgotten (q)_____ _____ his umbrella that morning, so he turned up his overcoat collar and walked towards the station (r) _____ _____ his train home. He didn't know what (s) _____ _____ to his wife. The thought of breaking the news to her (t)_____ _____ feel sick.

Глава VI.

§ 1. Наречие и категория состояния: сопоставительный анализ.

Наречие – (лат. adverbium, букв. – 'при глаголе'), неизменяемое слово (например: ***вчера, дома***) или слово, изменяемое только по степеням сравнения (например: ***весело*** – *веселее*), обозначающее признак: действия (например: ***чуть*** *трепещут*), состояния (например: ***серьезно*** *болен*) или другого признака (например: ***весьма*** *значительный,* ***едва*** *заметно*). В случаях, когда наречие определяет существительное или числительное, оно обозначает признак подразумеваемого при этом действия, например:

трагик ***поневоле*** – это 'человек, поневоле действующий, поступающий как трагик, поневоле играющий роль трагика',

Москва ***сегодня*** – это 'Москва такая, какая она есть в настоящее время', а ***приблизительно*** *пять* – это 'приблизительно равный пяти'.

Наречия, в отличие от неизменяемых служебных слов – частиц, союзов и предлогов, являются полнозначными словами. Правда, на основании одной только полнозначности отделить наречия от служебных слов не удается, т.к. существуют также вполне полнозначные предлоги – такие, как *благодаря*

(чему), *посреди* (чего); союзы – например, *когда*; некоторые слова употребляются в роли наречия и союза, наречия и предлога, наречия и частицы, например:

(1а) ***Чуть*** (наречие) *трепещут сребристых тополей листы* (А.Пушкин);

(1б) *Я вышел в путь,* ***чуть*** (союз) *занялась заря* (Н.Некрасов);

(2а) *Она сделала несколько шагов* ***навстречу*** (наречие);

(2б) ***Навстречу*** (предлог) *гостям вышел хозяин*;

(3а) *Бричка ехала* ***прямо*** (наречие), *а мельница почему-то стала уходить влево* (А.Чехов);

(3б) *Все стадо оленье, теснясь, прошло* ***прямо*** (частица) *возле меня* (М.Пришвин).

Наречия отличаются от союзов тем, что их синтаксическая роль в предложении – служить определением глагола (например: ***чуть*** *трепещут*), прилагательного (например: ***весьма*** *значительный*), другого наречия (например: ***едва*** *заметно*), числительного (например: ***приблизительно*** *пять*) или существительного (например: *трагик* ***поневоле***), в то время как союз может вводить предложение (пример 1б). Наречия отличаются от предлогов тем, что не вводят падежной формы имени (например: примеры 2а и 2б). Наречия, в отличие от частиц, не могут синтаксически подчиняться существительному с предлогом и при этом предшествовать ему (например: примеры 3а и 3б). Итак, наречиям свойственна не только полнозначность, но и определенная синтаксическая роль в предложении.

Элементы смысла, передаваемые наречиями, в разных языках закрепляются за языковыми формами, относящимися к разным частям речи, а в некоторых языках они закрепляются не только за словами, но и за морфемами. Например, русским наречиям *вниз, внизу, вверх, вверху* в английском языке соответствуют слова *down* – ‘вниз, внизу’ и *up* – ‘верх, вверху’, которые функционируют как глагольные частицы или предлоги. С другой стороны, английским глагольным частицам в русском языке часто

соответствуют глагольные приставки, например: *look* ***over*** –‘***про***смотреть’, *go* ***out*** –‘***вы***йти’, но может соответствовать и наречие, например: *A beatifull lady walked* ***by.*** – *‘**Мимо*** прошла прекрасная дама’. Наречиям одного языка могут соответствовать вводные слова в другом, например: синонимичные предложения с наречием в немецком и английском языках и с вводным словом в русском языке:

(4а) *Der Abgeordnete Müller war* ***erfreulicherweise*** *zurückgetreten*;

(4б) *Deputy Müller had* ***fortunately*** *resigned*;

(4в) ***К счастью****, депутат Мюллер ушел в отставку*.

Аналогичным образом устроены модальные слова со значением ‘обязательно’, ‘вероятно’. Тем самым с семантической точки зрения границы между наречиями, предлогами, глагольными частицами, вводными и модальными словами и глагольными приставками оказываются размытыми – в том смысле, что все эти элементы могут передавать адвербиальный по своей природе компонент значения предложения. Роль, аналогичную роли адвербиала, может играть и глагол, например: модальные глаголы, а также англ. *Denmark* ***is reported*** *to be the most expensive place in Europe* = ***Reportedly*** *Denmark is the most expensive place in Europe.* – ‘Как говорят, Дания является самым дорогим местом в Европе’. Есть лингвистические традиции (американская, французская), которые не противопоставляют наречия и служебные части речи, а также вводные и модальные слова, а объединяют их в один большой класс – класс адвербиалов.

Подавляющее большинство наречий соотнесено со словами других знаменательных частей речи (в этом случае наречие называется мотивированным) – в первую очередь с прилагательными (например: *весело – веселый, зверски – зверский*). При этом для образования наречия во многих языках используется специальные морфемы (например: суффиксы *-о*, *-ски, -ьи* в русском языке, *-ly* в английском, *-ment* во французском и т.п.); в некоторых языках наречия образуются редупликацией (удвоением) корня. Но использование морфологических средств при образовании наречий не

является обязательным, например, немецкий язык, где большинство наречий совпадают по форме с прилагательным (например: *schlau* – ‘хитрый’ и ‘хитро’, *schlecht* – ‘скверный’ и ‘скверно’.), а отличаются от прилагательных лишь своей синтаксической ролью в предложении (обычно наречие определяет глагол, а прилагательное – существительное). Немотивированные наречия – это те, которые утратили соотнесенность со словами других знаменательных частей речи; в русском языке это, например, наречия *где, когда*.

В существующих классификациях наречия распределяются по значению, а также по способности употребления в тех или других синтаксических конструкциях.

Русская лингвистическая традиция учитывает, прежде всего, значение наречий и выделяет три больших класса – наречия степени, обстоятельственные и качественные наречия.

Наречия степени (часто их называют также количественными наречиями), типа *очень, весьма, вовсе, чуть-чуть*, обычно обозначают степень качества или степень интенсивности действия.

Обстоятельственные наречия описывают различные обстоятельства обозначенной в предложении ситуации – обстоятельства места (например: *дома, здесь, рядом, вдали*), направления (например: *налево, вверх, вдаль*), времени (например: *утром, сейчас, тогда, летом*), причины (например: *спьяну, сгоряча*), цели (например: *специально, назло, нарочно*), совместности (например: *вдвоем*), распределительности (например: *попарно, повзводно*) и др. Некоторые наречия имеют значения обстоятельства места, так и обстоятельства времени (например: *Тут мы и расположимся* и ***Тут*** *в небе засветилась первая звезда*).

Обстоятельственным наречиям противопоставляются так называемые качественные наречия, которые описывают разноообразные качественные характеристики ситуации и ее участников (например: *как, весело, по-бабьи, босиком, навзничь, медленно* и т.д. и т.п.). Те представители этой группы

наречий, которые соотнесены с прилагательными, могут иметь степени сравнения – сравнительную степень, как в русском языке (например: *веселее, медленнее*), или сравнительную и превосходную степени, как, например, в древнегреческом и латинском языках. Значение и способы образования форм степеней сравнения у таких наречий полностью совпадают со значением и способом образования форм степеней сравнения у прилагательных, например: лат. *male* –‘дурно’, *peius* –‘хуже’, *pessime* –‘хуже всего’. Отличают сравнительную степень наречия от сравнительной степени прилагательного опять-таки по их синтаксической роли (наречие обычно определяет глагол), например: *Эта балерина* ***красивее*** (прилагательное), *чем та* и *Эта балерина танцует* ***красивее*** (наречие), *чем та.* Тем не менее, тесное родство этой группы наречий с прилагательными очевидно – поскольку и наречия, и прилагательные имеют общее значение признака. Существуют языки, в которых прилагательные не изменяются – не согласуются с существительным, скажем, по роду, числу и падежу (подобно русским прилагательным). В грамматиках этих языков соответствующий прилагательным класс наречий вообще не выделяется, а считается, что роль определения при глаголе берет на себя прилагательное (например, таков кхмерский язык).

По значению наречия делятся на две группы – наречия определительные и наречия обстоятельственные.

Определительные наречия характеризуют действие или признак со стороны его качества, количества и способа совершения.

Определительные качественные наречия обозначают качество действия или признака, например: *весело, громко, взволнованно, неприглядно, ласково, смело, кое-как, как-нибудь* и др. *Он бережно размял колос в ладонях...* (М.Шолохов); *На мягком вечернем небе только зажглась первая, трепетно мерцающая звездочка* (М.Шолохов).

Определительные количественные наречия обозначают меру и степень качества, интенсивность действия, например: *очень, весьма, почти, еле-еле, нисколько, чересчур, слишком, чуть, вдвое, натрое, довольно*.

Тут у нас развязно ты себя держишь, очень даже развязно... (М.Шолохов).

Определительные наречия образа или способа действия характеризуют то, как совершается действие, например: *вдребезги, пешком, на ощупь, вплавь врукопашную* и др.

Лопахин ползком передвинулся поближе к воде... (М.Шолохов); *Николай доел кашу, вымыл и насухо вытер котелок* (М.Шолохов).

Образ или способ действия может быть определен путем сравнения или уподобления, например:

По-осеннему сыплет ветр, по-осеннему шепчут листья (С.Есенин); [Гостья] *засмеялась и совсем по-деревенски выкрикнула частушку* (Б. Полевой). Обозначение способа действия совмещается здесь с его качественной характеристикой.

Обстоятельственные наречия служат показателями пространственных, временных, причинных и целевых отношений. Наречия времени указывают на время совершения действия, например: *вчера, завтра, днем, ночью, летом, зимой, иногда, впоследствии, покамест, раньше*.

Только иногда глаза его отдыхали на не тронутых огнем зеленых разливах проса да на зарослях кукурузы и подсолнуха... (М.Шолохов).

Наречия места указывают на место совершения действия или его направление, например: *взад, вперед, вверх, вниз, здесь, впереди, издали, всюду, дома, никуда* и др.

Ни кровинки и не было в его известково-белом лице, но он все же двигался вперед... (М.Шолохов).

Наречия причины указывают на причину, в силу которой совершается действие, например: *спросонья, сослепу, сгоряча, сдуру, потому, оттого* и др.

Он осердился на приказчика и выпил сгоряча три бутылки пива, оттого и умер (А.Пушкин).

Наречия цели обозначают цель, ради которой совершается действие, например: *зачем, затем, назло, нарочно* и др.

Зачем арапа своего младая любит Дездемона, как месяц, любит ночи мглу? Затем, что ветру, и орлу, и сердцу девы нет закона (А.Пушкин).

Соотносительность наречий с другими частями речи указывает на их происхождение и способ образования.

Наречия соотносительны с именами, местоимениями и глаголами. Пополняясь за счет других частей речи, наречия не теряют с ними смысловой связи. Например, наречия, образованные от имен существительных, связаны с предметным значением (например: *наземь, набок, дома*); наречия, образованные от имен числительных, – со значением числа (например: *дважды, вдвое, вдвоем*); наречия, образованные от имен прилагательных, – со значением качества (например: *тепло, красиво, ласково, угрюмо*); наречия, образованные от глаголов, – со значением действия (например: *лежа, нехотя, шутя, немедля*).

Процесс образования наречий длительный, и потому по времени образования наречия не совпадают.

Группа местоименных наречий выделяется как наиболее архаическая и утратившая свою морфологическую делимость (например: *здесь, там, так, тогда*).

Ранними по образованию являются и наречия, образованные от имен существительных, исчезнувших из языка, причем морфологическая соотнесенность с именами этими наречиями не утрачена (например: *дотла, второпях, втихомолку, насмарку, вдрызг, с кондачка, с панталыку*), а также от старых форм ныне существующих имен (например: *поделом, справа, слева*).

Другие наречия более поздние по своему образованию (например: *на смех, насмерть, в прах, в срок, на глаз*).

Тесная грамматическая связь наречий с другими частями речи обусловливает различение пяти лексико-морфологических разрядов наречий:

1) наречия, соотносительные с местоимениями;

2) наречия, соотносительные с именами существительными;

3) наречия, соотносительные с именами прилагательными;

4) наречия, соотносительные с именами числительными;

5) наречия, соотносительные с глаголами.

Зарубежные лингвистические традиции (прежде всего, американская, французская) при классификации наречий учитывают, прежде всего, синтаксическое поведение наречия, которое напрямую связывается в этих традициях со значением наречия. Помимо наречий степени, выделяются наречия, модифицирующие (определяющие, характеризующие) либо все предложение, либо глагол (например: англ. *sentence modifiers, sentence adverbials* и *verb-modifiers, verb-adverbials* соответственно). Например: английские предложения:

(5а) *John answered the question* ***wisely*** –‘Джон умно ответил на вопрос’ (т.е. ‘содержание его ответа было умным’)

– наречие является модификатором глагола;

(5б) ***Wisely****, John answered the question* –‘То, что Джон ответил на вопрос, было умно’ (т.е. ‘ответить на вопрос было умно со стороны Джона’)

– наречие является модификатором предложения.

Предложение с наречием – модификатором глагола, как правило, можно перифразировать при помощи союза *как* (например: 5а – ‘То, как Джон ответил, было умно’), а предложение с наречием – модификатором предложения перифразируется при помощи союза *что* (например: перевод примера 5б).

При этом язык может иметь формальное средство для противопоставления употреблений наречий в роли модификатора глагола предложения. Так, в английском языке таким средством служит позиция наречия в предложении (модификаторы предложения стоят до глагола). Что

касается языков без фиксированного порядка слов (например, русского), в них по позиции наречия в предложении нельзя сказать, употреблено ли наречие в данном случае как модификатор глагола или как модификатор предложения, например:

(6а) *Он благоразумно промолчал*,

(6б) *Он промолчал благоразумно, не спорь*! (с ударением на наречии)

– в обоих случаях наречие модифицирует предложение: ‘то, что он промолчал, было благоразумно’;

(7а) *Он ответил благоразумно*,

(7б) *Он благоразумно отвечал, не спорь*! (с ударением на наречии)

– в обеих фразах наречие осмысляется как модификатор глагола: ‘то, как он ответил, было благоразумно’, ‘содержание его ответа было благоразумным’. Тем самым связь позиции наречия и его интерпретации является лингвоспецифической, а не универсальной чертой в поведении наречий.

Классификация, в которой делается попытка обобщить опыт изучения наречий русскими и зарубежными лингвистами, помимо наречий степени, выделяет наречия с плавающей и фиксированной сферой действия. Сфера действия наречия – это тот фрагмент описываемой в предложении ситуации (или вся ситуация), который характеризуется наречием.

Наречие с плавающей сферой действия может характеризовать различные по объему и содержанию фрагменты ситуации. Так, в предложении

(8а) *Он ответил* ***легкомысленно***

– оценку «легкомысленный» получает выбор содержания ответа, в предложении

(8б) *Он* ***легкомысленно*** *позвонил в пятую квартиру <а не в шестую>*

– ‘легкомысленным’ оказывается выбор номера квартиры, в предложении

(8в) *Он* ***легкомысленно*** *пообещал приехать*

– как ‘легкомысленный’ охарактеризован сам факт обещания, а в предложении

(8г) *Болезнь моя незыблемо установилась – и ждать перемен было бы* ***легкомысленно*** (И.Тургенев)

– предикативное наречие характеризует как *легкомысленное* действие *ждать перемен.*

Основная функция наречий с плавающей сферой действия – описывать «внешние» отношения, общие характеристики различных элементов ситуации (или всей ситуации), обозначенной в предложении. При этом наречие обычно дает характеристику наиболее коммуникативно важному в данной ситуации общения элементу (в частности, таким элементом может быть конкретный способ реализации обозначенной глаголом ситуации, например: *Анна удачно выступила в* «*Щелкунчике*» – ‘То, каким образом Анна выступила в «Щелкунчике», было удачным’). К данному классу относятся наречия *наугад, правильно, бескорыстно, бесспорно, героически, наивно, напрасно, неожиданно, хорошо*.

Наречия с фиксированной сферой действия не могут характеризовать значение различных параметров обозначенной в предложении ситуации; напротив, они жестко связаны с совершенно определенным семантическим компонентом ситуации – то, каков этот компонент, предопределено семантикой наречия. Так, наречие *громко* всегда характеризует параметр «громкость (звука)», наречие *медленно* характеризует скорость протекания ситуации, а наречия *ночью, вчера* – ее время. Единицами классов наречий с плавающей и фиксированной сферой действия являются не типы употреблений того или иного наречия (что свойственно противопоставлению модификаторов глагола предложения, например: примеры 5–7), а наречные слова как таковые (при этом предикативные наречия оказываются одним из типов употребления наречий с плавающей сферой действия, например: пример 8г). Классы противопоставляются не за счет объема сферы действия наречия – объема, фиксируемого в лексическом значении наречия, а за счет

того, по каким законам данное наречие выбирает в предложении свою сферу действия. А именно, наречие с плавающей сферой действия ориентировано на тот компонент ситуации, который наиболее существен в момент речи, о котором в первую очередь сообщается в предложении, – именно такому компоненту наречие с плавающей сферой действия дает общую характеристику. Наречие с фиксированной сферой действия описывает значение того параметра ситуации, который обусловлен семантикой наречия – будь то «обстоятельственный» параметр (время, место и проч.) или «качественный» параметр (например, размер для *крупно, широко* и др., скорость для *медленно*, внутреннее состояние для *растерянно, грустно*.).

Класс наречий постоянно пополняется за счет приобретения теми или иными словами и выражениями функций наречий, например: устойчивые предложные выражения типа *рука об руку, в мгновение ока, сломя голову*/

Безлично-предикативные слова, или **категория состояния**, – это знаменательные неизменяемые именные и наречные слова, которые обозначают состояние и употребляются в функции сказуемого безличного предложения (их еще называют **предикативными наречиями**, подчеркивая тем самым функцию предиката).

В предложении *Приедет Леонид, нам будет очень весело* (А.Писемский) слово *весело* обозначает психическое состояние человека, является сказуемым безличного предложения, сочетается со связкой будет, образующей аналитическую форму будущего времени. Безлично-предикативное слово *весело* омонимично краткой форме прилагательного и наречия; например: *Выражение ее лица весело* (*весело* – краткое прилагательное). – *Он весело улыбнулся* (*весело* – наречие). Но от прилагательного оно отличается отсутствием форм рода (*весел, весело, весела*) и неспособностью определять имя; от наречия – неспособностью определять глагол и имя прилагательное. Кроме того, безлично-предикативному слову чуждо значение признака (признак предмета – прилагательное; признак действия – наречие).

Безлично-предикативные слова характеризуются единым значением – выражением состояния или его оценки. Это может быть состояние живых существ, психическое или физическое, состояние природы и окружающей среды, состояние с модальной окраской, оценка состояния с точки зрения морально-этической, с точки зрения протяженности во времени, пространстве и т.д. Состояние, выраженное данной категорией слов, мыслится только безлично, например: *Ребенку больно* (выражение состояния именем прилагательным и глаголом, например: *Ребенок болен* и *Ребенок болеет*).

Морфологические признаки безлично-предикативных слов следующие:

1. Отсутствие склонения и спряжения, т.е. неизменяемость.
2. Наличие суффикса *-о* у слов, образованных от имен прилагательных и наречий (например: *холодно, видно, обидно, нужно*).
3. Способность выражать значение времени, передаваемого связкой, с которой сочетаются безлично-предикативные слова (например: *грустно, было грустно, будет грустно; стало грустно, станет грустно*). Отсутствие связки служит показателем настоящего времени.
4. Сохранение форм сравнения словами на *-о*, образованными от кратких имен прилагательных и наречий, например:

Было тепло – станет теплее. Было легко – станет легче.

5. Соотносительность с теми частями речи, от которых произошла данная категория слов, например: *грустно* соотносится со словом *грустный, тепло* – с *теплый, тяжело* – с *тяжелый, морозно* – с *морозный*. Однако этот признак свойствен не всем безлично-предикативным словам: например, *совестно* в современном русском языке не соотносится с *совестный*, *можно* не соотносится с *можный*.

Наиболее четки и определенны синтаксические признаки безлично-предикативных слов.

1. Существенный признак этих слов - синтаксическая функция сказуемого в безличном предложении (в сочетании с инфинитивом или без него), например:

Она потом вдруг задумалась и как-то мрачно задумалась, так что тяжело и грустно было видеть ее в этом положении (А.Писемский);

Нам должно было спускаться еще верст пять по обледеневшим скалам и топкому снегу, чтобы достигнуть станции Коби (М.Лермонтов).

2. Безлично-предикативные слова не согласуются и не управляются, они могут сочетаться со связкой отвлеченной или полуотвлеченной (например: *быть, стать, становиться, делаться*), выражающей время и наклонение, например:

Мне становилось грустно, когда слушал ее из соседней комнаты (М.Лермонтов);

Мне сделалось неприятно и неловко (А.Писемский).

3. Безлично-предикативные слова способны распространяться формами имен существительных и местоимений в дательном падеже без предлога и в родительном и предложном с предлогами, т.е. управлять данными формами, например:

...Вам может быть скучно у меня, а я душевно рад (А.Писемский);

На дворе было темно, хоть глаз выколи (М.Лермонтов).

Возможен и винительный падеж, например:

Мне сделалось грустно и досадно на Лизу (А.Писемский).

Кроме того, при безлично-предикативных словах часто употребляется зависимый инфинитив, например:

Снег на прощанье с землей переливал такими алмазами, что больно было глядеть (А.Чехов);

...Но эти три березы при жизни никому нельзя отдать (К.Симонов).

4. В отличие от наречий и прилагательных безлично-предикативные слова никаких слов не определяют, например:

Она смотрела грустно (наречие определяет глагол) – *Ее лицо было грустно* (краткое прилагательное определяет имя существительное) – *Ей было грустно* (безлично-предикативное слово).

Т.о., безлично-предикативные слова выделяются в особую лексико-грамматическую группу на основании семантических, морфологических и синтаксических признаков, основные из которых следующие: значение «недейственного» состояния, функция безличного сказуемого, неизменяемость и морфологическая соотносительность с прилагательными, наречиями и существительными.

Выделяются следующие группы безлично-предикативных слов по значению:

1. Безлично-предикативные слова, обозначающие психическое и физическое состояние живых существ, состояние природы, окружающей среды и обстановки:

а) психическое состояние человека, например: *досадно, совестно, боязно, весело, грустно, жалко, смешно, обидно, страшно, скучно.* Например:

И вам не совестно было верить этой женщине? (А.Писемский);

Его лицо не выражало ничего особенного, и мне стало досадно (М.Лермонтов);

б) волевое состояние, например: *лень, охота, неохота, неволя*. Например: *Но нашим дамам, видно, лень сойти с крыльца и над Невою блеснуть холодной красотой* (А.Пушкин);

Мне как раз пожить охота, я и не жил-то еще (А.Твардовский);

в) физическое состояние живых существ, например: *больно, тошно, душно, противно.*

Например: *Там есть, где развернуть холодные крылья, а здесь тебе душно и тесно, как орлу, который с криком бьется о решетку железной своей клетки* (М.Лермонтов);

г) состояние природы, окружающей среды и обстановки, например: *темно, светло, тихо, холодно, морозно, дождливо, солнечно, ветрено, уютно, чисто, грязно, сыро, просторно, тесно, свободно.*

Например: *В начале улицы еще было ветрено, и дорога была заметена, но в середине деревни стало тихо, тепло и весело* (Л. Толстой);

В гостиной было шумно и беспорядочно, как всегда бывает перед общим отъездом (А.Куприн).

2. Безлично-предикативные слова, обозначающие состояние с модальной окраской, т.е. заключающие в себе значение необходимости, возможности, долженствования, например: *можно, нужно, возможно, должно, необходимо, надобно, надо, угодно, нельзя*.

Например: *Надобно сказать, что когда разговор касался любви и вообще чувств, то она заговаривалась* (А.Писемский);

Ничем нельзя польстить моему самолюбию, как признавая мое искусство в верховой езде на кавказский лад (М.Лермонтов).

3. Безлично-предикативные слова, обозначающие оценку состояния или положения. Оценка может быть относительно протяженности во времени и пространстве, например: *поздно, рано, время, пора, далеко, близко, низко, высоко*; с точки зрения психологической, морально-этической, например: *удобно, плохо, хорошо, трудно, легко, грех, ужас, стыд, позор*; со стороны зрительного или слухового восприятия, например: *видно, слышно*.

Например: *Теперь уже поздно, вчера дали слово ему, Лиза согласилась* (А.Писемский);

И тихо и светло - до сумерек далеко (А.Фет);

Трудно описать восторг всей честной компании (М.Лермонтов);

Хорошо вам радоваться, а мне так, право, грустно, как вспомню (М.Лермонтов);

Около домиков не было видно ни дворов, ни деревьев (А.Чехов).

Безлично-предикативные слова по происхождению связаны с прилагательными, соотносительными с ними наречиями и отчасти

существительными. Этот переход осуществляется на основе сложного переплетения свойств имени, наречия и глагола.

1. Основную группу безлично-предикативных слов составляют слова на *-о*, соотносительные с краткими прилагательными среднего рода единственного числа и наречиями, например: *тепло, жарко, тихо, весело, приятно, легко, смешно, красиво, ветрено, далеко, близко, тоскливо, рано, поздно*.

С именами прилагательными и наречиями эти формы сближаются общностью словообразовательных признаков и наличием форм сравнения.

Например: *...Мне стало скучнее прежнего, потому что я потерял почти последнюю надежду* (М.Лермонтов).

Письмо медлительнее пули (К.Симонов) (краткое прилагательное);

Он пошел быстрее (М. Горький) (наречие).

Краткие прилагательные переходят в безлично-предикативные слова в результате утраты ими форм изменения и закрепления в позиции сказуемого. Последнее послужило причиной приобретения ими значений времени, которые заключаются в глагольной связке.

Пополнение безлично-предикативных слов за счет наречий непосредственно связано с историей глагола *быть*. Наречия в сочетании с глаголом *быть* не теряли своей специфики лишь до тех пор, пока глагол быть не превратился в связку, в формальный показатель времени и наклонения. «Превращение» же глагола *быть* в отвлеченную связку усиливало «предикативность» наречий. В сочетании *совестно было* слово *совестно* уже не могло осознаваться как наречие к глаголу *было*. Оно сливалось со связкой-морфемой *было* в одну составную грамматическую форму, форму прошедшего времени от слова *совестно*. Но такое употребление наречий не мирилось с их функцией качественного и обстоятельственного отношения». Т.о., ослабление в связке *быть* лексического значения глагола приводило к переходу употребляемых при ней наречий в разряд безлично-предикативных слов.

Способность предикативного употребления более ощутима в обстоятельственных наречиях, чем в определительных, например: *Было поздно, рано* при невозможности сказать – *было быстро, было длинно*.

Среди безлично-предикативных слов на *-о* выделяется группа слов, которые не имеют омонимов среди наречий (а также кратких прилагательных). В современном русском языке такие слова употребляются только в качестве безлично-предикативных слов. Это следующие, например: *можно, надо, должно, стыдно, боязно, совестно, тошно, щекотно* и некоторые другие. В словах этого типа особенно заметно развиваются синтаксические свойства глагола, вплоть до способности управлять винительным падежом прямого объекта, например:

Рученьки мои, рученьки больно (М. Горький).

По значению к этой группе примыкает и безлично-предикативное слово *нельзя* (от слова *льга* в значении ‘легкость, возможность’ с отрицательной частицей *не*).

В тех случаях, когда имеются схожие по внешнему облику краткие прилагательные, невозможность отождествления их с безлично-предикативными словами подчеркивается ударением, например:

*Дитя больно**́**. - Мне бо**́**льно; Это не должно**́** повториться. - Мне до**́**лжно возвратиться.*

2. Сравнительно небольшая группа безлично-предикативных слов этимологически связана с именами существительными. Это слова, выражающие оценку состояния со стороны морально-этической, эмоциональной, модальной например: *грех, стыд, мука, жаль, пора, время, недосуг, лень, охота, неохота*. Например:

Горько мне за вас обоих было, и сказать мне правду было жаль (А.Фет); *Пора добраться до картечи!* (М.Лермонтов).

При переходе в безлично-предикативные слова имена существительные не только теряют значение предметности, но и формы падежей, рода, числа. Например, в предложениях *Лень было подняться* и *Охота было ехать*

безлично-предикативные слова *лень, охота* потеряли форму рода, т.к. связка *было* не согласуется с ними.

§ 2. Вопрос о классификации модальных слов.

Факты действительности и их связи, являясь содержанием высказывания, могут мыслиться говорящим как реальность, как возможность или желательность, как долженствование или необходимость. Оценка говорящим своего высказывания с точки зрения отношения сообщаемого к объективной действительности называется модальностью. Модальность в русском языке выражается формами наклонений, особой интонацией, а также лексическими средствами – модальными словами и частицами.

Модальными называются слова, посредством которых говорящий оценивает свое высказывание в целом или отдельные его части с точки зрения отношения их к объективной действительности, например:

Это, верно, кости гложет красногубый вурдалак (А.Пушкин); *Обстоятельства, верно, вас разлучили?* (А.Пушкин).

В приведенных примерах слово *верно* является модальным словом. Оно выражает отношение говорящего к содержанию высказывания как предполагаемой возможности, причем в первом предложении модальное слово оттеняет отношение говорящего к содержанию всего высказывания, а во втором относится к одному из компонентов высказывания - подлежащему.

Модальные слова нередко близки к наречиям и частицам, так что разграничение первых и последних иногда оказывается затруднительным, например:

Успехи наши действительно (частица) *невелики. – Я прислушался: действительно* (модальное слово), *это был голос* (Л. Толстой).

По значению выделяются две группы модальных слов:

1. Модальные слова, выражающие логическую оценку высказывания, уверенность говорящего в реальности сообщения, например: *безусловно, верно, действительно, конечно, несомненно, разумеется* и др. Например:

Дважды два, безусловно, четыре.

К этой же группе относятся и фразеологические сочетания типа *в самом деле, само собой разумеется* и др.

2. Модальные слова, выражающие значение возможности, предположения, вероятности сообщаемого, например: *вероятно, возможно, видимо, по-видимому, кажется, наверное* и др. Например:

Мне показалось, что он, вероятно, долго раздумывал у двери, перед тем как войти (Б.Горбатов).

Сюда же относятся сочетания *может быть, должно быть, по всей вероятности* и др.

Модальные слова как особый лексико-грамматический разряд слов соотносительны с различными частями речи, а именно:

а) с именами существительными типа *правда, факт, право*. Например: *Правда глаза колет* (погов.). – *Он, правда, в туз из пистолета в пяти саженях попадал* (А.Пушкин);

б) с именами прилагательными краткой формы и наречиями, например: *очевидно, конечно, действительно, верно* и др. Например:

Я видел счастливого человека, заветная мечта которого осуществилась так очевидно (А.Чехов). – *Окна были закрыты жалюзи. Очевидно, в доме все еще спали* (А.Чехов);

в) с безлично-предикативными словами, например: *видно, слышно*. Например: *Хоть убей, следа не видно* (А.Пушкин). – *Так, видно, она* [Дуня] *замужем?* (А.Пушкин);

г) с различными формами глагола, например: *кажется, разумеется, значит, пожалуй, знать* и др. Например:

Как вам кажется письмо Чаадаева? (А.Пушкин). – *Я, кажется, хозяйке мил* (А.Пушкин);

д) с местоимениями, например: *никак, само собой*. Например:

Воеводы не дремали, но никак не успевали (А.Пушкин)

Соотносительность модальных слов с другими частями речи является чисто внешней: переход в разряд модальных слов сопровождается полным преобразованием лексико-грамматической структуры слова. Модальные слова являются омонимами по отношению к знаменательным словам, с которыми они совпадают по звучанию, например:

Человек всегда имеет право на ученье, отдых и на труд (В.Лебедев-Кумач) (*право* – существительное). – *Да где же это мой чепец? Куда это он девался, право?* (И.Тургенев) (*право* – модальное слово в значении ‘в самом деле, действительно’).

Модальные слова отличаются от знаменательных, с которыми они связаны по происхождению, отсутствием номинативной функции. Модальные слова не являются названиями предметов, признаков или процессов, обозначаемых знаменательными словами; они лишены грамматической связи со словами, составляющими предложение, и не являются членами предложения. Оказавшись грамматически изолированными в предложении, модальные слова подвергаются процессу лексикализации. В силу этого процесса модальные слова выполняют роль целых лексических единиц, теряют не только изменяемость, но и морфологическую членимость. Так, сочетание может быть, получая значение модального слова, нередко теряет второе слово (*быть*), а флексия *-ет* в слове *может* утрачивает присущее ей значение.

Характерными особенностями модальных слов со стороны синтаксической являются следующие:

1) употребление в значении слова-предложения, чаще в диалогической речи, например: *Средство это - дорогое! Конечно!* (М. Горький);

2) употребление в качестве вводного слова, например: *Вам до меня, конечно, нет никакого дела* (А.Н. Толстой);

3) употребление в качестве утвердительных слов в значении, близком к модальным частицам и наречиям; например:

Безусловно, поэт талантлив (*безусловно* сближается с модальной частицей *да*). – *Поэт безусловно талантлив* (*безусловно* – определительное наречие). – *Поэт, безусловно, талантлив* (*безусловно* – модальное слово в роли вводного).

Впервые модальные слова были выделены в русской лингвистике; ранее они обычно причислялись к наречиям. Правда, Г. Суит и Е. Крейзинга выделяют наречия, относящиеся ко всему предложению и передающие отношение говорящего к излагаемому факту. Т.о., данный тип был отмечен и в зарубежной лингвистике, но не был выделен в особый разряд.

Модальные слова могут выражать уверенность или предположительность, а также субъективную оценку. Так, модальные слова *certainly, of course, surely, really, indeed* выражают ‘уверенность’, *perhaps, maybe, probably, possibly* — ‘неуверенность, предположительность’; *fortunately, unfortunately, luckily, unluckily* передают взгляд говорящего на желательность или нежелательность того или иного действия.

Модальные слова могут функционировать как слова-предложения, сходно со словами-предложениями утверждения и отрицания *Yes* и *No*. Однако, как указывает Б. А. Ильиш, слова-предложения *Yes* и *No* никогда не изменяют своего статуса, тогда как модальные слова могут быть словами-предложениями (в диалоге) или быть вводными словами в предложении.

Вопрос реального состава модальных слов не лишен теоретических трудностей. Очень немногие части речи в английском языке выделяются на основании всех трех признаков, предложенных Л. В. Щербой; однако, если морфологический признак недействителен в ряде случаев, то, как правило, синтаксический признак участвует в характеристике данной части речи. Что касается модальных слов, то, если мы примем за основу не только их модально-оценочную семантику, но также и их свойство не являться членом предложения, а стоять вне его, у нас имеется твердый критерий их выделения. Это касается таких модальных слов, как *perhaps, maybe, probably, possibly,* которые никогда не являются членами предложения, т. е. являются

вводными членами, даже если они стоят не в начале предложения, например:

They were probably right to keep him. (Snow) Сравните: *Probably, they were right to keep him.; They were right to keep him, probably.*

Однако ряд лингвистов — А.И. Смирницкий, Б.А. Ильиш, В. Н. Жигадло, Л.Л. Иофик и И.П. Иванова — указывают, что кроме перечисленных выше единиц в функции модальных слов могут выступать и некоторые наречия, имеющие модально оценочное значение, как, например, *apparently, evidently, really, unfortunately.* Эти же авторы отмечают, что такие наречия могут функционировать как члены предложения, относясь к какому-то одному слову в предложении, например:

He shot out the hand... to indicate where each was to sit of the group apparently under his command. (Powell)

Возникает вопрос, как рассматривать эти единицы, синтаксическая позиция которых не дает информации относительно их морфологической природы. Представляется, что здесь возможны два решения: или они являются особыми модальными словами, или, что кажется более справедливым, это наречия, способные функционировать наряду с модальными словами. Такое решение вряд ли может вызвать возражения, ведь известно, что, например, английские существительные могут функционировать как препозитивные определения, не превращаясь при этом в прилагательные.

Эти наречия, сохраняющие свой морфологический признак — суффикс *-ly,*— втягиваются в поле модальных слов, не переставая быть наречиями. Т.о., корпус модальных слов состоит из очень небольшого ядра — собственно-модальных слов — и периферии, которую составляют наречия, способные приобрести синтаксический признак модальных слов.

§ 3. Служебные части речи. Междометие.

Служебные слова, в противоположность знаменательным, не обладают номинативной функцией, т.е. не являются названиями предметов, признаков, процессов, а служат для выражения отношений между явлениями

действительности, которые названы словами знаменательными. В силу этого служебные слова употребляются в речи только в соединении со знаменательными словами.

Не обладая номинативной функцией, служебные слова не являются членами предложения, а используются как формально-грамматические средства языка: предлоги выступают в подчинительных словосочетаниях, союзы – при однородных членах и в сложных предложениях, частицы – при отдельных словах и в вопросительных и восклицательных предложениях.

Со стороны фонетической структуры служебные слова также отличаются от слов знаменательных. Ударение, являющееся характерным признаком знаменательного слова, обычно отсутствует у слов служебных, например:

Что (местоимение) *день грядущий мне готовит?* (А.Пушкин); *Я надеюсь, что* (союз) *вы не откажетесь отобедать у меня* (А.Пушкин).

Служебные слова могут превращаться в аффиксы словообразовательного и формообразовательного типа. Это наблюдается в тех случаях, когда служебное слово становится неотделимым от знаменательного слова и изменяет его значение. Так, например, аффикс *то*, присоединяясь к местоимениям, образует местоимения неопределенные: *что-то, какой-то* и др.

Служебные слова образовались из знаменательных слов. Например, предлоги *под* и *перед* соотносятся с существительными *под* (выстилка внутри печи), *перед* (например: *заколоченный перед дома*); союзы *хотя* – с деепричастием *хотя* (от *хотеть*) и *если* – с сочетанием *есть ли*.

Служебные слова неизменяемы (за исключением связки), морфологически нечленимы.

Частицы – служебные слова, выражающие дополнительные смысловые оттенки предложений, словосочетаний и отдельных слов. Так, например, частица *разве* относится к целому предложению и придает ему характер вопроса: *Разве гром бывает немотою болен?* (В.Маяковский); частица *даже*

усиливает, подчеркивает значение словосочетаний и слов: [Память] *оживляет даже камни прошлого и даже в яд, выпитый некогда, подливает капли меда* (М. Горький).

Кроме того, частицы могут выражать эмоциональные оттенки значений, например: *Как хороши, как свежи были розы...* (И.Тургенев) – и выполнять роль аффиксов при словообразовании (а также при формообразовании), например: *Кто-то спустит сейчас курки* (С.Есенин); *Никакой самой малой малости на земле бы не бросил я* (К.Симонов).

Частицы выражают общие логико-смысловые, эмоциональные и модально-волевые оттенки слова или словосочетания, а также предложения в целом. По своей функции частицы противопоставлены предлогам и союзам, которые выражают грамматические значения.

Частицы образовались от различных частей речи и часто имеют одинаковое с ними звучание, например: *дай, давай, пускай, почти* – частицы и глагольные формы.

Частицы могут быть в предложении как препозитивными, так и постпозитивными. Так, частица *что за* всегда препозитивная, а частица *-ка* – постпозитивна, например:

Ну что за шейка, что за глазки! (И.Крылов), *Заеду-ка я в самом деле к Ноздреву* (Н.Гоголь).

Большая же часть частиц не имеет постоянного места в предложении, например:

Ведь это был Дубровский (А.Пушкин); *Егор Павлович, поедем ведь?* (К.Федин).

Частицы по значению подразделяются на три основные группы:

I. Частицы, выражающие **смысловые** оттенки значений. К таким частицам относятся:

а) **указательные:** *вот, вон.* Например: *Вот лещик, потроха, вот стерляди кусочек* (И.Крылов);

б) **определительно-уточняющие:** *именно, почти, точно* и др. Например: *Купцы первые его очень любили именно за то, что не горд* (Н.Гоголь);

в) **выделительно-ограничительные:** *только, только лишь, хоть, единственно* и др. Например: *Это только цветочки, ягодки будут впереди* (погов.).

II. Частицы, выражающие оттенки значения **модально-волевые** и **модальные**. Сюда относятся:

а) **модально-волевые:** *пусть, пускай, ну, дай-ка* и др. Например: *Дай-ка лучше в карауле на крылечке прикорну* (А.Твардовский);

б) **модальные** с их разновидностями:

- утвердительные: *да, так, точно*. Например: *Да, наша жизнь текла мятежно...* (Н.Некрасов);
- отрицательные: *нет, не, ни.* Например: *Нет! Весь я не умру! – Душа в заветной лире мой прах переживет* (А.Пушкин); *А вы – стоять на крыльце и ни с места!* (И.Тургенев),
- вопросительные: *ли (ль), разве, неужели.* Например: *Хорошо ли устроились ребята, не нужно ли чего?* (Б.Горбатов);
- собственно-модальные: *пожалуй, чай, авось*.
- сочетания типа *едва ли, вряд ли.* Например: *Пожалуй, ты прав. И, пожалуй, – силен сатана, – натворил бы я бед* (Н.Некрасов);
- сравнительные: *как бы, будто, словно* и др. Например: *И тут он мне поручил два будто бы неотложных дела* (Ф.Достоевский);
- частицы, служащие для субъективной передачи чужой речи: *дескать, мол.* Например: *Я хозяину-то его говорю: я, мол, Филиппов отец* (И.Тургенев).

III. Частицы, выражающие **эмоционально-экспрессивные** оттенки значения. Такие частицы выражают эмоциональную оценку высказывания и усиливают выразительность речи: *эк, ишь, как, все, даже, же, ведь, все-таки* и др. Например:

Как! Разве все тут! (А.Пушкин); *Ведь так ясно, чтобы начать жить в настоящем, надо сначала искупить наше прошлое...* (А.Чехов)

Эмоционально-экспрессивные частицы могут составлять сочетания частиц: *так вот, где уж, куда как, что за* и др. Например: *Куда как чуден создан свет!* (А.Грибоедов).

Словообразующие частицы образуют новые слова: 1) *-то, -либо, -нибудь, кое-* служат для образования неопределенных местоимений и наречий: *что-то, где-то* и т.п.; 2) *ни* образует отрицательные местоимения и наречия: *никто, нигде* и т.п.; 3) *не* в сочетании с некоторыми частями речи служит для образования антонимов: *друг - недруг, верный - неверный* и т.п.

Формообразующие частицы образуют грамматические формы: 1) *бы* образует форму сослагательного наклонения, например: *Да, пожалуй, я поел бы и ушел* (А.Чехов); 2) *да, пусть, пускай* служат для выражения повеления, приказания (образуют формы повелительного наклонения), например: *Пусть все знают, пусть все видят, что я делаю!* (А. Островский); 3) *бывало, было* (последняя с модальным оттенком) образуют особые формы прошедшего времени, например: *Прекратившийся было дождь вдруг снова полил* (К.Симонов); *Бэла, бывало, нам поет песни иль пляшет лезгинку* (М.Лермонтов).

Предлоги – служебные слова, выражающие в сочетании с косвенными падежами существительных (а также субстантивированных прилагательных, местоимений и числительных) различные отношения между формами имени и другими словами в предложении. Уточняя, дополняя и делая более разнообразными значения косвенных падежей, предлоги не играют в предложении самостоятельной роли и поэтому членами предложения не являются. Значение предлогов выявляется только в сочетании с падежными формами.

По морфологическому составу различаются предлоги непроизводные и производные.

1. **Непроизводные**, так называемые первообразные, предлоги не могут быть соотнесены по образованию с какой-либо частью речи, например: *в, с, к, о, у, на, за, от* и др. Разновидностью этих предлогов являются сращенные (сложные) предлоги, например: *из-за, из-под* и др.

2. **Производные предлоги** связаны происхождением с другими частями речи.

Наречными являются предлоги, генетически связанные с наречиями, например: *вблизи, внутри, впереди, позади* и др. Неизменяемые слова типа *вблизи, вокруг, около* и подобные могут употребляться самостоятельно (вне связи с именем), т.е. выступать в качестве наречий, но в сочетании с существительными такие слова получают значение предлогов; например: *Ходить вокруг да около* (наречия) – *Было поздно, около полуночи* (М. Горький) (предлог).

Некоторые из таких слов в современном русском языке уже не употребляются в качестве наречий, например: *вопреки, кроме, среди, близ.*

По сравнению с непроизводными предлогами наречные предлоги имеют гораздо более узкое и определенное значение (например: *у города* и *вблизи города*). Наречные предлоги, соотносительные с обстоятельственными наречиями, в большинстве сочетаются с родительным падежом, за исключением предлогов *вопреки, вслед, навстречу, наперекор*, сочетающихся с дательным падежом. Предлоги, связанные с качественными наречиями, обладают различным управлением, например: *относительно, касательно* – управляют родительным падежом; *подобно, согласно, соответственно* и др. – дательным падежом.

Отыменные предлоги представляют собой результат перехода существительных в состав предлогов (непосредственно или через посредство наречий).

Чаще всего это бывшие имена существительные с предлогами *ввиду, вследствие, наподобие*, например:

У многих русских рек, наподобие Волги, один берег горный, другой луговой (И.Тургенев); *Вследствие какой-то задержки в пути лошади отстали* (В.Арсеньев).

Отыменные предлоги типа *путем, посредством* являются образованиями из форм творительного падежа существительного. Среди отыменных предлогов выделяются предложные сочетания типа *в течение, в продолжение, в отношении, в деле, в силу, в отличие от*, например:

В продолжение всего лета он раза два-три в неделю приезжал к нам (Л. Толстой); *В силу своего движения на север, в бассейн Оки, вятичи оказались в ближайшем соседстве и в тесном сожительстве с севернорусами* (А.Шахматов).

Отглагольные предлоги генетически связаны с деепричастиями, например: *благодаря, несмотря (на), невзирая (на), включая, исключая, спустя, начиная (с), кончая,* например: *На берегу, несмотря на сумерки, можно было разглядеть красные рубахи* (В.Короленко).

Значения предлогов очень разнообразны и сложны и выявляются лишь в сочетании с падежной формой. Они могут выражать: пространственные отношения, например: *отдыхать в Крыму и на Кавказе*; временные отношения, например: *работать с утра до ночи*; сопроводительные (комитативные) отношения, например: *гулять с сыном*; отношения сопоставления и сравнения, например: *мальчик с пальчик; вроде метеора*; причинные и целевые отношения, например: *краснеть от стыда, остановиться для отдыха*; объектные отношения, например: *говорить о работе, забывать про сон*.

Многие предлоги могут иметь несколько значений и сочетаться с несколькими падежными формами, например предлоги *по, с* и др.

Союзы – служебные слова, служащие для связи однородных членов простого предложения и частей сложного предложения – сложносочиненного и сложноподчиненного, например:

Старость ходит осторожно и подозрительно глядит (А.Пушкин); *Все ее знали, и никто не замечал* (А.Пушкин); *Он понял, что рассказ все-таки необходимо закончить, чтобы не вызвать еще большего подозрения* (А.Грин).

По морфологическому составу союзы распадаются на простые и составные.

Простые союзы (непроизводные *и, а, но* и др. и производные *когда, если* и др.) морфологически неделимы и несоотносимы в современном русском языке со знаменательными частями речи.

Составные союзы, например: *в то время как, потому что, так как*, соотносительные с существительными, местоимениями и наречиями, расчленяются на отдельные компоненты.

По синтаксическим функциям союзы подразделяются на сочинительные и подчинительные.

Сочинительные союзы соединяют однородные члены предложения, а также части сложносочиненных предложений. По своему значению эти союзы делятся на соединительные, например: *и, да* (в значении *и*); *и...и, ни...ни*; сопоставительные, например: *не только...но и, как...так и*; противительные, например: *а, но, да* (в значении *но*), *однако, же, зато*; разделительные, например: *или, или...или, либо, либо...либо, то...то, не то...не то, то ли...то ли*; присоединительные, например: *да и, также, тоже*.

Подчинительные союзы обычно соединяют части сложноподчиненных предложений, хотя иногда, сравнительно редко, могут использоваться и в простом предложении для связи членов предложения, например: *Он известен как хороший бригадир; Она мне как песня*.

Некоторые подчинительные союзы могут распадаться на две части, например: *потому что, с тех пор как* и др.: одна часть образует соотносительное слово в главной части предложения, другая – союз в придаточной.

Подчинительные союзы делятся на временные (например: *когда, едва, лишь, пока, покамест, покуда, лишь только, с тех пор как*), причинные (например: *так как, потому что, оттого что, вследствие того что*), целевые (например: *чтобы, для того чтобы*), следствия (например: *так что*), условия (например: *если, ежели, коли*), уступительные (например: *хотя, пускай, несмотря на то что*), сравнительные (например: *как, как будто, будто, словно*), изъяснительный (например: *что*).

Различие между сочинительными и подчинительными союзами как в отношении морфологическом, так и в отношении синтаксическом не является устойчивым. Так, союз *хотя (хоть)* может соединять однородные члены и части сложноподчиненного предложения, например:

Он стрелял быстро, хотя не точно (А.Куприн); *Хоть видит око, да зуб неймет* (И.Крылов).

В функции союзов могут использоваться местоимения и местоименные наречия, которые в таком случае называются союзными, или относительными, словами. Выполняя функции союзов, т.е. служа средством связи, союзные слова, в отличие от союзов, являются членами придаточной части предложения, например:

Что посеешь, то и пожнешь (посл.) (*что* – относительное слово, дополнение); *Я глуп, что осердился* (А.Пушкин) (что – союз).

По употреблению союзы представляют собой три разновидности:

1) **одиночные**, употребляющиеся один раз. Из сочинительных союзов типичным в этом отношении является союз *но* (подчинительные союзы обычно одиночны), например: *Ученый малый, но педант* (А.Пушкин);

2) **повторяющиеся:** *и...и, или...или, либо...либо, ни...ни, то...то* и др. Например: *Ни отзыва, ни слова, ни привета*;

3) **двойные**, компоненты которых взаимно связаны по употреблению. Двойными могут быть сочинительные союзы (*как...так и, не только...но и*), например: *Пушкин создал различные произведения как в стихах, так и в*

прозе; и союзы подчинительные (*если...то; так как...то, лишь только...как* и др.), например: *И если кто виноват, то я один* (Л. Толстой).

Междометия – это слова, которые непосредственно выражают наши чувства, переживания и волеизъявления, не называя их.

Семантически междометия отличаются от всех знаменательных частей речи тем, что они не обладают функцией называния, т.е. номинативной функцией, т.к. являются своего рода речевыми знаками, сигналами, употребляемыми для кратчайшего выражения реакции человека на различные события реальной действительности или для выражения требования, желания человека. Выражая (но не называя) чувства и волю, междометия тем не менее осознаются всеми говорящими на данном языке и всем понятны, т.к. за междометием закреплено определенное смысловое содержание. Но значение междометий обычно может быть понято лишь из контекста, потому что одни и те же междометия могут служить для выражения различных чувств. Многозначными являются, например, междометия *ай, ах* и другие.

Например: *Ай, ай, как изба настудилась!* (Н.Некрасов) – выражение сожаления, неудовольствия; *А неблагодарность... ай! какой гнусный порок!* (И.Тургенев) – выражение порицания; *Ай, Моська! Знать она сильна что лает на слона!* (И.Крылов) – выражение одобрения, но с оттенком иронии; *Ай! ай! ай! Какой голосок! Канарейка, право, канарейка!* (Н.Гоголь) – выражение восхищения; *Я отвечал, что она* [Маша] *осталась в крепости на руках у попадьи. - Ай! ай, ай! - заметил генерал* (А.Пушкин) - выражение сожаления и т.д.

Морфологически междометия неизменяемы, т.е. у них отсутствуют категории рода, числа, падежа, лица, времени и т.д. Они почти лишены и форм словообразования.

Синтаксически междометия также отличаются от знаменательных частей речи, ибо они, как правило, не являются членами предложения, хотя

интонационно обычно связаны с предложениями, к которым примыкают или в составе которых находятся.

В предложении междометия чаще всего бывают синтаксически независимы, т.е. не связаны с другими членами предложения. Однако некоторые междометия (из числа выражающих волеизъявление) могут подчинять себе другие члены предложения, например: – *Вон отсюда! Немедленно! - прокричал он ясным металлическим голосом* (К.Паустовский); ...*Ну его совсем!* (Д. Мамин-Сибиряк).

Для выяснения семантических и морфологических признаков междометия немаловажную роль играет его место в речи: в собственно междометном значении обычно выступают лишь междометия, стоящие впереди или позади предложения (т.е. те, которые пре- или постпозитивны). Являясь своего рода эмоционально-волевым знаком, междометия, находящиеся впереди предложения, как бы сигнализируют о содержании последующего предложения, например: *Ух, я не люблю этого попа!* (М. Горький).

Роль поясняющего предложения может выполнять замечание автора, например: - *Ах, мать честная! - выговорил он, сладко расправляя плечи и руки* (К.Федин). Или: - *А! - опять одобрительно тряхнул головой Павел* (К.Федин); - *А... - почти сочувственно протянул Парабукин* (К.Федин).

Находясь после предложения, междометие может и не иметь пояснения после себя, т.к. в этом случае смысл междометия ясен из предыдущего предложения, например: *Ну и было мне за это дело от бабушки*, ***ой-ой*** (В.Бианки). Или: *Сам я сегодня был у покойницы - то есть не у покойницы, а...* ***тьфу!*** (А.Чехов).

Междометия могут выступать в роли отдельных членов предложения или выполнять функции усилительных частиц.

Междометия, выражающие волеизъявления и чувства, в разговорном стиле речи выступают иногда в роли сказуемых, например: *Вы все фу-фу-фу*,

суши весла! – скомандовал Андрей (Т. Березко). Или: *Татьяна – ах! а он реветь* (А.Пушкин).

Иногда междометие-сказуемое выполняет функции придаточного предложения, например: *В ту пору был начальником губернии такой зверь, что у!!!* (М.Салтыков-Щедрин).

В роли подлежащего и дополнения выступают лишь субстантивированные междометия, например: *Далече грянуло «ура»* (А.Пушкин).

Междометия в роли обстоятельств и определений приобретают соответствующее лексическое содержание, например: *Вон та, средняя, ух, прытка в работе* (Вс. Иванов) – в значении «очень».

Междометия, стоящие внутри предложений, выполняют иногда роль усилительных частиц, сочетаясь со словами *как, какой*, например: *Самонадеянности море ох как не любит!*

Междометия по своему лексическому значению делятся на два основных разряда: 1) междометия, выражающие различные чувства (**эмоциональные** междометия), и 2) междометия, выражающие волю, приказ и т.д., т.е. повелительно-побудительные (**императивные** междометия).

1. Среди междометий, выражающих чувства, выделяются следующие группы:

а) междометия, служащие для выражения удовлетворения, восхищения, радости, веселья, восторга, одобрения и т.д. (например: *Ура! Браво! То-то! У! Ах! А!* и др.). Например:

– А! Это ты, – и он улыбнулся ей своей доброй улыбкой (К.Симонов); *– Ну, все, выбрался! - пробормотал он счастливо* (Г. Березко); *Крики: «браво, брависсимо, браво!» заглушают... звуки оркестра; Ура! Мы ломим, гнутся шведы* (А.Пушкин);

б) междометия, выражающие тоску, горе, сожаление, печаль (например: *Увы! Ах! Эх!* и др.). Например:

Ах, Дуня, Дуня! Что за девка-то была (А.Пушкин); *Увы, на разные забавы я много жизни погубил!* (А.Пушкин); *Эх, хозяйка, нету моченьки!* (А.Пушкин);

в) междометия, выражающие недоумение, недоверие, удивление, изумление, испуг (например: *Ба! А! О! Ну и ну! М-да! Ох! Батюшки! Матушки! Господи!* и др.). Например:

- *Ну и ну, - удивленно протянул Климов* (Г. Березко); *У, какие страсти!* (В.Даль)

г) междометия, выражающие протест, неудовольствие, порицание, досаду, злость. (например: *А! ах! Ах ты, господи! Э-эх!*), и ряд бранных междометных сочетаний (*Черт возьми! Черта с два!* и т.д.).

Например: *Ах ты, обжора! Ах, злодей!..* (И.Крылов); - *У! Баловень! - тихо ворчит нянька* (И.Гончаров);

д) междометия, выражающие иронию, злорадство, сарказм, презрение, отвращение (например: *Но! Фи! Фу! Тьфу! У! А!*). Например:

Вы знаете, что для меня теперь Малевский фи! (И.Тургенев); *Фи, мерзость! Как я мог не видеть всей гадости этого тогда...* (Л. Толстой);

е) междометия, выражающие эмоциональную характеристику, оценку обстановки, отношения к речи говорящего. Междометия этой группы характеризуются тем, что имеют оттенок модальности (например: *Право! Ей-ей! Ей-богу; Вот еще! Баста! Дудки!* и др.). Например:

Право, от полной души я благодарен соседу (А.Фет); *Я слово дал и что ж? Ей-ей, теперь готов уж отказаться* (А.Пушкин); [Подколесин:] *Послушай, Илья Фомич, знаешь ли что! Поезжай-ка ты сам;* [Кочкарев:] *Ну, вот еще: с ума сошел разве?* (Н.Гоголь);

ж) междометия, имеющие значения благодарности, приветствия и др. (например: *Спасибо! Здравствуйте! До свидания! Извиняюсь* и др.). Например:

Спасибо за совет. Или: *До свиданья, Марья Ивановна, не извиняюсь перед вами...* (А.Пушкин); *Здравствуй, счастливое племя! Узнаю твои костры...* (А.Пушкин).

Б**о**льшая часть эмоциональных междометий отличается многозначностью. Так, многозначными являются междометия *А! О! Ох! У!* и многие другие.

Междометие *О!* может, например, выражать восхищение: *О, это была бы райская жизнь!..* (Н.Гоголь); изумление, например: *Ты не знаком? О! Познакомься с ним* (А.Грибоедов); испуг, например: *О! Как ты меня напугал!*; удивление, например: *От удивления мог произнести только один звук: О?!* (А.Куприн); негодование, например: *– О, чтобы тебе подавиться! - ругался он, посиживая у окна* (Д.Мамин-Сибиряк); насмешку, например: *- О-о, да, вы поэт! - произнес он, усмехаясь.*

Многозначными являются и такие междометия, которые могут быть соотнесены с другими частями речи, например: *Батюшки! Господи! Матушки!* и др. Например, междометие *Батюшки!* может выражать восхищение, удивление, например: *Батюшки! Что у тебя с рожей-то?..* (М. Горький); тревогу, испуг, например: *- Батюшки, беда! – отвечала Василиса Егоровна. - Нижнеозерная взята сегодня утром* (А.Пушкин); призыв о помощи, например:- *Батюшки, задавили, – послышался женский голос* (Л. Толстой).

2. Среди междометий, выражающих волеизъявление, побуждение к какому-либо действию, выделяются следующие группы:

а) междометия, являющиеся своего рода призывом (например: *Ау! Алло! Эй!* и др.). Например:

Ау, дружки! Лешутки, Лесовые! Заснули что ль? Проснитесь, отзовитесь на голос мой! (А. Островский);

б) междометия, выражающие повеление, приказ, сигнал к началу или окончанию действия, призыв к вниманию, к согласию, к молчанию, призыв

на помощь и т.д. (например: *Айда! Ну, вали! Кыш! Чу! Марш! Цыц! Тс! Чш! Чур! Караул!* и др.). Например:

Никита, айда на дощаники! (К.Федин); *Гринев, узнав от него об нашей опасности, велел садиться, скомандовал марш, марш, в галоп...* (А.Пушкин); *Я подумал: «Цыц! Не смей этим шутить!»* (Н.Лесков); *Чш... кто-то идет* (Н.Гоголь).

По своему образованию все междометия распадаются на две основные группы: первичные (первообразные) и производные.

1. В первую группу входят междометия **первообразные**, состоящие или из одного гласного звука (например: *А! О! У! Э!*), или из двух звуков (например: *Ай! Ах! Ба! Ой! Эй! Эх! Ух! Фи! Ха!* и др.). Иногда первообразные междометия употребляются в форме сочетания двух или трех одинаковых междометий, например: *Ха-ха-ха! Ба-ба! Фи-фи!* и т.д.

Часть первообразных междометий образуется из трех и более звуков (например: *ага, увы, угу, эге* и др.).

К отдельным первообразным междометиям могут присоединяться постфиксы или частицы (например: *нуте, на-кось, нуте-ка, ой ли* и др.).

2. Вторую группу составляют междометия, образованные из других частей речи. Такие междометия называются вторичными или **производными**. Сюда входят междометия, образованные из существительных (например: *Глупости! Беда! Крышка! Право!* и др.), из глаголов (например: *Здравствуйте! Прощайте!*), из наречий и местоимений (например: *То-то же! Полно!* и др.).

По своему происхождению одни междометия являются исконно русскими (например: *Матушки! Ай! Эх! Ну-ка!* и др.), другие – иноязычными (например: *Алло! Аида! Браво! Бис! Капут!* и пр.).

В процессе развития языка в разряд междометий перешли отдельные фразеологические обороты (например: *Боже мой! Батюшки-светы! Дело - табак! Вот так история! Черт возьми!*).

В современном русском языке выделяются слова, которые, с одной стороны, имеют структуру междометий и присущую им экспрессию, динамичность, с другой – обладают глагольными признаками (вид, время). Сюда относятся такие формы, как *трах, хлоп, прыг, хвать, шасть, стук, бултых* и др. Например: *Капитан размахнулся и трах!* - *из глаз посыпались искры, из рук выпала шапка* (А.Чехов).

А.А. Шахматов называл такие слова «глагольными междометиями» и отмечал, что многие первичные междометия (например: *ах, ох, ух, ай, ой*) в современном языке сближаются с глагольными типа *бац, бух*, о чем свидетельствует, например, система словообразования *бух* - *бухнуть; ах* - *ахать – ахнуть*. А.М. Пешковский возражал против отнесения подобных слов к междометиям. Он называл их «глаголами ультрамгновенного вида».

В.В. Виноградов выносит подобные слова за пределы собственно междометий, выделяя среди них две группы: 1) воспроизводящие или звукоподражательные слова, примыкающие к междометиям (например: *бац*), например: *Бац, бац! раздались выстрелы*, и 2) так называемые междометные глагольные формы (например: *хлоп, шасть, трах, фью*), например: *Так и ждешь, что вот отворится дверь и шасть* (Г.).

Слова первой группы, по мнению академика В.В. Виноградова, стоят на границе между звукоподражательными словами и междометиями.

Слова второй группы находятся «почти за пределами междометий, на границе категории глагола».

Слова, являющиеся по своему звуковому оформлению воспроизведением восклицаний, звуков, криков, называются **звукоподражательными**. По своим синтаксическим функциям они сближаются с междометиями. Однако в отличие от междометий не выражают каких-либо определенных чувств, изъявлений воли и т.д., хотя и обладают большим стилистическим многообразием и экспрессией.

К звукоподражательным словам относятся все слова, являющиеся условным воспроизведением крика птиц, например: *га-га* (гуся), *кря-кря*

(утки), *ку-ку* (кукушки), *курлы-курлы* (журавля), *чик-чирик* (воробья) и т.д.; животных: *гав-гав* (собаки), *ква-ква* (лягушки), *мяу-мяу* (кошки), *му-у* (коровы), *бе-е* (овец) и т.д.; воспроизведением каких-либо шумов природы или определенных действий, происходящих в результате деятельности людей, например: *трах-тах-тах* (раскаты грома), *у-у-у* (завывание вьюги), *динь-динь* (звук, издаваемый колокольчиком) и т.д. Например:

...Ква! Тебе любо, любо, лягушка заморская, квакать на русского царевича (А.Пушкин); *Журавлям хорошо: поднялся повыше и лети - курлы-курлы-курлы* (Б. Полевой); *Ррр... гав! гав! - постой, не кусайся* (А.Чехов); *На подоконнике ворковали голуби. «Су-уп-пру-г, су-уп-пру-г, су-уп-пру-г» – будто выговаривал один; «Су-уп-пру-у-га, су-у-пру-у-га», - отзывался второй* (В. Салтыкова); *Еду, еду в чистом поле; колокольчик дин-дин-дин* (А.Пушкин).

В английской грамматике выделяют служебные части речи и служебные слова**.** Служебные части речи — это классы слов, которые передают отношения между членами предложения, не называя этих отношений. Основное их отличие от знаменательных частей речи заключается в том, что, не участвуя в номинации, они не выполняют функции членов предложения. Они не являются лексически полнозначными словами; передаваемые ими отношения различны, и об этом будет сказано ниже, при анализе отдельных классов. К служебным частям речи принадлежат предлоги, союзы, частицы и артикль.

Следует различать служебные части речи и служебные слова. Последние принадлежат по своим морфологическим признакам к знаменательным частям речи и могут функционировать как полнозначные знаменательные слова. Вместе с тем, в определённом употреблении они десемантизируются и выполняют чисто служебную функцию, сохраняя при этом способность участвовать в синтаксическом функционировании.

К служебным словам относятся, в первую очередь, вспомогательные глаголы *to be, to have, to do, shall, will;* в этой функции они полностью десемантизированы, но в других случаях выступают как полнозначные

глаголы. Далее, глаголы-связки, также десемантизированные, но сохраняющие наиболее обобщенное грамматическое значение перехода в новое состояние или сохранения состояния, продолжения действия, например: *He is clever.; He keeps working.; He fell ill.; He got tired.; She became a nurse.* Сюда же можно отнести слова-заместители — глаголы — и слово-заместитель *one;*местоимение *it* в функции подлежащего в безличном предложении; и, по-видимому, постпозитивы, о которых шла речь выше, в разделе наречий. Отличие постпозитивов заключается в том, что они совершенно оторвались от первоначальной своей базы — наречий. В то время как остальные служебные слова выступают в служебной функции по заданию морфологических форм или синтаксических сочетаний, постпозитивы образуют закрепленные лексические сочетания с глаголами, к которым они присоединяются. Вместе с тем, их следует считать отдельными словами и, по-видимому, следует отнести к разряду служебных слов. Вероятно, их можно было бы рассматривать как наречия в служебной функции, но в особой, лексически закрепленной функции.

Предлоги передают отношения между членами предложения; таково их наиболее обобщенное определение. Предлоги, как и все служебные части речи, не имеют формальных морфологических показателей; большей частью это — корневые слова очень древнего происхождения. Вместе с тем нельзя сказать, что предлоги — абсолютно закрытый класс. Они пополняются очень редко, очень медленно за счет десемантизации некоторых морфологических форм, например, причастий, например: *considering, during;* существуют, кроме того, «составные», или «фразовые» предлоги, включающие десемантизированное слово знаменательной части речи и предлог, например: *owing to, in spite of.*

Отношения, передаваемые предлогами, могут иметь пространственный характер; это могут быть отношения во времени, но они могут быть и более отвлеченными. На этом основании довольно долго существовала теория, выделявшая особую группу «грамматизованных» предлогов, т.е. предлогов,

передающих отвлеченные отношения; не случайно, разумеется, отношения, передаваемые этими «грамматизованными» предлогами, совпадают с отношениями, передаваемыми падежами в языках с падежной системой, и поэтому предлоги эти не находят адекватного перевода через предлог. Это предлоги *of, to, by, with.* Заметим, кстати, что и пространственные предлоги могут передавать совершенно непространственные, отвлеченные отношения, а такой предлог, например, как *by,* имеет и пространственное и орудийное значение , например: *to sit by the window; he was invited by his friend.*

Чрезвычайно трудно разрешим вопрос наличия или отсутствия у предлога лексического значения. Предлог лишен способности номинации; он не называет передаваемого им отношения, он только указывает на него: *of, to, under, on* не называют предмета мысли. На этом основании М.И. Стеблин-Каменский рассматривает предлоги как единицы, лишённые лексического значения. Против этого мнения возражают А.И. Смирницкий и Б.А. Ильиш, указывая на то, что каждый предлог передает не просто отношение, а какое-то определённое отношение. Эта дифференциация отношений рассматривается как лексическое значение предлога. Действительно, в предложениях *The pen is on the table* и *The cat sits under the table* передаются диаметрально противоположные пространственные отношения; в словосочетаниях *the subject-matter of the article; a play by Shakespeare; the tree by the house; the bird on the tree* отношения совершенно различны. С другой стороны, *of, by (Shakespeare)* лексически ничего не означают, а *on, by (the house)* как будто означают что-то, потому что они поддаются переводу соответствующими предлогами в русском языке и потому что они передают, так сказать, зримое отношение. Вместе с тем, нельзя забывать, что предлоги — служебная часть речи, не способная к функционированию в качестве члена предложения, именно потому, что они не называют ничего, что они не способны к номинации. Дифференциация отношений, передаваемая ими, является, скорее всего, дифференциацией грамматической; отношения, передаваемые предлогами, в других языках часто передаются флексией, и

никому не приходит в голову считать, что эти флексии обладают лексическим значением. Представляется, что любое отношение, передаваемое предлогом, есть отношение грамматическое, так что сказанное выше относится ко всем предлогам.

Существует компромиссная точка зрения, считающая, что в служебных частях речи, в частности в предлоге, «сплавлены» вместе лексическое и грамматическое значения.

Предлог, как правило, имеет двустороннюю отнесенность, т.к. он оформляет связь между двумя словами — двумя существительными или глаголом и существительным. Однако предлог всегда непосредственно связан с последующим словом , например: *the windows/of my room, the corner/of the house, he came/into the room, he voted/for the candidate, I am anxious/about his health.*

Т.о., предлог входит в группу зависимого члена в словосочетании; обычно он не несет ударения, но интонационно связан именно с зависимым членом.

Существуют, однако, сочетания, в которых предлог задан ведущим членом словосочетания. Это глаголы, не сочетающиеся с прямым дополнением, но способные принимать предложное дополнение. В ряде случаев предлог, присоединяющий дополнение, закреплен за данным глаголом, например: *to depend on (upon).* В других случаях зависимый член может присоединяться к глаголу различными предлогами, но при этом изменяется семантика самого глагола, например: *to look at smth.* – ‘смотреть’, *to look after* – ‘присматривать за...’, *to look for smth.* – ‘искать’, *to take after* – ‘быть похожим’ *(*например: *the child takes after his father), to take for* – ‘принять за кого-то другого’ (например: *I took him for my acquaintance), to take to* –‘почувствовать привязанность’, ‘заинтересоваться’ *(*например: *I took to her at once); to wait for* – ‘ждать’, *to wait on* – ‘прислуживать, обслуживать’ (например в ресторане)'.

Независимо от того, закреплен ли данный предлог за глаголом или нет,

он может, в зависимости от структуры предложения, занимать дистантное положение по отношению к зависимому члену, который он присоединяет к глаголу. Это характерно, например, для конструкций в страдательном залоге, например:

They were well looked after.; She may be depended on. В этих случаях предлог несет ударение.

То же наблюдается в определительных придаточных предикативных единицах, присоединенных бессоюзно к главной части , например:

The house we lived in was comfortable.; We were greatly interested in the events he spoke about.

Предлоги, постпозитивы и наречия. Многие предлоги совпадают по звуковой форме с наречиями или с постпозитивами. От наречий и постпозитивов их отличает, прежде всего, интонационный фактор: как наречия, так и постпозитивы стоят под ударением, предлоги же находятся в безударной позиции. Кроме того, от наречий их отличает то, что предлог, как указано, всегда связан с зависимым членом предложения, независимо от того, находится он непосредственно перед ним или в дистантной позиции. Наречия же употребляются свободно, не оформляя связи с зависимым членом, например:

We have never met since, но *We have never met since that day.*

He had told me about the picture before, но *I won't see him before next week.*

I live near the University, но *The Underground station is quite near.*

Постпозитив, как указано выше, связан с глаголом лексически; независимо от того, принимает ли глагол дополнение первое (прямое), постпозитив всегда входит в группу глагола: *He got up/early; he ate up/all the sweets; he put on/his greatcoat; I hope you don't misunderstand me, he went on/nervously.* В предложении *They made up/ their quarrel* элемент *up* — постпозитив; в предложении *Up in the mountains the air is clear and bracing* это — наречие; в предложении *We went/up the hill* — предлог.

Т.о., здесь опять встает вопрос, имеем ли мы дело с одним словом в

различных функциях или с омонимами. Думается, что в данном случае ответ совершенно ясен: функции, связи и интонационный рисунок настолько различны, что рассматривать данные единицы как одно слово было бы весьма неубедительно. Б. А. Ильиш указывает на некоторые трудные случаи определения принадлежности слова к тому или иному классу. Он приводит пример, в котором наречие *nearest* присоединяет придаточную предикативную единицу к главной части, например:

When they had finished their dinner, and Emma, her shawl trailing the floor, brought in coffee, and set it down before them Bone drew back the curtains and opened wide the window nearest where they sat. (Bucher)

Можно сказать *The bus stop is nearer my house than the underground station;* при этом получается, что либо предлог имеет степени сравнения (что абсурдно), либо наречие в данном случае берет на себя функцию присоединения зависимого члена. Видимо, это именно так. Такие промежуточные случаи всегда возможны; язык не является строгим логико-математическим построением, которое можно точно распределить по клеточкам; случаи неоправданного совмещения функций так же возможны, как слова, не попадающие в разряды частей речи.

Предлоги могут комбинироваться между собой, например: *out of, from behind, from inside/the building; from above, because of.*

Союз — служебная часть речи, служащая для связи независимых равноправных единиц внутри простого предложения, а также для связи предложений между собою. В последнем случае, эта связь может быть связью равноправных единиц или ведущей и подчинённой единицы.

Союзы могут быть простыми по структуре *(*например: *if, though, and),* составными, или фразовыми *(*например: *because)* и могут представлять собой десемантизированные формы других частей речи *(*например: *in case, as long as, in order that, provided, seeing).*

Вопрос лексической семантики союзов решается, очевидно, так же, как тот же вопрос относительно предлогов — союзы передают

дифференцированные грамматические отношения, «подтипы» грамматических отношений, если можно так выразиться, причем эти отношения *в* какой-то мере ещё более абстрагированы, чем отношения, передаваемые предлогами. Однако, как бы ни рассматривать степень абстрагированности отношений, следует вернуться к основному аргументу: союзы — служебные слова именно потому, что они лишены номинации, и именно поэтому они не могут быть членами предложения. Однако в некоторых случаях вопрос оказывается сложнее: как указано выше, разряд союзов пополняется, хотя и медленно, за счет десемантизированных вербалий. Кроме того, некоторые существительные фактически функционируют как союзы, при этом, некоторая десемантизация, очевидно, имеет место в силу того, что приобретается новое грамматическое значение, однако о полной десемантизации говорить невозможно. Это — такие существительные, как *the moment, the instant, the way,* а также наречие *once* , например:

We're leaving the moment I've taken charge of a document Lady Frederica's finding for me. (Powell) *Not in keeping — with the w a y we live nowadays.* (Powell) *At the same time, with an audience like Short and myself, fullest advantage might be derived from Miss Leintwardine by admitting her as fount of that information, now she was on the spot.* (Powell)

На уровне словосочетания употребляются главным образом сочинительные союзы, т.е. союзы, связывающие равноправные единицы, принадлежащие к одной и той же части речи. Союзы эти могут быть соединительными *(*например: *and, as well as)* или разделительными *(*например: *or, either ... or, neither ... nor).*

Союзы *as well as, either ... or, neither ... nor* являются парными союзами.

На уровне сложного предложения употребляются как сочинительные, так и подчинительные союзы. Семантика подчинительных союзов соответствует семантике придаточных предикативных единиц. Это — союзы изъяснительные *(*например: *that, if, whether),* условные *(*например: *if, in case,*

unless), уступительные *(*например: *though, although),* причинно-следственные *(*например: *because, so ... that)* и другие обстоятельственные союзы.

Подчинительные союзы встречаются в словосочетании значительно реже, чем в сложноподчинённом предложении, однако все же такая возможность существует. Они могут вводить как однородные, так и неоднородные члены предложения, часто они вводят обособленные члены предложения. Так, временные союзы *when, while* вводят обычно причастные группы, например:

Bagshaw, when invited to dinner, always took the trouble to ascertain... (Powell)

Целевой союз *in order* и парный *so ... as* вводят обстоятельство, выраженное инфинитивом, например: *I came in order to help you.*

Союз *though* имеет всегда уступительное значение и может вводить как обособленный член предложения, так и однородные члены: *Though tired, we went on,*

Союз *if* в словосочетании также приобретает уступительное значение, но может сохранять значение условия.

Союзными словами называются местоимения и наречия, сохранившие свое первоначальное значение, но одновременно развившие способность вводить зависимую предикативную единицу: это — местоимения *which, who, what* и наречия *how, when, where, why.*

Союзные слова отличаются от союзов тем, что, выполняя служебную функцию, они, вместе с тем, не десемантизируются и поэтому не теряют статуса членов предложения. Они способны занимать позиции подлежащего, дополнения; они вводят определительные, дополнительные и придаточные — предикативные члены, например:

One of those fellows who write about pictures... (Snow*) I had told them what I thought of them.* (Holt*) I'll tell you why I was late.* (Snow)

В соединении с *-ever* эти же местоимения могут вводить уступительные придаточные.

Союзные наречия участвуют в соединении простых предложений, и некоторые из них соединяют части сложного предложения. Так, наречия *besides, thus, therefore, then* вводят простые предложения; наречие *how* вводит придаточное дополнительное.

Частицы — служебная часть речи, функция которой состоит в уточнении значения тех членов предложения, к которым они относятся, а в некоторых случаях — в существенном изменении смысла высказывания. Как всем словам служебных частей речи, частицам не свойственна функция номинации, но, вместе с тем, они передают дифференцированное эмоциональное, оценочное отношение говорящего не ко всему высказыванию, а к одному его элементу, желание как-то выделить этот элемент, придать ему особый смысл. Семантическое подразделение частиц весьма зыбко, и в большинстве случаев, за некоторыми важными исключениями, отдельные подтипы пересекаются. Так, уточняющие частицы *even, just* и ограничительная *only* передают и другие оттенки; все же частицы *exactly, only, solely, barely, merely, alone* можно рассматривать как ограничительные, *exactly, precisely, just, right* — как уточнительные, зато частицы, передающие эмоциональные оттенки, являются многозначными и часто трудно отделимы от наречий. Сюда относят *still, yet, simply, only, quite, indeed, well* и *the* перед прилагательными в сравнительной степени.

Приводим ниже примеры с различными типами частиц, повторяя, однако, что разграничение их не основано на каких-либо жестких критериях, например:

I quite agree. (Powell) *Widmerpool scarcely took any notice of her.* (Powell)

Совершенно особо стоят отрицательные частицы *not* и *never, a* также *almost* и *nearly,* существенно меняющие смысл высказывания: действие, выраженное сказуемым, не имело места. Эти частицы выделяются вполне чётко и несут важную семантическую нагрузку, например:

Poirot felt almost certain that it was false. (Christie) *Yet they were affected by the depth of his feeling. Nearly everyone recognised that.* (Snow) *This year I slept*

and woke with pain, I almost wished no more to wake. (Tennyson) *'Try to make light of it, Sire. The Queen nearly died.'* (Anthony)

Частицу *never* следует отличать от наречия *never;* частица *never* означает ‘так и не’, ‘ни разу’ и имеет эмоционально-оценочный характер, например:

Even then it never occurred to me that Trapnel would take this unheard of step. (Powell)

Б. А. Ильиш указывает, что *nearly* можно рассматривать и как наречие; его отличие от *almost* заключается в том, что *nearly* может определяться наречием степени *very;* можно сказать *it is very nearly midnight,* но нельзя **it is very almost midnight.*

Б. А. Ильиш критически рассматривает три возможности определения статуса частиц в предложении. Во-первых, можно считать их самостоятельными единицами, для которых следует найти особый термин, т.к. они явно не являются ни одним из пяти традиционных членов предложения. Вторая возможность — и именно эта трактовка принята в большинстве грамматик, признающих существование частиц, — считать их частью того члена предложения, к которому они относятся. Однако Б. А. Ильиш не принимает этой трактовки на том основании, что частица может находиться в дистантной позиции по отношению к тому члену предложения, к которому она относится. Третья возможность — считать частицы стоящими вне предложения и не учитывать их при анализе. Б. А. Ильиш справедливо отметает эту весьма странную трактовку и склоняется к первой теории — считать частицы особыми членами предложения, не имеющими пока названия. Не считая такую трактовку неприемлемой, следует, однако, указать, что дистантное положение возможно, например, для предлога по отношению к связанному с ним слову, отчего предлог не перестает быть предлогом.

Теория частиц ещё очень мало разработана.

Четвертой служебной частью речи является артикль; поскольку он связан с существительным, он описан в разделе существительного. Не

передавая синтаксических отношений имени в предложении, артикль, однако, передает более отвлеченные отношения имени в тексте: введение нового или указание на анафоричность, значение обобщенного класса и т. д.

В практической грамматике существует весьма дробная классификация типов употребления артикля (выделительное, классифицирующее и т. д.). Это разнообразие конкретного употребления артикля вытекает из его основной функции — быть средством ситуативной информации. Актуализируя понятие, выраженное существительным, артикль приводит его в соответствие с каждой данной ситуацией в зависимости от субъективного задания говорящего.

Междометиям и в русском и в английском языках свойственно семантическое тождество, проявляющееся во взаимосвязи плана их инвариантных значений с их вариантными значениями (речевыми вариантами). Способность междометий нести (передавать) информацию об эмоционально-оценочном или апеллятивно-побудительном содержании психического процесса у субъекта в конкретной речевой ситуации проявляется именно в их вариантных значениях. Способность же сохранять обобщенный образ передаваемого ими содержания и тем самым оставаться семантически тождественными самим себе в системе языка проявляется в инвариантном значении междометий.

Выводы по главе VI:

1. **Наречие –** (лат. adverbium, букв. – ‘при глаголе’), неизменяемое слово или слово, изменяемое только по степеням сравнения, обозначающее признак: действия, состояния или другого признака. В случаях, когда наречие определяет существительное или числительное, оно обозначает признак подразумеваемого при этом действия.
2. **Безлично-предикативные слова**, или **категория состояния**, – это знаменательные неизменяемые именные и наречные слова, которые обозначают состояние и употребляются в функции сказуемого безличного

предложения (их еще называют **предикативными наречиями,** подчеркивая тем самым функцию предиката).

3. **Модальными** называются слова, посредством которых говорящий оценивает свое высказывание в целом или отдельные его части с точки зрения отношения их к объективной действительности
4. **Служебные слова**, в противоположность знаменательным, не обладают номинативной функцией, т.е. не являются названиями предметов, признаков, процессов, а служат для выражения отношений между явлениями действительности, которые названы словами знаменательными. В силу этого служебные слова употребляются в речи только в соединении со знаменательными словами.
5. В английской грамматике выделяют служебные части речи и служебные слова**.** К служебным частям речи относятся предлоги, союзы, частицы и артикль. Служебные слова принадлежат по своим морфологическим признакам к знаменательным частям речи и могут функционировать как полнозначные знаменательные слова. К ним относятся вспомогательные глаголы, глаголы-связки, слова-заместители и постпозитивы.
6. Междометиям и в русском и в английском языках свойственно семантическое тождество, проявляющееся во взаимосвязи плана их инвариантных значений с их вариантными значениями (речевыми вариантами). Способность сохранять обобщенный образ передаваемого ими содержания и тем самым оставаться семантически тождественными самим себе в системе языка проявляется в инвариантном значении междометий.

Вопросы для обсуждения:

1. Наречие как часть речи, общекатегориальные признаки. Разряды наречий по семантике и словообразовательной структуре.
2. Вопрос о категории состояния как особой части речи. Семантическое и структурное своеобразие слов категории состояния.

3. Наречие и категория состояния: сопоставительный анализ. Омонимия грамматических форм.
4. Вопрос о классификации модальных слов в русском и английском языках.
5. Служебные части речи, общекатегориальное значение, морфологические признаки. Междометие.

Упражнение № 1.

Определите разряд наречий по структуре и семантике. Найдите к русским наречиям эквиваленты в английском, немецком и французском языках. Образуйте степени сравнения наречий:

Близко, вверх, вдвоем, вдруг, вместе, внутри, вовремя, всегда, где-то, еще, нарочно, никогда, позавчера, ровно, ясно.

Упражнение № 2.

Спишите, раскрывая скобки. Устно объясните выбор написания.

1.Перейти (в)брод глубокую и быструю реку не так-то просто (С.Аксаков.). 2.Сосны кружатся (в)раскачку, искры гаснут (на)лету (Н.Телешин). 3.Поет ручей и (под)уклон несет пушинки ив (А.Решетов). 4.Беда (в)одиночку (с)роду не ходит (М.Шолохов). 5.За грядой дюн (в)(пол)голоса шумело море (К.Паустовский). 6.Однако застать охрану (в)расплох не удалось (Г.Марков). 7.Пришлось (на)ощупь доползти до густого сосняка... (Б. Полевой). 8.Кочетков (на) бегу метнулся куда-то (в) сторону, а бежавший первым Трифонов (с)размаху упал на землю и сразу открыл огонь из автомата (Ю.Нагибин). 9.Митя говорил (без)умолку (В.Каверин). 10.Было уже (за)полночь (В.Распутин). 11.Лодка мчится по Енисею, почти (на)половину поднявшись над водой (В.Астафьев). 12.Наговорил Егор (с)гору, да всё не (в)пору (пословица). 13.И, как водится, оратор тут находится (под)стать (А.Твардовский). 14.Старик перестал всматриваться (в)даль и задумчиво подгонял лошадей (А.Серафимович).15. Я на сырой земле лежу (в)обнимочку с лопатой (Е.Евтушенко). 16.Дорога прихотливо уходит (в)даль (И.Бунин). 17.Рахимов взял (под)мышку одну из

запасных коробок полевого телефона и вышел (А.Бек). 18.(Без)устали, яростно бьют батареи... (А.Сурков). 19.Уже со двора она (на)бегу посмотрела на свое окно — оно было открыто (на)стежь (К.Симонов). 20.Здесь все (до)тла разрушено врагом... (Н.Рыленков). 21.Чуть светало, и по-прежнему лениво, (в)разнобой падали мины (Б. Васильев). 22.Расходились с предосторожностями, (по)одиночке (К.Паустовский). 23.Уход Вихрова он принял как жестокое оскорбление и (в)последствии посильно и (в)рассрочку мстил ему за свою оставшуюся без отклика исповедь (Л.Леонов). 24.Безделье, даже вынужденное, никогда не идет людям (в)прок (А.Чаковский). 25.Часовые были (в)миг разоружены (Б. Полевой).

Упражнение № 3.

Переведите на английский язык:

Теперь время обедать. На дворе было темно. Час от часу не легче! Читать будет темно. Мне необходимо поговорить с Вами.

Хорошо у вас здесь. Мне грустно и одиноко. Нельзя уйти от этих воспоминаний. В доме у Лизы уютно и романтично. Что им нужно?

Упражнение № 4.

Определите, какими частями речи являются выделенные слова: наречиями, прилагательными, безлично-предикативными словами. Выясните, на основании каких признаков — семантических, морфологических, синтаксических — происходит разграничение этих омонимичных форм.

1. Как *весело* провел свою ты младость!. 2. Пугачев *весело* со мною поздоровался. 3. Ты не можешь вообразить, как *весело* удрать от невесты, да и засесть стихи писать. 4. Мария! Ты не знаешь, как *больно* тем ты сердце мне язвишь. 5. Мы будем нашего героя звать этим именем. Оно звучит *приятно.* 6. Тебе *приятно* слезы лить. 7. Эти слезы впервые лью: и *больно* и *приятно,* как будто тяжкий совершил я долг. 8. Мне стало *грустно:* на высокий дом глядел я косо. Если в эту пору пожар его бы охватил кругом, то моему б озлобленному взору *приятно* было пламя *(П.).* 9. Огни везде

погашены. *Спокойно* все. 10. Шестой уж год я царствую *спокойно.* 11. Как *сладко* жизнь моя лилась и утекала. 12. Не смею надеяться, но мне бы *сладко* было получить свободу от Жуковского. 13. *Ясно* было, что раненый не мог жить и что последний час его был уже близок *(П.).* 14. Как юный день сияет *гордо, ясно.* 15. ...Яркая луна блестит на синеве густой и темной — и сторожа кричат протяжно: *Ясно!* 16. Он там хозяин, это *ясно.* 17. Дома *тесно* и *темно..* 18. Так он писал *темно* и *вяло.* 19. А нынче все мне *темно,* Таня . 20. Столичный шум меня тревожит; всегда в нем *грустно* я живу. (А.Пушкин).

Упражнение № 5.

Определите, какими частями речи являются выделенные слова — формы сравнительной степени; выявите особенности — семантические, синтаксические — каждой из этих частей речи.

1. *Ярче* было солнце, *сильнее* пахли поля, *громче* был гром, *обильнее* дожди и *выше* трава. И *шире* было человеческое сердце, *острее* горе и в тысячу раз *загадочней* была земля, родная земля — самое великолепное, что нам дано для жизни. Из тумана доносились голоса, но гораздо *глуше,* чем раньше (К. Паустовский). 2. И я-то знаю: он во многом был *безупречней* и *сильней.* 3. Я знаю, если б не случиться разлуке, *горшей* из разлук, я мог бы тем одним гордиться, что это был мой первый друг. 4. Вслед за ним другой ударил, и *темнее* стало вдруг. 5. Друг-читатель, я ли спорю, что войны *милее* жизнь? 6. Теркин мой — к огню *поближе,* отгибает воротник. 7. И совсем свои ребята сразу — будто не они, сразу будто не похожи на своих на тех ребят: как-то все *дружней* и *строже,* как-то все тебе *дороже* и *родней,* чем час назад...8. Да, друзья, любовь жены,— кто не знал — поверьте,— на войне *сильней* войны и, быть может, смерти.9. Сила силе доказала: сила силе — не ровня. Есть металл *прочней* металла, есть огонь *страшней* огня! 10. Он не только что чинами, боевыми орденами, — он годами *старше* всех. (А. Твардовский).

Упражнение № 6.

Выпишите из текстов служебные части речи. Выполните их морфологический разбор:

1.

Морская прогулка.

В течение нескольких часов можно сидеть неподвижно, глядя на играющее море. Вблизи море прозрачно и чисто, а в отдалении лежит густой темно-синей полосой, чуть-чуть подернутой дымкой.

Далеко-далеко белеет одинокий парус. Несмотря на чудесную погоду, море пусто.

Близ берега над волнами носятся то туда, то сюда чайки. Вдруг чайки, как будто сговорившись, улетают прочь от берега. По-видимому, их зоркие глаза рассмотрели вдали пароход, и они направились к нему. С их отлетом над морем становится по-прежнему тихо. Ниоткуда не слышно никаких звуков. Впоследствии я всегда с удовольствием вспоминал свои прогулки по морскому берегу.

(Д.Розенталь)

2.

To Autumn.

Season of mists and mellow fruitfulness!
Close bosom-friend of the maturing sun;
Conspiring with him how to load and bless
With fruit the vines that round the thatch-eaves run;
To bend with apples the mossed cottage-trees,
And fill all fruit with ripeness to the core;
To swell the gourd, and plump the hazel shells
With a sweet kernel; to set budding more,
And still more, later flowers for the bees,
Until they think warm days will never cease,
For Summer has o'erbrimmed their clammy cells.

(John Keats).

3.

Am vierundzwanzigsten Dezember durften die Kinder des Medizinalrats Stahlbaum den ganzen Tag über durchaus nicht in die Mittelstube hinein, viel weniger in das daranstoßende Prunkzimmer. In einem Winkel des Hinterstübchens zusammengekauert, saßen Fritz und Marie, die tiefe Abenddämmerung war eingebrochen und es wurde ihnen recht schaurig zumute, als man, wie es gewöhnlich an dem Tage geschah, kein Licht hereinbrachte. Fritz entdeckte ganz insgeheim wispernd der jüngern Schwester (sie war eben erst sieben Jahr alt geworden) wie er schon seit frühmorgens es habe in den verschlossenen Stuben rauschen und rasseln, und leise pochen hören. Auch sei nicht längst ein kleiner dunkler Mann mit einem großen Kasten unter dem Arm über den Flur geschlichen, er wisse aber wohl, daß es niemand anders gewesen als Pate Droßelmeier. Da schlug Mariie die kleinen Händchen vor Freude zusammen und rief:

(Ernst Theodor Amadeus Hoffmann. Nußknacker und Mausekönig)

4.

Pendant les guerres de l'empire,
Goethe, au bruit du canon brutal,
Fit le Divan occidental,
Fraîche oasis où l'art respire.
Pour Nisami quittant Shakspeare,
Il se parfuma de santal,
Et sur un mètre oriental
Nota le chant qu'Hudhud soupire.
Comme Goethe sur son divan
A Weimar s'isolait des choses
Et d'Hafiz effeuillait les roses,
Sans prendre garde à l'ouragan
Qui fouettait mes vitres fermées,
Moi, j'ai fait Émaux et Camées.

(Théophile Gautier. Emaux et Camées).

Глава VII. Основы общего синтаксиса

§1. Основные понятия общего синтаксиса.

Синтаксис (от греч. σύνταξις – ‘строй, порядок’) – в традиционном понимании совокупность грамматических правил языка, относящихся к построению единиц, более протяженных, чем слово: словосочетанию и предложению.

Т.о., в отличие от фонологии, морфологии и лексикологии, синтаксис имеет дело не с воспроизводимыми, инвентарными языковыми единицами, а с единицами **конструктивными**, которые строятся каждый раз, в каждом отдельном речевом акте заново

а) с использованием конструктивных средств соответствующего языка

б) применительно к данному, конкретному положению дел (Sachverhalt, state of affairs), о котором предполагается сообщить, и

в) применительно к данному, конкретному коммуникативному акту, к его прагматическому контексту, включающему в себя автора высказывания и его адресата (или адресатов), места, времени и условий высказывания.

К числу синтаксических конструкций относятся текст (как графически зафиксированное развёрнутое высказывание, выступающее в виде связной последовательности предложений), предложение и словосочетание.

Каждая из них может характеризоваться в трёх аспектах: формально-структурном (строевом), семантическом и прагматическом. Словосочетание, предложение и текст могут изучаться как с позиций формального подхода, т.е. в направлении от формы к её значению, так и с позиций функционального, и, прежде всего содержательного, подхода, т.е. от значения к выражающим его средствам.

Первый подход лежит в основе «пассивной» грамматики, а второй – в основе «активной» грамматики (термины Л.В. Щербы). Формальный подход воспроизводит путь читателя, а вместе с тем путь лингвиста-аналитика. Функциональный подход, по сути дела, моделирует путь говорящего.

Существуют и более расширительные понимания синтаксиса, восходящие к терминологической традиции семиотики. В соответствии с первым из них в понятие синтаксиса включают правила построения любых более сложных языковых единиц из более простых; при этом появляется возможность говорить о внутрисловном синтаксисе или о синтаксисе текста.

В еще более расширительном понимании под синтаксисом понимаются правила построения выражений любых знаковых систем, а не только

вербального (словесного) языка. При всех существующих пониманиях предмета синтаксиса раздел соответствующей теории (языкознания, семиотики), занимающийся изучением синтаксических единиц и правил, также называется синтаксисом. В данном пособии синтаксис рассматривается в традиционном понимании.

Как и грамматика в целом, синтаксис имеет дело с выражением в языке некоторых наиболее часто встречающихся значений, таких, как «субъект», «признак», «вопрос», «отрицание» и т.п., причем способом выражения этих значений в синтаксисе являются иерархически организованные конструкции.

Границы синтаксиса и морфологии не всегда можно очертить с достаточной уверенностью: слово (предмет морфологии), как и предложение, обладает определенной иерархической структурой, и морфологические категории, как и синтаксические, связаны с выражением некоторых наиболее частотных значений. Этим объясняется появление обобщающего термина «морфосинтаксис».

Однако структура слова значительно проще, чем структура синтаксических единиц в собственном смысле. Кроме того, предложение способно к теоретически бесконечному усложнению: как правило, в его состав можно включить еще некоторое число единиц, и при этом предложение не утратит грамматической правильности, в то время как слова, способные к потенциально бесконечному усложнению, встречаются редко и далеко не во всех языках (таковы, например, сложные существительные в немецком языке).

Особенность синтаксиса заключается также в том, что в процессе речи говорящий постоянно создает новые предложения, но крайне редко – новые слова. Т.о., в синтаксисе наглядно проявляется творческий аспект языка, и поэтому синтаксис часто определяют как раздел грамматики, изучающий порождение речи – образование из ограниченного множества слов теоретически неограниченного множества предложений и текстов.

Изучение синтаксиса включает две большие группы проблем: описательные и теоретические.

Цель синтаксического описания – с наибольшей полнотой и точностью сформулировать правила, которые отличают правильно построенные предложения некоторого языка от неправильных.

Теоретический синтаксис является частью общей теории грамматики; его задача – выделить универсальный, т.е. свойственный всем языкам компонент синтаксических правил и установить пределы того разнообразия, которое проявляют языки в области синтаксиса.

Описательный синтаксис включает приемы и методы синтаксического анализа, который ставит в соответствие предложению его грамматическую структуру, а также правила, с помощью которых грамматически правильные предложения некоторого языка могут быть отличены от неправильных. Эти правила могут быть распознающими, т.е. позволяющими ответить на вопрос о том, является ли некоторое произвольное выражение правильным или неправильным выражением данного языка, или порождающими, т.е. осуществляющими синтез правильных предложений данного языка на основе элементарных единиц и правил их соединения.

Особый класс составляют интерпретирующие правила, которые устанавливают соответствие между синтаксической единицей и ее значением; эти правила, собственно говоря, являются в той же степени синтаксическими, в какой и семантическими. В теоретическом синтаксисе распознающие правила практически не используются, а соотношение порождающих и интерпретирующих правил можно охарактеризовать следующим образом: порождающие правила отвечают за формальную (грамматическую) правильность предложения, а интерпретирующие – за его правильность относительно некоторого смысла (иначе говоря, за осмысленность предложения). Эти два свойства вовсе не обязательно совпадают, например: предложение *Моя твоя не понимай* не является правильным предложением русского языка, хотя прекрасно осмысляется, а

знаменитый пример Н.Хомского *Бесцветные зеленые идеи яростно спят* грамматически правилен, однако выраженный в нем смысл аномален.

§2. Словосочетание и предложение. Типология.

В истории языкознания (начиная ещё от представителей Александрийской школы грамматики (в особенности Аполлония Дискола, 2 в. н.э.) синтаксис нередко сводился к описанию правил сочетания слов и, тем самым, к теории словосочетания.

В формальной грамматике, идеи которой у нас развивали глава Московской лингвистической школы Ф.Ф. Фортунатов и его ученики и последователи, предложение было объявлено одним из видов словосочетаний, а именно предикативным словосочетанием (у некоторых исследователей законченным словосочетанием). Но подход к предложению со стороны слова (и словосочетания) не адекватен его природе, так как акцентирует внимание только на межсловных связях в предложении и не учитывает качественной специфики предложения в целом, прежде всего в семантическом и прагматическом аспектах.

Поэтому в современном языкознании либо рядом с теорией словосочетания строится теория предложения (В.В. Виноградов), либо теория предложения поглощает теорию словосочетания, используя последнюю как объяснительный инструмент при рассмотрении механизмов образования распространённых предложений.

Виноградовский подход означает признание и словосочетания, и предложения в равной степени основными синтаксическими единицами. Выдвижение на первый план теории предложения опирается на идею о центральном положении предложения в синтаксической системе языка.

Итак, основными единицами общего синтаксиса являются словосочетание и предложение.

В минимальной степени коммуникативно-прагматические свойства проявляются в **словосочетании**. В его структуре главенствуют формально-структурные и семантические составляющие. Сами словосочетания не

воспроизводимы, но воспроизводимы формально-структурные и семантические схемы, которые и реализуются в процессах порождения актуальных словосочетаний, т.е. сочетаний конкретных слов определённых грамматических классов. Это как раз и даёт основание говорить и о речевом, и о языковом статусе словосочетаний.

Надо отметить, что в определении словосочетания нет единства. В самом широком понимании этого термина словосочетание - это любое сочетание слов, между которыми существует формально выраженная смысловая связь. В этом случае в числе словосочетаний оказываются сочетания подлежащего со сказуемым.

При широком определении словосочетания ими будут являться не только сочетания с подчинительной связью, но и с сочинительной. Подчинительная связь – это формально выраженная связь между двумя словами, отношения между которыми неравноправны: один элемент сочетания оказывается главным, другой – подчиненным, зависимым, например: *дикие животные, стол из дерева, быстро бегать.* Форма зависимого слова в сочетаниях с подчинительной связью диктуется главным словом.

Сочинительная связь присутствует в сочетаниях, элементы которых равноправны, например: *кошки и собаки, ручка или карандаш, умный, но недобрый.* Обычно слова в таких сочетаниях можно менять местами, что не всегда возможно при подчинительной связи. Формы одного слова не изменяются под влиянием второго.

Характер связи между подлежащим и сказуемым учеными трактуется по–разному. Согласно одной точке зрения эта связь является подчинительной. В качестве главного слова выступает подлежащее, поскольку оно диктует формы числа, лица и рода сказуемому. Однако такая точка зрения может быть оспорена. Во многих языках сказуемое может вообще формально не согласовываться с подлежащим. В других случаях сказуемое согласуется не только с подлежащим, но и с дополнениями.

Поэтому существует другая точка зрения на отношения между подлежащим и сказуемым: подлежащее и сказуемое находятся в отношениях координации. Особенностью этого вида связи является соединение определенных форм слова, которое осуществляется в определенных синтаксических позициях. Так, подлежащее – это слово, находящееся в форме именительного падежа, а не в форме винительного или какого-либо другого падежа. Или, если это глагол, то он, выполняя роль подлежащего, используется только в форме инфинитива.

В традиционном понимании под понятие словосочетания разными учёными подводятся:

- любые сочетания слов, в том числе и сочетания знаменательных слов со служебными (например: *в университет, на экзамене, der Tisch, la table, the table*);
- сочетания любых двух (и более) знаменательных слов (например: *сдать экзамен, вернуться домой, увлекательный рассказ, применять новую методику*; *студенты поют*);
- сочетания двух (и более) знаменательных слов, не строящиеся по структурной схеме «Имя (в им. п.) + Глагол (в личной форме)» (у В.В. Виноградова и его последователей).

В синтаксической системе соответствующего языка наличествует конечный набор инвариантных схем (или моделей) словосочетаний, в которых формальные и семантические аспекты выступают в тесном единстве. Такие схемы фиксируют не просто типы сочетаний слов как носителей лексических и грамматических значений, т.е. семантем и граммем, но и приобретаемые данными словами синтаксические функции, характеризующие их в отношении друг к другу и к конструкциям в целом. Поэтому такие схемы могут быть представлены и в терминах грамматических классов сочетающихся слов (например, Существительное + Прилагательное, Глагол + Существительное в косв. п., Глагол + Наречие), и в терминах синтаксических функций / позиций сочетающихся слов (например,

Подлежащее + Сказуемое, Сказуемое + Дополнение, Сказуемое + Обстоятельство).

Слово в синтаксической конструкции, приобретая синтаксическую функцию, становится элементарным синтаксическим знаком – **синтаксемой.** Синтаксема представляет собой слово (обычно знаменательное слово или же сочетание знаменательного слова со служебным) в его синтаксическом использовании, слово как носитель синтаксической функции. Она может входить в предложение и как элемент словосочетания, и непосредственно.

Основная функция словосочетаний в языке та же, что у слов и фразеологизмов – служить именами, названиями предметов, явлений и их признаков. Однако, в отличие от слов и фразеологизмов, словосочетания характеризуют называемый предмет более объёмно и детально. Образ, который вызывает в нашем сознании слово *дом* – достаточно неконкретен и расплывчат, словосочетание *деревянный дом* вызывает в нашем сознании представление не о доме вообще, но уже о вполне конкретном типе дома; более развернутое словосочетание *деревянный двухэтажный дом с двускатной черепичной крышей и двумя маленькими балкончиками* является достаточно подробным описанием какого-то конкретного (неважно, реально существующего или вымышленного) дома.

В словосочетании всегда выделяются главное слово и зависимое слово (слова). Зависимое слово поясняет господствующее слово, дополняет его.

В зависимости от того, к какой части речи принадлежит главное слово, словосочетания делятся на **глагольные**, например: *пить пиво, выучить наизусть, говорить улыбаясь,* **субстантивные** (с существительным в роли главного слова), например: *красивое лицо, запись на полях, первая любовь*, **адъективные** (с прилагательным в роли главного слова), например: *очень хороший, готовый помочь, достойный награды*, **наречные**, например: *крайне важно, вдали от дороги, слишком быстро.*

Связь между главным и зависимым словом словосочетания называется подчинительной. Подчинительная связь бывает трех типов: согласование, управление, примыкание.

Согласованием называется такой тип подчинительной связи, при котором зависимое слово принимает грамматическую форму господствующего слова, например: *хороший человек, африканские слоны, моему другу.* Согласование характерно для языков синтетического типа, как, например, русский, греческий или латинский. В аналитических языках, как, например, в английском языке, согласование невозможно.

Управлением называется такой тип подчинительной связи, при котором зависимое слово (как правило, существительное или местоимение) ставится в определенной падежной форме (без предлога или с предлогом). Так, например, глагол, выступая в качестве главного слова словосочетания, всегда требует винительного падежа существительного обозначающего предмет, на который направлено действие, обозначаемое глаголом, например: *читать книгу, писать письмо, legere librum , scribere epistulam, ein Buch Lesen, einen Brief schreiben.*

Как следует из приведенного выше определения, управление бывает **беспредложным** (например: *чтение книги, помогать старикам, достойный похвалы*) и предложным (*беседовать с другом, вера в победу, опираться на палку*). Беспредложное управление возможно только в языках синтетического строя. В аналитических языках, в английском, французском, китайском языках управление бывает только **предложным**, например: *the house of father, go to the school , la maison de pere , aller a l ' ecole*.

Примыканием называется такой тип подчинительной связи, при котором зависимость подчиненного слова выражается лексически, порядком слов и интонацией. В русском и других синтетических языках примыкают неизменяемые знаменательные слова (наречие, деепричастие, инфинитив), например: *много читать, говорить улыбаясь, попросить подождать*.

В языках аналитического строя примыкают не только наречия, инфинитивы и деепричастия, но, так же, и существительные, прилагательные, причастия, например: *black dog , to write a letter , lir le livre , habiter Paris*. В китайском языке примыкают даже глаголы. Примыкание является основным типом подчинительной грамматической связи в языках аналитического строя. Управление в них ограничивается конструкциями с предлогами, а согласование либо вообще отсутствует, как, например, в английском или китайском языках.

По своей структуре словосочетания делятся на простые и сложные. **Простые** словосочетания состоят, как правило, из двух знаменательных слов, одно из которых является главным, а другое – зависимым, например: *здание школы, новая шляпа*. Простое словосочетание может иногда включать и более двух слов. Это имеет место в тех случаях, когда грамматическое значение какого-либо из членов словосочетания (а иногда и обоих) выражается аналитическими средствами, например: *самый лучший друг, the most interesting book , la plus grande maison.*

Сложные словосочетания представляют собой, как правило, распространение главного слова целым словосочетанием, внутри которого выделяется свое главное и свое зависимое слово. Так, например, в словосочетании *ремонт старой квартиры* главное слово *ремонт* распространяется зависимым от него простым словосочетанием *старая квартира*, в которое входит главное слово *квартира* и зависимое *старая*.

Кроме подчинительной связи в языке существует также сочинительная связь. Группа слов, соединённых сочинительной связью, называется **словесным рядом**. Различаются замкнутые (закрытые) и разомкнутые (открытые) словесные ряды. Замкнутым словесным рядом называется ряд, состоящий из двух слов, соединённых противительными или сопоставительными союзами, например: *не наука, а искусство, если не днём, то ночью, как птицы, так и звери.* Незамкнутым словесным рядом называется ряд, состоящий из слов, соединённых бессоюзной связью или при

помощи повторяющихся соединительных либо разделительных союзов, например: *леса, поля, рощи, и козы, и коровы, и овцы, или пожар, или потоп, или землетрясение*. Незамкнутый словесный ряд, в отличие от замкнутого, может включать неограниченное количество элементов, его можно продолжать до бесконечности.

В отличие от словосочетания **предложение** предназначено для описания некоего положения дел как целостного ансамбля элементов ситуации. Его прагматический потенциал значительно выше прагматического потенциала словосочетания. В отличие же от текста привязка к коммуникативно-прагматическому контексту лишь в некоторой степени характеризует предложение, когда оно является лишь одной из составляющих текста, а не выступает автономно (будучи потенциальным минимумом текста) в роли речевого акта, т.е. минимального дискурса. Но как раз эта способность быть возможным минимумом текста побуждает рассматривать предложение как единицу текста, т.е. как единицу, более близкую к тексту, нежели к словосочетанию, имеющую, как и текст, коммуникативную предназначенность и вместе с тем оформленную интонационно.

Предложение выступает и как речевая, и как языковая единица, что его сближает со словосочетанием, но отличает от текста. Предложение, как словосочетание и текст, само по себе не воспроизводимо как готовая, инвентарная единица. Но оно каждый раз строится заново в речи, во-первых, в процессе реализации (актуализации) одной из входящих в синтаксическую систему языка инвариантных формально-содержательных схем (моделей) и, во-вторых, в процессе использования тех или иных (тоже инвариантных, принадлежащих языку) правил его преобразования из исходной формы в конечную.

К определению **предложения** нужно подходить, учитывая многоаспектный характер предложения.

Во-первых, в определении предложения должно быть указано на его принадлежность к числу коммуникативных знаков, точнее, к числу

комплексных знаковых образований, способных служить передаче сообщения. Словосочетанию коммуникативная функция и интонационная оформленность не присущи. Коммуникативным знаком, прежде всего, является текст. Предложение же в потенции (при его автономном употреблении) может быть минимумом высказывания и текста, и потому оно выступает как минимальная коммуникативная единица, как единица, непосредственно соотносящаяся с минимальным коммуникативным действием – речевым актом. У предложения, как и у речевого акта, есть свой автор и свой адресат, оно может реализоваться в конкретном коммуникативно-прагматическом контексте. Отвлечение от факторов этого контекста, обычное для синтаксического описания, представляет собой чисто методический приём, используемый исследователями.

Во-вторых, предложение соотносится с определённым классом сложных по строению ситуаций как своим комплексным денотатом в предметном ряду и соответственно с комплексным сигнификатом в мыслительном ряду (это свойство позволяет говорить о ситуативной отнесённости предложения). В отдельном акте коммуникации его ситуативная соотнесённость актуализируется с помощью средств, обеспечивающих референцию предметных (актантных) составляющих предложения к реальным или гипотетическим предметам как участникам (партиципантам) конкретных, единичных ситуаций.

В-третьих, «привязка» предложения к конкретной ситуации осуществляется с помощью средств, относящих описываемую ситуацию к тому или иному модальному плану и тому или иному временному плану. В.В. Виноградов соответственно постулирует существование синтаксических категорий модальности и темпоральности, объединяя их в рамках синтаксической надкатегории предикативности и объявляя предикативность важнейшим (наряду с интонацией) признаком предложения.

В-четвёртых, предложение, как и словосочетание, строится из слов (точнее, из словоформ). Входящие в его структуру синтаксемы могут быть

членами предложения непосредственно (например, сказуемое) или как зависимые конституенты словосочетаний, функционирующих в роли членов предложения (например, определений).

В-пятых, у каждого предложения в принципе имеется структурный минимум, исходная структура, которая может сводиться либо к включающей главные члены предложения подлежащно-сказуемной структуре, либо к конструкции, включающей в свой состав необходимые члены предложения («Подлежащее + Сказуемое + Дополнение»), либо к наличию предикатного ядра (например, «Глагол») с его сочетаемостными потенциями (валентностями), подлежащими заполнению соответствующими именами. Валентности могут быть сильными и слабыми, обязательными и факультативными (их особенности изучали С.Д. Кацнельсон, Люсьен Теньер, А.А. Холодович, Герхард Хельбиг, И.П. Сусов). Реализация валентностных связей слов приводит к появлению в структуре предложения его второстепенных членов.

В-шестых, распространение и свёртывание предложений, их соединение в более сложные комплексы и происходящие при этом разнообразные преобразования (трансформации) предполагают наличие конечных наборов правил развёртывания и трансформационных правил. Г.Г. Почепцов к числу синтаксических процессов относит расширение (образующее сочинительные ряды слов), усложнение (прежде всего усложнение сказуемого модальными, фазовыми и пр. словами), развёртывание (замена слова подчинительным словосочетанием), совмещение, или контаминация (образование сложного сказуемого за счёт включения в его состав предикативного определения), обособление, замещение (прономинализация), опущение (эллипсис). В.Б. Касевич даёт более общую классификацию этих процессов, именуя их синтаксическими трансформациями, и разграничивает трансформации распространения (куда, в частности, входит введение отрицаний, фазовых, модальных и пр. слов), свёртывания, вставления (включение предварительно трансформированных предикативных конструкций в позицию актанта, в том

числе придаточных «предложений»), замещения, перемещения. К синтаксическим трансформациям следовало бы также отнести линеаризацию (развёртывание исходной нелинейной синтаксической конфигурации при образовании предложения в цепь).

В-седьмых, при грамматическом описании предложения выявляется следующая иерархия синтаксически значимых единиц: синтаксема – член предложения – предложение. Отказываться от понятия члена предложения, как это наблюдается в ряде синтаксических теорий, нет необходимости. Каждая из названных единиц является и речевой, и языковой. В последнем случае каждая из них отвлечена от конкретного словесного наполнения. Это относится и к синтаксеме. Так, она при первом приближении может быть определена как слово (словоформа), но её инвариантные свойства заключаются в том, что она выступает как элемент синтаксической конструкции, находящийся в определённых отношениях к другим синтаксемам и к данной конструкции в целом. Конкретность же слова не существенна для данной синтаксемы. Поэтому иногда можно трактовать синтаксему как семантически маркированную синтаксическую позицию, допускающую её замещение любым словом из множества тех, которые могут быть носителями, допустим, функции активного производителя действия или функции инструмента.

В-восьмых, содержательная структура предложения многоаспектна.

Предложение выступает

а) **как комплексная номинация** описывает некое целостное положение дел (как ансамбль участников ситуации и связывающего их отношения, т.е. единство семантических актантов и семантического предиката),

б) **как предикативная единица** выражает некое целостное суждение (как единство логического субъекта и соотносимого с ним логического предиката),

в) **как коммуникативно-информационная единица** передаёт некое целостное сообщение о чём-то, которое вкладывается в ту или иную

«упаковку» (как единство данного и нового, как единство определённого и неопределённого, как единство темы и ремы и т.д.),

г) **как коммуникативно-прагматическая единица** включает в свой состав инвариантную, контекстно независимую часть (пропозициональную, или фактуальную, составляющую, диктум) и переменную, контекстно обусловленную часть (прагматическую рамку, или коммуникативный модус).

Порядок слов в предложении в различных языках различен. Некоторые языки, как, например, русский, польский или латинский, обладают относительно свободным порядком слов. В других языках порядок слов в предложении фиксирован. В Европе к языкам с фиксированным порядком слов относятся все романские языки, современные германские и кельтские. Так, в английском или французском языках в повествовательном предложении на первом месте всегда стоит подлежащее, за ним следует сказуемое, а за сказуемым дополнение, например: *John sees a book , Jean voie un livre* . А вот в бретонском языке предложение устроено совершенно иначе: сначала идёт сказуемое, затем подлежащее, а за подлежащим – дополнение, например: *Klask a ra Yann ul levr* – ‘Читает Ян книгу’).

Если в бретонском и других современных кельтских языках глагол начинает предложение, то в японском, напротив, закрывает его, например: *Отоко-но ко ва хои о нимас* – ‘Мальчик книгу видит’. В некоторых языках индейцев Южной Америки предложение начинается с дополнения.

Языки с фиксированным порядком слов распределяются по двум группам. В первую группу входят языки, в которых в качестве средства передачи определённого грамматического значения используется инверсия. В качестве примера языков этой группы можно привести английский. Возьмём предложение *It is a book*. Если мы вынесем глагол *is* на первое место, то утвердительное предложение превратится в вопрос – *Is it a book?*

В качестве примера языка второй группы можно привести китайский – язык, в котором инверсии такого рода полностью отсутствуют. В нём общий вопрос образуется при помощи вопросительной частицы *ма,* которая имеет

строго фиксированное место на конце предложения. Так, если *Чжэ ши шу* переводится как утвердительное предложение ‘Это – книга’, то *Чжэ ши шу ма* – уже вопрос ‘Это книга?’.

Существуют разнообразные **типы предложений.**

По характеру выражаемого в них отношения к действительности различаются предложения **реальной** и **ирреальной** модальности с разнообразными оттенками модальных значений: реальности и ирреальности, предположения, сомнения, уверенности, возможности, невозможности и т.д.

Предложения считаются **утвердительными** или **отрицательными** в зависимости от указания в них на наличие или отсутствие связи между предметами и их признаками в реальной действительности.

По цели высказывания и зависящей от этой цели интонации предложения делятся на **повествовательные**, **вопросительные** и **побудительные**. Каждое из предложений этих трех групп может стать **восклицательным** при соответствующей эмоциональной окраске, выражающейся в особой восклицательной интонации.

Структурная характеристика предложений строится на основе учета различных признаков данной структуры. Так, предложения могут быть **простыми** и **сложными** в зависимости от количества предикативных единиц – одной или нескольких.

Простые предложения делятся на **односоставные** и **двусоставные**, т.е. имеющие один или два главных члена в качестве организующих центров предложения.

По наличию или отсутствию второстепенных членов различаются предложения **распространенные** и **нераспространенные.**

Как односоставные, так и двусоставные предложения считаются **полными**, если налицо все необходимые члены данной структуры предложения, и **неполными**, если один или несколько необходимых членов данной структуры предложения опущены по условиям контекста или обстановки.

Отсутствие возможности членения некоторых видов предложений, т.е. выявления в их структуре отдельных членов, приводит к выделению особого типа предложений – **нечленимых** (слов-предложений).

При оформлении предложения большое значение имеет интонация, выполняющая как грамматическую функцию, так и стилистическую. При помощи интонации передается законченность предложения и осуществляется его членение на синтаксические единицы, выражается эмоциональность речи, волевые побуждения, а также различные модальные оттенки значений.

§3. Темное и ремное членение предложения

Помимо понятия предложения, в синтаксисе используется понятие высказывания. На основе одного и того же предложения могут быть образованы разные высказывания. Это происходит в результате разного актуального членения одного и того же предложения.

Актуальное членение предложения – понятие, разработанное в трудах Пражского лингвистического кружка в 1930-е годы для описания функциональных компонентов повествовательного предложения – **ремы**, или сообщаемой части, и **темы**, отправной точки сообщения.

Т.о., актуальное членение – это деление высказывания на две части: на тему и рему, данное и новое. Темой является предмет сообщения, а ремой – коммуникативный центр высказывания, основное содержание сообщения. Так, предложение *Завтра я поеду в Москву* может иметь разное актуальное чтение: *Я поеду в Москву завтра, Завтра в Москву поеду я.* В первом высказывании темой является *Я поеду в Москву,* а ремой *завтра*; в другом высказывании темой является *Завтра в Москву,* а ремой *поеду я.* В первом высказывании сообщается о времени поездки, а во втором – о том, кто едет в Москву.

Говоря об актуальном членении, следует раскрыть значение некоторых понятий, соотносимых, но не совпадающих с понятиями «тема» и «рема»

Данное, соотносимо с тем элементом конситуации, который представляется уже известным, присутствующим и в сознании говорящего, и (по его убеждению) в сознании слушателя, не требующим особых пояснений.

Высказывание строится с тем, чтобы сообщить о данном что-то **новое,** чтобы внести какие-то изменения в сознание слушателя. Выражению данного могут служить любые слова или словосочетания, которые называют факт, предмет, лицо, действие, признак и т.п., уже упомянутые в предтексте или подсказываемые конситуацией (разрядкой здесь выделены конституенты, именующие данное), например:

Он поступил в университет. У н и в е р с и т е т оказался для него совершенно новым миром. В п е ч а т л е н и я переполняли его душу.

Летом многие мои одноклассники поступили в университет. П о с т у п и л а Наталия. П о с т у п и л а Вера. П о с т у п и л также Афанасий.

Я прочёл интересный роман Умберто Эко "Имя розы". Я загрузил е г о по Интернету из электронной библиотеки Максима Мошкова.

Прошла неделя, и между ними завязалась переписка. П о ч т о в а я к о н т о р а учреждена была в дупле старого дуба. (А.Пушкин)

(Я говорю своему собеседнику, обратившему внимание на книгу, лежащую на моём столе): *Я купил е ё вчера*.

Обычно данное не выделяется особо в интонационном плане, в то время как новое может (но не всегда) маркироваться высоким тоном и сильным ударением).

Определенное выступает как компонент релевантного предложения. Оно соотносимо с каким-то классом предметов, о котором имеет представление мой адресат и в котором он, благодаря его наименованию в соответствующей форме в моём высказывании, может выделить и опознать (идентифицировать) именно тот предмет, который я имею в виду, т.е. установить определённую референцию (соотнесённость) данного имени к данному индивидуальному предмету.

Определённое противостоит **неопределенному**, т.е. чему-то, что ещё не идентифицировано. Я строю высказывание, стремясь помочь моему адресату среди множества предметов вообще и предметов данного класса найти и идентифицировать тот, о котором я собираюсь говорить. В ряде языков определённость предмета, называемого существительным, выражается определённым артиклем, например:

англ.: Вы спрашиваете дома кого-либо из членов семьи: *Did you feed t h e d o g ?* – ‘Ты накормил(а) собаку?’ (если у Вас одна собака, то её идентифицированность не вызывает сомнений).

нем. *Ich habe ein Buch in der theoretischen Sprachwissenschaft gekauft. D a s B u c h ist ziemlich teuer* – ‘Я купил книгу по теоретическому языкознанию. Книга довольно дорогая’.

фр. *C'est l e d i r e c t e u r 'Это директор'; J'ai un chien. L e c h i e n est joli* – ‘У меня есть собака. Собака красивая’.

швед. *Pa bordet (опред.) ligger en bok (неопред). B o k e n (опред.) tar jag met mig* – ‘На столе лежит книга. Книгу я беру с собой’.

Определённый референт обычно бывает данным, но может быть и новым, например: *Вчера утром я разговаривал с н а ш и м п л о т н и к о м. Он согласился принять мой заказ*, а неопределённый референт, как правило, оказывается новым.

Понятие **тема** очень часто соотносится с понятиями подлежащего (грамматического субъекта) и логического субъекта. Сочетание темы и противостоящей ей **ремы** образует своеобразный аналог предикативной (субъектно-предикатной) структуры, и тогда понятие ремы подменяют понятием предикации. Под темой обычно имеется в виду предмет, о котором делается высказывание. Но так же определялось уже в античную пору подлежащее (субъект). О сказуемом же (предикате) говорилось, что оно является высказыванием о подлежащем (ср. начальное греч. название сказуемого rhema).

Тот же смысл часто вкладывается в пару взаимосвязанных понятий **топик** (topic) и **комментарий** (comment), широко употребляемых в англосаксонской лингвистической литературе. Но целесообразно сразу же оговорить, что понятия темы и топика теперь часто разводятся и под топиком понимается некая иная сущность, о которой речь пойдёт несколько позже.

Тема нередко совпадает с подлежащим, но предметом сообщения может быть референт любого другого конституента предложения. Например:

А н т о н // приезжает из Германии в воскресенье. - И з Г е р м а н и и // Антон приезжает в воскресенье. - В о с к р е с е н ь е // Антон приезжает из Германии.

Темой может оказаться и сказуемое, например:

П р и е з ж а е т // Антон из Германии в воскресенье.

Для темы обычно начальное место в предложении. Поэтому для установления темы можно воспользоваться тестом на тематизацию (или топикализацию), в процессе которого проверяется способность того или иного компонента занять первое место в предложении (без мены интонационного контура, с сохранением нейтрального характера высказывания – без эмфазы, без экспрессивной окраски). Идентификация ремы производится посредством вопросно-ответного теста. Ремой является то, что служит ответу на вопрос, например: *Что сообщается об Антоне*?; *Что происходит в воскресенье*?

Тема часто совпадает с данным. Данное и тема, во взаимодействии друг с другом, приводят в действие механизмы линеаризации предложения (т.е. его развёртывания в цепь, линейную последовательность конституентов) и синтагматического членения предложения/фразы (разбиения последовательности на элементарные речевые интонационно-смысловые единицы; в этом тексте границы фонологических синтагм обозначены двумя правыми наклонными скобками //). И новое, и рема могут выделяться не только паузами, но и более высоким тоном (tone, accent) и более сильным

ударением (stress). Тема часто совмещается с определённым компонентом высказывания.

Возможно опущение компонента, выражающего тему. Допускается существование коммуникативно нечленимых (т.е., по сути дела, рематических) высказываний, например: *Светает*; *Морозит*; *Стояла ночь*; *Началась война*.

Что касается понятия **топик**, то оно нередко соотносится с пропозициональной структурой. Топик ограничивает в отношении своего референта применение главной предикации некоторой определённой областью. Он устанавливает пространственные, временные и личностные рамки, в пределах которых верна главная предикация, например:

кит. *N e i - i e s h u m u shu-shen da* – досл.: ‘те деревья дерева-ствол большой’; значение: ‘стволы тех деревьев большие’ (здесь подлежащее *shu-shen* – ‘дерева-ствол’ и топик *nei-ie shumu* –‘те деревья’).

Нечто подобное наблюдается в английском языке *T u e s d a y I went to the dentist*; *I n D w i n e l l e H a l l people are always getting lost* –‘В Двинелл-Холле легко заблудиться’.

Т.о., истинные топики, по У.Л. Чейфу, означают не столько то, о чём говорится в предложении, сколько указывают те рамки, в которые заключается содержание предложения. Есть языки, в которых регулярно выделяются топики (топикальные), и языки, в которых регулярно выделяются подлежащие (подлежащные).

Поскольку топики часто смешиваются с подлежащими, Ч.Н. Ли и С.А. Томпсон называют 6 признаков, отличающих их друг от друга.

Топики, в противоположность подлежащим, характеризуются грамматической определённостью, не обязательно должны входить в пропозициональную рамку в качестве аргументов (актантов), их наличие не предопределено глаголом, они выступают «центром внимания», в то время как подлежащие могут быть «пустыми», или «фиктивными», не согласуются синтаксически с глаголом-сказуемым, не участвуют в процессах

рефлексивизации, пассивизации, опущения идентичных именных групп, построения глагольных цепочек, перевода предложений в повелительные.

Членение высказывания на тему и рему, обозначаемое часто (вслед за В. Матезиусом) актуальным членением предложения, изучается многими лингвистами и может составлять объект так называемого актуального (или коммуникативного) синтаксиса. Постепенно выясняется его многослойность. Так, если ограничиться при описании актуального членения только линейным планом предложения, то следует принять положение о том, что тема начинает предложения, намечая направления развёртывания высказывания по поводу той или другой темы. В этом случае речь идёт о нейтральных, экспрессивно не окрашенных предложениях.

Если же принять во внимание интонационные средства (особенно эмфатическое ударение), обособление в начальной позиции, расщеплённые конструкции, частицы и т.п.), то обнаруживается особое явление, именуемое **фокусом контраста** (проминентностью, выделением). Фокус часто отождествляют с новым, или ремой, говоря о таком процессе, как рематизация. Предлагается даже устанавливать его наличие с помощью вопросно-ответного теста, как это делается при выявлении ремы.

Но фокус контраста отличается от нового и ремы тем, что он открывает указание на *возможность выбора* из ряда конкурирующих референтов, одновременно называя нужный референт и *блокируя выбор* любого другого, например: *Виктор сдал экзамен на отлично* (*а не Валентин, Светлана...*). Контрастивное высказывание в глубинном плане оказывается двухпропозиционным (<X сдал экзамен на отлично, X есть Виктор>), а в поверхностной структуре получает конструктивное выражение лишь одна пропозиция. Фокус контраста предполагает наличие фонового знания, общего для говорящего и слушающего (например: *Студенты нашей группы сдавали сегодня утром трудный экзамен. Среди сдававших были Валентин, Светлана, Виктор... Кто-то из них сдал экзамен на отлично*.). Выделяемое не обязательно должно быть новым.

Находящийся в фокусе контраста (подвергаемый фокализации) компонент высказывания обычно выделяется эмфатическим (логическим) ударением, которое резко меняет интонационный рисунок, обусловливая понижение тона и ослабляя ударение на всех последующих словах. Этот компонент может быть (в силу инверсии, нарушающей нормальный, объективный порядок слов) выдвинуться на первое место в предложении. Это выдвижение в переднюю позицию, впрочем, при сохранении эмфатического ударения оно не обязательно, например: *Экзамен на отлично сдал Виктор.* Возможно использование выделительных частиц: *Именно Виктор сдал экзамен на отлично*; *Это Виктор сдал экзамен на отлично*.

В разных языках имеются расщеплённые конструкции, например: *Не кто иной ... как ... > Не кто иной, как Виктор, сдал экзамен на отлично*; *Что касается ... то ... > Что касается Виктора,* (*то*) *он сдал экзамен на отлично*. Например, расщеплённые конструкции в других языках: англ. *It was Ronald who made the hamburgers* – ‘Сэндвичи приготовил именно Рональд’; фр. *C'est moi qui ai fini le premier* – ‘Это я закончил первым’.

Контрастирование может быть выражено обособлением имени референта в начальной позиции, например: англ. *THE PLAY, John saw yesterday* – ‘Пьеса, Джон видел её вчера’ = *As for THE PLAY, John saw it yesterday*– ‘Что касается пьесы, то Джон видел её вчера’. В некоторых языках контраст может выражаться служебными словами или грамматическим морфемами. В одном предложении могут быть два фокуса выделения, например: *Виктор сдал экзамен на отлично, а Светлана сдала его на хорошо*.

Внимание исследователей недавно привлекло явление, которое именуется **эмпатией** (греч. *empatheia* –‘сопереживание, сочувствие’, англ. *empathy* –‘сочувствие, переживание; умение поставить себя на место другого’) или точкой зрения. Эмпатия предполагает возможность варьирования в способах упаковки передаваемой смысловой информации.

В нормальной ситуации говорящий придерживается своей собственной точки зрения, например: *Степан бьёт свою жену*. Здесь фокус эмпатии отмечает компонент *Степан*, причём говорящий может не принимать сторону Степана. А вот в высказывании *Муж Марии бьёт её* фокус сочувствия явно перемещается на Марию. Говорящий может занимать объективную точку зрения (нулевая эмпатия), например: *Фёдор задал вопрос Ирине*. В предложении *Фёдор задал вопрос своей жене* говорящий занимает позицию Фёдора, как бы идентифицирует себя с Фёдором. В предложении *Муж Ирины задал ей вопрос* фокусом эмпатии оказывается референт имени *Ирина*.

Двух фокусов эмпатии в одном предложении не может быть, иначе предложение становится неотмеченным (неправильным), например: *Тогда муж Ирины спросил свою жену.* Фокус эмпатии часто совпадает с референтом подлежащего и определённым референтом. Говорящий чаще отдаёт предпочтение себе, затем слушающему и лишь потом третьему лицу. Сперва предпочитается человек, потом одушевлённое существо, а затем лишь неодушевлённый предмет. Сперва эмпатия связывается с данным и темой, а потом с новым и ремой.

Во многих языках наличествуют глаголы направленного движения, образующие пары «движение в направлении от говорящего – движение по направлению к говорящему».

Так, в немецком языке различаются соответственно глаголы *gehen* (от говорящего, от меня) и *kommen* (к говорящему, ко мне). Можно сказать *Und nachher gehe ich ins Cafe* – ‘И потом я иду/отправляюсь в кафе’, а также сказать *Und nachher komme ich ins Cafe* – ‘И потом я прихожу в кафе (когда там находится кто-то другой, например адресат)’. В японском языке эмпатия проявляется в том, что предикат открывает при каждом из своих актантов возможность для локализации эмпатии говорящего. Здесь выражение эмпатии обязательно.

При пассивизации фокус эмпатии переходит к объекту действия, рефлексивизация (добавление возвратного местоимения или аффикса) означает перенос эмпатии на субъекта возвратного действия.

§ 4. Специфика простого осложненного предложения в русском и английском языках.

В любом предложении выделяется два компонента: то, о чем мы говорим (субъект высказывания) и то, что мы говорим (предикат высказывания). Так, в предложении *Идет дождь* субъект высказывания обозначен существительным *дождь*, а предикат – глаголом *идет*. Обозначение как субъекта, так и предиката высказывания, может быть как распространенным, так и нераспространенным. Примером нераспространенного обозначения обоих компонентов высказывания может служить приведенное выше предложение *Идет дождь*, а примером распространенного – *Громадный королевский питон медленно полз между деревьями*. Здесь субъектом высказывания будет словосочетание *громадный королевский питон*, а предикатом – *медленно полз*.

Простое нераспространенное предложение состоит из одних только главных членов – подлежащего и сказуемого. При этом подлежащее всегда обозначает субъект высказывания, а сказуемое – предикат. В распространенном предложении выделяются как главные, так и второстепенные члены (определение, дополнение, обстоятельство). Деление всех членов предложения на главные и второстепенные связано с тем, что подлежащее и сказуемое способны самостоятельно образовывать предложение, а определение, обстоятельство и дополнение – нет.

Главные члены предложения – подлежащее и сказуемое составляют как бы «костяк», основу любого предложения. Второстепенные члены предложения группируются либо вокруг подлежащего, либо вокруг сказуемого, детализируют информацию, передаваемую главными членами предложения. Чтобы сказуемое было понятнее, представим в виде схемы

предложение *На противоположном берегу реки неожиданно показалась небольшая группа всадников*.

Как мы видим, одна часть второстепенных членов предложения тяготеет к подлежащему (образует группу подлежащего), а другая – к сказуемому (образует группу сказуемого). Предложения, в которых выделяются две структурные группы, называются двусоставными предложениями. Предложения, в которых только один главный член, а, следовательно, и одна структурная группа, называются односоставными. К ним относятся определённо-личные (например: *Иди домой*), обобщённо-личные (например: *Тише едешь – дальше будешь*), неопределённо-личные (например: *О нас пишут в газетах*), безличные (например: *Пора вставать*) и назывные или номинативные (например: *Ночь. Улица. Фонарь. Аптека*.) предложения.

Как показали М.Драйер и Дж.Хокинс, в отношении порядка слов языки мира делятся на два типа, примерно равных по количеству языков, которыми они представлены: левоветвящиеся и правоветвящиеся.

В правоветвящихся языках зависимая группа слов обычно следует за главным словом (вершиной): дополнение – за глаголом-сказуемым (например: *пишет письмо*), группа несогласованного определения – за определяемым существительным (например: *дом моего отца*); подчинительный союз стоит в начале придаточного предложения (например: *что он пришел*); именная часть сказуемого обычно следует за связкой (например: *был хорошим сыном*); придаточное изъяснительное – за главным глаголом (например: *хочу, чтобы он ушел*); синтаксически сложное обстоятельство – за глаголом-сказуемым (например: *вернулся в семь часов*); эталон сравнения – за прилагательным в сравнительной степени (например: *сильней, чем он*); вспомогательный глагол предшествует полнозначному

(например: *был разрушен*); используются предложные конструкции (например: *на картине*). К правоветвящимся языкам относятся, например, славянские, германские, романские, семитские, австронезийские и др. языки.

В левоветвящихся языках зависимая группа предшествует главному слову: там налицо послеложные конструкции (типа редких в русском выражений *корысти ради*) и обычно наблюдается противоположный правоветвящимся порядок слов во всех перечисленных типах групп, например: *письмо пишет*, *моего отца дом*, *он пришел что*, *хорошим сыном был* и т.д. К левоветвящимся языкам относятся алтайские, многие индоиранские, кавказские и др. В обоих типах языков порядок прилагательного, числительного или указательного местоимения относительно определяемого существительного не имеет значения. Известны и некоторые языки, не поддающиеся определению в указанных терминах, например китайский. Широко известна также классификация Дж.Гринберга, которая включает деление языков по следующим параметрам: 1) позиция глагола-сказуемого – в начале, середине или конце предложения; 2) позиция прилагательного до или после существительного; и 3) преобладание в языке предлогов или послелогов.

Известны и другие закономерности порядка слов, которые прослеживаются во всех или в большинстве языков. В сочинительных конструкциях порядок слов отображает последовательность событий (например: *нарезал и пожарил*; *пожарил и нарезал*) или какую-либо иерархию предметов (например: *мужчины и женщины*, *президент и премьер-министр*); тема сообщения обычно располагается в начале предложения (в конце она оказывается обычно при особых условиях, например в русском языке при специальной интонации в предложениях с так называемой «экспрессивной инверсией», например: *В лесу было страшно* и *Страшно было в лесу*); к началу предложения тяготеют также выражения условия (например: *Приди он вовремя*...).

Во многих языках наблюдается неразделимость глагола-сказуемого и его дополнения (например, в английском *He studies physics in Cambridge* – ‘Он изучает физику в Кембридже’ при грамматически неправильном **He studies in Cambridge physics*); в большинстве языков наблюдается тенденция к тому, чтобы подлежащее предшествовало дополнению; клитики (т.е. слова, лишенные собственного ударения) часто располагаются либо после первого ударного слова, либо при глаголе-сказуемом.

Порядок слов в английском языке является основным средством различения членов предложения. Порядок слов английского повествовательного предложения – прямой, фиксированный: подлежащее, сказуемое, дополнение, например: *I translated the text yesterday.* – ‘Я перевела этот текст вчера’.

Среди простых предложений можно выделить осложненные и неосложненные предложения.

Осложненное предложение — простое предложение, в котором присутствуют «осложняющие элементы», выражающие добавочное сообщение.

Осложняющие элементы подразделяются на два подтипа.

Во-первых, к ним относятся однородные члены предложения и обособленные члены предложения, например: *Я купил хлеб и молоко; Геолог, он объездил всю страну*,

Во-вторых, осложняющими компонентами являются слова и словосочетания, не являющиеся членами предложения и не входящие в его структуру: вводные и вставные конструкции и междометия, а также обращения, например: *Может быть, он дома; Летите, голуби, летите; Увы, все пропало!*

Однородными членами предложения называются одноименные члены, связанные друг с другом сочинительной связью и выполняющие одинаковую синтаксическую функцию в предложении, т.е. объединенные одинаковыми отношениями к одному и тому же члену предложения.

Однородные члены соединяются или могут быть соединены сочинительными союзами и произносятся с так называемой интонацией **перечисления**. При отсутствии союзов или при их повторении однородные члены связываются также соединительными паузами.

При однородных членах часто находятся обобщающие слова.

Обобщающее слово обычно является грамматической формой выражения родового понятия, объединяющего на основе вещественной близости соподчиненные понятия, грамматической формой выражения которых служат однородные члены предложения, например: *Всякий день стал приносить старый грамотей Моисеич разную крупную рыбу: щук, язей, голавлей, линей и окуней* (С.Аксаков).

Часто в роли обобщающих слов используются слова, обозначающие понятия с широким объемом, например: *Герасим ничего не слыхал ничего: ни быстрого визга падающей Муму, ни тяжкого всплеска воды* (И.Тургенев); *В степи, за рекой, по дорогам - везде было пусто* (Л. Толстой).

Между обобщающим словом и однородными членами могут быть также смысловые отношения целого и части, например: *Но я как будто вижу перед собой эту картину: тихие берега, расширяющуюся лунную дорогу прямо от меня к баржам понтонного моста и на мосту длинные тени бегущих людей* (Кав.).

Однородные члены конкретизируют содержание понятия, выражаемого обобщающим словом, поэтому грамматически выступают в функции уточняющих слов по отношению к обобщающему слову. Между последним и однородными членами устанавливается пояснительная связь, которая находит свое выражение в наличии или в возможности вставки слов *а именно, т.е., например, как-то*. Например: *Вся усадьба Чертопханова состояла из четырех срубов разной величины, а именно: из флигеля, конюшни, сарая, бани* (И.Тургенев); *Ему подавались обычные в трактирах блюда, как-то: щи, мозги с горошком, сосиски с капустой* (Н.Гоголь); *Хорь*

понимал действительность, т.е.: обстроился, накопил деньжонку, ладил с барином и с прочими властями... (И.Тургенев).

Обобщающее слово может находиться впереди однородных членов или следовать за ними. Иногда однородные члены находятся между подлежащим, обобщающим словом и сказуемым, например: *Толпа строений: людских, амбаров, погребов – наполняла двор* (Н.Гоголь).

Обособление – интонационное выделение такого распространяющего члена предложения, который по смыслу относится не только к тому члену, от которого зависит грамматически, но еще и к какому-нибудь другому члену предложения (например: *Он шел, размахивая руками*).

По другой точке зрения обособления способны передавать полупредикативные отношения. Полупредикативность отличается от предикативности тем, что эти компоненты никогда не выражаются спрягаемыми формами глагола и не могут образовывать отдельного высказывания, но они способны передавать модальность (реальную) и темпоральность, но не абсолютную. Также обособления могут передавать это значение времени по отношению ко времени основной предикативности, т.е. точка отсчета является момент совершения действия, которое называется основной предикативностью**.**

Если автор предложения обособляет какой-либо компонент, то, значит, он наделяет его дополнительной синтаксической функцией, поэтому классификация этих типов обособления ведется с помощью определения дополнительных синтаксических функций в предикативности:

1) функция уточнения;

2) функция второстепенного сказуемого; оно должно быть соотнесено с подлежащим. Деепричастие является второстепенным сказуемым, также могут быть причастия, адъективные обороты, но если они называют признак подлежащего;

3) функция добавочного сообщения – факультативное обособление; обособляется по воле говорящего.

Вводными называются слова, грамматически не связанные с членами предложения (т.е. не связанные с ними по способу согласования, управления или примыкания), не являющиеся членами предложения и выражающие отношение говорящего к высказываемой мысли, характеризующие способ ее оформления и т.п. Вводным словам присуща интонация **вводности,** выражающаяся в понижении голоса и более быстром их произнесении по сравнению с остальной частью предложения и в своеобразной безударности.

Вводные слова могут относиться или ко всему предложению в целом, или к отдельным его членам, например: *К счастью, никто меня не заметил* (И.Тургенев); *...Наше ветхое судно наклонилось, зачерпнулось и торжественно пошло ко дну, к счастью, не на глубоком месте* (И.Тургенев). В последнем случае вводное слово ставится непосредственно рядом с тем членом предложения, к которому оно относится.

Отношение говорящего к содержанию высказывания, его оценку, добавочные эмоциональные и экспрессивные оттенки значения выражают не только отдельные слова, но и словосочетания вводного характера. Например: *Вронский, к ужасу своему, почувствовал, что он сделал скверное, непростительное движение* (Л. Толстой); *В самом деле, ничего съестного в деревне мой кучер не нашел* (И.Тургенев).

Вставными называются слова, словосочетания и предложения, которые вносят в основное предложение дополнительные сведения, попутные замечания, уточнения, пояснения, поправки и т.д.

Подобно вводным конструкциям, вставные конструкции обычно синтаксически не связаны с основным предложением, внутри которого они еще более интонационно изолированы значительными паузами, характерными для так называемой интонации **включения.**

В отличие же от вводных конструкций, вставные конструкции не выражают отношения говорящего к высказываемой мысли, не содержат оценки сообщения, указания на его источник, на связь с другими сообщениями и т.д. Кроме того, если вводные конструкции могут занимать

место в начале, в середине и в конце основного предложения, то вставные конструкции могут находиться только в середине и, реже, в конце основного предложения, но не в его начале.

Вставные слова и словосочетания в одних случаях имеют форму членов предложения, например: *Отец лишился обыкновенной своей твердости, и горесть его (обыкновенно немая) изливалась в горьких жалобах* (А.Пушкин).

В других случаях вставные слова и словосочетания не оформляются как члены предложения, например: *В тот же день я был уже на квартире Никитина (фамилия зятя)* (В.Короленко).

Обращением называется слово или сочетание слов, называющее лицо (или предмет), к которому обращена речь. Обращение распространяет предложение, но не является его членом (т.е. не выполняет функцию подлежащего, сказуемого или второстепенного члена).

Обращение может занимать место в начале, в середине и в конце предложения, например: *Сергей Сергеич, это вы ли!* (А.Грибоедов); *Ты не пой, косарь, про широку степь!* (А.Колъцов); *Вперед чужой беде не смейся, голубок!* (И.Крылов).

§ 5. Вопрос о классификации сложных предложений в общем синтаксисе.

Сложное предложение – один из подклассов так называемых полипредикативных конструкций, т.е. конструкций, в составе которых имеется более одной предикации. Если представлять связную речь как развертывающуюся во времени последовательность предикаций, то основная функция полипредикативных конструкций – и сложного предложения в их числе – выделить в этой последовательности группы предикаций, более тесно связанных между собой по смыслу.

Смысловое единство внутри такой группы обычно оформляется интонационно, кроме того, оно может выражаться с помощью особых грамматических и лексических средств, например посредством союзов. Так, в примере (1) *Наташа не вышла на работу. Ребенок заболел* две следующие

друг за другом предикации разделены паузой, и каждая из предикаций предполагает произнесение с завершающей нейтральной интонацией, что и отражается на письме пунктуационно – с помощью точки в конце каждой предикации. В этом случае принято говорить о последовательности независимых простых предложений, смысловое единство которых в речи не оформлено. Однако эту же цепочку языковых единиц можно произнести иначе – без паузы и с интонационным выделением слова *ребенок*. При таком произнесении (пунктуационно оно отражается на письме с помощью двоеточия между частями предложения, выражающими предикации) коммуникативная цель говорящего – сообщить о причинно-следственной связи между двумя событиями: (2) *Наташа не вышла на работу: ребенок заболел.*

Оформленное интонационно, смысловое единство компонентов позволяет усматривать в примере (2) сложное предложение.

Интонация является обязательным, но не единственно возможным средством интеграции предикаций в сложное предложение. В дополнение к интонации могут использоваться лексические и грамматические средства, сигнализирующие о наличии смысловой связи между компонентами и о характере этой связи, как в примере (3) *Наташа не вышла на работу, потому что ребенок заболел.*

В данном случае причинно-следственная связь между предикациями в составе сложного предложения выражена, помимо интонации, особым служебным словом – союзом (*потому что*).

Отличие сложного предложения от других типов полипредикативных конструкций (например, предложений с причастными или деепричастными оборотами) обычно связывают с высокой степенью автономности образующих его компонентов. Традиционно считается, что каждая из предикаций, образующих сложное предложение, строится по образцу независимого простого предложения и имеет собственное сказуемое, совпадающее по форме со сказуемым независимого простого предложения.

Иначе говоря, предполагается, что каждый из компонентов сложного предложения располагает необходимым набором предикативных грамматических категорий – для русского языка это, прежде всего, время и наклонение.

Этим сложное предложение отличается от полипредикативных конструкций с так называемыми неличными (иначе их называют неконечными, нефинитными или инфинитными) глагольными формами – деепричастиями, причастиями, инфинитивами, т.е. такими формами, которые обычно не могут самостоятельно использоваться в качестве сказуемого независимого простого предложения. Так, например, в русском языке для того чтобы выразить отношение одновременности между двумя событиями, можно использовать как сложное предложение с союзом *когда* (4), так и полипредикативную конструкцию с деепричастием (5): (4) *Когда я открывал эту банку, я нечаянно порезал палец.* (5) *Открывая эту банку, я нечаянно порезал палец.*

В сложном предложении (4) каждый из предикативных компонентов имеет сказуемое – глагол в форме прошедшего времени, мужского рода единственного числа – т.е. в одной из тех форм, которые могут использоваться в качестве сказуемого независимого простого предложения (*Я открывал эту банку. Я нечаянно порезал палец*). Иначе обстоит дело в (5) – здесь только одна из глагольных форм (*порезал*) может использоваться в качестве сказуемого независимого простого предложения, тогда как другая глагольная форма – деепричастие *открывая* – автономно использоваться не может.

В некоторых языках, в том числе и в русском, большая автономность компонентов сложного предложения проявляется еще и в том, что они – в отличие от деепричастий и других инфинитных форм – могут иметь собственное подлежащее, правильное сложное предложение (6) и неправильное (на что указывает звездочка в начале предложения) употребление полипредикативной конструкции с деепричастием в (7): (6)

Когда мы с Петей открывали эту банку, я нечаянно порезал палец. (7) **Мы с Петей открывая эту банку, я нечаянно порезал палец.*

Высокая степень автономности компонентов сложного предложения проявляется и в том, что каждому из них может соответствовать отдельный речевой акт, т.е. компоненты сложного предложения могут иметь несовпадающие коммуникативные цели. Так, в сложном предложении (8) из двух компонентов, связанных причинно-следственным отношением, первый представляет собой сообщение, а второй – просьбу: (8) *У нас нет хлеба, так что сходи, пожалуйста, в булочную.*

Классификация сложных предложений. Существует два основных подхода к классификации сложных предложений. **Первый подход** основывается на способе выражения связи между компонентами сложного предложения: важнейшим критерием при таком подходе признается наличие или отсутствие союза как средства выражения связи. В основу второго подхода кладется семантика (значение) связи между компонентами и зависящие от этой семантики особенности их синтаксического поведения.

В русистике традиционно господствует первый подход. Принято считать, что если в сложном предложении не используется союз как средство связи между компонентами, то такие предложения признаются бессоюзными. Если же союз используется, то предложения делятся на сложносочиненные и сложноподчиненные в зависимости от того, входит ли данный союз в список сочинительных (как, например, *и*, *а*, *но*) или подчинительных (как *если*, *когда*, *потому что* и др.).

Этот подход не вполне универсален, поскольку далеко не во всех языках существуют союзы как особый класс служебных слов, служащих для связи компонентов в сложных предложениях. Более того, такой подход не всегда оказывается последовательным даже применительно к русскому языку, поскольку признание той или иной единицы союзом, а также отнесение союзов к сочинительным или подчинительным, в свою очередь, так или иначе опирается на свойства предложений, в которые он входит, в том числе

на особенности синтаксического поведения компонентов предложения и характер смыслового отношения между ними. Это приводит к тому, что формально и функционально близкие типы сложных предложений могут оказаться отнесенными к разным классам, и, напротив, в один класс могут быть объединены весьма разнородные типы сложных предложений. Так, например, традиционно не относят к союзам слова типа *поэтому*, выражающие причинно-следственное отношение в таких сложных предложениях, как (9) *У Наташи заболел ребенок, поэтому она не вышла на работу.*

На том основании, что *поэтому* не признается союзом, предложение (9) классифицируется как бессоюзное. Как бессоюзное классифицируется и приведенное выше предложение (2), в котором связь между компонентами выражена только с помощью интонации. Тем самым игнорируется существенное различие между предложениями (2) и (9), состоящее в том, что одно из них содержит сегмент, обозначающий связь между компонентами (слово *поэтому*), а в другом такого сегмента нет. С другой стороны, предложение (3) классифицируется как сложноподчиненное, поскольку *потому что* – в отличие от *поэтому* – считается подчинительным союзом. Тем самым (3) и (9) оказываются отнесенными к разным классам, несмотря на то, что компоненты обоих предложений связаны содержательно одним и тем же отношением – причинно-следственным, причем в обоих случаях показателями этого отношения являются особые сегментные единицы и, более того, игнорируется явное формальное сходство этих единиц, восходящих исторически к сочетанию предлога *по* и указательного местоимения.

При **втором подходе**, основанном на типе связи между компонентами, принято делить сложные предложения на два основных класса в зависимости от того, имеется ли между его компонентами отношение подчинения – вне зависимости от того, каким способом это подчинение выражено.

При наличии подчинения – в предложениях, которые квалифицируются как сложноподчиненные, – структура предложения асимметрична: один из компонентов, называемый главным предложением, обладает, как правило, полным набором признаков, свойственных независимому простому предложению, а другой компонент, называемый придаточным предложением, части этих признаков лишен. В первую очередь, ограничения касаются выражения в придаточном предложении таких прагматических предикативных категорий, как время, наклонение, вопросительность, отрицание и им подобных, т.е. категорий, привязывающих содержание высказывания к моменту речи, к коммуникативным целям говорящего и его субъективным оценкам. В русском языке, например, в придаточных цели ограничен выбор наклонения: разрешено только сослагательное: (10) *Я сделаю котлеты, чтобы ты* ***поел*** *горячего.*

К этому же классу явлений относится так называемое согласование времен в европейских языках, запрет на использование будущего времени в условных придаточных в английском языке, особые средства выражения вопросительности, используемые в вопросительных придаточных («косвенных вопросах»). Так, в современном русском языке имеет место тенденция к ограничению использования частицы *ли* косвенными вопросами; использование же ее в прямых вопросах имеет легкую, но вполне ощутимую архаическую окраску, правильное сложное предложение (11), в состав которого входит вопросительное придаточное, и совершенно нормальный вопрос (12), с одной стороны, и несколько архаизированный и в силу этого не совсем правильный с точки зрения современного русского языка (хотя и привычный в силу широчайшей известности этой цитаты) вопрос в форме прямой речи (13) – с другой: (11) *Отелло спросил у Дездемоны, молилась ли она.* (12) *Ты молилась на ночь, Дездемона*? (12) [?]«*Молилась ли ты на ночь, Дездемона*?»

«Представительство» всего сложноподчиненного предложения в тексте осуществляет именно главное предложение. Иными словами, сложное

предложение можно «свернуть», оставив только главное: часть смысла при этом, разумеется, утратится, но существенных смысловых искажений не произойдет, ср. (14): (14) *Наташа не вышла на работу, потому что ребенок заболел. Наташа не вышла на работу.*

«Представительские» функции главного предложения проявляются и в тех случаях, когда сложноподчиненное предложение само играет роль придаточного внутри более сложного синтаксического комплекса. Пусть, например, у нас имеется сложное предложение с придаточным времени (15) *Поешь горячего, когда придешь домой*!

Построим теперь такой синтаксический комплекс, в котором сложное предложение (15) играло бы роль придаточного цели. Примером такого комплекса может служить (16) *Я сделаю котлеты, чтобы* [*ты поел горячего, когда придешь домой*].

В русском языке, как было сказано выше, в придаточных цели разрешено только сослагательное наклонение. Однако если придаточным служит сложное предложение, это ограничение действует только на его главную часть и не затрагивает придаточного: в примере (16) в сослагательном наклонении употреблен только глагол *поел*, а глагол в придаточном употреблен в том же – изъявительном наклонении, что и в примере (15).

В языках со свободным порядком слов, к числу которых относится русский, дополнительным признаком подчинительного отношения между компонентами сложного предложения часто служит свободная позиция придаточного относительно главного. Так, в примере (17) придаточное времени может располагаться перед главным, после главного или внутри него: (17) *Когда отдохнешь, позвони Наташе*! *Позвони Наташе, когда отдохнешь*! *Позвони, когда отдохнешь, Наташе*!

Еще одним отличительным свойством сложноподчиненных предложений являются ограничения на употребление в их составе анафорических местоимений, т.е. местоимений, обозначающих тот же

объект, что и некоторое другое слово в тексте, и отсылающих к этому слову. Так, в сложном предложении (18) анафорическое местоимение *она* отсылает к слову *Маша* (в принципе, возможно и такое понимание этого предложения, при котором *она* подразумевает другое лицо женского пола, не Машу, но это понимание мы сейчас не рассматриваем): (18) *Маша знает, что она красавица.*

Асимметрия главного и придаточного предложения при употреблении местоимений заключается в следующем: местоимение, занимающее позицию подлежащего в придаточном предложении, может отсылать к подлежащему главного предложения независимо от того, следует ли это придаточное за главным или предшествует ему, тогда как местоимение, занимающее позицию подлежащего в составе главного предложения, не может отсылать к подлежащему придаточного. Эта асимметрия, сигнализирующая о том, что придаточное предложение синтаксически подчинено главному, может быть продемонстрирована на следующем примере. Пусть имеется приведенное выше предложение (18), в котором анафорическое местоимение *она* в составе придаточного отсылает к подлежащему главного предложения *Маша*. Смысл этого предложения не изменится, даже если переместить придаточное в начальную позицию, так чтобы местоимение *она* предшествовало тому слову, к которому оно отсылает (*Маша*): (18а) *Что она красавица, Маша знает.*

Иначе обстоит дело, если анафорическое местоимение содержится в главной части: местоимение *она* в (18б) ни при каких условиях не может отсылать к слову *Маша*: (18б) *Она знает, что Маша красавица.*

Все перечисленные выше признаки сложноподчиненного предложения и признаки, разграничивающие главное и придаточное предложения в составе сложноподчиненного, свидетельствуют о принципиальной асимметричности его структуры.

Сложносочиненное предложение в рамках данного подхода определяется отрицательно – по отсутствию признаков подчинения между

его компонентами. Другими словами, структура сложносочиненного предложения симметрична в том смысле, что ни один из его компонентов не обнаруживает признаков придаточного предложения. Во всех компонентах сложносочиненного предложения могут быть в полном объеме выражены предикативные категории, свойственные независимому простому предложению (время, наклонение, вопросительность, отрицание и им подобные): (19) *В субботу к нам приезжали друзья, и мы ходили гулять.* (*В субботу к нам приезжали друзья, и мы не ходили гулять. В субботу к нам приедут друзья, и мы пойдем гулять* и т.д.).

Отсутствие подчинения между компонентами сложноподчиненного предложения проявляется и в том, что их порядок (как и порядок независимых простых предложений в связной речи) в общем случае отражает временную последовательность обозначаемых ими событий и/или причинно-следственную связь между ними. Именно поэтому компоненты сложносочиненного предложения, как правило, нельзя поменять местами без искажения смысла. Так, перестановка компонентов в примере (19) ведет к утрате причинно-следственной связи между «приездом друзей» и «прогулкой», и предложение начинает восприниматься как перечисление независимых событий, имевших место в субботу, – в частности в (19а), в отличие от (19), естественно предположить, что мы гуляли одни, без друзей: (19а) *В субботу мы ходили гулять, и к нам приезжали друзья.*

Если сложносочиненное предложение в целом играет роль придаточного внутри более сложного синтаксического комплекса, то ни один из его компонентов не может взять на себя «представительские» функции, и поэтому имеющиеся в этом случае ограничения действуют на все компоненты сложносочиненного предложения. Так, например, придаточное, зависящее от модальных глаголов желания, имеет ограничение на форму сказуемого – оно должно быть в сослагательном наклонении: (20) *В субботу к нам* ***приедут*** *друзья – Я хочу, чтобы к в субботу к нам* ***приехали*** *друзья.*

Если в функции придаточного при глаголе желания используется сложносочиненное предложение, то сослагательное наклонение становится обязательным для сказуемых обоих компонентов: (21) *В субботу к нам* ***приедут*** *друзья и мы* ***пойдем*** *гулять.* - *Я хочу, чтобы к в субботу к нам* ***приехали*** *друзья и мы* ***бы пошли*** *гулять.*

Типы придаточных предложений. Независимо от того, какой из двух рассмотренных выше подходов к выделению сложноподчиненных предложений принимается исследователями (по наличию союза из списка подчинительных или по реакции на синтаксические тесты, свидетельствующие о подчинительном характере связи), придаточные в составе сложноподчиненных предложений, как правило, классифицируются по аналогии с членами простого предложения. В соответствии с традицией, принятой в русистике, три основных класса придаточных принято именовать изъяснительными (дополнительными), определительными (относительными) и обстоятельственными. За пределами русистики (особенно в сопоставительных и типологических исследованиях) для именования тех же классов нередко используются также термины, являющиеся калькой с английского: сентенциальные актанты, сентенциальные атрибуты и сентенциальные сирконстанты. Широкое распространение получил также термин «релятивизация», обозначающий совокупность различных процессов и явлений, связанных с образованием и функционированием определительных конструкций, в том числе определительных придаточных (от англ. relative clause – ‘определительное придаточное’).

Функция и способ оформления придаточных изъяснительных обычно определяется содержащимся в главном предложении словом со значением речевого действия, мыслительного действия или состояния, чувства или оценки. Так, например, в русском языке, слова (глаголы, существительные, наречия, краткие прилагательные), выражающие речевое или мыслительное действие, обычно вводят изъяснительное придаточное с союзом *что* и сказуемым в изъявительном наклонении, ср. (22)–(24), а слова, выражающие

волеизъявление, – придаточное с союзом *чтобы* и сказуемым в сослагательном наклонении, ср. (25)–(27): (22) *Я слышал,* ***что*** *Петя* ***приезжает***. (23) *Известно только,* ***что*** *Петя* ***приезжает***. (24) *Пришло сообщение,* ***что*** *Петя* ***приезжает***. (25) *Я хочу,* ***чтобы*** *Петя* ***приехал***. (26) *Нужно,* ***чтобы*** *Петя* ***приехал***. (27) *Передайте, пожалуйста, мою просьбу,* ***чтобы*** *Петя* ***приехал***.

Если же слово, вводящее изъяснительное придаточное, может интерпретироваться и как речевое или мыслительное действие, и как выражение волеизъявления, то становятся возможны оба способа оформления придаточного (*что* плюс изъявительное наклонение и *чтобы* плюс сослагательное наклонение): (28) *Я сказал,* ***что*** *Петя* ***приезжает***. (29) *Я сказал,* ***чтобы*** *Петя* ***приехал***.

Если в исследованиях, посвященных изъяснительным придаточным, центральное место занимает семантическая классификация слов, вводящих придаточные, то в исследованиях, посвященных придаточным определительным, наибольшее внимание уделяется синтаксическим процессам, лежащим в основе преобразования исходной предикации в определительное придаточное. Пусть имеется предложение (30) *Преподаватель в аудитории читал студентам стихи известного поэта.*

Это предложение можно преобразовать в определительное придаточное несколькими разными способами в зависимости от того, какой из членов предложения будет выбран так называемой вершиной определительной конструкции. Этим членом предложения может быть подлежащее, как в (31), прямое дополнение, как в (32), косвенное дополнение, как в (33), обстоятельство, как в (34), или определение, как в (35): (31) *Это преподаватель, который в аудитории читал студентам стихи известного поэта.* (32) *Это стихи известного поэта, которые преподаватель в аудитории читал студентам.* (33) *Это студенты, которым преподаватель в аудитории читал стихи известного поэта.* (34) *Это аудитория, в которой преподаватель читал студентам стихи известного поэта.* (35) *Это*

известный поэт, стихи которого преподаватель в аудитории читал студентам.

Типологические исследования релятивизации, показали, что способность членов предложения выступать в качестве вершины определительного придаточного определяется в языках мира следующей иерархией, получившей название «иерархии доступности», или «реляционной иерархии»:

подлежащее/прямое дополнение > косвенное дополнение > обстоятельство > определение.

В русском языке, как видно из примеров (31)–(35), в качестве вершины определительного придаточного может использоваться член предложения любого ранга. Однако существуют языки, в которых в этой функции могут выступать только подлежащие и прямые дополнения или только подлежащие, прямые и косвенные дополнения. Чем выше ранг члена предложения в этой иерархии, тем легче (т.е. чаще и с меньшими грамматическими ограничениями) он может использоваться в качестве вершины определительного придаточного.

Данная иерархия действует и в полипредикативных конструкциях, отличных от сложного предложения, например в тех случаях, когда определение выражено с помощью неличной формы – в русском языке это, прежде всего, причастия и причастные обороты (причастия с зависимыми словами). Применительно к причастным оборотам ранговые ограничения в русском языке являются более жесткими: причастия разрешены в качестве определений только к своим «внутренним» подлежащим и дополнениям, и поэтому иметь в качестве аналогов конструкции с причастными оборотами могут только сложные предложения типов (31) и (32): (31') *Это преподаватель, прочитавший* (= *который* [подлежащее] *прочитал*) *студентам стихи известного поэта.* (32') *Это стихи известного поэта, прочитанные студентам преподавателем* (= *которые* [прямое дополнение] *прочитал преподаватель*).

В конструкциях типов (33)–(35) вершина определительного придаточного имеет в иерархии доступности ранг более низкий, чем подлежащее и прямое дополнение (*которым* [косвенное дополнение] *прочитал* в (33), *в которой* [обстоятельство] *прочитал* в (34), *стихи которого* [определение] *прочитал* в (35)), вследствие чего аналогов с причастным оборотом они в русском языке иметь не могут: соответствующих причастных форм просто не существует.

Что касается обстоятельственных придаточных, то их принято классифицировать, в зависимости от того, существуют ли функциональные аналоги соответствующего обстоятельства в составе простого предложения. Так, естественным аналогом временных придаточных в (36) являются обстоятельства времени, выраженные наречием или существительным в (37): (36) *Он вернулся домой, когда было уже очень поздно* (*когда была уже глубокая ночь*). (37) *Он вернулся домой очень поздно* (*глубокой ночью*).

Иначе обстоит дело с условными и уступительными придаточными, с придаточными причины, следствия и рядом других: с помощью такого рода придаточных выражаются отношения принципиально бипредикативного характера, т.е. возможные только между событиями или фактами (иначе говоря, между различными положениями дел), поэтому в составе простого предложения такие отношения, как правило, выражены быть не могут. Трудно, например, передать средствами простого предложения условно-уступительное значение, выраженное сложноподчиненным предложением (38) *Как я Петю ни упрашивала, он не согласился к нам приехать.*

В исследованиях предложений с обстоятельственными придаточными значительное место занимает изучение семантики бипредикативных отношений и вариативность способа их выражения. На примере сложных предложений этого класса можно наглядно показать, что тип смыслового отношения между компонентами сложного предложения сам по себе не определяет статус предложения как сложноподчиненного или сложносочиненного. Так, и в предложении (39), и в предложении (40)

компоненты связаны причинно-следственным отношением: (39) *Так как завтра занятий не будет, я смогу поехать к Сереже.* (40) *Завтра занятий не будет, и я смогу поехать к Сереже.*

Между тем, по реакции на синтаксические тесты (39) безусловно является сложноподчиненным предложением, а (40) – сложносочиненным: легко видеть, например, что (38) разрешает перестановку компонентов, а (40) – нет. Тот же результат дает и подход «от союза»: *так как* входит в число подчинительных союзов, а *и* – бесспорный сочинительный союз. Можно привести и обратный пример, когда «классический» подчинительный союз, служащий для оформления обстоятельственного придаточного, используется для выражения значений, традиционно закрепленных за союзами сочинительного класса. Таково, например, использование условного союза *если* для выражения сопоставительного отношения в предложениях типа (41): (41) *Если в прошлом году весна была ранней, то в этом году снег лежал до мая.*

Приведенные примеры показывают, что полное и адекватное описание сложных предложений должно учитывать весь комплекс параметров, включая тип семантической связи между компонентами, ограничения на возможные синтаксические преобразования, формальные средства выражения отношения и другие.

В английском языке большее распространение получила следующая классификация придаточных:

1. Придаточные подлежащные, например: *That he is a good friend is well known.* – ‘То, что он хороший друг, хорошо известно’.

2. Придаточные предикативные, выполняющие функцию именной части сказуемого**,** например: *The weather is not what it was yesterday***.** – ‘Погода не такая, как была вчера’.

3. Придаточные дополнительные, например: *I don't know where you live*. – ‘Я не знаю, где вы живёте’.

4. Придаточные определительные, например: *Here is the book (that/which) we have spoken about.* –‘Вот книга, о которой мы говорили’. Эти предложения могут соединяться с главным предложением бессоюзно**,** например: *English is the subject I like best.* – ‘Английский язык – это предмет, который я люблю больше всего’.

5. Придаточные обстоятельственные (времени, места, причины, образа действия, следствия, уступительные, цели, условия).

- Придаточные уступительные, например: *Although the weather was bad, we went for a walk.*– ‘Хотя погода была плохая, мы пошли на прогулку’.
- Придаточные образа действия, например: *She spoke as though nothing had happened.* – ‘Она говорила так, как будто ничего не произошло’.
- Придаточные времени, например: *When the cat is away, the mice will play.* – ‘Когда кот из дома, мыши – в пляс’.
- Придаточные условные предложение, например: *If he has time, he will go there.* – ‘Если у него будет время, он поедет туда’.

Выводы по главе VII:

1.Синтаксис (от греч. σύνταξις – ‘строй, порядок’) – в традиционном понимании совокупность грамматических правил языка, относящихся к построению единиц, более протяженных, чем слово: словосочетанию и предложению.

2. В традиционном понимании под понятие словосочетания разными учёными подводятся:

- любые сочетания слов, в том числе и сочетания знаменательных слов со служебными (например: *в университет*, *на экзамене*, *der Tisch, la table, the table);*
- сочетания любых двух (и более) знаменательных слов (например: *сдать экзамен*, *вернуться домой*, *увлекательный рассказ*, *применять новую методику*; *студенты поют*);

- сочетания двух (и более) знаменательных слов, **не** строящиеся по структурной схеме «Имя (в им. п.) + Глагол (в личной форме)» (у В.В. Виноградова и его последователей).

3. В словосочетании всегда выделяются главное слово и зависимое слово (слова). Зависимое слово поясняет господствующее слово, дополняет его.

4. Связь между главным и зависимым словом словосочетания называется подчинительной. Подчинительная связь бывает трех типов: согласование, управление, примыкание.

5. В отличие от словосочетания предложение предназначено для описания некоего положения дел как целостного ансамбля элементов ситуации. Его прагматический потенциал значительно выше прагматического потенциала словосочетания. В отличие же от текста привязка к коммуникативно-прагматическому контексту лишь в некоторой степени характеризует предложение, когда оно является лишь одной из составляющих текста, а не выступает автономно (будучи потенциальным минимумом текста) в роли речевого акта, т.е. минимального дискурса.

6. Помимо понятия предложения, в синтаксисе используется понятие высказывания. На основе одного и того же предложения могут быть образованы разные высказывания. Это происходит в результате разного актуального членения одного и того же предложения. Актуальное членение – это деление высказывания на две части: на тему и рему, данное и новое.

7. Главные члены предложения – подлежащее и сказуемое составляют как бы «костяк», основу любого предложения. Второстепенные члены предложения группируются либо вокруг подлежащего, либо вокруг сказуемого, детализируют информацию, передаваемую главными членами предложения.

8. Осложненное предложение — простое предложение, в котором присутствуют «осложняющие элементы», выражающие добавочное сообщение.

9. Осложняющие элементы подразделяются на два подтипа.

Во-первых, к ним относятся однородные члены предложения и обособленные члены предложения, например: *Я купил хлеб и молоко; Геолог, он объездил всю страну*,

Во-вторых, осложняющими компонентами являются слова и словосочетания, не являющиеся членами предложения и не входящие в его структуру: вводные и вставные конструкции и междометия, а также обращения. Например: *Может быть, он дома; Летите, голуби, летите; Увы, все пропало!*

10. Объединение нескольких (минимум двух) предикативных частей в единое целое называется сложным предложением.

11.Существует два основных подхода к классификации сложных предложений.

Первый подход основывается на способе выражения связи между компонентами сложного предложения: важнейшим критерием при таком подходе признается наличие или отсутствие союза как средства выражения связи. В основу второго подхода кладется семантика (значение) связи между компонентами и зависящие от этой семантики особенности их синтаксического поведения.

Вопросы для обсуждения:

1. Основы общего синтаксиса.

2.Словосочетание и предложение как основные единицы общего синтаксиса.

3. Типология словосочетаний.

4. Типология предложений.

5. Актуальное членение предложения.

6. Специфика простого осложненного предложения.

7. Вопрос о классификации сложных предложений в общем синтаксисе.

8. Типология придаточных в русском и английском языках.

Упражнение 1.

Выпишите из фрагмента стихотворения простые и сложные словосочетания, укажите тип подчинительной связи и определяемое слово:

Мы теперь уходим понемногу
В ту страну, где тишь и благодать.
Может быть, и скоро мне в дорогу
Бренные пожитки собирать.
Милые березовые чащи!
Ты, земля! И вы, равнин пески!
Перед этим сонмом уходящих
Я не в силах скрыть моей тоски.

Слишком я любил на этом свете
Все, что душу облекает в плоть.
Мир осинам, что, раскинув ветви,
Загляделись в розовую водь.
Много дум я в тишине продумал,
Много песен про себя сложил,
И на этой на земле угрюмой
Счастлив тем, что я дышал и жил.

(С.Есенин)

Упражнение 2.

Выпишите из стихотворений простые и сложные словосочетания:

Like as the waves make towards the pebbled shore,

So do our minutes hasten to their end ...

(Shakespeare: *Sonnets, 60)*

Love, all alike, no season knows, nor clime,
Nor hours, days, months, which are the rags of time ...

(Donne: *The Sun Rising)*

The trees are in their autumn beauty,

The woodland paths are dry,

Under the October twilight the water

Mirrors a still sky ...

(Yeats: *The Wild Swans at Cooley)*

And I, the last, go forth companionless,

And the days darken round me, and the years,

Among new men, strange faces, other minds ...

(Tennyson: *Morte d'Arthur)*

Упражнение 3.

Выделите в данном тексте главные и второстепенные члены предложения, определите их тип и способ морфологического выражения:

Много окопных военкоров было у дивизионки. Большей частью это рядовые солдаты: стрелки, пулеметчики, артиллеристы, минометчики, саперы, связисты, разведчики... Когда на участке фронта, занимаемого дивизией, наступало затишье, военкоры собирались в редакции на однодневный семинар, руководимый обычно редактором или секретарем газеты.

Удивительный народ военкоры! В белых, вылинявших а солнце и на ветру гимнастерках, огрубевшие, с большими, тяжелыми руками, привыкшими крепко держать оружие, бесконечно далекие от профессии газетчика, они испытывали неистребимое, какое-то трепетное благоговение перед печатным словом и ради него мужественно брались за непривычное им дело, отдавали ему целиком редкие минуты отдыха, испытывая не столько муки творчества, сколько просто муки, муки физические.

Глядишь, бывало, на такого сочинителя, и душа наполняется жалостью к нему: выводит первое слово, страдает, видя, что ничегошеньки-то у него не получается.

Но зато как загорались его глаза, когда наборщики брали заметку, приведенную в божеский вид секретарем газеты или литсотрудником, мудрили над ней минут десять, а потом показывали ее автору свежий оттиск, именуемый гранкой. Удивление, восторг, минутная растерянность перед сущим чудом — эти чувства одно за другим отражались на сияющей, великолепной физиономии паренька, родившегося где-нибудь в глухой Марьевке либо Ивановке...

(М.Алексеев)

Упражнение 4.

Выделите в данном тексте главные и второстепенные члены предложения, определите их тип и способ морфологического выражения:

Mass Media

Mass media are one of the most characteristic features of modern civilizations. People are united into one global community with the help of mass media. People can learn about what is happening in the world very fast using mass media.

The mass media include newspapers, magazines, radio, TV.

The earliest kind of mass media was newspaper. The first newspaper was Roman called «Acta Diurna» started in 59 B.C.

Magazines appeared in XVII century.

The most exciting and entertaining kind of mass media is television. It brings moving pictures and sounds directly to people's homes. So one can see events in faraway places.

Radio is widespread for its portability. It can be easily carried around. People like to listen to the Radio in the park, on the beach, at the seaside, in the car, while driving a car, on the picnic. The main kind of radio entertainment is music, news, musical quiz.

Internet is the most advanced and fast-growing kind of digital media. It gives people the freedom of speech and self-expression unavailable before, at the same time allowing many new and unforeseen combinations of different media types. Internet is also the foundation of new technologies that will impact the society in numerous ways, such as e-commerce and virtual multi-user communities.

Упражнение 5.

Определите, сколько в предложении рядов однородных членов. Расставьте знаки препинания:

1.Станции завалены смолистыми бревнами и пахнут свежей порубкой и дикими лесными травами. 2. И вот к прелести ночного костра к горьковатому запаху дыма треску сучьев перебеганию огня и пушистому белому пеплу присоединяется еще и знание завтрашней погоды. 3. А вот само озеро без дна черное. 4. Темнело быстро по-осеннему. 5.В дожде в непроглядном мраке выли волки. 6.Без свечей без звона колокольчиков без органных раскатов костел напоминал театральные кулисы при скучном дневном освещении. 7. Год назад отец уехал из Киева и поступил статистиком на Брянский завод в Орловской губернии. 8. Вода шла через каменную плотину прозрачным валом с грохотом падала вниз и моросила холодной пылью. 9.Коляска шла боком косо скрежетала железными шинами. 10.Гнедые лошади задрав морды храпя вошли в стремительную воду. 11. Порывами налетал дождь бил твердыми каплями в оконные стекла смывал с них известку. 12.Место прежних героев и бледных от нежности женщин заняли Чичиков и Хлестаков.

(Из произведений К.Паустовского)

Упражнение 6.

Расставьте знаки препинания между согласованными определениями. Объясните, почему эти определения однородные или неоднородные. Укажите случаи вариативной постановки запятых.

1.С каждым летом зарубка все сильнее заплывает твердой золотистой смолой. 2.Швейцар зажег свечу и обошел зеленые оранжевые и серовато-голубые залы. 3.С одной из лесных полян я увидел высокую многоцветную грозу. 4.Порывистый ветер нес легкие рваные облака. 5.Между нами и солнцем лежала серебряная тусклая полоса. 6.Казалось, что в саду играл на старом столе живой щебечущий музыкальный ящик. 7.Что же происходит с самыми точными продуманными и выверенными писательскими планами? 8.В море около поселка лежит большой гранитный валун. 9.Белобрысые босые мальчишки сидели на дощатой пристани и удили корюшку. 10.Вместе с мальчиками удил рыбу вихрастый веснушчатый милиционер. 11.Я занял

одну комнату в гулком большом доме с почернелыми бревенчатыми стенами. 12.Из-под ног были видны маленькие черные замшевые туфли. 13.В жаркие дни Берг слышал в лесу тихий дрожащий звон. 14.Там в кувшине стояла холодная колодезная вода, висело знакомое льняное полотенце с вышитыми дубовыми листьями. 15.На стенах наросла изморозь. Сквозь нее проступали желтые красные и синие пятна фресок. 16.В конце концов я решил взять по одному цветку и одной ветке от всех растений, создававших вокруг озера непролазные росистые пахучие валы. 17.По берегам уже зацвела желтоватыми непрочными кистями таволга. 18.А мелкий грибной дождь сонно сыплется из низких туч. 19.Как-то осенью я со своим другом провел несколько дней на рыбной ловле на глухом старом русле Оки. 20.Существует вершина - чистый и гибкий русский литературный язык.

(Из произведений К.Паустовского).

Упражнение 7.

Определите место обобщающего слова по отношению к однородным членам. Расставьте знаки препинания:

1.Приметы связаны со всем с цветом неба с росой и туманами с криком птиц и яркостью звездного неба. 2.Кроме мальчишек баб и болтливых стариков, у нас были враги более серьезные подводные коряги комары ряска грозы ненастье и прибыль воды в озерах и реках. 3.Листья мы находили в карманах своих дождевых плащей в кепках в волосах всюду. 4.Последние птицы спрятались под стрехи, и вот уже больше недели, как нас никто не навещал ни дед Митрий ни Ваня Малявин ни лесничий. 5.А утром все хрустело вокруг подмерзшие дороги листья на крыльце черные стебли крапивы торчавшие из-под снега. 6.Земля наполняется шумом плеском игрой капель и талых вод тысячами признаков весны. 7.Поручни компасы бинокли всякие приборы и даже высокие пороги кают все это было медное. 8.Вся мебель диваны столы и стулья была сделана из светлого дерева блестела от времени и пахла кипарисом, как иконы. 9.В этом рассказе вы найдете почти все, о чем я упоминал выше сухие дубовые листья седого астронома гул

канонады Сервантеса людей непоколебимо верящих в победу гуманизма горную овчарку ночной полет и многое другое. 10.А затем уже шли настоящие лесные слова корабельная роща осинник мелколесье песчаный бор чапыга мшары (сухие лесные болота) гари чернолесье пустошь опушка лесной кордон березняк корье живица просека кондовая сосна дубрава и много других пустых слов наполненных живописным содержанием.

(Из произведений К.Паустовского)

Упражнение № 8.

Расставьте знаки препинания. Укажите причины обособления определений:

1.Это прекрасное и величественное здание видное за тридцать километров было построено крепостным Дорофеем Мякишевым в начале восемнадцатого века. 2.У маленького Тараса началась сиротская жизнь полная обид и невыплаканных слез. 3.Тишина на рассвете такая редкая в Москве не успокаивала а, наоборот, усиливала его волнение. 4.Я вскрикнул ослепленный и испуганный. 5.Несмотря на жизнь полную летней прелести Левитан много работал. 6. А утром в больницу пришел Ширяев тихий смущенный совсем непохожий на прежнего матерого хозяина.7.Маленькая празднично разодетая она стояла потупив глаза и теребила край синего фартука. 8.Кусты неясные от тумана нависали над палубой. 9.Мы нищие благоговели перед великолепием. 10.Возле пристани стоял катер отдохнувший и умытый после зимней спячки...

(Из произведений К.Паустовского)

Упражнение 9.

Расставьте знаки препинания в предложениях с вводными словами и вставными конструкциями. Определите значение вводных слов и предложений:

1.Впрочем о Вере Яковлевне немного приходилось говорить. Итак он поехал в Петербург и привез оттуда мамзель-француженку да Карла Адамовича. 2.В один вечер это как я сказала уже было вскоре после приезда

их на дачу бабушка играла в карты кажется с Белугиной... 3. И точно Елена Павловна пеклась о князе как будто бы он был ей ближе чем племянник. Казалось он был ее единственной мыслью. 4.Кто же в самом деле в полном уме заговорит так как будто целиком из романа? 5.В непродолжительном времени однако это положение сделалось довольно затруднительным для гувернантки. 6.Но между нами сказать это ведь в некотором роде вольнодумство идея занесенная с гнилого Запада. 7.Один раз тот же самый чиновник из губернаторской канцелярии что кричал «браво» танцмейстеру при ней на каком-то обеде подал голос в пользу почтовых карет правда он еще сказал что-то в пользу наемных слуг и прибавил что у какого-то князя *** где он бывал с губернатором, в Петербурге он любил очень говорить об этом князе все наемные люди. 8.Впрочем должно сказать правду она несмотря на свои громкие речи на деле как и ее противники была не очень ревностна к своим правам и конечно по нерадению напоминала о них своей Агашке очень редко и только вследствие какого-нибудь слишком уже явного на них посягательства. 9.Оба петербургские и оба разумеется смотрели на веселящуюся публику с не очень человеколюбивым намерением – подсмотреть губернские слабости. 10.Линейка Вера Яковлевна боялась всякого другого экипажа длинная линейка стучит по неровной мостовой и лошади вытянув шеи тащатся взминая грязь.

(Из произведений М.С.Жуковой)

Упражнение 10.

Расставьте знаки препинания. Укажите вариативную постановку знаков:

А. 1.В комнате между двух окон под разбитым зеркалом стоял стол заваленный казенными бумагами несколько справа железная кровать с чистой постелью и маленьким ковриком около нее. 2.На другой день 27-го числа после десятичасового сна Володя свежий бодрый рано утром вышел на порог блиндажа. 3.По сию сторону бухты между Инкерманом и Северным укреплением на холме телеграфа около полудня стояли два офицера...

4.Впереди в дыму видны были уже синие мундиры красные панталоны и слышны нерусские крики один француз стоял на бруствере махал шапкой и кричал что-то. 5.Ясно, что там среди гор потоков черкешенок и опасностей эти ошибки не могут повториться. 6.Вдруг невдалеке от казака затрещал камыш послышались шаги и зашевелились махалки камыша. 7.Толпа казаков звонко в несколько голосов говорили на берегу. 8.Об охоте он уже не думал чувствовал убийственную усталость и особенно внимательно почти с ужасом осматривал каждый куст и дерево ожидая ежеминутно расчета с жизнью. 9.Во исполнение этого предписания Николая Павловича тотчас же в январе 1852 года был предпринят набег в Чечню. 10.Тут же у этого же адъютанта я встретил одного человека который еще больше удивил меня...11.Князь ходил по-старинному в кафтане и пудре. 12.Официант Филипп, с испуганным лицом и другою свечой в руке, стоял ниже на первой площадке лестницы. 13.Очевидно было что дело начавшееся так легко уже ничем не могло быть предотвращено что оно шло само собой уже независимо от воли людей и должно было совершиться. 14.Налево недалеко от крайнего орудия был новый плетеный шалаш из которого слышались оживленные офицерские голоса. 15.Внизу в том месте где проезжали парламентеры послышались ружейные выстрелы. 16.Через две недели после получения письма вечером приехали вперед люди князя Василия а на другой день приехал и он сам с сыном. 17.Князь Николай Андреевич сел на свое обычное место в угол дивана пододвинул к себе кресло для князя Василия указал на него и стал расспрашивать о политических делах и новостях. 18.В высших сферах армии с полдня 19-го числа началось сильное хлопотливо-возбужденное движение продолжавшееся до утра следующего дня 20-го ноября в которое дано было столь памятное Аустерлицкое сражение.

(Из произведений Л.Толстого)

Упражнение № 11.

Выпишите из текста простые осложненные предложения и выполните их синтаксический разбор:

У реки

К двум часам пополудни братья были уже у реки. Николай выпряг и стреножил Воронка, не спеша, аккуратно уложил в кошму все рыбацкое имущество и предложил:

— Пойдем, посмотришь на плес. Он тебе понравится, уверен.

Увязая по щиколотку в сыпучем песке, с трудом продираясь сквозь заросли кустов белотала-перестарка, они спустились по пологому откосу к неширокой песчаной косе.

Перед ними лежала, как будто в огромной, врезанной в землю раковине, зеркальная водная гладь метров шестидесяти шириной. Противоположный берег плеса был обрывист, крут, по верху его вплотную к самому обрыву подступал старый, не тронутый ни порубкой, ни прочисткой смешанный лес: невысокие, но кряжистые, в два-три обхвата, дубы, карагачи, вязы вперемежку с дикими яблонями, вербы, тополя и осины. Все это буйное смешение лиственных деревьев с густейшим подлеском зубчатой грядой тянулось вверх и вниз по течению реки, а вдали, на границе с холмистой степью, высоко взметнув вершины, ловя верховый ветер, величаво высились осокори и ясени с могучими, похожими на мраморные колонны бледно-зелеными стволами.

Прямо против спуска к реке лес разделялся широкой прогалиной. Посередине одиноко красовался древний вяз с такой раскидистою кроной, что в тени ее свободно разместилась отара — голов в триста, овец. Угнетенные послеполуденным зноем, овцы, разделившись на несколько гуртов, теснились вкруговую, головами внутрь, изредка переступали задними ногами, глухо пофыркивали. Неподалеку от вяза, на солнцепеке, опершись обеими руками на костыль, недвижно стоял седобородый пастух-старик, с головою, повязанной выгоревшей красной тряпицей, в грязных холщовых портах, в длинной, до колен, низко подпоясанной рубахе.

Что-то древнее, библейское было в этой живописной картине: вяз патриаршего возраста, старик пастух с овцами, не тронутый человеческою

рукою первобытный лес и дремучая тишина, изредка прерываемая посвистом иволги да воркованием горлинки, — всё это как бы сошло с полотна старинного художника и воплотилось в жизнь, озвученную и неповторимо красочную.

(По М. Шолохову)

Упражнение 12.

Определите тип предложения: простое или сложное. Расставьте знаки препинания:

1.Был уже август кое-где на березах висели первые пожелтевшие листья. 2.Лицо ее горело от холода губы обветрились. 3.Маша улыбнулась вытянула перед собой руки. 4.Солнце еще не прогрело полированные деревянные стены столики и ореховое пианино. 5.К ночи задул над Опочкой сумрачный, серый ветер нагнал тучи. 6.Лесной край уходил в нежную мглу рядился в прощальный туман. 7.Хороши были закаты в полнеба над лесными озерами тонкий дым облаков холодные стебли лилий треск костра кряканье диких уток. 8.Бормотали под корягами ручьи на дне оврага светились маленькие озера. 9.Над лугами тащились из-за реки цеплялись за облетевшие ветлы рыхлые тучи. 10.Овсы шелестели гнулись по ним бежала седая волна.
11.Больше на Поганое озеро мы не ходили но все же заслужили у баб славу людей отпетых, готовых на все. 12.Попутчики менялись но все они казались Маше интересными. 13.Схватка между дедом Кузьмой и Прасковьей Захаровной грозила разгореться но тут вмешался Ваня Самарский. 14.Служитель пристально следил за этой сценой но не двинулся с места. 15.Свинцовое небо простиралось над головой, но цвет этого свинца был все же парижский – легкий и очень светлый.
16.Там были гиацинты точно из воска и старого золота из бирюзы и снега из красного вина и черного бархата. 17.Бабы нас раззадорили и мы решили обязательно дойти до Поганого озера. 18.Из-под корней выскочил дикий утенок и с отчаянным писком побежал к воде. 19.Острова белых лилий цвели на воде и приторно пахли. 20.Ударила рыба и лилии закачались.

(Из произведений К.Паустовского).

Упражнение № 13.

Перестройте простые предложения с обособленными членами в сложноподчиненные. Запишите их и определите: а) какие предложения более четко передают определительные, временные, причинные, условные, уступительные и другие отношения; б) в каком стиле речи употребляются конструкции с причастным и деепричастным оборотами (книжном или разговорном):

1. Весь эскадрон, испытывавший то же, что и он, тронулся за ним. 2. В приемной были купцы, женщины, чиновники, молча переглядывавшиеся между собой. 3. Балашев, чувствуя необходимость возражать, сказал, что со стороны России дела не представляются в таком мрачном виде. 4. Князь Андрей испуганно-поспешно отвернулся от них, боясь дать заметить, что он их видел. 5. Тимохин, страдая от боли в раненой ноге, не спал. 6. Присмотревшись в темноте, Пьер понял, что человек этот разувался. 7. Любя человеческою любовью, можно от любви перейти к ненависти.

(Из произведений Л. Толстого)

Упражнение № 14.

Определите количество предикативных частей в составе сложных предложений. Расставьте знаки препинания:

1.Они были поражены что туман у Моне был окрашен в багровый цвет тогда как всем известно что цвет тумана серый. 2.Вся тоскливость ненастья и вызывалась как я думал именно тем что оно съедало краски и заволакивало землю мутью. 3.У меня кружилась голова от обилия и густоты красок и чтобы отдохнуть я уходил в зал где была выставлена скульптура. 4.Трещали камыши холодная ночь простиралась над миром одиночество камнем лежало на сердце. 5.Шевченко ликовал а приказ об освобождении медленно переползал из одной канцелярии в другую писаря рылись в пыльных списках пакеты дожидались оказии и путь в три тысячи верст приказ шел почти три месяца. 6.Когда лодка отошла он оглянулся на мрачные берега где темнели

батареи где чей-то женский платок еще белел еще трепетал в воздухе. 7.Звезды дрожат за окнами в печке что-то потрескивает пахнет сухой мятой и так на сердце спокойно так тихо что кажется век бы жил и жил и думал хорошие думы. 8.Дали ему смирного коня и объезжал он на нем луга присматривал чтобы те же самые мальчишки а заодно с ними девчата не вытаптывали и не мяли траву. 9.Конь заржал жалобно протяжно взмахнул хвостом и тотчас в голых деревьях в изгородях и печных трубах завыл засвистел пронзительный ветер вздул снег запорошил Фильке горло. 10.Щедрин рассказал что он здесь случайно, с миноносца идущего на Волгу что из письма одного офицера умершего в один год с Семеном он узнал откуда родом Тихонов и зашел кстати проведать.

Упражнение № 15.

Расставьте пропущенные знаки препинания. Укажите смысловые отношения между частями бессоюзных сложных предложений:

1.Остерегаться не мешает если окажется негодяй не обманешься а порядочный человек приятно ошибешься. 2.Не она одна оплакивала разлуку сильно горевал тоже камердинер Сашеньки Евсей. 3.Жизнь от пелен ему улыбалась мать лелеяла и баловала как балуют единственное чадо нянька все пела ему над колыбелью что он будет ходить в золоте и не знать горя профессоры твердили что он пойдет далеко а по возвращении его домой ему улыбнулась дочь соседки. 4.В эту минуту послышался звон другого колокольчика на двор влетела телега, запряженная тройкой. 5.Ты ему не говори о своем затруднении насчет выбора да и о проектах тоже ни слова пожалуй, еще обидится что не доверяем ему да пугнет порядком он крутенек. 6.Александр выбежал как будто в доме обрушился потолок посмотрел на часы поздно к обеду не поспеет. 7.Он взял ее за руку она не отвела и руки. 8.Он встал с постели прошелся раза три по комнате заглянул в гостиную Штольц сидит и пишет. 9.Обломов подошел к своему запыленному столу сел взял перо обмакнул в чернильницу но чернил не было поискал бумаги тоже нет. 10.Он задумался и машинально стал чертить пальцем по пыли потом

посмотрел что написал вышло Обломовщина. А. 1.Вечер был несколько свеж сад весь покрыт мглой небо чисто и усыпано яркими звездами. 2.Молодой человек был встревожен в одно утро он получил анонимное письмо где его предостерегали насчет панны Розалии. 3.Свирепый господин потерпел тоже неудачу и тоже по рассеянности он передернул карту его побили и лишили средств продолжать карьеру. 4.Узнав о приезде молодого человека с деньгами они приняли похвальное намерение обобрать его панна Розалия должна была разыграть несчастную жертву страсти а свирепый господин злобного ее родственника.

(Из А.Я.Панаевой).

Упражнение № 16.

Выпишите из текста сложные предложения, распределив их по группам: 1)сложносочиненные; 2) сложноподчиненные; 3)бессоюзные:

Малый Абакан вечером

Солнце склонилось на закат и как бы в нерешительной задумчивости зависло над дальними заснеженными перевалами и вдруг пошло, покатилось золотым полтинником за островерхие ели, за посиневшие хребты. Ненадолго зажегся лес ярким огнем, вспыхнуло от него по краям небо, заиграла река в пересветах, в бликах, в текучих пятнах, ближе к реке сдвинулись деревья, темнота отступила в глубь тайги. Все вокруг не то чтобы замерло, а как-то благостно, уважительно и свято приглушило бег, голоса, дыхание.

И в это время, в минуты торжественного угасания дня, вдруг ожила река. Вот только что пустынный и вроде бы никем и ничем не обжитый, одинокий и как бы даже зябко шумевший Малый Абакан, изредка тревожимый легким всплеском малой рыбки, тронуло легкими и частыми кружками. Дождь? Откуда?

Нет, не дождь. То рыбья молодь вышла кормиться на отмели, за нею двинулась и отстойная, в этом перекате лётающая рыба. Закипел, заплескался Малый Абакан, ожили его гремучие перекаты и покатые плесы.

Между тем время не текло — бежало, мчалось. Сгустились тени у берегов реки, и сами берега сомкнулись в отдалении, темью заслоняло воду, сужало пространство реки, перестало реять настоявшееся в лесах тепло и потянуло с гор холодом. Начало холодить спину, и только что гулявшая и кипевшая от рыбьего хоровода, плескавшаяся, подбрасывавшаяся над собой кольцом загнутых рыб река сама утишила себя, поприжала валы в перекатах, смягчила шлепанье их о камни и шум потоков.

И снова это обманчивое свойство горных рек. Малый Абакан вроде бы обездушел, сделался отчужденным, недружелюбным и неприветливым, и в водах его вроде бы опять никто не жил, не ночевал, не отстаивался в ямах.

(По В. Астафьеву)

Упражнение № 17.

Расставьте пропущенные знаки препинания.

Отряд назначенный в набег состоял из четырех батальонов пехоты двух сотен казаков и восьми орудий. Колонна шла дорогой. По обеим же сторонам колонны непрерывной цепью спускаясь и поднимаясь по балкам шли егеря в высоких сапогах полушубках и папахах с ружьями на плечах и патронами на перевязи. Как всегда, отряд двигался по неприятельской земле соблюдая возможную тишину. Только изредка на канавках позвякивали встряхнутые орудия или не понимающая приказа о тишине фыркала или ржала артиллерийская лошадь или хриплым сдержанным голосом кричал рассерженный начальник на своих подчиненных за то что цепь или слишком растянулась или слишком близко или далеко идет от колонны. Один раз только тишина нарушилась тем что из небольшой куртинки колючки находившейся между цепью и колонной выскочила коза с белым брюшком и задом и такой же козел с небольшими, на спину закинутыми рожками. Красивые испуганные животные большими прыжками поднимая передние ноги налетели на колонну так близко что некоторые солдаты с криками и хохотом побежали за ними намереваясь штыками заколоть их но козы

поворотили назад проскочили сквозь цепь и преследуемые несколькими конными и ротными собаками, как птицы, умчались в горы.

(По Л.Толстому)

Упражнение № 18.

Объясните расстановку знаков препинания:

1.Море шепталось по-прежнему с берегом, и ветер все так же носил его шепот по степи (М. Горький). 2.Берег сух, и вечер ясен, и костер невдалеке (В. Сорокин). 3.Стало горячо, и мы, хмурясь, отодвинулись от огня (Ю. Казаков). 4.А как пышет-то из леса перегретого — и без пожара жарко (В.Чивилихин). 5.Глухая тоска без причины и дум неотвязный угар (А.Блок). 6.Все небо заволокло тучами, и стал покрапывать редкий, мелкий дождь (А.Чехов). 7.Тень от тучи легла, и слилась, и смешалась с травой (Н.Заболоцкий). 8.Скрипело, свистело и выло в лесу, и гром ударял в отдаленье, как молот, и тучи рвались в небесах, но внизу царило затишье, и сумрак, и холод (Н.Заболоцкий). 9.Грянул гром — и тучи дрогнули, охваченные синим огнем (М. Горький). 10.Сначала обожгло глаза, и тут же небо глухо ухнуло, и вместе с ним на землю рухнула разгоряченная гроза (Г.Серебрякова). 11.Ломалось небо, и вздымалось, и глухо падало к ногам (Г.Серебрякова). 12.И снова яростная вспышка и громовой протяжный рык (Г.Серебрякова). 13.Гудело небо орудийным гулом, и отступал свирепый белый зной (Г.Серебрякова). 14.Рожь бушует глухо, шумит — и никого кругом. (А.Твардовский). 15.Никого. Только ночь и свобода (А.Блок). 16.И шум листвы, и говор грома, встревоживший заречный сад (В.Фирсов). 17.Буря на море и гроза в степи! — Я не знаю более грандиозных явлений в природе (М. Горький). 18.Затих повсюду шум и гам и воцарилося молчанье... (Ф.Тютчев). 19.Все тихо и молчит; и вот луна взошла... (Ф.Тютчев). 20.Никогда воздух не был так чист и нигде не дышалось так легко, как этим вечером в лесу (К.Паустовский). 21.И сердце, замирая, не стучит, когда звучит струна березы белой и чисто флейта иволги звучит. (В.Фирсов). 22.Как велика земля моя и как она мала! (С.Баруздин). 23.И откуда приходят

к нам Радости, и откуда плывет Тишина? (А.Блок). 24.Какая, однако, без милой тоска и как мне ее обойти? (С. Васильев). 25.Я ее знаю, и хорошо знаю (И.Тургенев). 26.И на душе не случайно светло и не случайно весело (В.Фирсов).

Упражнение № 19.

Выпишите из художественных произведений 10-15 примеров простых предложений с однородными, обособленными членами предложения и вводными словами (на материале английского и немецкого языков).

Упражнение № 20.

Выполните полный синтаксический разбор следующих предложений:

1. Last year the local museum organized an exhibition.
2. Finding a flat and beginning her job were the next steps in her life.
3. The hotel is good, but expensive.
4. The youngest boy has just started going to school.
5. She tells him village gossip.
6. Why do say that?
7. Let’s ask him for advice about color films.
8. In this book I present a view about the nature of poetry as a use of language.
9. Are these words really only very simple ones?
10. Generally speaking anybody can provide an interpretation based on personal reaction.

Глава VIII. Коммуникативные особенности монологической и диалогической речи.

§ 1. Способы организации монологической речи

Понятие монолога в синтаксической литературе сформировалось на основании его сопоставления с диалогической формой речевого общения. Однако описание условий протекания речевой коммуникации, зависимость отбора языковых средств от внешних обстоятельств не даёт представления о лингвистической сущности речевых форм общения. Трудность состоит в установлении дифференциальных признаков монологической речи и их

совокупности, важных как для понимания сущности данной формы речевого общения, так и для четкого отграничения ее от диалогической речи в исследовательской практике.

Интерес к изучению монологической речи вызван существующими среди языковедов разногласиями относительно ее лингвистических признаков, среди которых выделяются как вербальные, словесно выраженные, так и невербальные, сопутствующие речевой коммуникации, свойства монолога.

Для ранних работ (Л.П.Якубинский, Л.В.Щерба) характерно рассмотрение монолога как речи литературной, книжно-письменной, нормированной, что отличает его от диалога как речи ненормированной разговорной. К наиболее существенным лингвистическим признакам монолога относят структурную организованность, сложность синтаксических конструкций, протяженность речевого отрезка, литературную обработанность. Примечательно и выделение таких признаков, как адресованность речи, преднамеренность воздействия, связанность речи, предварительное обдумывание содержания речи, сознательность выбора языковых средств и их компонирование. Однако выделенные лингвистические признаки не могут быть отнесены ко всем типам монологов, т.к. их структурные свойства во многом определяются жанровым своеобразием, стилем речевого произведения.

В.В.Виноградов в кругу непосредственного речевого общения предлагает ориентироваться на четыре основных типа монологов: внушающий (агитационный), лирический, драматический и сообщающий (повествовательный), различие которых обусловлено функциями языка в процессе коммуникации.

Изучение монолога предполагает выявление особенностей, связанных с типологической характеристикой, сферой функционирования. Структура и характер монологов эпических произведений не совпадают и не могут

совпадать с соответствующими признаками монологов драматических; монологи лирических жанров в свою очередь имеют отличительные черты.

Исследуя отличительные свойства сценического монолога, Г.О.Винокур пришел к выводу о том, что строгих и абсолютных границ между монологической репликой и репликой диалогической не существует; между ними есть только некоторые различия, устанавливаемые по ряду признаков, к которым относятся большая протяженность монологической реплики в отличие от диалогической, композиционная сложность монологической реплики, структурная оформленность, обширное тематическое содержание, обращенность сценического монолога не во вне, а внутрь, т.е. к самому говорящему. Противопоставление монолога и диалога на уровне реплик не представляется убедительным, т.к. понятие «монологическая реплика» у Г.О.Винокура, равнозначное пониманию монолога, обозначает структурно организованный связный текст, характеризующийся определенным тематическим единством, в то время как диалогическая реплика – это часть текста, если придерживаться общих оснований для выделения речевых форм общения.

Попытки выделить «чистые формы» монолога и диалога привели к формированию широкого и узкого понимания при определении этих понятий в лингвистике. «Монолог и диалог имеют двоякое значение: широкое и узкое.

В широком смысле речь не существует вне этих форм: любое произведение или выступление характеризуется единством противоположностей. Это – монолог, одновременно представляющий собою своеобразный член диалога, на что-то отвечающий, что-то опровергающий, что-либо подтверждающий.

В узком смысле монолог и диалог являются формами бытия чужой речи, причем основными».

Описание монолога и диалога как способов передачи чужой речи также не дало основания для четкого разграничения речевых форм общения, т.к. в

структуре самой монологической речи отмечаются переходные случаи в отношении лексического состава и синтаксиса.

Целое речевое произведение (роман, повесть, рассказ, статья, очерки и т.п.), хотя и является формой авторской монологической речи, т.к. повествование ведется от одного лица, автора, не может рассматриваться как «чистая форма» монологической речи. Как известно, авторское повествование в художественной прозе и публицистике чаще представляет собой смешанные типы текстов монологической и диалогической речи. Но целое речевое произведение в силу достаточной развернутости может распадаться на определенные структурно-семантические единства, имеющие свою микротему. Эти структурно-семантические единства могут быть по форме как монологическими, так и диалогическими. Поскольку в рассматриваемом случае понятие монолога и диалога уже понятия речи, для обозначения выделяемых структурно-семантических единств можно использовать определение, данное О.И.Москальской, называя их в зависимости от формы проявления речи, текстом монологической или диалогической речи. Различие между ними состоит в структурной организации текстов, обусловленной условиями речевой ситуации в монологе и диалоге. Именно на уровне микротекста, представленного сложным синтаксическим целым, становится возможным четкое отграничение монолога от диалога.

В лингвистической литературе текст диалогической речи характеризуется как перемежающаяся цепь предложений, которая образуется в результате чередования высказываний собеседников, и поэтому каждый из них в процессе речи выступает то в роли говорящего, то в роли слушающего. Текст монологической речи вербально представлен линейной последовательностью предложений цепочечного и параллельного типа, характеризующихся единством темы, изложение которой ведется от одного лица.

Итак, термин «монолог» в современных филологических исследованиях употребляется в широком и узком значениях.

В широком понимании монолог – это форма речевого общения, в которую облекается связная устная и письменная речь (доклад, лекция, реферат, художественное или публицистическое произведение, научная статья, приветственная речь и т.п.), представленная как речь одного лица. Однако при изучении целого речевого произведения возникает ряд дополнительных задач, поэтому в лингвистическом понимании термин «монолог» приобретает узкий смысл и служит для обозначения одного из видов текста.

Понятие монолога в лингвистических работах последних лет связывается с понятием текста, на синтаксическом уровне представленное сложным синтаксических целым, или сверхфразовым единством. Возможность структурного выделения монолога как относительно законченного речевого отрезка внутри целого произведения обеспечивается тематическим единством включенных в него предложений. Предложения, в составе этих фрагментов характеризуются не только смысловым единством, но и наличием структурных показателей связей между ними, т.е. представляют собой структурно-смысловые единства монологических высказываний. Они отличаются коммуникативной полнозначностью, которая не утрачивается при их отвлечении от речевого контекста или конситуации.

Текст монологической речи художественного или публицистического произведения всегда имеет коммуникативную установку. Как один из видов речевой коммуникации монологическая речь предполагает наличие лица (автора), от имени которого ведется повествование, адресата (слушателя, читателя), наличие сообщения (монологический текст) и средств связи между автором и адресатом. Поэтому изучения вербальной, словесно выраженной, организации монологического текста предполагает описание и невербальных компонентов речевого общения, влияющих на отбор языковых средств и их организацию в процессе создания речевого произведения.

Для монологической речи характерны сложные формы организации, такие, как период, сложное синтаксическое целое и абзац.

Сложноподчиненное предложение, состоящее не из двух, а из нескольких частей, может быть особым образом организовано и представлять собой **период** (periodos – ‘круг’; переносно – ‘замыкающаяся речь’). Особая организация заключается в следующем: придаточные и главные части предложения в нем группируются отдельно, в порядке последовательного перечисления. Это многочленное сложное предложение, гармоничное по своей синтаксической структуре.

Интонационное оформление периода определенно и неизменно: постепенное нарастание голоса вначале, затем пауза и понижение голоса. В соответствии с этим период делится на две основные части, которые называются **повышением** и **понижением**. В больших по объему периодах повышение и понижение может в свою очередь подразделяться на части посредством пауз меньшей длительности, это члены периода. Части периода построены по принципу параллелизма: в них обычно повторяются и порядок слов, и видо-временные формы глаголов.

В периоде обычно главной части (или главным) предшествует перечисление однородных придаточных, например:

Лишь только ночь своим покровом верхи Кавказа осенит, ***лишь только*** *мир, волшебным словом завороженный, замолчит,* ***лишь только*** *ветер над скалою увядшей шевельнет травою, и птичка, спрятанная в ней, порхнет во мраке веселей, и под лозою виноградной, росу небес глотая жадно, цветок распустится ночной,* ***лишь только*** *месяц золотой из-за горы тихонько встанет и на тебя украдкой взглянет, - к тебе я стану прилетать, гостить я буду до денницы и на шелковые ресницы сны золотые навевать* (М.Лермонтов).

Однако придаточные (или придаточная) могут и закрывать период, т.е. помещаться во второй части, например:

До чтения ли, до письма ли было тут, когда душистые черемухи зацветают; когда почка на березах лопается; когда черные кусты смородины опушаются беловатым пухом распускающихся сморщенных листочков; когда все скаты гор покрываются подснежными тюльпанами, называемыми «сон», лилового, голубого, желтоватого и белого цвета; когда полезут везде из земли свернутые в трубочки травы и завернутые в них головки цветов; когда жаворонки с утра до вечера висят в воздухе, над самым двором рассыпаются в своих журчащих, однообразных, замирающих в небе песнях, которые хватали меня за сердце, которых я заслушивался до слез; когда божьи коровки и все букашки выползают на божий свет, крапивные и желтые бабочки замелькают, шмели и пчелы зажужжат; когда в воде движение, на земле шум, в воздухе трепет, когда и луч солнца дрожит, пробивается сквозь влажную атмосферу, полную жизненных начал (С.Аксаков).

Части периода (как перечисляющиеся придаточные, так и главные) могут быть осложнены внутренним подчинением.

Смысловые отношения между частями периода (повышением и понижением) те же, что и между частями сложноподчиненного предложения (временные, причинно-следственные, условные и т.д.).

Сложные предложения сопоставительные также могут строиться по принципу периода, например:

Чем чаще празднует лицей свою святую годовщину, - тем робче старый круг друзей в семью стесняется едину, тем реже он; тем праздник наш в своем веселии мрачнее, тем глуше звон заздравных чаш и песни наши тем грустнее (А.Пушкин).

Построение сложного предложения в виде периода – явление не только структурно-синтаксическое, но и стилистическое. Период отличается эмоциональной насыщенностью, лирической или публицистической напряженностью и потому свойствен обычно речи приподнятой, независимо оттого, прозаическая она или поэтическая, например:

Кто бродил ночью по руднику и видел, как, преображенные лунным светом, хорошеют трогательные беленькие шахтерские хаты; кто видел степь под луной - серебристую и оживленную, с шумными приливами и отливами сизых ковыльных волн; кто жадно вдыхал горячие, многоструйные запахи ночи, слушал далекие звуки гармоники - а без нее не бывает летних вечеров на шахте, - словом, кто любил, и страдал, и надеялся, и не ведал покоя, тот знает, как греет лунный свет! (Б.Горбатов). Или:

Когда идешь по снежным гребням ты,
Когда по грудь ты входишь в облака, –
Умей глядеть на землю с высоты!
Не смей глядеть на землю свысока!

(С. Островой)

Если период – это одно особым образом организованное предложение, то две другие формы организации – сложное синтаксическое целое и абзац – состоят из нескольких предложений.

Сложное синтаксическое целое, или сверхфразовое единство, – это сочетание нескольких предложений в тексте, характеризующееся относительной завершенностью темы (микротемы), смысловой и синтаксической спаянностью компонентов. Сложные синтаксические целые являются средством выражения смысловых и логических единств.

Отдельные предложения в составе сложных синтаксических целых объединяются межфразовыми связями, которые осуществляются при помощи лексической преемственности, а также специальными синтаксическими средствами.

Структурными средствами организации самостоятельных предложений в составе сложных синтаксических целых являются союзы в присоединительном значении, анафорически употребленные местоимения, наречия, обстоятельственные сочетания, модальные слова, порядок слов, соотнесенность видо-временных форм глаголов, возможная неполнота отдельных предложений. Например, в сложном синтаксическом целом:

Послышалось около третьего корпуса: *«Жак... жак... жак...». Итак около всех корпусов и потом за бараками и за воротами. И похоже было, как будто среди ночной тишины издавало эти звуки само чудовище с багровыми глазами* (А.Чехов) – средствами организации предложений являются синонимический повтор (эти звуки), присоединительный союз *и*, наречие *так*, форма прошедшего времени глаголов.

Предложения в составе сложного синтаксического целого, например:

Вскинешь кверху тяжелую, как лом, одностволку и с маху выстрелишь. Багровое пламя с оглушительным треском блеснет к небу, ослепит на миг и погасит звезды, а бодрое эхо кольцом грянет и раскатится по горизонту, далеко-далеко замирая в чистом воздухе (И.Бунин) – связаны обозначением действия (первое предложение) и его результата (второе предложение), общностью видо-временных форм глаголов-сказуемых и единством интонации.

Очень характерны для сложных синтаксических целых присоединительные конструкции, последовательно подключаемые к основному (первому) предложению, например:

Двенадцать телогреек мирно отдыхают до утра в железных шкафчиках. И двенадцать зюйдвесток в верхних отделениях. И двенадцать пар сапог, усталых-усталых (из журнала).

Сложные синтаксические целые могут быть **однородного** и **неоднородного состава**. Между однородными предложениями в составе сложных синтаксических целых обнаруживается параллельная связь, между неоднородными – цепная.

При **параллельной** связи содержание предложений перечисляется, сопоставляется или противопоставляется, в них обычно наблюдается структурный параллелизм. Назначение таких сложных синтаксических целых – описание ряда сменяющихся событий, действий, состояний, картин, например:

Буря бушевала над Петербургом, как возвращенная молодость. Редкий дождь хлестал в окна. Нева вспухала на глазах и переливалась через гранит. Люди пробегали вдоль домов, придерживая шляпы. Ветер хлопал черными шинелями. Неясный свет, зловещий и холодный, то убывал, то разгорался, когда ветер вздувал над городом полог облаков (К.Паустовский).

При **цепной** связи (наиболее распространенной) повторяются части предшествующего предложения в последующем или используются их указатели – местоимения, местоименные наречия и т.д. Предложения как бы цепляются одно за другое, последующее подхватывает предыдущее, и тем самым осуществляется развертывание мысли, ее движение, например:

Стеклянные корабли пенили воду. Ветер трубил в их снастях. Этот звук незаметно переходил в перезвон лесных колокольчиков (К.Паустовский).

Параллельная и цепная связь могут совмещаться в пределах одного сложного синтаксического целого, например: *Падавший снег останавливался и повисал в воздухе, чтобы послушать звон, лившийся ручьями из дома. А Золушка смотрела, улыбаясь, на пол. Около ее босых ног стояли хрустальные туфельки. Они вздрагивали, сталкиваясь друг с другом, в ответ на аккорды, долетавшие из комнаты Грига* (К.Паустовский). Между первыми двумя предложениями – параллельная связь, а далее предложения присоединяются по способу цепной связи.

Большую роль в структуре сложного синтаксического целого может играть первое предложение – **зачин**. Оно «дает» тему, которая раскрывается последующими компонентами целого. В структурном отношении первое предложение строится свободно и вполне самостоятельно. Зато все последующие оказываются структурно связанными (порядок слов, видо-временные формы глаголов, интонация и отчасти лексический состав подчинены предложению-зачину).

Примеры:

1. *Все леса хороши с их грибным воздухом и шелестом листьев. Но особенно хороши горные леса около моря. В них слышен шум прибоя* (К.Паустовский).

Зачин – первое предложение, основная тема сообщения. Назначение второго предложения – передать противительно-выделительные отношения (связь осуществляется посредством сочетания *но особенно*). Третье предложение обосновывает второе (показатель связи – местоименный повтор в них, замещающий субстантивное словосочетание *горные леса около моря*). Кроме лексико-синтаксических показателей связи (*особенно хороши; в них*) имеются и собственно синтаксические – союз *но* и порядок слов во втором и третьем предложении: сказуемое предшествует подлежащему, что предопределено структурой первого предложения.

2. *Погода мучила. С утра светило солнце, парило над дымящимися полями, над грязными дорогами, над хлебами, насыщенными водою, легшими на землю. С утра Аверкий, порою покидавший свою телегу и добредавший до избы, обещал старухе, что опогодится. Но к обедам опять заходили тучи, казавшиеся еще чернее от блеска солнца, меняли облака свои необыкновенные цвета и очертания, поднимался холодный ветер, и бежал по полям косой радужный дождь* (И.Бунин).

Зачин – *погода мучила*. Все содержание последующих предложений подчинено этой исходной теме: дается ее детальное обоснование. Структурная связанность выявляется в следующем: основные глаголы имеют один временной план (*мучила, светило, парило, обещал, заходили, меняли, поднимался, бежал*); параллелизм в построении поясняющих предложений (второе и четвертое предложения); повторение обстоятельства времени в начале каждого предложения (*с утра; с утра; но к обедам*); противительные отношения на стыке третьего и четвертого предложений (союз *но*), положение глагола-сказуемого перед подлежащим (второе и четвертое предложения).

Абзац – это часть текста между двумя отступами, или красными строками. Абзац отличается от сложного синтаксического целого тем, что он не является единицей синтаксического уровня. Абзац – это средство членения связного текста на основе **композиционно-стилистической.**

Однако есть и другие мнения относительно абзаца как единицы текста: его считают то синтаксической единицей, то логической, то стилистической.

Для А.М.Пешковского, например, абзац – это интонационно-синтаксическая единица. Л.М.Лосева считает абзац семантико-стилистической категорией), то же находим и у М.П.Сенкевич. Для А.Г.Руднева это синтаксическая единица. Последнее представляется абсолютно неприемлемым.

Функции абзаца в диалогической и монологической речи различны: в диалоге абзац служит для разграничения реплик разных лиц, т.е. выполняет чисто формальную роль; в монологической речи – для выделения композиционно значимых частей текста (как с точки зрения логико-смысловой, так и эмоционально-экспрессивной). Функции абзаца тесно связаны с функционально-стилевой принадлежностью текста и его стилистической окрашенностью, вместе с тем отражают и индивидуально-авторскую особенность оформления текста. В частности, средний объем абзацев часто зависит от манеры письма.

Абзац и сложное синтаксическое целое – это единицы разных уровней членения, т.к. основания их организации различны (абзац не имеет особого синтаксического оформления в отличие от сложного синтаксического целого), однако это единицы перекрещивающиеся, функционально соприкасающиеся, поскольку обе они играют семантико-стилистическую роль. Именно поэтому абзац и сложное синтаксическое целое могут в своих частных проявлениях совпадать, соответствовать друг другу, например:

Мы взобрались на насыпь и с ее высоты взглянули на землю. В саженях пятидесяти от нас, там, где ухабы, ямы и кучи сливались всплошную с ночною мглой, мигал тусклый огонек. За ним светился другой огонь, за этим

третий, потом, отступая шагов сто, светились рядом два красных глаза - вероятно, окна какого-нибудь барака – и длинный ряд таких огней, становясь все гуще и тусклее, тянулся по линии до самого горизонта, потом полукругом поворачивал влево и исчезал в далекой мгле. Огни были неподвижны. В них, в ночной тишине и в унылой песне телеграфа чувствовалось что-то общее. Казалось, какая-то важная тайна была зарыта под насыпью, и о ней знали только огни, ночь и проволоки... (А.Чехов);

Дождь в течение всего лета шел некрупный и теплый. Сначала люди остерегались его, сидели дома, а потом началась нормальная жизнь под дождем, как если бы его и не было. Люди в этом случае действовали подобно курам, ибо существует точная примета предсказания длительности дождя: если во время дождя куры прячутся в укрытие - значит дождь скоро перестанет. Если куры, как ни в чем не бывало бродят по улице, по дороге, по зеленым лужайкам - значит дождь зарядил надолго, по всей вероятности на несколько дней (В.Солоухин).

Такое совпадение хотя и не случайно, но отнюдь не обязательно. Не случайно, потому что абзацное членение текста подчинено прежде всего его смысловому членению, а сложное синтаксическое целое, хотя и является синтаксической единицей, свои формальные показатели объединенности отдельных компонентов приобретает тоже на основе их семантической спаянности. Но совпадение это не обязательно потому, что абзац композиционно организует текст, он выполняет не только логико-смысловую функцию, но и выделительную, акцентную, эмоционально-экспрессивную. Кроме того, абзацное членение в большей мере субъективно, нежели синтаксическое.

Это значит, что абзац может разорвать единое сложное синтаксическое целое. Особенно это свойственно художественным текстам в отличие от научных, где совпадений между сложным синтаксическим целым и абзацем

гораздо больше, т.к. они всецело ориентированы на логическую организацию речи.

Границы абзаца и сложного синтаксического целого могут не совпадать: в абзац может быть вынесено одно предложение (и даже часть предложения, например в официально-деловой литературе: в текстах законов, уставов, дипломатических документов и т.д.), а сложное синтаксическое целое - это, как минимум, два предложения (чаще – больше двух); в одном абзаце может быть два и более сложных синтаксических целых, когда отдельные микротемы связываются друг с другом. Например:

1) сложное синтаксическое целое разорвано абзацем:

Надо бы остановиться, войти в избу, увидеть сумрак смущенных глаз - и снова ехать дальше в шуме сосен, в дрожании осенних осин, в шорохе крупного песка, сыплющегося в колею. И смотреть на птичьи стаи, что тянут в небесной мгле над Полесьем к темному югу. И сладко тосковать от ощущения своей полной родственности, своей близости этому дремучему краю (К.Паустовский);

2) в одном абзаце – три сложных синтаксических целых:

Ночь была августовская, звездная, но темная. Оттого, что раньше я никогда в жизни не находился при такой исключительной обстановке, в какую попал случайно теперь, эта звездная ночь казалась мне глухой, неприветливой и темнее, чем она была на самом деле. // Я был на линии железной дороги, которая еще только строилась. Высокая, наполовину готовая насыпь, кучи песку, глины и щебня, бараки, ямы, разбросанные кое-где тачки, плоские возвышения над землянками, в которых жили рабочие, - весь этот ералаш, выкрашенный потемками в один цвет, придавал земле какую-то странную, дикую физиономию, напоминавшую о временах хаоса. Во всем, что лежало передо мной, было до того мало порядка, что среди безобразно изрытой, ни на что не похожей земли как-то странно было видеть силуэты людей и стройные телеграфные столбы, те и другие портили ансамбль картины и казались не от мира сего. // Было тихо, и

только слышалось, как над нашими головами, где-то очень высоко, телеграф гудел свою скучную песню (А.Чехов).

Абзацное членение преследует одну общую цель – выделить значимые части текста. Однако выделяться части текста могут с разными конкретными целевыми установками. Соответственно этому различаются и функции абзаца.

В диалогической речи абзац выступает чисто формальным средством разграничения реплик разных лиц, например:

- *Куда мы уедем?* - *замоpенно спpосила Ирена и пpиподнялась. Я засветил плафон, достал с заднего сиденья «Атлас шоссейных дорог» и раскрыл его на сорок шестой странице.*

- *Например, в Орел или в Брянск.*

- *Нет, давай искать города с названиями поласковей,* - *попросила Ирена.* - *Смотри: Нежин... Лебедин... Обоянь...* (К.Воробьев)

В монологической речи абзац может выполнять разные функции – логико-смысловую, акцентно-выделительную, экспрессивно-эмоциональную. Причем функции абзаца прямо связаны с характером текста, его целевой установкой.

Тексты официально-деловые, научные, научно-популярные, учебные ориентируются на логико-смысловой принцип абзацного членения, хотя в ряде случаев не чужд этим текстам и принцип акцентно-выделительный (например, в текстах законов, постановлений и т.д. абзацное членение может разрывать даже отдельное предложение, имеющее ряд однородных синтаксических компонентов).

В художественных текстах, где выявляется функциональное разнообразие абзацев, та же акцентно-выделительная функция подчиняется функции эмоционально-экспрессивной.

Абзац, разрывающий единое синтаксическое целое, исполняет акцентную роль, когда важным считается выделение отдельных звеньев общей структуры, частных деталей в описании, в раскрытии той или иной

темы. Такова роль абзацев в следующем тексте, представляющем собой одно сложное синтаксическое целое (абзацев – пять), например:

Бывает такая душевная уверенность, когда человек может сделать все. Он может почти мгновенно написать такие стихи, что потомки будут повторять их несколько столетий.

Он может вместить в своем сознании все мысли и мечты, чтобы раздать их первым же встречным и ни на минуту не пожалеть об этом.

Он может увидеть и услышать волшебные вещи там, где их никто не замечает: серебряный пень в лунную ночь, звон воздуха, небо, похожее на старинную морскую карту. Он может придумать множество удивительных рассказов.

Примерно такое же состояние испытывал сейчас Лермонтов. Он был спокоен и счастлив. Но не только любовью Щербатовой. Разум говорил, что любовь может зачахнуть в разлуке. Он был счастлив своими мыслями, их силой, широтой, своими замыслами, всепроникающим присутствием поэзии (К.Паустовский).

В тех случаях, когда абзацное членение ведется по логико-смысловому принципу, очень важная роль отводится первому предложению абзаца, оно является определенной вехой в раскрытии темы описания (как предложение-зачин в сложном синтаксическом целом). Если стянуть все первые предложения абзацев и опустить все остальные звенья, то получится сжатый, емкий по содержанию рассказ, без детализирующих описаний.

Вот, например, первые предложения абзацев одного из отрывков очерка К. Паустовского «Рувим Фраерман»:

Батумская зима 1923 года ничем не отличалась от обычных тамошних зим.

На раскаленных мангалах шипела баранина.

Дожди шли с запада.

Вода хлестала из водосточных труб без перерыва по нескольку суток.

В такую вот зиму я познакомился в Батуме с писателем Фраерманом.

Я работал тогда в Батуме в морской газете «Маяк» и жил в так называемом «Бордингаузе» – гостинице для моряков.

Я часто встречал на улицах Батума низенького, очень быстрого человека со смеющимися глазами.

Я не знал, кто этот человек, но он нравился мне своей живостью и прищуренными веселыми глазами.

Вскоре я узнал, что это батумский корреспондент Российского телеграфного агентства - РОСТА и зовут его Рувим Исаевич Фраерман.

Как видим, эти предложения передают основное содержание текста, причем пропуски даже не ощущаются, т.к. здесь заключена логико-смысловая канва текста. Это бывает только в случаях **совпадения сложных синтаксических целых и абзацев**: первые предложения абзацев поэтому и составляют канву повествования, что являются одновременно и первыми предложениями сложных синтаксических целых, т.е. зачинами, которые обобщают или объединяют содержание последующих компонентов сложных синтаксических целых.

При иной функции абзаца (в абзацах с эмоциональной нагрузкой) меняется и роль первых предложений.

Такие абзацы построены по другому принципу: с их помощью не определяется логико-смысловая канва повествования, а подчеркиваются эмоционально-экспрессивные качества текста. Это, прежде всего, свойственно таким абзацам, которые членят единое сложное целое. Первые предложения таких абзацев в сочетании друг с другом лишены логической последовательности и тематической завершенности.

Экспрессии служат абзацы в следующем тексте, где абзацам соответствуют все компоненты одного сложного синтаксического целого, например:

Что же касается «Скифов», то я их признавал полностью, не только восхищаясь ими, но испытывая нечто вроде подлинного священного ужаса

при чтении этих пророческих тяжеловесных ямбов, сохранивших власть над моей душой и над моим воображением до сегодняшних дней.

Все было в них согласно с моим тогдашним представлением о судьбах России, все находила во мне отзвук.

...«И дар божественных видений... и острый галльский смысл, и сумрачный германский гений».

В особенности дар божественных видений (В.Катаев).

Абзац может играть роль смыслового акцента:

Григ думал так и играл обо всем, что думал. Он подозревал, что его подслушивают. Он даже догадывался, кто этим занимается. Это были синицы на дереве, загулявшие матросы из порта, прачки из соседнего дома, сверчок, снег, слетавший с нависшего неба, и Золушка в заштопанном платье.

Каждый слушал по-своему (К.Паустовский).

Повышенной экспрессией, стремлением передать значительность эмоционального состояния вызывается отделение последней части в следующем тексте, где абзац, вопреки логико-смысловому принципу, опять-таки рвет сложное синтаксическое целое, например:

Дагни вышла к морю. Оно лежало в глубоком сне, без единого всплеска.

Дагни сжала руки и застонала от неясного еще ей самой, но охватившего все ее существо чувства красоты этого мира...

И она засмеялась, глядя широко открытыми глазами на огни пароходов. Они медленно качались в прозрачной серой воде (К.Паустовский).

§ 2. Текст. Дискурс.

Текст (фр. texte, англ. text, от лат. textus –‘ткань, сплетение, структура; связное изложение’) – языковое произведение неограниченной длины.

Тексты возникают в результате языкового взаимодействия, и адекватное понимание сущности текста возможно лишь при учете динамических процессов языкового общения, разворачивающихся во времени и ведущих к возникновению текста. Тем не менее, существует длительная традиция

изучения текстов, особенно письменных, как статических объектов, существующих независимо от обстоятельств их возникновения.

Тексты издавна привлекали внимание как особый объект изучения. Изначально это касалось сакральных текстов, играющих центральную роль во всех крупнейших религиях. Позже объектом изучения стали тексты других типов, в частности юридические и литературные. С конца XIX в. тексты стали предметом пристального внимания этнологов лингво-этнографической школы американистики, основанной Ф.Боасом. Однако текст как структура становится объектом специального интереса, по-видимому, лишь в XIX–XX вв. Наиболее известная ранняя работа о структуре текста принадлежит русскому фольклористу и литературоведу В.Я. Проппу. Открытие В.Я. Проппа состояло в том, что в волшебных сказках имеется ограниченное число типов событий и персонажей, и они весьма стабильны, хотя могут реализоваться по-разному. В конце 1950-х – начале 1960-х годов книга Проппа «Морфология сказки» была переведена на английский и французский языки и, мгновенно превратившись в научный бестселлер, оказала существенное влияние на ряд научных направлений, в том числе семиотику и лингвистику текста. В особенности это касается французских структуралистов и семиологов (К.Леви-Стросс, Р.Барт, Ц.Тодоров, А.Греймас).

Другим источником идей для западноевропейской лингвистики текста стала чешская лингвистическая школа. Под прямым и косвенным влиянием чешской школы в Западной Европе в 1960-е годы начала формироваться лингвистическая теория текста (П.Хартманн, Р.Харвег, З.Шмидт, Т. ван Дейк, В.Дресслер, Я.Петефи, К.Гаузенблаз, П.Сгалл, И.Беллерт, Н.Энквист и др.). В этой традиции текст первоначально анализировался в основном структурными, таксономическими методами, по аналогии с более привычными языковыми объектами (так, в работах Харвега лексические единицы квалифицировались с точки зрения того, типичны они для начальных или конечных фраз текста).

Однако к середине 1970-х годов текст был переосмыслен как коммуникативный процесс, и вслед за этим лингвистика текста «переродилась» в дискурсивный анализ. Так, один из основателей лингвистики текста и ее наиболее активный организатор и популяризатор голландский лингвист Т. ван Дейк во второй половине 1970-х годов перешел с текстовой на дискурсивную терминологию, что знаменовало переход от статического к динамическому, процедурному подходу. Важную роль в таком переходе сыграли также монография Р.-А. да Богранда и В.Дресслера «Введение в лингвистику текста» (1981) и работы по моделированию понимания и производства связного текста, выполненные в рамках искусственного интеллекта (прежде всего Р.Шенком и его последователями).

В СССР также возник интерес к языковым объектам, большим, чем предложение. Такие объекты иногда выступали под псевдонимом «сверхфразовые единства» или «сложные синтаксические целые», но нередко использовалась и собственно текстовая терминология. Ранние работы в этой области (1948) принадлежат И.А.Фигуровскому и Н.С.Поспелову. В 1950–1960-е годы исследованиями структуры текста занимались Н.Ю.Шведова, Т.Г.Винокур, Е.В.Падучева, Ю.С.Мартемьянов и др. В этих работах, в частности, были подняты вопросы структуры абзаца и семантики межфразовых отношений в тексте. Особенно активно лингвистика текста развивалась в СССР в 1970–1980-е годы в работах таких авторов, как Т.М.Николаева, С.И.Гиндин, И.И.Ревзин, М.И.Откупщикова, И.Р.Гальперин, В.Г.Гак, Б.М.Гаспаров, О.И.Москальская, З.Я.Тураева, Е.А.Реферовская, И.И.Ковтунова, В.А.Бухбиндер, Г.В.Ейгер, Ю.А.Здоровов и др. Круг вопросов, рассматривавшихся в этих работах, очень широк, однако в качестве основных можно указать следующие: просодия и интонация в тексте; использование служебных слов как маркеров структуры текста; текстовая реализация более мелких языковых единиц (фонем, морфем и т.д.); общая структура текста; время и модальность в тексте; референция в тексте; типология текстов; вклад лингвистики текста в литературоведение и

обучение языкам. Один из лучших трудов, суммирующий результаты лингвистики текста, – это стостраничное учебное пособие М.И.Откупщиковой «Синтаксис связного текста». В этом труде резюмируются исследования по основным вопросам лингвистики текста – о границах и единицах текста, о законах связности, о средствах реализации связности (к их числу относятся замещения и коннекторы), о статусе предложения и актуального членения и др. Популярности исследований по лингвистике текста в указанный период способствовало также широко распространенное ощущение, в соответствии с которым эти исследования рассматривались как вносящие вклад в преодоление разделения филологии на лингвистику и литературоведение и в углубление междисциплинарных связей обеих этих наук с семиотикой и другими гуманитарными дисциплинами; это ощущение хорошо прослеживается в ряде публикаций Института славяноведения и балканистики АН СССР (ныне РАН), в названии которых присутствует словосочетание «структура текста».

Исследования текста проводились и проводятся также в связи с прикладными задачами. Среди задач автоматической обработки текста следует особо выделить проблему автоматического реферирования – компьютерного порождения сжатого изложения на основе исходного текста. В Киеве этой задачей занимались, в частности, И.П.Севбо и Э.Ф.Скороходько. В компьютерной лингвистике возникла идея построения так называемых повествовательных грамматик (story grammars). В одной из наиболее известных моделей такого рода, принадлежащей американскому специалисту по искусственному интеллекту Д.Румелхарту, схема рассказа порождается по правилам, несколько напоминающим правила построения синтаксических структур из ранних версий генеративной грамматики. Теория риторической структуры У.Манна и С.Томпсон, имеющая большое теоретическое значение, первоначально также возникла как прикладная разработка, направленная на исчисление типов связей в тексте, равно как и

близкая ей концепция риторических предикатов К.Маккьюин. В настоящее время проводятся исследования по компьютерной реализации этой теории.

В современной науке текст в большинстве случаев рассматривается как частный аспект более широкого явления – дискурса и исследуется дисциплиной, именуемой дискурсивным анализом.

Дискурс (фр. discours, англ. discourse, от лат. discursus –‘бегание взад-вперед; движение, круговорот; беседа, разговор’) – речь, процесс языковой деятельности; способ говорения.

Четкого и общепризнанного определения «дискурса», охватывающего все случаи его употребления, не существует, и не исключено, что именно это способствовало широкой популярности, приобретенной этим термином за последние десятилетия: связанные нетривиальными отношениями различные понимания удачно удовлетворяют различные понятийные потребности, модифицируя более традиционные представления о речи, тексте, диалоге, стиле и даже языке. Во вступительной статье к вышедшему на русском языке в 1999 году сборнику работ, посвященных французской школе анализа дискурса, П. Серио приводит заведомо не исчерпывающий список из восьми различных пониманий, и это только в рамках французской традиции. Своеобразной параллелью многозначности этого термина является и поныне не устоявшееся ударение в нем: чаще встречается ударение на втором слоге, но и ударение на первом слоге также не является редкостью.

Наиболее отчетливо выделяются три основных класса употребления термина «дискурс», соотносящихся с различными национальными традициями и вкладами конкретных авторов.

К первому классу относятся собственно лингвистические употребления этого термина, исторически первым из которых было его использование в названии статьи «Дискурс-анализ» американского лингвиста З.Харриса, опубликованной в 1952 году. В полной мере этот термин был востребован в лингвистике примерно через два десятилетия. Собственно лингвистические употребления термина «дискурс» сами по себе весьма разнообразны, но в

целом за ними просматриваются попытки уточнения и развития традиционных понятий речи, текста и диалога. Переход от понятия речи к понятию дискурса связан со стремлением ввести в классическое противопоставление языка и речи, принадлежащее Ф. де Соссюру, некоторый третий член – нечто парадоксальным образом и «более речевое», нежели сама речь, и одновременно – в большей степени поддающееся изучению с помощью традиционных лингвистических методов, более формальное и тем самым «более языковое».

С одной стороны, дискурс мыслится как речь, вписанная в коммуникативную ситуацию и в силу этого как категория с более отчетливо выраженным социальным содержанием по сравнению с речевой деятельностью индивида. С другой стороны, реальная практика современного (с середины 1970-х годов) дискурсивного анализа сопряжена с исследованием закономерностей движения информации в рамках коммуникативной ситуации, осуществляемого прежде всего через обмен репликами; тем самым реально описывается некоторая структура диалогового взаимодействия, что продолжает вполне структуралистскую (хотя обычно и не называемую таковой) линию, начало которой как раз и было положено Харрисом. При этом, однако, подчеркивается динамический характер дискурса, что делается для различения понятия дискурса и традиционного представления о тексте как статической структуре.

Первый класс пониманий термина «дискурс» представлен главным образом в англоязычной научной традиции, к которой принадлежит и ряд ученых из стран континентальной Европы; однако за рамками этой традиции о дискурсе как «третьем члене» соссюровской оппозиции давно уже говорил бельгийский ученый Э.Бюиссанс, а французский лингвист Э.Бенвенист последовательно использовал термин «дискурс» (discours) вместо термина «речь» (parole).

Второй класс употреблений термина «дискурс», в последние годы вышедший за рамки науки и ставший популярным в публицистике, восходит

к французским структуралистам и постструктуралистам, и, прежде всего, к М.Фуко, хотя в обосновании этих употреблений важную роль сыграли также А.Греймас, Ж.Деррида, Ю.Кристева; позднее данное понимание было отчасти модифицировано М.Пешё и др. За этим употреблениями просматривается стремление к уточнению традиционных понятий стиля и индивидуального языка. Понимаемый таким образом термин «дискурс» (а также производный и часто заменяющий его термин «дискурсивные практики», также использовавшийся Фуко) описывает способ говорения и обязательно имеет определение – какой или чей дискурс, ибо исследователей интересует не дискурс вообще, а его конкретные разновидности, задаваемые широким набором параметров: чисто языковыми отличительными чертами (в той мере, в какой они могут быть отчетливо идентифицированы), стилистической спецификой (во многом определяемой количественными тенденциями в использовании языковых средств), а также спецификой тематики, систем убеждений, способов рассуждения и т.д.. Более того, предполагается, что способ говорения во многом предопределяет и создает саму предметную сферу дискурса, а также соответствующие ей социальные институты. Подобного рода понимание, безусловно, также является в сильнейшей степени социологическим. По сути дела, определение «какой» или «чей» дискурс может рассматриваться как указание на коммуникативное своеобразие субъекта социального действия, причем этот субъект может быть конкретным, групповым или даже абстрактным: используя, например, выражение «дискурс насилия», имеют в виду не столько то, как говорят о насилии, столько то, как абстрактный социальный агент «насилие» проявляет себя в коммуникативных формах – что вполне соответствует традиционным выражениям типа «язык насилия».

Существует, наконец, **третье употребление термина «дискурс»,** связанное прежде всего с именем немецкого философа и социолога Ю.Хабермаса. Оно может считаться видовым по отношению к предыдущему пониманию, но имеет значительную специфику. В этом третьем понимании

«дискурсом» называется особый идеальный вид коммуникации, осуществляемый в максимально возможном отстранении от социальной реальности, традиций, авторитета, коммуникативной рутины и т.п. и имеющий целью критическое обсуждение и обоснование взглядов и действий участников коммуникации. С точки зрения второго понимания, это можно назвать «дискурсом рациональности», само же слово «дискурс» здесь явно отсылает к основополагающему тексту научного рационализма – «Рассуждению о методе» Р.Декарта (в оригинале – «Discours de la méthode», что при желании можно перевести и как ‘дискурс метода’).

Все три перечисленных макропонимания (а также их разновидности) взаимодействовали и взаимодействуют друг с другом; в частности, на формирование французской школы анализа дискурса 1970-х годов существенно повлияла публикация в 1969 году французского перевода упомянутой работы З.Харриса 1952 году. Это обстоятельство дополнительно усложняет общую картину употребления термина «дискурс» в гуманитарных науках. Кроме того, следует иметь в виду, что этот термин может употребляться не только как родовой, но и применительно к конкретным образцам языкового взаимодействия, например: «Длительность данного дискурса – 2 минуты».

Основное внимание в настоящей работе будет уделено использованию понятия «дискурс» в лингвистике.

Как уже отмечалось, термин «дискурс», как он понимается в современной лингвистике, близок по смыслу к понятию «текст», однако подчеркивает динамический, разворачивающийся во времени характер языкового общения; в противоположность этому, текст мыслится преимущественно как статический объект, результат языковой деятельности. Иногда «дискурс» понимается как включающий одновременно два компонента: и динамический процесс языковой деятельности, вписанной в ее социальный контекст, и ее результат (т.е. текст); именно такое понимание является предпочтительным. Иногда встречающиеся попытки заменить

понятие дискурса словосочетанием «связный текст» не слишком удачным, т.к. любой нормальный текст является связным.

Чрезвычайно близко к понятию дискурса и понятие «диалог». Дискурс, как и любой коммуникативный акт, предполагает наличие двух фундаментальных ролей – говорящего (автора) и адресата. При этом роли говорящего и адресата могут поочередно перераспределяться между лицами – участниками дискурса; в этом случае говорят о диалоге. Если же на протяжении дискурса (или значительной части дискурса) роль говорящего закреплена за одним и тем же лицом, такой дискурс называют монологом. Неверно считать, что монолог – это дискурс с единственным участником: при монологе адресат также необходим. В сущности, монолог – это просто частный случай диалога, хотя традиционно диалог и монолог резко противопоставлялись.

Поскольку структура дискурса предполагает наличие двух коренным образом противопоставленных ролей – говорящего и адресата, постольку сам процесс языкового общения может рассматриваться в этих двух перспективах. Моделирование процессов построения (порождения, синтеза) дискурса – не то же самое, что моделирование процессов понимания (анализа) дискурса. В науке о дискурсе выделяются две различные группы работ – те, которые исследуют построение дискурса (например, выбор лексического средства при назывании некоторого объекта), и те, которые исследуют понимание дискурса адресатом (например, вопрос о том, как слушающий понимает редуцированные лексические средства типа местоимения *он* и соотносит их с теми или иными объектами). Кроме того, есть еще третья перспектива – рассмотрение процесса языкового общения с позиций самого текста, возникающего в процессе дискурса (например, местоимения в тексте можно рассматривать безотносительно к процессам их порождения говорящим и понимания адресатом, просто как структурные сущности, находящиеся в некоторых отношениях с другими частями текста).

Дискурс, как и другие языковые сущности (морфемы, слова, предложения) устроен по определенным правилам, характерным для данного языка. Факт существования языковых правил и ограничений часто демонстрируется с помощью негативного материала – экспериментальных языковых образований, в которых правила или ограничения нарушаются. В качестве примера небольшого образца дискурса, в котором есть такие нарушения, рассмотрим рассказ Даниила Хармса «Встреча» из цикла «Случаи», например:

Вот однажды один человек пошел на службу, да по дороге встретил другого человека, который, купив польский батон, направлялся к себе восвояси.

Вот собственно, и все.

«Погруженность в жизнь» этого текста, превращающая его в некоторый дискурс, заключается в том, что он предложен читателям в виде рассказа; между тем ряд важных принципов построения рассказа, которые обычно не осознаются носителями языка, но которыми они хорошо владеют, в этой миниатюре Хармса нарушены (в порядке особого художественного приема, разумеется). Во-первых, в нормальном рассказе должен быть фрагмент, который именуется кульминацией. В рассказе же Хармса есть только завязка, за которой сразу следует заключительная фраза (кода). Во-вторых, адресат рассказа должен понимать, какова была коммуникативная цель рассказчика, для чего он рассказывал свой рассказ (для того, чтобы проиллюстрировать некоторую истину, или для того, чтобы сообщить интересную информацию и т.д.). Ничего этого из рассказа Хармса не ясно. В-третьих, участники повествования обычно должны упоминаться многократно и выполнять некоторую последовательность действий; такие участники называются протагонистами рассказов. В данном случае рассказ завершается, едва только рассказчик успел ввести участников.

Принципы построения рассказа, нарушенные здесь, не являются абсолютно жесткими – напротив, это мягкие ограничения. Поэтому, когда

они нарушаются, в результате возникает не непонятный текст, а комический эффект. Однако именно наличие комического эффекта показывает, что существуют некоторые глубинные принципы построения дискурса. Обнаружение этих принципов и составляет цель дискурсивного анализа.

При изучении дискурса, как и любого естественного феномена, встает вопрос о классификации: какие типы и разновидности дискурса существуют. Самое главное разграничение в этой области – противопоставление устного и письменного дискурса. Это разграничение связано с каналом передачи информации: при устном дискурсе канал – акустический, при письменном – визуальный.

Несмотря на то, что в течение многих веков письменный язык пользовался большим престижем, чем устный, совершенно ясно, что устный дискурс – это исходная, фундаментальная форма существования языка, а письменный дискурс является производным от устного. Большинство человеческих языков и по сей день являются бесписьменными, т.е. существуют только в устной форме. После того как лингвисты в XIX в. признали приоритет устного языка, еще в течение долгого времени не осознавалось то обстоятельство, что письменный язык и транскрипция устного языка – не одно и то же. Лингвисты первой половины XX в. нередко считали, что изучают устный язык (в положенном на бумагу виде), а в действительности анализировали лишь письменную форму языка. Реальное сопоставление устного и письменного дискурса как альтернативных форм существования языка началось лишь в 1970-е годы.

Различие в канале передачи информации имеет принципиально важные последствия для процессов устного и письменного дискурса (эти последствия исследованы У.Чейфом). Во-первых, в устном дискурсе порождение и понимание происходят синхронизированно, а в письменном – нет. При этом скорость письма более чем в 10 раз ниже скорости устной речи, а скорость чтения несколько выше скорости устной речи. В результате при устном дискурсе имеет место явление фрагментации: речь порождается толчками,

квантами – так называемыми интонационными единицами, которые отделены друг от друга паузами, имеют относительно завершенный интонационный контур и обычно совпадают с простыми предикациями, или клаузами (clause). При письменном же дискурсе происходит интеграция предикаций в сложные предложения и прочие синтаксические конструкции и объединения. Второе принципиальное различие, связанное с разницей в канале передачи информации, – наличие контакта между говорящим и адресатом во времени и пространстве: при письменном дискурсе такого контакта в норме нет (поэтому люди и прибегают к письму). В результате при устном дискурсе имеет место вовлечение говорящего и адресата в ситуацию, что отражается в употреблении местоимений первого и второго лица, указаний на мыслительные процессы и эмоции говорящего и адресата, использование жестов и других невербальных средств и т.д. При письменном же дискурсе, напротив, происходит отстранение говорящего и адресата от описываемой в дискурсе информации, что, в частности, выражается в более частом употреблении пассивного залога. Например, при описании научного эксперимента автор статьи скорее напишет фразу: «*Это явление наблюдалось только один раз»*, а при устном описании того же эксперимента с большей вероятностью может сказать: «*Я наблюдал это явление только один раз»*.

Несколько тысячелетий назад письменная форма языка возникла как способ преодолеть расстояние между говорящим и адресатом – расстояние как пространственное, так и временное. Такое преодоление стало возможно лишь при помощи особого технологического изобретения – создания физического носителя информации: глиняной дощечки, папируса, бересты и т.д. Дальнейшее развитие технологии привело к появлению более сложного репертуара форм языка и дискурса – таких, как печатный дискурс, телефонный разговор, радиопередача, общение при помощи пейджера и автоответчика, переписка по электронной почте. Все эти разновидности дискурса выделяются на основе типа носителя информации и имеют свои особенности. Общение по электронной почте представляет особый интерес

как феномен, возникший 10–15 лет назад, получивший за это время огромное распространение и представляющий собой нечто среднее между устным и письменным дискурсом. Подобно письменному дискурсу, электронный дискурс использует графический способ фиксации информации, но подобно устному дискурсу он отличается мимолетностью и неформальностью. Еще более чистым примером соединения особенностей устного и письменного дискурса является общение в режиме Talk (или Chat), при котором два собеседника «разговаривают» через компьютерную сеть: на одной половине экрана участник диалога пишет свой текст, а на другой половине может видеть побуквенно появляющийся текст своего собеседника. Исследование особенностей электронной коммуникации является одной из активно развивающихся областей современного дискурсивного анализа.

Помимо двух фундаментальных разновидностей дискурса – устной и письменной – следует упомянуть еще одну – мысленную. Человек может пользоваться языком, не производя при этом ни акустических, ни графических следов языковой деятельности. В этом случае язык также используется коммуникативно, но одно и то же лицо является и говорящим, и адресатом. В силу отсутствия легко наблюдаемых проявлений мысленный дискурс исследован гораздо меньше, чем устный и письменный. Одно из наиболее известных исследований мысленного дискурса, или, в традиционной терминологии, внутренней речи принадлежит Л.С.Выготскому.

Более частные различия между разновидностями дискурса описываются с помощью понятия жанра. Это понятие первоначально использовалось в литературоведении для различения таких видов литературных произведений, как, например, новелла, эссе, повесть, роман и т.д. М.М.Бахтин и ряд других исследователей предложили более широкое понимание термина «жанр», распространяющееся не только на литературные, но и на другие речевые произведения. В настоящее время понятие жанра используется в дискурсивном анализе достаточно широко. Исчерпывающей классификации

жанров не существует, но в качестве примеров можно назвать бытовой диалог (беседу), рассказ (нарратив), инструкцию по использованию прибора, интервью, репортаж, доклад, политическое выступление, проповедь, стихотворение, роман. Жанры обладают некоторыми достаточно устойчивыми характеристиками. Например, рассказ, во-первых, должен иметь стандартную композицию (завязка, кульминация, развязка) и, во-вторых, обладает некоторыми языковыми особенностями: рассказ содержит каркас из упорядоченных во времени событий, которые описываются однотипными грамматическими формами (например, глаголами в прошедшем времени) и между которыми есть связующие элементы (типа союза *потом*). Проблемы языковой специфики жанров разработаны пока недостаточно. В исследовании американского лингвиста Дж.Байбера было показано, что для многих жанров выделить устойчивые формальные характеристики весьма затруднительно. Байбер предложил рассматривать жанры как культурные концепты, лишенные устойчивых языковых характеристик, и дополнительно выделять типы дискурса на основе эмпирически наблюдаемых и количественно измеримых параметров – таких, как использование форм прошедшего времени, использование причастий, использование личных местоимений и т.п.

Центральный круг вопросов, исследуемых в дискурсивном анализе, – вопросы структуры дискурса. Следует различать разные уровни структуры – макроструктуру, или глобальную структуру, и микроструктуру, или локальную структуру. Макроструктура дискурса – это членение на крупные составляющие: эпизоды в рассказе, абзацы в газетной статье, группы реплик в устном диалоге и т.д. Между крупными фрагментами дискурса наблюдаются границы, которые помечаются относительно более длинными паузами (в устном дискурсе), графическим выделением (в письменном дискурсе), специальными лексическими средствами (такими служебными словами или словосочетаниями, как *а, так, наконец, что касается* и т.п.). Внутри крупных фрагментов дискурса наблюдается единство – тематическое,

референциальное (т.е. единство участников описываемых ситуаций), событийное, временное, пространственное и т.д. Различными исследованиями, связанными с макроструктурой дискурса, занимались Е.В.Падучева, Т. ван Дейк, Т.Гивон, Э.Шеглофф, А.Н.Баранов и Г.Е.Крейдлин и др.

Специфическое понимание термина «макроструктура» представлено в трудах известного нидерландского исследователя дискурса (и выдающегося организатора лингвистики текста и впоследствии дискурсивного анализа как научных дисциплин) Т. ван Дейка. Согласно ван Дейку, макроструктура – это обобщенное описание основного содержания дискурса, которое адресат строит в процессе понимания. Макроструктура представляет собой последовательность макропропозиций, т.е. пропозиций, выводимых из пропозиций исходного дискурса по определенным правилам (так называемым макроправилам). К числу таких правил относятся правила сокращения (несущественной информации), обобщения (двух или более однотипных пропозиций) и построения (т.е. комбинации нескольких пропозиций в одну). Макроструктура строится таким образом, чтобы представлять собой полноценный текст. Макроправила применяются рекурсивно (многократно), поэтому существует несколько уровней макроструктуры по степени обобщения. Фактически макроструктура по Ван Дейку в других терминах называется рефератом или резюме. Последовательно применяя макроправила, теоретически можно построить формальный переход от исходного текста «Войны и мира» к реферату, состоящему из нескольких предложений. Макроструктуры соответствуют структурам долговременной памяти – они суммируют информацию, которая удерживается в течение достаточно длительного времени в памяти людей, услышавших или прочитавших некоторый дискурс. Построение макроструктур слушающими или читающими – это одна из разновидностей так называемых стратегий понимания дискурса. Понятие стратегии пришло на смену идее жестких правил и алгоритмов и является базовым в концепции

ван Дейка. Стратегия – способ достижения цели, который является достаточно гибким, чтобы можно было скомбинировать несколько стратегий одновременно.

Помимо «макроструктуры» ван Дейк выделяет также понятие суперструктуры – стандартной схемы, по которой строятся конкретные дискурсы. В отличие от макроструктуры, суперструктура связана не с содержанием конкретного дискурса, а с его жанром. Так, нарративный дискурс, согласно У.Лабову, стандартно строится по следующей схеме: краткое содержание – ориентация – осложнение – оценка – разрешение – кода. Такого типа структуры часто именуют нарративными схемами. Другие жанры дискурса также имеют характерные суперструктуры, но изучены гораздо хуже.

Многочисленные публикации ван Дейка сделали термин «макроструктура» чрезвычайно популярным – но, парадоксальным образом, скорее в том значении, для которого он сам предлагал термин «суперструктура»; последний же сколько-нибудь широкого распространения не получил.

Еще один важный аспект глобальной структуры дискурса был отмечен американским психологом Ф.Бартлеттом в книге 1932 года «Память» («Remembering»). Бартлетт обнаружил, что при вербализации прошлого опыта люди регулярно пользуются стереотипными представлениями о действительности. Такие стереотипные фоновые знания Бартлетт называл схемами. Например, схема квартиры включает знания о кухне, ванной, прихожей, окнах и т.п. Характерная для России схема поездки на дачу может включать такие компоненты, как прибытие на вокзал, покупка билета на электричку и т.д.

Наличие схематических представлений, разделяемых языковым сообществом, решающим образом влияет на форму порождаемого дискурса. Это явление было заново «открыто» в 1970-е годы, когда появился целый ряд альтернативных, но весьма близких по смыслу терминов. Так, американские

специалисты в области искусственного интеллекта предложили термины «фрейм» (М.Минский) и «скрипт» (Р.Шенк и Р.Абельсон). «Фрейм» в большей степени относится к статическим структурам (типа модели квартиры), а «скрипт» – к динамическим (типа поездки на дачу или посещения ресторана), хотя сам Минский предлагал использовать термин «фрейм» и для динамических стереотипных структур. Английские психологи А.Сэнфорд и С.Гаррод пользовались понятием «сценарий» (scenario), очень близким по смыслу к термину «скрипт». Очень часто никакого различия между понятиями «скрипт» и «сценарий» не проводится; при этом в русском языке используется обычно второй термин.

Следует заметить, что еще до Минского термин «фрейм», а также производные термины «фрейминг» и «рефрейминг» использовались Э. Гоффманом и его последователями в социологии и социальной психологии для обозначения различных способов видения общественно значимых проблем, а также средств, используемых для поддержания того или иного видения. Особое значение термины «фрейм» и «рефрейминг» имеют также в прикладной коммуникативно-психологической методике, известной как нейро-лингвистическое программирование (НЛП).

В противоположность макроструктуре, микроструктура дискурса – это членение дискурса на минимальные составляющие, которые имеет смысл относить к дискурсивному уровню. В большинстве современных подходов такими минимальными единицами считаются предикации, или клаузы. В устном дискурсе эта идея подтверждается близостью большинства интонационных единиц к клаузам. Дискурс, т.о., представляет собой цепочку клауз. В психолингвистических экспериментах по воспроизведению ранее полученной вербальной информации обычно выясняется, что распределение информации по клаузам относительно неизменно, а объединение клауз в сложные предложения чрезвычайно изменчиво. Поэтому понятие предложения оказывается для структуры дискурса менее значимым, чем понятие клаузы.

В теории риторической структуры (РРС), созданной в 1980-е годы У.Манном и С.Томпсон, был предложен единый подход к описанию макро- и микроструктуры дискурса. РРС основана на предположении о том, что любая единица дискурса связана хотя бы с одной другой единицей данного дискурса посредством некоторой осмысленной связи. Такие связи называются риторическими отношениями. Термин «риторические» не имеет принципиального значения, а лишь указывает на то, что каждая единица дискурса существует не сама по себе, а добавляется говорящим к некоторой другой для достижения определенной цели. Единицы дискурса, вступающие в риторические отношения, могут быть самого различного объема – от максимальных (непосредственные составляющие целого дискурса) до минимальных (отдельные клаузы). Дискурс устроен иерархически, и для всех уровней иерархии используются одни и те же риторические отношения. В число риторических отношений (всего их более двух десятков) входят такие, как последовательность, причина, условие, уступка, конъюнкция, развитие, фон, цель, альтернатива и др. Дискурсивная единица, вступающая в риторическое отношение, может играть в нем роль ядра либо сателлита. Большая часть отношений асимметричны и бинарны, т.е. содержат ядро и сателлит. Например, в паре клауз *Иван вышел рано, чтобы не опоздать на встречу* имеет место риторическое отношение цели; при этом первая часть является главной и представляет собой ядро, а вторая является зависимой, сателлитом. Другие отношения, симметричные и не обязательно бинарные, соединяют два ядра. Таково, например, отношение конъюнкции: *Морж – морское млекопитающее. Он живет на севере*. Два типа риторических отношений напоминают противопоставление между подчинением и сочинением, а список риторических отношений типа «ядро – сателлит» похож на традиционный список типов обстоятельственных придаточных предложений. Это неудивительно – фактически РРС распространяет типологию семантико-синтаксических отношений между клаузами на отношения в дискурсе. Для РРС несущественно, каким именно образом

выражено данное отношение и соединяет ли оно независимые предложения или группы предложений. В РРС разработан формализм, позволяющий представлять дискурс в виде сетей дискурсивных единиц и риторических отношений. Авторы РРС специально подчеркивают возможность альтернативных трактовок одного и того же текста. Иначе говоря, для одного и того же текста может быть построен более чем один граф (представление в виде точек-узлов, связанных дугами-отношениями) риторической структуры, и это не рассматривается как дефект данного подхода. Действительно, попытки применения РРС к анализу реальных текстов демонстрируют множественность решений. Тем не менее эта множественность ограничена. К тому же принципиальная возможность различных трактовок не противоречит реальным процессам использования языка, а, напротив, вполне им соответствует.

Существует ряд подтверждений того, что РРС в значительной степени моделирует реальность и представляет собой важный шаг в понимании того, как дискурс устроен «на самом деле». Во-первых, сами авторы РРС приводят процедуру построения резюме (реферата, краткого варианта) текста на основе графа риторической структуры. По определенным правилам многие сателлиты в риторических парах могут быть опущены, а результирующий текст остается связным и вполне представительным по отношению к исходному тексту. Во-вторых, в работе Б.Фокс об анафоре в английском дискурсе было показано, что выбор референциального средства (местоимение/полная именная группа) зависит от риторической структуры.

Помимо теории У.Манна и С.Томпсон, существует еще несколько моделей дискурсивных риторических отношений, в частности принадлежащие Дж.Граймсу, Б.Мейер, Р.Райкман, Р.Хоровитц, К.Маккьюин. Сходные исследования (часто в иной терминологии) проводились и другими исследователями, например С.А.Шуваловой.

Вопросы структуры дискурса при другом угле зрения легко преобразуются в вопросы о его связности. Если некоторый дискурс *D*

состоит из частей *a, b, c...*, то что-то должно обеспечивать связь между этими частями и, тем самым, единство дискурса. Аналогично глобальной и локальной структуре имеет смысл различать глобальную и локальную связность. Глобальная связность дискурса обеспечивается единством темы (иногда используется также термин «топик») дискурса. В отличие от темы предикации, как правило, ассоциируемой с некоторой именной группой или обозначаемым ею предметом (референтом), тема дискурса обычно понимается либо как пропозиция (понятийный образ некоторого положения дел), либо как некоторый конгломерат информации. Тема обычно определяется как-то, о чем идет речь в данном дискурсе. Локальная связность дискурса – отношения между минимальными дискурсивными единицами и их частями. Американский лингвист Т.Гивон выделяет четыре типа локальной связности (особенно характерных для нарративного дискурса): референциальную (тождество участников), пространственную, временную и событийную. Событийная связность, фактически, и является предметом исследования в ТРС. Впрочем, эта теория предлагает единый подход и к локальной, и к глобальной связности.

Помимо вопросов структуры дискурса, другой основной круг проблем, исследуемых в дискурсивном анализе, – это влияние дискурсивных факторов на более мелкие языковые составляющие – грамматические, лексические и фонетические. Например, порядок слов в клаузе такого языка, как русский, хотя и является грамматическим явлением, не может быть объяснен без обращения к дискурсивным факторам. Порядок слов чувствителен к характеристикам коммуникативной организации высказывания, которые обычно описываются с помощью понятий темы (исходный пункт высказывания) и ремы (информация, добавляемая к исходному пункту). Согласно идее, изначально высказывавшейся чешскими лингвистами, более тематические элементы располагаются в предложении раньше, чем более рематические. Предполагаемая универсальность этой тенденции была поставлена под сомнение после ряда исследований, в особенности статьи

Р.Томлина и Р.Роудса об индейском языке оджибва, где была замечена прямо противоположная тенденция: тематическая информация располагается позже, чем нетематическая. К настоящему времени накопилось большое количество свидетельств того, что принцип «рематическая информация вначале» (с вариациями: новое вначале, неопределенное вначале, важное вначале, срочное вначале) очень распространен в языках мира. М.Митун отметила, что принцип «рема вначале» поддерживается интонационными факторами, т.к. и рема, и начало склонны к интонационной выделенности. Ряд авторов пытается дать когнитивные объяснения обоим принципам порядка, однако остается неясным, почему же все-таки в одних случаях преобладает один вполне объяснимый принцип, а в других – другой, столь же объяснимый. Русский порядок слов изучался в рамках разных теоретических подходов; одно из наиболее подробных исследований принадлежит американскому русисту О.Йокояме. В книге «Дискурс и порядок слов» Йокояма предложила когнитивную модель, основанную на состояниях базы знаний говорящего и адресата и призванную полностью объяснить порядок слов в русских высказываниях.

Пример лексического явления, объясняемого дискурсивными факторами, – это референциальный выбор, т.е. выбор наименования лица или объекта в дискурсе: такое именование может быть выполнено посредством полной именной группы (имени собственного, например *Пушкин*, или дескрипции, например *поэт*), посредством местоимения (например, *он*) или даже посредством нулевой формы (как в предложении *Пушкин считал, что* □ [=Пушкин] *должен вызвать Дантеса*; знаком «□» обозначена нулевая форма). Такого рода выбор может быть объяснен только посредством сочетания дискурсивных факторов – таких, как расстояние до предшествующего упоминания данного участника, роль этого предшествующего упоминания в своей клаузе, значимость данного участника для дискурса в целом и т.д. В когнитивно-лингвистической литературе высказывается гипотеза, что такого рода факторы объединяются в

интегральную характеристику референта в данный момент дискурса, которую можно описать как степень активации референта в рабочей памяти говорящего. При низкой активации используется полная референция, при высокой – редуцированная (местоимение или ноль).

Другой важный пример лексических средств, определяемых дискурсивным контекстом, – это употребление так называемых дискурсивных маркеров, т.е. специальных слов, помечающих структуру дискурса, ментальные процессы говорящего (слова типа *вот, ну, так сказать*), контроль над ментальными процессами адресата (слова типа *понимаешь, видите ли*) и пр. Исследование дискурсивных маркеров является одной из наиболее популярных в настоящее время областей дискурсивного анализа и лексикографии. Применительно к английскому языку наиболее известная работа о дискурсивных маркерах – книга Д.Шиффрин (1987). Русские дискурсивные слова исследуются в рамках многолетнего российско-французского проекта, координируемого французским славистом Д.Пайаром.

Наконец, без учета дискурсивных факторов не могут быть объяснены многие фонетические явления – это касается сильного/слабого акцентуирования слов в устной речи, использования интонационных контуров, паузации и других видов дискурсивной просодии. Изучение дискурсивной просодии также развивается сейчас чрезвычайно активно. Просодия английского языка описана в работах таких авторов, как А.Краттенден, Дж.Пьеррхамберт и др. Исследования по дискурсивной просодии русского языка проводятся С.В.Кодзасовым, который выделяет следующие ее слои: размещение акцента, направление тона в акценте, интервал тона в акценте, артикуляционная поза, интегральная выделенность, долгота/краткость в акценте, маркированная фонация. Каждый слой просодии, по С.В.Кодзасову, передает некоторый тип дискурсивной семантики. Так, размещение акцента зависит от категории данного/нового; восходящий тон иконически кодирует ожидание продолжения,

незавершенность; долгота кодирует большое расстояние (физическое, временное или ментальное) и т.д.

§ 3. Передача чужой речи в английском и русском языках.

Высказывания других лиц, включенные в авторское изложение, образуют т.н. **чужую речь**. В зависимости от лексико-синтаксических средств и способов передачи чужой речи различаются **прямая речь** и **косвенная речь.**

С точки зрения лексической, прямая речь, как правило, представляет собой дословную передачу чужого высказывания, тогда как в косвенной речи, обычно воспроизводящей только содержание чужого высказывания, подлинные слова и выражения говорящего лица претерпевают те или иные изменения.

С точки зрения синтаксической, прямая речь представляет собой самостоятельное предложение (или ряд предложений), связанное с авторскими словами только по смыслу и интонационно, а косвенная речь образует придаточную часть в составе сложноподчиненного предложения, в котором роль главной части играют авторские слова. Это синтаксическое различие является основным признаком отграничения косвенной речи от прямой. Что же касается лексического различия, то оно менее обязательно.

С одной стороны, прямая речь иногда передает чужое высказывание не дословно, как это явствует из сопровождающих ее авторских слов, например: *Он сказал примерно следующее...; Он ответил приблизительно так...* и т.п.

С другой стороны, косвенная речь может дословно передавать чужое высказывание, например, в косвенном вопросе, например: *Он спросил: «Который теперь час?»* (прямая речь). – *Он спросил, который теперь час* (косвенная речь).

Наконец, наблюдается сближение форм прямой и косвенной речи в т.н. **несобственно-прямой речи** и их смешение в т.н. **полупрямой речи.**

Прямая речь характеризуется следующими признаками:

1) точно воспроизводит чужое высказывание;

2) сопровождается авторскими словами. Назначение авторских слов - установление самого факта чужой речи и указание, кому она принадлежит. Авторские слова могут также пояснять, при каких условиях была произнесена чужая речь, к кому она обращена, могут давать ей оценку и т.д. Например: *«Что это значит? – спросил он* [Дубровский] *сердито у Антона, который бежал ему навстречу. - Это кто такие и что им надобно?»* (А.Пушкин); *«You want your money back, I suppose», said George, with a sneer. «Of course I do — I always did, didn't I,» says Dobbin.* (W. M. Thackeray.)

Авторские слова и прямая речь образуют особую синтаксическую конструкцию, состоящую из самостоятельных частей, связанных по смыслу и интонационно. Связь между обеими частями конструкции может быть более тесной или менее тесной, что зависит от их взаимного расположения, лексического значения глагола-сказуемого в авторских словах, вводящих прямую речь, и т.д.:

1. *Марина вздохнула: «Вот видишь! Но это, конечно, озорство»* (М.Горький). После авторских слов здесь возможна разделительная пауза (обозначаемая на письме точкой), что подчеркивает слабость интонационной связи между обеими частями сложной конструкции и их синтаксическую независимость.

2. *Наконец, я сказал ему:* «*Ну-ну, Савельич! Полно, помиримся, виноват»* (А.Пушкин). Авторские слова образуют предложение, не имеющее смысловой законченности: при переходном глаголе сказал необходимо дополнение, указывающее на объект высказывания. Такой объект высказывания может быть выражен членом предложения, придаточной частью (в косвенной речи) или прямой речью (как в приведенном примере).

Прямая речь может передавать:

а) высказывание другого лица, например: *«Ребята, у кого есть оружие, собирайтесь сюда», – шепотом командовал лежащим Дубава* (Н.Островский);

б) слова самого автора, произнесенные им ранее, например: *«Вы с ним не дрались? – спросил я. – Обстоятельства, верно, вас разлучили?»* (А.Пушкин);

в) невысказанные мысли, например: *Смотрю вслед ему и думаю: «Зачем живут такие люди?»* (М.Горький).

В художественном произведении в прямой речи, если она преследует цели речевой характеристики героев, можно найти и способы графического изображения неправильностей фонетического характера, типичных для того или иного персонажа, например:

«Ain't we been try in' to get work?» He clutched at Blessy's arm. «Peelin' spuds, — hustlin' the white sheets...»

«Ah don't know, » he replied. «A good tahrn, ah reckon.» (A. Maltz.)

Авторские слова могут занимать различное положение по отношению к авторской речи. Они могут:

а) предшествовать прямой речи, например: *Иван Игнатьич отворил дверь, провозгласив торжественно: «Привел!»* (А.Пушкин);

б) следовать за прямой речью, например: *«Дедушку знаешь, мамаша?» – матери сын говорит* (Н.Некрасов);

в) включаться в прямую речь, например: *«Беликов жил в том же доме, где и я, – продолжал Буркин, – в том же этаже, дверь против двери»* (А.Чехов);

г) включать в себя прямую речь, например: *Я только тогда выпрямился и подумал: «Зачем это отец ходит ночью по саду?» – когда все утихло вокруг* (И.Тургенев).

Авторские слова обычно содержат в своем составе глагол высказывания или мысли (*сказать, говорить, спросить, ответить, подумать* и др.). Иногда в роли вводящих прямую речь слов выступают существительные с указанными значениями (слова, восклицание, вопрос и т.п.), например: *Повсюду стали слышны речи: «Пора добраться до картечи!»* (М.Лермонтов). Реже в той же роли выступают глаголы, обозначающие

чувства говорящего, его внутреннее состояние, движения и т.п. (*обрадоваться, удивиться, вздохнуть, улыбнуться, указать* и т.п.), например: *«Музгарко, да ты в уме ли? – удивился старик. – Проспал обоз!»* (Д.Мамин-Сибиряк).

Если авторские слова предшествуют прямой речи, то в них обычно сохраняется прямой порядок слов, например: *Сметанина вскочила, схватила меня за руку и крикнула: «Море горит!»* (К.Паустовский).

Если же авторские слова стоят после прямой речи или включаются в нее, то порядок главных членов предложения в них обратный, например: *«Что же это?» – спросил я* (М.Лермонтов); *«Ну, –- сказал я с радостью, – близко ночлег!»* (В.Короленко).

Косвенная речь – это передача чужого высказывания в форме придаточного предложения, например:

Прямая речь	**Косвенная речь**
Подошедший милиционер сказал Поле: «Нельзя так долго стоять на мосту».	*Подошедший милиционер сказал Поле, что нельзя так долго стоять на мосту (Л.Леонов).*

Прямая речь может занимать любое место по отношению к авторским словам, а косвенная речь всегда следует за ними. Придаточная часть, содержащая косвенную речь, присоединяется к главной части при помощи союзов и относительных слов, характерных для придаточной части изъяснительной (*что, чтобы, будто, как будто, кто, что, какой, который, чей, как, где, куда, откуда, зачем, почему* и др.).

Если прямая речь представляет собой **повествовательное** предложение, то при замене ее косвенной речью используется союз *что* (*that*), например: *Слуга вошел и объявил, что лошади поданы* (А.Пушкин). (например: *Слуга вошел и объявил: «Лошади поданы»*).

Если прямая речь представляет собой **побудительное** предложение, то при замене ее косвенной речью используется союз *чтобы*, например:
Скажите, чтоб он убирался... (А.Чехов). (Например: *Скажите:*

«Убирайтесь...»);

Marshall asked the crowd to disperse and urged responsible diggers to prevent any disturbance which would prolong the tragic farce of the rush for which the publication of inaccurate information was chiefly responsible. (C. S. Pritchard. The Roaring Nineties.)

Если прямая речь представляет собой **вопросительное** предложение, то при замене ее косвенной речью возможны два случая:

а) при наличии в прямой речи вопросительных местоименных слов они сохраняются в косвенной речи в роли относительных слов, например: *Подъехали они к избе, спрашивают, где тут разыскать хозяйственную часть* (Д.Фурманов). (Например: *Подъехали они к избе, спрашивают: «Где тут разыскать хозяйственную часть?»*). Такая придаточная часть называется **косвенным вопросом**;

б) при отсутствии в прямой речи вопросительных местоименных слов косвенный вопрос выражается при помощи частицы ли в роли союза, например: *Генерал осведомился, не сын ли я Андрея Петровича Гринева* (А.Пушкин). (например: *Генерал осведомился: «Вы сын Андрея Петровича Гринева?»* или *«Не сын ли вы Андрея Петровича Гринева?»*).

В косвенной речи личные и притяжательные местоимения и лица глагола употребляются с точки зрения автора, а не лица говорящего, например:

Прямая речь	**Косвенная речь**
Он сказал: «Я сделаю эту работу для тебя».	*Он сказал, что сделает эту работу для меня.*
Он сказал: «Приходи пораньше».	*Он сказал, чтобы я пришел пораньше.*
Ты спрашиваешь: «Когда ты вернешь мне мою книгу?»	*Ты спрашиваешь, когда я верну тебе твою книгу.*
Я спрашиваю: «Ты был вчера в	*Я спрашиваю, был ли ты вчера в*

институте?»	*институте.*

Обращения, междометия, эмоциональные частицы, имеющиеся в прямой речи, в косвенной речи опускаются; выражаемые ими оттенки передаются только приблизительно другими лексическими средствами, например:

Прямая речь	**Косвенная речь**
Он часто говорил: «Ах, мой дорогой, какой ты хороший! Как мне легко с тобой!»	*Он часто говорил, что я очень хороший, что ему так легко со мной.*

В разговорном стиле возможно смешение прямой и косвенной речи в форме т.н. полупрямой речи, например: *На охоту с ружьем я не смел уже и попроситься, хотя думал, что, почему бы и мне с Суркой не поохотиться?* (С.Аксаков)

Чужая речь может передаваться в художественной литературе приемом т.н. **несобственно-прямой речи**. В таком случае в той или иной степени сохраняются лексические и синтаксические особенности речи говорящего лица, эмоциональная окраска, характерная для передачи мыслей, чувств и настроений персонажа в прямой речи. Но ведется несобственно-прямая речь не от имени действующего лица, а от имени автора, что сближает ее с косвенной речью, например:

а) **прямая речь –** *К концу похода дети устали и честно признались: «Не ожидали мы таких трудностей!»*;

б) **косвенная речь –** *К концу похода дети устали и честно признались, что они не ожидали таких трудностей*;

в) **несобственно-прямая речь –** *К концу похода дети устали. Не ожидали они таких трудностей!*

Нагляднее всего стилистическая функция несобственно-прямой речи проявляется в форме вопросительных и восклицательных предложений, например:

В негодовании ревнивом

Поэт конца мазурки ждет

И в котильон ее зовет.

Но ей нельзя. Нельзя? Но что же?

Да Ольга слово уж дала

Онегину. О боже, боже!

Что слышит он? Она могла...

Возможно ль? Чуть лишь из пеленок,

Кокетка, ветреный ребенок!

Уж хитрость ведает она,

Уж изменять научена!

(А.С. Пушкин)

Вечером, когда мальчики ложились спать, девочки подкрались к двери и подслушали их разговор. О, что они узнали! (А.Чехов).

Только вышел в огород. На высоких грядах, покрытых снегом, растекалось солнце. Беззаботно синело небо. Воробей присел на забор, подпрыгнул, повернулся вправо и влево, воробьиный хвост задорно торчал вверх, круглый коричневый глаз удивленно и весело поглядел на Тольку, – что такое происходит? Чем это пахнет? Ведь до весны еще далеко (В.Панова).

Проблема несобственно-прямой речи в зарубежной лингвистической литературе мало разработана. В немецкой лингвистической литературе она называется erlebte Rede, uneigentliche Rede (Лерх и др.), в английской reported speech, represented speech (Jespersen), semi-indirect speech (Kruisinga), independent form of indirect discourse (Curme). Во французской литературе употребляется термин le style indirect libre (Балли и др.).

В английской художественной литературе в последнее время развился особый прием передачи чужой речи, занимающий переходное положение от косвенной к прямой речи. Характерные черты и той и другой речи в нем настолько перемешаны, что разграничить их можно только после тщательного лингвистического анализа каждого компонента высказывания.

Важно здесь то, что передается реально звучащая речь, т. е. речь ранее произнесенная. Такую смешанную форму передачи чужой речи называют косвенно-прямой речью. Интересный пример можно привести из романа Голсуорси «The Man of Property», где прямая речь персонажа, косвенно-прямая речь и косвенная речь переплетаются в одном связном авторском повествовании, передающем диалог между двумя персонажами, например:

Old Jolyon was on the alert at once. Wasn't the «man of property» going to live in his new house, then? He never alluded to Soames now but under this title.

«No» — June said — «he was not; she knew that he was not!»

How did she know?

She could not tell him, but she knew. She knew nearly for certain.

It was most unlikely; circumstances had changed!

Предложение, которое начинается словами *Wasn't the «man of property*»представляет собой косвенно-прямую речь. От прямой речи здесь инвертированный порядок слов, сокращение *wasn't* и обособленное наречие then. От косвенной речи здесь сдвиг временных форм глагола — прошедшее вместо настоящего. Вопрос, заданный персонажем, как бы проходит через уста автора и получает легкий оттенок передачи вопроса. После этого идет авторская речь, например: *He never alluded...,* за которой следует прямая речь: *No* — оформленная вводящим глаголом *to say* в прошедшем времени и выделенная кавычками *«No», June said,* и далее, хотя и выделенная кавычками, речь Джун дается в косвенно-прямой речи. Глагол стоит в прошедшем времени, согласуясь с временным планом, соответствующим авторскому повествованию, которое выдерживается с самого начала отрывка. Это поддерживается и местоимением в третьем лице, относящимся к персонажу, прямая речь которого может быть использована только в косвенной речи, т. е. в речи автора, передающего диалог. Здесь особо интересен прием использования косвенно-прямой речи, графически оформленной как прямая речь (кавычки, тире и т. д.). Приведем еще примеры косвенно-прямой речи, например:

Was over head and ears in love with her, Sir, and that it would be a good match on both sides.

Mr. Toodle, enlightened, shook his head, and said he had heard it said and, for his own part, he did think, as Mr. Dombey was a difficult subject.(Ch. Dickens)

Сближение косвенной и прямой речи в этих примерах осуществляется путем вкрапления отдельных слов, характерных для персонажа (например, слово *heard* во втором примере) или изображением процесса речи (слово Sir в первом примере).

В некоторых случаях косвенно-прямая речь занимает положение прямой речи, т. е. она вводится авторским текстом и заканчивается соответствующим авторским замечанием, например:

Aunt Juley spoke again Dear Soames was looking so well, hardly a day older than he did when dear Ann died, and they were all there together, dear Jolyon, and dear Swithin, and dear Roger. She paused and caught the tear which had climbed the pout on her right cheek. (J. Galsworthy.)

Косвенно-прямая речь введена предложением *Aunt Juley spoke again* и закончена предложением *She paused ...* Сама косвенно-прямая речь реализуется введением слова *dear*, его повтором, бессоюзием (*so well, hardly a day*), многосоюзием (*and*) и другими средствами изображения прямой речи.

Особенностью синтаксиса английского языка вообще, как известно, является возможность опущения союзов, связывающих главное предложение с придаточными. Это явление особенно часто встречается при передаче сообщения косвенной речью. Именно это обстоятельство особенно сближает нормы прямой и косвенной речи в английском языке и обогащает художественно-стилистические приемы различных способов изложения чужой мысли. Переходы от одного вида к другому виду речи здесь не только облегчаются, но грани между ними в значительной степени стираются.

В современной английской художественной прозе этот прием получил большое распространение. Виды косвенно-прямой речи множатся и получают различные формы. У некоторых писателей диалоги в виде

косвенно-прямой речи преобладают над обычной формой диалога. Особенно часто этим приемом пользуется Т. Драйзер, причем, характерной индивидуальной манерой этого писателя является передача диалога в краткой, лаконичной форме, в которой, однако, неизбежно появляются авторские слова. Вот несколько примеров из «An American Tragedy» Т.Драйзера, например:

Could he bring a reference from where he now was? He could. In consequence he was quick to suggest a walk ... Didn't Clyde want to go?

She must be back in Kansas city again. He could have sworn to it. He had seen her near Eleventh and Baltimore, or thought he had. Had his mother heard anything from her?

В косвенно-прямой речи авторский план повествования реализуется не только морфологическими (главным образом временными формами глагола и местоимением 3-го лица), но и лексическими средствами: пояснительными словами и оборотами.

В последнее время прием косвенно-прямой речи начал проникать и в газетный стиль речи. Однако функция этого стилистического приема в газетных сообщениях отличается от его функции в стиле художественной речи. В последнем он имеет образно-эмоциональную функцию, в газетных сообщениях он применяется для передачи чужой речи в наиболее краткой форме. Здесь можно избежать вводящих слов, кавычек: можно слегка сократить высказывание. Следующий пример из сообщения газеты Daily Worker под заголовком «Eden to Defy MPs on Hanging» может служить иллюстрацией косвенно-прямого вопроса в газетном стиле, например:

Mr. Silverman, his Parliamentary language scarcely concealing his bitter disappointment, accused the Government of breaking its pledge and of violating constitutional proprieties.

Was the Government basing its policy, not on the considered judgment of the House of Commons, but on the considered judgment of the House of Lords?

Would it not be a grave breach of constitutional duty not to give the House a

reasonable opportunity of exercising its rights under the Parliament Act?

«Wait for the terms of the Bill,» was Eden's reply.

Только временной сдвиг глаголов и отсутствие кавычек свидетельствуют о косвенной речи. Порядок слов и, очевидно, вся фразеология оформлена соответственно прямой речи м-ра Сильвермана.

Несобственно-прямая речь.

Форма передачи чужой речи, сочетающая в себе элементы прямой и косвенной речи. В несобственно-прямой речи в той или иной степени отражаются лексические и синтаксические особенности чужого высказывания, манера речи литературного персонажа, эмоциональная окраска, характерная для прямой речи, но передается она не от имени персонажа, а от имени автора, рассказчика, который в этом случае выражает мысли и чувства своего героя, сливает его речь со своей речью. В результате создается двуплановость высказывания: передается «внутренняя речь» персонажа, его мысли, настроения (и в этом смысле «говорит» он), но выступает за него автор; объективная оценка событий сочетается с преломлением их сквозь призму восприятия персонажа. С косвенной речью несобственно-прямую речь сближает то, что в ней тоже заменяются лица глагола и местоимения, она может иметь форму придаточного предложения.

С точки зрения синтаксической несобственно-прямая речь выступает:

а) в составе сложного предложения, например:

То, что Любка осталась в городе, было особенно приятно Сережке: Любка была отчаянная, девка, своя в доску (А.Фадеев);

б) как независимое, самостоятельное предложение, например:

Когда бабушка умерла, ее положили в длинный, узкий гроб и прикрыли двумя пятаками ее глаза, которые не хотели закрываться. До своей смерти она была жива и носила с базара мягкие бублики, посыпанные маком, теперь же она спит, спит... (А.Чехов).

Наиболее характерный тип несобственно-прямой речи — форма вопросительных и восклицательных предложений, выделяющихся в

эмоциональном и интонационном отношении на фоне авторского повествования, например:

Она не могла не сознаваться в том, что она очень ему нравилась; вероятно, и он, со своим умом и опытностью, мое уже заметить, что она отличала его: каким же образом до сих пор не видала она его у своих ног и еще не слыхала его признания? Что удерживало его? Робость, гордость или кокетство хитрого волокиты? Это было для нее загадкою (А.Пушкин).

Николай Ростов отвернулся и, как будто отыскивая чего-то, стал смотреть на даль, на воду Дуная, на небо, на солнце. Как хорошо показалось небо, как голубо, спокойно и глубоко! Как ласково-глянцевито блестела вода в далеком Дунае! (Л. Толстой).

Изображенная речь

В последнее время в английской художественной литературе получил распространение прием авторского изображения чужих мыслей и чувств, который мы называют изображенной речью.

В изображенной речи, так же как и в косвенно-прямой речи реализуются два плана изложения: авторский план и план персонажа, например:

Annette! Ah! But between him and Annette was the need for that wretched divorce suit and howl

«A man can always work these things, if he'll take it on himself,» Jolyon had said.

But why should he take the scandal on himself with his whole career as a pillar of the law at stake? It was not fair! It was quixotic!

(J.Galsworthy.)

В этом отрывке можно найти и передачу мыслей Сомса Форсайта, и прямую речь, и элементы авторской речи. Изображенная речь начинает этот отрывок, далее следует прямая речь, введенная авторским *Jolyon had said ...* и после этого снова изображенная речь, передающая мысли Сомса.

В изображенной речи находят свое типизированное, обобщенное выражение характерные черты внутренней речи. Как известно, внутренняя

речь выполняет лишь одну функцию языка: реализацию мысли. Она не имеет коммуникативной функции. Внутренняя речь — категория не лингвистики, а психологии. Превращаясь в изображенную речь, внутренняя речь становится категорией языкознания (стилистики). Изображенная речь, типизируя характерные черты внутренней речи, приобретает функцию коммуникации. Передавая мысли и чувства, она фактически является и авторской интерпретацией этих мыслей. Однако так тесно переплетены эти два плана повествования, что отделить один от другого почти не представляется возможным. Они являются органически спаянными в новом качестве.

Авторский план обычно оформляется за счет морфологических особенностей: повествование ведется в третьем лице, глагол обычно стоит в прошедшем времени; план героя реализуется обычно синтаксическими средствами языка: инвертированным порядком слов в вопросительных предложениях, фрагментарностью высказывания, наличием эмоциональной окрашенности высказывания, обычно выражаемой графическими средствами, умолчанием, присоединительными конструкциями, обособлением и другими особенностями прямой речи.

Изображенная речь по сравнению с косвенно-прямой речью значительно более фрагментарна, непоследовательна, обрывиста. Она всегда более эмоциональна, хотя бы потому, что выражает чувства и переживания героя. Косвенно-прямая речь, изображая действительную речь, всегда логически оформлена. Изображенная речь, рисуя невысказанные мысли и чувства, может со значительно большей свободой обращаться с логическим построением высказывания, например:

An idea had occurred to Soames. His cousin Jolyon was Irene's trustee, the first step would be to go down and see him at Robin Hill. Robin Hill! The odd — the very odd feeling those words brought back. Robin Hill — the house Bosinney had built for him and Irene — the house they had never lived in — the fatal house! And Jolyon lived there now! H'm

(J. Galsworthy.)

В этом отрывке интересно проследить постепенный переход от авторского повествования к изображенной речи и дальше — переход изображенной речи в прямую речь персонажа. Все эти переходы сделаны едва заметно. Никаких вводящих авторских слов, сигнализирующих о переходе от одного типа передачи мысли и чувств героя к другому, в отрывке нет. И, тем не менее, крайние случаи совершенно ясно очерчены. Первое и второе предложения являются авторским повествованием. Однако, уже в конце второго предложения повтор *Robin Hill* реализует переход к изображенной речи. Дальше начинается изображенная речь. Автор излагает мысли и чувства героя — Сомса. Появляется эмоциональный повтор, восклицательные предложения, оценочные слова — *the fatal house* — все это характеризует план героя. С другой стороны, временная форма глаголов *had built, brought*; *had never lived — lived there now*, а также местоимение третьего лица *him* передают авторский план повествования. Наконец, последнее предложение, выраженное одним междометием *H'm,* можно рассматривать как произнесенное вслух слово междометия, т. е. прямую или косвенно-прямую речь.

Косвенно-прямая речь допускает такого рода отклонения от нормы косвенной речи, которые приближают ее к прямой. Иными словами можно сказать, что косвенно-прямая речь есть прием приближения косвенной речи к прямой в авторском повествовании. Изображенная же речь есть способ образно-эстетической трансформации психологического явления, известного под названием внутренней речи. Она служит для передачи мыслей и чувств героя в форме, доступной для внешнего восприятия.

§ 4. Пунктуация, ее основные принципы.

Пунктуацией называется собрание правил постановки знаков препинания, а также сама система знаков препинания, употребляемых в письменной речи.

Основное назначение пунктуации – указывать на смысловое членение речи. Так, постановка точки указывает на законченность предложения с точки зрения пишущего.

Вместе с тем знаки препинания служат для выявления различных смысловых оттенков, присущих отдельным частям письменного текста. Например, постановка вопросительного знака в конце предложения указывает не только на членение речи, но и на вопросительный характер предложения, на особый его тип по цели высказывания. Выбор знака между частями бессоюзного сложного предложения, обусловленный тем или иным пониманием взаимоотношения этих частей, в свою очередь служит средством выявления смысловых отношений между ними. Например: постановку запятой, тире и двоеточия в одном и том же тексте: *Всадник крикнул, лошадь понеслась* (последовательность двух действий); *Всадник крикнул - лошадь понеслась* (в первой части указывается причина, во второй – следствие; или же отмечается быстрая смена одного явления другим); *Всадник крикнул: лошадь понеслась* (выявляются причинно-следственные отношения с указанием причины во второй части). Постановка или отсутствие запятой между двумя определениями, предшествующими определяемому слову, связаны с пониманием этих определений как однородных или неоднородных, например:

Особенно выразительны были ее большие, черные глаза. – Особенно выразительны были ее большие черные глаза.

Можно указать также на постановку или отсутствие запятой при определениях, предшествующих определяемому существительному, в зависимости от наличия или отсутствия дополнительных обстоятельственных оттенков значения, с чем связано обособление или необособление этих определений, например:

Усталые до последней степени, экскурсанты не могли продолжать свой путь. – Усталые до последней степени экскурсанты не могли продолжать свой путь.

Т.о., в ряде случаев знаки препинания являются основным или единственным средством выявления смысловых отношений в письменном тексте, которые не могут быть выражены при помощи грамматических и лексических средств, например:

Профессор сейчас может быть у себя в кабинете. – Профессор сейчас, может быть, у себя в кабинете (синтаксическая роль выделенных слов выявляется только средствами пунктуации).

Образуя вместе с буквами общую графическую систему языка, знаки препинания выполняют в ней особые функции.

Пунктуация в русском языке строится в значительной степени на **синтаксической основе**. Однако это не означает, что пунктуация отражает синтаксическую структуру предложения, подчиняется ей: последняя в свою очередь обусловлена смыслом высказывания, поэтому исходным моментом для строения предложения и для выбора знаков препинания является **смысловая сторона речи**. Вот случаи постановки знака препинания, не связанные с синтаксическими правилами, например, постановку т.н. интонационного тире, например: 1) *Ходить долго - не мог*; 2) *Ходить - долго не мог*.

Приведенный пример показывает, что пунктуация связана с интонацией. Однако и в этом случае нет прямой зависимости первой от второй: обе служат средствами выражения смысла речи, причем интонация выполняет эту функцию в устной речи, а пунктуация – в речи письменной. Довольно часты случаи несовпадения пунктуации и интонации (ритмомелодики), например:

1) *Величайший русский поэт Пушкин был основоположником современного русского литературного языка* (пауза после слова *Пушкин* между составом подлежащего и составом сказуемого не обозначается на письме никаким знаком);

2) *Он быстро вошел в комнату и, увидя нас, внезапно остановился* (после союза *и* пауза отсутствует, но по существующим синтаксическим

правилам ставим здесь запятую). Не следует также забывать, что интонация является одним из средств выражения синтаксических отношений, поэтому характер связи между пунктуацией и интонацией вытекает из общих отношений пунктуации и синтаксического строя речи, о которых говорилось выше.

Русская пунктуационная система обладает большой гибкостью: наряду с обязательными правилами она содержит указания, не имеющие строго нормативного характера и допускающие пунктуационные варианты, необходимые для выражения смысловых оттенков и стилистических особенностей письменного текста. Например: пунктуационные варианты, связанные с обособлением или необособлением оборотов со словами *кроме, вместо, помимо, вследствие, ввиду, благодаря* и др.

Следует отметить также «многозначность» большинства пунктуационных знаков (например: многообразие употребления запятой, тире, двоеточия и других знаков). Даже такие знаки, как вопросительный и восклицательный. употребляются не только в конце предложения для указания на его законченность и вопросительный или восклицательный характер, но и в середине предложения (правда, очень редко) после каждого однородного члена, если нужно показать расчлененность вопроса или эмоциональную прерывистость речи, например:

Кто же вас гонит: судьбы ли решение? зависть ли тайная? злоба ль открытая? (М.Лермонтов); *Все отвергал: законы! совесть! веру!* (А.Грибоедов).

В современной пунктуационной системе знаки препинания функционально значимы: они имеют закрепленные за ними обобщенные значения, фиксирующие закономерности их употребления. Функциональная значимость знаков гарантирует их воспроизводимость в схожих семантико-грамматических условиях, их узнаваемость при чтении текста, понимание его смысла, т.е. обеспечивает проявление социальной сущности пунктуации.

По своим общим функциям прежде всего различаются знаки **отделяющие** (точка; вопросительный знак, восклицательный знак, запятая, точка с запятой, двоеточие, тире, многоточие) и **выделяющие** (две запятые, два тире, скобки, кавычки). Функцию знака препинания выполняет также абзац -–написание с новой строки.

Отделяющие знаки препинания членят письменный текст на значимые в семантико-грамматическом отношении части.

По своим функциональным качествам близкими являются **запятая, точка с запятой, точка**. Знаки эти ставятся при перечислении синтаксически равнозначных единиц: однородных членов предложения и частей предложения (запятая, точка с запятой), отдельных предложений (точка).

Качественная близость этих знаков, т.е. их функциональная общность, дает возможность использовать запятую, точку с запятой и точку как определенную градационную систему, если при этом учитывается различие в обозначаемой ими степени членимости текста, например:

Ботнический залив был скован льдом. Высокие сосны трещали от стужи. Непрестанный ветер сдувал со льда сухой снег (К.Паустовский). – *Ботнический залив был скован льдом; высокие сосны трещали от стужи; непрестанный ветер сдувал со льда сухой снег. – Ботнический залив был скован льдом, высокие сосны трещали от стужи, непрестанный ветер сдувал со льда сухой снег.*

Возможность подобных замен свидетельствует об общности качественного потенциала данных знаков. И вместе с тем именно это свойство знаков дает возможность использовать их «количественное» различие: снижение степени смысловой спаянности разделяемых компонентов высказывания - от запятой к точке с запятой и к точке. Именно эти различия и позволяют фиксировать части предложений более крупные, основные и указывать на внутреннее членение этих частей, например:

Небо тяжело и мрачно, с него неустанно сыпались еле видные глазом капельки дождя; печальную элегию в природе вокруг меня подчеркивали две обломанные и уродливые ветлы и опрокинутая вверх дном лодка у их корней (М.Горький).

При общей функциональной значимости эти знаки оказываются разными по силе своего действия. Именно поэтому запятые чаще оказываются между однородными членами внутри предложения, а точки с запятой - на стыке сложных предложений, соответственно точки - между предложениями. Хотя при особой осложненности структуры однородных членов предложения может возникнуть потребность разделить их более значительным знаком, чем запятая (позиция точки с запятой), и, с другой стороны, в сложном предложении вполне достаточными сигналами членения окажутся запятые, если структура сложного предложения прозрачная, не осложнена внутренними выделениями.

Однако явное функциональное сходство этих знаков вовсе не означает их тождества. Например, не удается эксперимент с взаимозаменяемостью запятой и точки с запятой при однородных членах, связанных противительными отношениями. Точка с запятой подходит только при передаче отношений перечисления. Следовательно, точка с запятой, в сравнении с запятой, - знак более ограниченного употребления. Выявляется закономерность: на месте точки с запятой всегда можно поставить запятую (такой знак может быть менее выразительным, но отнюдь не ошибочным), однако далеко не каждую запятую можно заменить точкой с запятой. То же и с точкой: запятая (пусть с некоторыми неудобствами для восприятия текста из-за его чрезмерной осложнённости) может заменить точку и объединить предложения в одно сложное, однако точка не всегда способна качественно уподобиться запятой, например:

Одно время я всерьез думал стать моряком. Но вскоре мечта о писательстве вытеснила все остальное (К.Паустовский). – *Одно время я*

всерьез думал стать моряком, но вскоре мечта о писательстве вытеснила все остальное.

Итак, запятая, точка с запятой, точка выстраиваются в функционально объединенный ряд, который представляет собой постепенное восхождение от знака, минимально отделяющего друг от друга однородные синтаксические единицы (запятая), через знак «средней делимости» (точка с запятой) к знаку, членящему текст на отдельные единицы высказывания (точка). Но такое обобщенное сходство при количественном различии отнюдь не означает семантического тождества, что обнаруживается при выявлении однонаправленности взаимозаменяемости знаков: взаимозаменяемость возможна при направленности от точки к точке с запятой и запятой и не всегда возможна при направленности от запятой к точке с запятой и к точке.

Многоточие наряду с общей отделительной функцией обладает рядом конкретных, разнообразных значений, которые чаще всего отражают эмоциональную окраску речи. Это знак, передающий недосказанность, недоговоренность, прерванность мысли, часто - ее затрудненность, вызванную либо большим эмоциональным напряжением, либо причинами иного плана, например:

- *Звезда упала...* - *проговорил Мейер, кутаясь в пальто* (А.Чехов); - *Такие-то дела, дорогой мой...* - *начал он опять, ласково глядя на следователя* (А.Чехов); - *И ушла я... ушла куда глаза мои глядят* (А.Чехов); - *О чем же ты думаешь, милая?* - *О детях, о тебе... о своей жизни. Я ведь, Алеша, много пережила. Как начнешь вспоминать, как начнешь... Господи боже мой!* - *Она засмеялась* (А.Чехов).

Многоточие может передавать многозначительность сказанного, указывать на подтекст, скрытый смысл, может подчеркивать алогизм, например:

Вот таким он [Мануэль] *запомнился мне: невысокий человек с кудрявой, окладистой, иссиня-черной бородой на умном тонком лице* - *один на поле... А за спиной у него уже раздавались выстрелы* - *перестрелка из центра города*

сместилась к территории аэропорта... (из газет); *Дождь... в наказание* (из газет).

Двоеточие предупреждает о последующем разъяснении и пояснении. Эта функция знака раскрывается разными значениями: причинной обусловленности, обоснования, раскрытия содержания, конкретизации общего понятия, например:

Светлый день пришел: на земле снег лежал, на небе облака растаяли, солнце показалось (М.Пришвин); *Гарт поворачивал голову к окну, и предчувствие сбывалось: безветрие и бледная осень стояли над городом* (К.Паустовский).

Тире – знак очень широкого употребления. Оно означает всевозможные пропуски: пропуск связки в сказуемом, пропуск членов предложения в неполных и эллиптических предложениях, пропуск противительных союзов, например:

Самый ужасный из местных ветров – новороссийская бора (К.Паустовский); *Кроме того, приходилось посылать деньги одной тетке во Владивосток, а другой - в Киев* (К.Паустовский).

Вторая функция тире – смысловая: передача значений условия, времени, сравнения, следствия, противопоставления и сопоставления, в тех случаях, когда эти значения не выражены лексически; в конечном счете это тоже фиксация своеобразных пропусков, например:

Она вспомнила Винклера - мертвая тоска внезапно сжала ей сердце и вернула силы (К.Паустовский); *Биться в одиночку – жизни не перевернуть* (Н.Островский).

Тире может быть и показателем «неожиданности» – смысловой, композиционной, интонационной; в таких случаях знак передает эмоциональную напряженность речи (динамичность, резкость, быструю смену событий и т.д.). Например:

Казалось еще одна минута - и конвойные бросятся к нему (К.Паустовский); *И когда был еще один скачок рассвета - бледное пятно оказалось лицом человека* (М.Пришвин).

Как формальный знак-разграничитель, тире употребляется, например, при оформлении прямой речи, при разграничении реплик диалога, например:

- *Ты очень устал, Ефим? - Я не могу быть усталым, я должен работать весь день...* (М.Пришвин).

Знаки вопросительный и восклицательный оформляют соответствующие предложения, например:

- *Какая тишь! Деревья-то, как восковые!* (М.Пришвин); *Где вы видели такое прозрачное море? Нигде! Когда вы жили среди таких добрых и честных людей? Никогда!* (К.Паустовский).

Абзацный отступ служит цели выделения значимых частей текста. Причины же выделения могут быть различными, и поэтому конкретные функции абзаца привязаны к целевой установке текста. Например, при разграничении реплик диалога абзац является формальным средством такого разграничения. В монологически организованном тексте абзац выполняет либо логико-смысловую функцию (делит текст на логически и по смыслу – тематически – объединяемые части), при которой фиксируется последовательный переход от одной мысли к другой, либо функцию экспрессивно-эмоциональную, когда абзац разрывает логико-смысловую последовательность высказываний, и тогда служит ярким стилистическим средством выделения.

Специфика абзацного членения определяется целевой установкой самого текста, его композиционными особенностями, в текстах художественных - к тому же еще и авторской модальностью.

Знаки выделяющие – **запятые, тире, скобки** – выделяют в предложении особо значимые части; особая значимость проявляется в дополнительной смысловой нагрузке (обособленные члены предложения), в специфической функции (обращения, междометия, вводные слова, словосочетания и

предложения), в передаче добавочных сообщений (вставные конструкции). Разница в степени выделенности подчеркивается выбором выделительных знаков: по степени выделительной значимости знаки образуют градационный ряд от запятых (меньшая степень) к тире (средняя степень) и, наконец, к скобкам (высшая степень выделенности, граничащая с полным выключением конструкции из состава предложения, например, при оформлении вставок к абзацу, т.е. за пределами предложения), например:

Крестьянские кони, согнанные в ночное на луга, дико смотрят на белые звезды электрических фонарей, повисшие в далеком лесу, и всхрапывают от страха (К.Паустовский); *В лугах - в землянках и шалашах - живут болтливые старики* (К.Паустовский); *На некоторых мшарах (на Красном болоте и на болоте Пильном) уже началась добыча торфа* (К.Паустовский).

Выделительные знаки различаются не только степенью передаваемого ими выделения, но и функционально. В последнем смысле однозначными являются только скобки – они выделяют только вставки, т.е. дополнительные сообщения. Что же касается запятых и тире, то их функции шире и разнообразнее: они могут передавать различные смысловые, интонационные и акцентные тонкости (особенно тире), например:

У нас уже падал снег, но только стаял, а в лесу под елочкой – смотришь – и сидит заяц (К.Паустовский); *Все это лето я узнавал наново – на ощупь, на вкус, на запах – много новых слов, бывших до той поры хотя и известными мне, но далекими и непережитыми* (К.Паустовский); *Чаще всего зарницы бывают в июле, когда созревают хлеба. Поэтому и существует народное поверье, что зарницы «зарят хлеб», – освещают его по ночам – и от этого хлеб наливается быстрее* (К.Паустовский); *Вечерняя заря начинается, когда солнце уже зайдет за край земли. Тогда она овладевает меркнущим небом, разливает по нему множество красок – от червонного золота до бирюзы - и медленно переходит в поздние сумерки и в ночь* (К.Паустовский).

Выделительным знаком являются и **кавычки**. Общая функциональная однозначность кавычек (выделительная) не мешает им иметь разнообразные частные значения.

Прежде всего, кавычки выделяют в тексте чужую речь – отдельные слова, принадлежащие другому автору, цитаты, прямую речь, например:

Мальчик сказал «смотреть грома», и я вспомнил слова из «Божественной комедии» Данте о том, что «солнца луч умолк» (К.Паустовский); *О слепом дожде, идущем при солнце, в народе говорят: «Царевна плачет»* (К.Паустовский).

Выделение кавычками может быть и иного плана: выделяются необычно употребленные автором слова, – например, слова малоупотребительные, иностилевые, употребленные в ироническом смысле, в противоположном значении, с двойным значением, например:

А какая крылатая романтика живет во всех этих фрегатах и баркантинах, шхунах и клиперах, вантах и реях, кабестанах и адмиралтейских якорях, «собачьих» вахтах, звоне склянок и лагах, гуле машинных турбин, сиренах, кормовых флагах, полных штормах, тайфунах, туманах, ослепительных штилях, плавучих маяках, «приглубых» берегах и «обрубистых» мысах, узлах и кабельтовых – во всем том, что Александр Грин называл «живописным трудом мореплавания» (К.Паустовский); *А если по новому закону жить, то никаких «вдруг» быть не может, всему есть причины* (М.Пришвин); *А задаток уже показывается в руке старшего из «энтих»* (М.Пришвин); *Соседи решили, что мусорщик «тронулся»* (К.Паустовский).

Кавычки служат средством выделения различных названий – орденов и медалей, литературных произведений, газет, журналов; предприятий, организаций; производственных изделий, марок машин; сортов растений, например:

Все созданное Пришвиным: и первые его вещи – «В краю непуганых птиц» и «Колобок» и последующие - «Календарь природы», «Кладовая

солнца», многочисленные его рассказы и, наконец, тончайший, как бы сотканный из утреннего света, ключевой воды и тихо говорящих листьев «Женьшень» – все это полно прекрасной сущностью жизни (К.Паустовский); *Он печатался под псевдонимом «Мультатули». По-латыни это означает «Многострадальный»* (К.Паустовский).

В английском языке используются практически те же самые знаки препинания, что и в русском: точка, запятая, точка с запятой, тире, апостроф, скобки, многоточие, вопросительный и восклицательный знаки, дефис

Точка (англ. => Full Stop / амер. => Period).

1. Ставится в конце повествовательного предложения, например:

He was there. He saw everything. – ‘ Он был там. Он все видел’.

2. Ставится в конце вопросительного по форме предложения, имеющего, однако, характер просьбы, например:

Would you please call him as soon as possible. **–** ‘Позвоните, пожалуйста, ему как можно скорей’.

3. Обозначает аббревиатуры (сокращенные слова), например:

Prof. = Professor;

Nov. = November;

U.K. = United Kingdom

Примечания:

1) точка не используется в так называемых акронимах, т.е. словах, состоящих из начальных букв других слов или частей слов, например:

UNESCO **–** *United Nations Educational, Scientific, and Cultural Organization;*

NATO **–** *North Atlantic Treaty Organization*

2) если предложение заканчивается аббревиатурой, обозначенной точкой, то эта же точка служит и для завершения всего предложения, например:

He will be here by 10 a.m. **–** ‘ Он будет здесь к десяти утра’.

4. Ставится перед десятичными знаками в числительных (читается **point)**, например**:**

54.5 per cent / 11.485 / 0.0001 /.45

5. Ставится для разделения больших и меньших денежных единиц одной системы, например:

$10.75 / J15.50

6. Ставится в английском варианте при обозначении времени для разделения часов и минут, например:

6.45 a.m. (амер.: 6:45 a.m.)

Самым распространенным и, следовательно, самым трудным для описания знаком препинания в английском языке является запятая. Именно в случаях с использованием запятой наблюдается наибольшее количество различных вариантов и импровизаций, что в большой степени обусловливается эрудицией автора, его эмоциональным восприятием и толкованием ситуаций, представленных в тексте.

Основным отличием использования запятой в английском языке по сравнению с русским является то, что в русском языке придаточные предложения всегда отделяются запятой от главного, а в английском языке — не всегда.

Не отделяются запятой:

- придаточные подлежащие / сказуемые / дополнительные, например:

It is important that you should be here tomorrow. – ‘Важно, чтобы ты был здесь завтра’.

Our advice is that you should not smoke. **–** ‘Наш совет заключается в том, чтобы вы не курили’.

We insist that you call him immediately. **–** **‘**Мы настаиваем на том, чтобы вы позвонили ему немедленно’.

- придаточные обстоятельственные, когда стоят после главного предложения, например:

She told him everything when he went downstairs. –‘Она рассказала ему все, когда он спустился вниз’.

I had to finish my work earlier to help mother. –‘Мне пришлось закончить свою работу пораньше, чтобы помочь маме’.

The police will take your car away if you park it here. –‘Полиция заберет твою машину, если ты припаркуешься здесь’.

Наиболее характерные случаи использования запятой в английской письменной речи, например**:**

1. Используется для выделения обращения:

Waiter, I'd like the menu, please. – ‘Официант, принесите меню, пожалуйста’.

But mother, there is no one here. – ‘Но мама, здесь же никого нет’.

2. Ставится для разделения отдельных элементов перечисления, например:

Red, pink, yellow and white flowers filled the vases. – ‘Вазы были наполнены красными, розовыми, желтыми и белыми цветами’.

He rose, went around the desk, leaned down(,) and kissed her lightly on the cheek. **–** **‘**Он встал, обошел вокруг стола, наклонился и нежно поцеловал ее в щеку’.

He eats, drinks(,) and talks too much. **–** ‘ Он слишком много ест, пьет и говорит’.

3. Ставится (не обязательно) между двумя главными предложениями, соединенными союзами *and/as /but*. Особенно часто этот прием используется, если первое предложение длинное, например:

You will confirm it(.) and I shall help you with the money. **–** **‘**Ты подтвердишь это, а я помогу тебе нужной суммой’.

They turned back to look at each other, and again she wondered if this man knew he was being cuckolded. –‘Они обернулись, чтобы посмотреть друг на друга, и снова ей в голову пришла старая мысль — а знает ли этот человек о том, что жена изменяет ему’.

The crowd sat stupefied (,) as the death dance whirled toward its climax. – ‘Толпа сидела завороженная, а танец смерти бешеным вихрем приближался к своей кульминации’.

4. Используется после обстоятельственных придаточных предложений и оборотов, стоящих перед главным предложением:

When he went downstairs, she told him everybody had gone to the tennis court. – ‘Когда он спустился вниз, она сообщила ему о том, что все ушли на теннисный корт’.

To help mother, I had to finish my work earlier. –‘Чтобы помочь матери, мне пришлось закончить работу пораньше’.

Having called Sam, she immediately went to the airport. –‘Позвонив Сэму, она сразу же отправилась в аэропорт’.

When in doubt, you should come to visit me. –‘Когда сомневаешься, приезжай ко мне’.

If you park your car here, the police will take it away. –‘Если ты оставишь машину здесь, полиция заберет ее за нарушение правил парковки’.

5. Ставится впереди и после любой части предложения, содержащей дополнительную информацию о подлежащем:

The driver, who was very young, insisted that he knew me. –‘Водитель, очень молодой парень, настаивал на том, что знает меня.

Примечание:

Одним из самых строгих правил английской пунктуации является правило, запрещающее использования запятой между подлежащим (группой подлежащего) и сказуемым; данный случай описывает один из немногих вариантов, когда запятую можно ставить, но при этом следует помнить, что выделяется только дополнительная информация, и обязательно с двух сторон, например:

The driver who was very young, insisted that he knew me./The driver, who was very young insisted that he knew me. — **Неверно!** — нет второй запятой.

The driver, who helped me that morning, insisted that he knew me. – ‘Водитель, который помог мне в то утро, утверждал, что знает меня’. — **Неверно!** — здесь не дополнительная информация о подлежащем, а просто пояснение — запятые не нужны.

Правильно: *The driver who helped me that morning insisted that he knew me.*

The strike at the carpet factory, which lasted two weeks, is now over. — *дополнительная информация* — выделяется запятыми –‘Забастовка на ковровой фабрике, длившаяся две недели, закончилась’.

The girl with whom he fell in love left him after a few weeks. — пояснение — запятыми не выделяем –‘Девушка, в которую он влюбился, оставила его через несколько недель’.

The house, which has been empty for a year, has just been sold. –‘Дом, пустовавший в течение года, только что продали’.

The man whom I wanted to see was away on holiday. –‘Мужчина, с которым я хотел встретиться, уехал в отпуск’.

6. Ставится для отделения любой части предложения, содержащей дополнительную информацию о дополнении **(но:** если такая часть предложения имеет характер пояснения или уточнения, запятая не ставится), например:

She is the woman, whose husband has been dead for three years. – ‘Это та (самая) женщина, у которой муж умер три года назад.

A widow is a woman whose husband is dead. – ‘Вдова — это женщина, у которой умер муж’.

Yesterday I met John, who told me he was getting married. – ‘Вчера я встретил Джона, и он сказал мне, что женится’.

I don't want to go back to the town where I was born. – ‘Я не хочу возвращаться в город, где родился’.

They would like to stay in this town, where their son was born. – ‘Они хотели бы остаться в этом городе — здесь родился их сын’.

Norman won $10,000, half of which he gave to his sister. – ‘Норман выиграл 10000 долларов, половину из которых он отдал сестре’.

What was the name of the girl whose passport was stolen? – ‘Как звали девушку, у которой украли паспорт?’

7. Используется для обозначения пропущенных в тексте слов, например:

Fishing forms a quiet man; hunting, an eager man; gambling, a greedy man. –‘Рыбалка делает человека спокойным, охота– энергичным, азартные игры — жадным’.

8. Ставится с обеих сторон любого элемента, прерывающего предложение, например:

The fire, although it had been put out, was still very hot. – ‘Камин, хоть уже и без огня, был еще очень горячим’.

Can't you see, Peter, how big he is? – ‘Разве ты не видишь, Питер, какой он большой?’

There had, of course, been other women along the way. –‘Конечно, на его пути встречались и другие женщины’.

9. Ставится после вводных слов или выражений для отделения их от остальной части предложения, например:

Well, I like this. – ‘Ну что ж, мне это нравится’.

By the way, I also need money. – ‘Кстати, мне тоже нужны деньги’.

However, nobody drank much, –‘Однако, никто не пил много’.

10. Ставится в тех случаях, когда существует вероятность неправильного восприятия смысла предложения, например:

As the police car pulled up, the crowd surged forward, (без запятой можно было бы подумать, что машина врезалась в толпу) – ‘Когда полицейская машина приблизилась, толпа хлынула вперед’.

After a period of calm, college students have begun to demonstrate again, (без запятой слово college можно было бы отнести к слову calm) –‘После периода затишья студенты снова начали устраивать демонстрации’.

11. Часто ставится для отделения обстоятельственных словосочетаний, стоящих в начале предложения и слабо связанных по смыслу с остальной его частью, например:

In the summer of 1984, many trees died. –‘Летом 1984 года погибло много деревьев’.

After the coffee and three cigarettes, he dressed in what he always dressed in. – ‘Выпив кофе и выкурив три сигареты, он оделся в свой обычный костюм’.

At forty-two, he was a deceptive-looking man. –‘Трудно было сказать с уверенностью, что ему сорок два года’.

In thirteen months, he had parted with all of them. – ‘Через тринадцать месяцев он разошелся с ними всеми’.

For some reason, sex and politics for him had always gone hand in hand. – ‘Каким-то странным образом секс и политика для него всегда были неразделимы’.

In search of gold, my great-grandfather landed in America. –‘В поисках золота мой прадед высадился в Америке’.

12. Ставится для отделения вопросительной части в разделительных вопросах, например:

You saw this film, didn't you? –‘Ты видел этот фильм, не так ли?’

She was here yesterday, wasn't she? –‘Она была здесь вчера, не так ли?’

They haven't come today, have they? – ‘Они не приходили сегодня, не так ли?’

13. Ставится перед словами *too* (в утвердительных предложениях) и *either* (в отрицательных предложениях), если они относятся к группе подлежащее – сказуемое и обозначают ‘тоже (как кто-то другой)’:

Сравните:

***He has been** to London, **too**.* – ‘Он тоже (как ты / я / кто-либо) был в Лондоне’.

*He has been **to London too.*** – ‘В Лондоне (как и в Москве / в Париже / где-либо) он тоже был’. — запятая не ставится**.**

He has not been *to London,* ***either.*** –‘Он тоже (как ты / я / кто-либо) не был в Лондоне’.

He has not been ***to London either.*** – ‘В Лондоне (как и в Москве в Париже / где-либо) он тоже не был’. — запятая не ставится

14. Ставится перед словом *for,* если оно выступает в качестве союза (присоединяемые этим союзом придаточные предложения очень редко стоят впереди главного):

I asked her to stay, for I had something to tell her. –‘Я попросил ее остаться, т.к. мне нужно было ей кое-что сказать’.

I could tell much about this man, for I had met him before. –‘ Я мог бы многое рассказать об этом человеке, поскольку я встречался с ним раньше’.

15. Ставится в датах для отделения числа и месяца от года:

He was born June 14, 1940. –‘ Он родился 14 июня 1940 года’.

It happened in May, 1977. –‘Это случилось в мае 1977 года’.

16. Ставится для выделения разрядов в больших числах:

He once estimated that he was living slightly more than $1,000 a year. –‘ Он как-то подсчитал, что в год тратит чуть больше тысячи долларов’.

The federal government's official poverty line that year was $4,680. – ‘Официальный уровень нищеты, определенный федеральным правительством на тот год, составлял 4680 долларов’.

17. Ставится в английском варианте (в американском используется двоеточие) оформления деловой корреспонденции после обращений, например:

Dear Mr. Johnson, I have received your letter...

(**амер**.) *Dear Sir:*

I have received your letter...

18. Ставится в деловой корреспонденции после заключительных приветственных фраз, отделяя приветствие от фамилии и должности (между которыми нет никаких знаков препинания), например:

Yours faithfully, / Yours truly, ABCDCo-.Ltd. R. Johnson President

19. Ставится в адресе на конверте или в верхней части письма (над текстом), выделяя фамилию адресата/название организации/район/город/штат(округ)/страну (между номером дома и названием улицы запятая не используется), например:

Stephen P. Haere, 2141 Starling Avenue, Bronx, N.Y. 10462

20. Ставится для отделения пояснительных слов от прямой речи, если нет других знаков препинания, например:

«How was he?! Dark asked. «He was well», she said. «Do they still hurt? » he asked. «No», she said, «not much». He said, «I don't know».

Примечание:

Кавычки (quotation marks) в английском языке ставятся только вверху; в американском варианте кавычка обозначаются сдвоенными запятыми, а в английском – просто запятыми.

Апостроф

1. Ставится вместе с буквой *s* во всех случаях использования притяжательного падежа, кроме множественного числа существительных, образованного по общему правилу **(**тогда апостроф ставится без *s***)** , например**:**

mother's hat;

the princess's [prin'sesiz] smile;

men's gloves;

students' books

Примечание:

При образовании притяжательного падежа от имен собственных, заканчивающихся буквой -*s*, можно использовать оба варианта, например**:**

King Charles's crown/King Charles' crown

2. Ставится в редуцированных формах для обозначения пропущенных букв или цифр, например:

I'm = I am;

he's == he is / has;

'87 = 1987

3. Ставится вместе с буквой *s* при образовании множественного числа от букв, чисел или аббревиатур (с числами и заглавными буквами апостроф может опускаться), например:

In the 1980's /the 1980s...;

VIP's / VIPs;

I can't distinguish his L's. –‘ *Я* не различаю в его речи букву "л"’.

Правила расстановки всех остальных знаков препинания: **;**— semicolon / **:** — colon **/ ( )** — parentheses / **[]** — square brackets / **—** — dash / **-** — hyphen / **?** — question mark / **!** — exclamation mark практически ничем не отличаются от соответствующих правил в русском языке.

Общие функции знаков препинания, а также более частные, реализуемые в семантико-грамматических условиях конкретных текстов, создают почву для индивидуального использования знаков пунктуационной системы. Такие знаки связаны с **авторским осмыслением** написанного, обычно они передают эмоциональный строй речи и входят в понятие «слога писателя». Пунктуация выдающихся мастеров художественного слова – свидетельство богатства ее стилистических возможностей.

Главный принцип индивидуального осмысления знаков препинания заключается не в забвении их функциональной значимости, а в применении знаков в новых, необычных для них (с точки зрения нормативных правил) контекстуальных условиях. Например, тире у М. Горького в позициях, где правилами предусмотрена запятая или отсутствие знака (тире после обращения; тире между подлежащим и сказуемым – личным глаголом, при выделении сравнительных оборотов и т.д.); тире у А. Блока (после частиц, наречных слов с обобщенным обстоятельственным значением) также расширяет сферу своего применения; особой изощренности при употреблении тире достигает М. Цветаева: оно помогает ей «развести» слова при чрезмерной смысловой сжатости, спрессованности ее строки – как поэтической, так и прозаической. Известно также пристрастие И. Бабеля к

точке, А. Толстого – к тире и т.д. Т.е. знаки «авторские» – это знаки излюбленные, отражающие своеобразие ритмики и интонации текста, применение таких знаков препинания включается в авторскую систему литературно-художественных приемов.

Возможность авторского применения знаков – свидетельство гибкости пунктуации, высокой степени ее развитости.

Выводы по главе VIII:

1.Термин «монолог» в современных филологических исследованиях употребляется в широком и узком значениях.

В широком понимании монолог – это форма речевого общения, в которую облекается связная устная и письменная речь (доклад, лекция, реферат, художественное или публицистическое произведение, научная статья, приветственная речь и т.п.), представленная как речь одного лица.

Понятие монолога в лингвистических работах последних лет связывается с понятием текста, на синтаксическом уровне представленное сложным синтаксических целым, или сверхфразовым единством.

2.Для монологической речи характерны сложные формы организации, такие как период, сложное синтаксическое целое и абзац.

3.Сложноподчиненное предложение, состоящее не из двух, а из нескольких частей, может быть особым образом организовано и представлять собой период (periodos – ‘круг’; переносно – ‘замыкающаяся речь’).

4.Сложное синтаксическое целое, или сверхфразовое единство,- это сочетание нескольких предложений в тексте, характеризующееся относительной завершенностью темы (микротемы), смысловой и синтаксической спаянностью компонентов. Сложные синтаксические целые являются средством выражения смысловых и логических единств.

5.Абзац – это часть текста между двумя отступами, или красными строками. Абзац отличается от сложного синтаксического целого тем, что он не является единицей синтаксического уровня. Абзац – это средство членения связного текста на основе композиционно-стилистической.

6.Текст (фр. texte, англ. text, от лат. textus – ‘ткань, сплетение, структура; связное изложение’) – языковое произведение неограниченной длины.

7.Дискурс (фр. discours, англ. discourse, от лат. discursus – ‘бегание взад-вперед; движение, круговорот; беседа, разговор’) – речь, процесс языковой деятельности; способ говорения.

8.Высказывания других лиц, включенные в авторское изложение, образуют т.н. чужую речь. В зависимости от лексико-синтаксических средств и способов передачи чужой речи различаются прямая речь и косвенная речь.

С лексической точки зрения, прямая речь, как правило, представляет собой дословную передачу чужого высказывания, тогда как в косвенной речи, обычно воспроизводящей только содержание чужого высказывания, подлинные слова и выражения говорящего лица претерпевают те или иные изменения.

С синтаксической точки зрения, прямая речь представляет собой самостоятельное предложение (или ряд предложений), связанное с авторскими словами только по смыслу и интонационно, а косвенная речь образует придаточную часть в составе сложноподчиненного предложения, в котором роль главной части играют авторские слова.

9.Чужая речь может передаваться в художественной литературе приемом т.н. несобственно-прямой речи. В таком случае в той или иной степени сохраняются лексические и синтаксические особенности речи говорящего лица, эмоциональная окраска, характерная для передачи мыслей, чувств и настроений персонажа в прямой речи. Но ведется несобственно-прямая речь не от имени действующего лица, а от имени автора, что сближает ее с косвенной речью.

10.В последнее время в английской художественной литературе получил распространение прием авторского изображения чужих мыслей и чувств, который мы называют изображенной речью.

В изображенной речи, так же как и в косвенно-прямой речи, реализуются два плана изложения: авторский план и план персонажа.

11.Пунктуацией называется собрание правил постановки знаков препинания, а также сама система знаков препинания, употребляемых в письменной речи.

12. По своим общим функциям, прежде всего, различаются знаки отделяющие (точка, вопросительный знак, восклицательный знак, запятая, точка с запятой, двоеточие, тире, многоточие) и выделяющие (две запятые, два тире, скобки, кавычки). Функцию знака препинания выполняет также абзац – написание с новой строки.

Вопросы для обсуждения:

1. Сложные способы организации монологической речи.
2. Текст и дискурс: соотношение понятий.
3. Способы передачи чужой речи.
4. Пунктуация, ее основные принципы.
5. Типология знаков препинания.

Упражнение №1.

Укажите смысловые отношения между частями периода (повышением и понижением); определите синтаксическое строение периодов; начертите схемы предложений.

1. Если когда-нибудь... сердце ваше знало чувство любви, если вы помните ее восторги, если вы хоть раз улыбнулись при плаче новорожденного сына, если что-нибудь человеческое билось когда-нибудь в груди вашей, то умоляю вас чувствами супруги, любовницы, матери,— всем, что ни есть святого в жизни,— не откажите мне в моей что ни есть святого в жизни,— не откажите мне в моей просьбе!.. (А. Пушкин)

2. Как плавающий в небе ястреб, давши много кругов сильными крылами, вдруг останавливается, распластанный среди воздуха на одном месте, и бьет оттуда стрелой на раскричавшегося у самой дороги самца-перепела,— так Тарасов сын Остап налетел вдруг на хорунжего и сразу накинул ему на шею веревку (Н. Гоголь).

3. Мало того, что осуждена я на такую страшную участь; мало того, что перед концом своим должна видеть, как станут умирать в невыносимых муках отец и мать, для спасения которых двадцать раз готова была бы отдать жизнь свою,— мало всего этого: нужно, чтобы перед концом своим мне довелось увидеть и услышать слова и любовь, какой не видала я (Н. В. Гоголь).

4. Иногда осенял его [художника Черткова] внезапный призрак великой мысли, воображение видело в темной перспективе что-то такое, что, схвативши и бросивши на полотно, можно было бы сделать необыкновенным и вместе доступным для всякой души; какая-то звезда чудесного сверкала в неясном его тумане, потому что он точно носил в себе призрак таланта,— но, боже, какое-нибудь незначащее условие, знакомое ученику, анатомическое мертвое правило — и мысль замирала, порыв бессильного воображения цепенел, не рассказанный, не изображенный, кисть его невольно обращалась к затверженным формам, руки складывались в один заученный манер, голова не смела сделать необыкновенного поворота, даже складки платья отзывались вытверженными и не хотели повиноваться и драпироваться на незнакомом положении тела (Н. В. Гоголь).

5. Тот, кому случалось, как мне, бродить по горам пустынным и долго-долго всматриваться в их причудливые образы и жадно глотать животворящий воздух, разлитый в их ущельях,— тот, конечно, поймет мое желание передать, рассказать, нарисовать эти волшебные картины (М. Ю. Лермонтов).

6. Я так был весел и горд весь этот день, я так живо сохранял на моем лице ощущение Зинаидиных поцелуев, я с таким содроганием восторга вспоминал каждое ее слово, я так лелеял свое неожиданное счастье, что мне становилось даже страшно, не хотелось даже увидеть ее, виновницу этих новых ощущений (И. С. Тургенев).

7. Как ни старались люди, собравшись в одно небольшое место несколько сот тысяч, изуродовать ту землю, на которой они жались, как ни забивали

камнями землю, чтобы ничего не росло на ней, как ни счищали всякую пробивающуюся травку, как ни дымили каменным углем и нефтью, как ни обрезывали деревья и ни выгоняли всех животных и птиц,— весна была весною даже и в городе (Л. Н. Толстой).

8. До чтения ли, до письма ли было тут, когда душистые черемухи зацветают, когда пучок на березах лопается, когда черные кусты смородины опушаются белым пухом распускающихся сморщенных листочков; когда все скаты гор покрываются подснежными тюльпанами, называемыми «сон», лилового, голубого, желтоватого и белого цвета; когда полезут везде из земли свернутые в трубочки травы и завернутые в них головки цветов; когда жаворонки с утра до вечера висят в воздухе над самым двором, рассыпаются в своих журчащих, однообразных, замирающих в небе песнях, которые хватали меня за сердце, которых я заслушивался до слез; когда божьи коровки и все букашки выползают на божий свет, крапивные и желтые бабочки замелькают, шмели и пчелы зажужжат; когда в воде движение, на земле шум, в воздухе трепет; когда и луч солнца дрожит, пробивается сквозь влажную атмосферу, полную жизненных начал (С. Т. Аксаков).

9. На закате дня, когда померкла степь и пололщицы пошли к своим станам; когда уже не гудели комбайны и не блестели крылья хедера; когда в таборах стояли шум и гам, а в стороне ярко пылали костры и кухарки хлопотали вокруг костров, в которых доспевал картофель с бараниной,— к стану 2-й бригады стали съезжаться гости (С. П. Бабаевский).

10. И все, что на душе берег, с чем в этот год заснуть не мог, с чем утром встал и на ночь лег, с чем ел не впрок и пил не впрок,— все вновь обдумал Моргунок (А. Т. Твардовский).

Упражнение №2.

Прочитайте и переведите тексты. Определите стилистическую принадлежность текстов и тип речи:

Jeanne, ayant fini ses malles, s'approcha de la fenêtre, mais la pluie ne cessait pas.

L'averse, toute la nuit, avait sonné contre les carreaux et les toits. Le ciel bas et chargé d'eau semblait crevé, se vidant sur la terre, la délayant en bouillie, la fondant comme du sucre. Des rafales passaient pleines d'une chaleur lourde. Le ronflement des ruisseaux débordés emplissait les rues désertes où les maisons, comme des éponges, buvaient l'humidité qui pénétrait au-dedans et faisait suer les murs de la cave au grenier.

Jeanne, sortie la veille du couvent, libre enfin pour toujours, prête à saisir tous les bonheurs de la vie dont elle rêvait depuis si longtemps, craignait que son père hésitât à partir si le temps ne s'éclaircissait pas, et pour la centième fois depuis le matin elle interrogeait l'horizon.

Puis elle s'aperçut qu'elle avait oublié de mettre son calendrier dans son sac de voyage. Elle cueillit sur le mur le petit carton divisé par mois, et portant au milieu d'un dessin la date de l'année courante 1819 en chiffres d'or. Puis elle biffa à coups de crayon les quatre premières colonnes, rayant chaque nom de saint jusqu'au 2 mai, jour de sa sortie du couvent.

(Guy de Maupassant. «Une Vie»).

Et que devint Pauline ?

Ah ! Pauline, bien. Etes-vous quelquefois resté par une douce soirée d'hiver devant votre foyer domestique, voluptueusement livré à des souvenirs d'amour ou de jeunesse en contemplant les rayures produites par le feu sur un morceau de chêne? Ici la combustion dessine les cases rouges d'un damier, là elle miroite des velours ; de petites flammes bleues courent,. bondissent et jouent sur le fond ardent du brasier. Vient un peintre inconnu qui se sert de cette flamme ; par un artifice unique, il trace au sein de ces flamboyantes teintes violettes ou empourprées une figure supernaturelle et d'une délicatesse inouïe, phénomène fugitif que le hasard ne recommencera jamais : c'est une femme aux cheveux emportés par le vent, et dont le profil respire une passion délicieuse : du feu dans le feu ! elle sourit, elle expire ; vous ne la reverrez plus. Adieu fleur de la flamme, adieu principe incomplet, inattendu, venu trop tôt ou trop tard pour être quelque beau diamant.

(Balzac. «La peau de chagrin»).

Le petit vieillard, qui sans doute avait croupi dès son jeune âge dans les bouillants plaisirs de la vie des joueurs, lui jeta un coup d'oeil terne et sans chaleur, dans lequel un philosophe aurait vu les misères de l'hôpital, les vagabondages des gens ruinés, les procès-verbaux d'une foule d'asphyxies, les travaux forcés à perpétuité, les expatriations au Guazacoalco. Cet homme, dont la longue face blanche n'était plus nourrie que par les soupes gélatineuses de d'Arcet, présentant la pâle image de la passion réduite à son terme le plus simple. Dans ses rides il y avait trace de vieilles tortures, il devait jouer ses maigres appointements le jour même où il les recevait ; semblable aux rosses sur qui les coups de fouet n'ont plus de prise, rien ne le faisait tressaillir ; les sourds gémissements des joueurs qui sortaient ruinés, leurs muettes imprécations, leurs regards hébétés, le trouvaient toujours insensible.

(Balzac. «La peau de chagrin»).

Ich trat meine Reise nach Rußland von Haus ab mitten im Winter an, weil ich ganz richtig schloß, daß Frost und Schnee die Wege durch die nördlichen Gegenden von Deutschland, Polen, Kur- und Livland, welche nach der Beschreibung aller Reisenden fast noch elender sind als die Wege nach dem Tempel der Tugend, endlich, ohne besondere Kosten hochpreislicher, wohlfürsorgender Landesregierungen, ausbessern müßte. Ich reisete zu Pferde, welches, wenn es sonst nur gut um Gaul und Reiter steht, die bequemste Art zu reisen ist. Denn man riskiert alsdann weder mit irgendeinem höflichen deutschen Postmeister eine Affaire d'honneur zu bekommen, noch von seinem durstigen Postillion vor jede Schenke geschleppt zu werden. Ich war nur leicht bekleidet, welches ich ziemlich übel empfand, je weiter ich gegen Nordost hin kam.

(Gottfried August Bürger. «Wunderbare Reisen zu Wasser und zu Lande Feldzüge und lustige Abenteuer des Freiherrn von Münchhausen»).

Bester Freund, was ist das Herz des Menschen! Dich zu verlassen, den ich so liebe, von dem ich unzertrennlich war, und froh zu sein! Ich weiß, du verzeihst mir's. Waren nicht meine übrigen Verbindungen recht ausgesucht vom Schicksal, um ein Herz wie das meine zu ängstigen? Die arme Leonore! Und doch war ich

unschuldig. Konnt' ich dafür, daß, während die eigensinnigen Reize ihrer Schwester mir eine angenehme Unterhaltung verschafften, daß eine Leidenschaft in dem armen Herzen sich bildete? Und doch - bin ich ganz unschuldig? Hab' ich nicht ihre Empfindungen genährt? Hab' ich mich nicht an den ganz wahren Ausdrücken der Natur, die uns so oft zu lachen machten, so wenig lächerlich sie waren, selbst ergetzt? Hab' ich nicht – o was ist der Mensch, daß er über sich klagen darf!

(Johann Wolfgang Goethe. «Die Leiden des jungen Werther»).

Die Stadt selbst ist unangenehm, dagegen rings umher eine unaussprechliche Schönheit der Natur. Das bewog den verstorbenen Grafen von M., einen Garten auf einem der Hügel anzulegen, die mit der schönsten Mannigfaltigkeit sich kreuzen und die lieblichsten Täler bilden. Der Garten ist einfach, und man fühlt gleich bei dem Eintritte, daß nicht ein wissenschaftlicher Gärtner, sondern ein fühlendes Herz den Plan gezeichnet, das seiner selbst hier genießen wollte. Schon manche Träne hab' ich dem Abgeschiedenen in dem verfallenen Kabinettchen geweint, das sein Lieblingsplätzchen war und auch meines ist. Bald werde ich Herr vom Garten sein; der Gärtner ist mir zugetan, nur seit den paar Tagen, und er wird sich nicht übel dabei befinden.

(Johann Wolfgang Goethe. «Die Leiden des jungen Werther»).

The morning of June 27th was clear and sunny, with the fresh warmth of a f summer day; the flowers were blossoming profusely and the grass was richly green The people of the village began to gather in the square, between the post office and the bank, around ten o'clock; in some towns there were so many people that the lottery took two days and had to be started on June 26th, but in this village where there were only about three hundred people, the whole lottery took le than two hours, so it could begin at ten o'clock in the morning and still be through in time to allow the villagers to get home for noon dinner.

The children assembled first, of course. School was recently over for the summer, and the feeling of liberty sat uneasily on most of them; they tended to

gather together quietly for a while before they broke into boisterous play, and their talk was still of the classroom and the teacher, of books and reprimands.

(Shirley Jackson. «The Lottery»).

The red sunset, with narrow, black cloud strips like threats across it, lay on the curved horizon of the prairie. The air was still and cold, and in it settled the mute darkness and greater cold of night. High in the air there was wind, for through the veil of the dusk the clouds could be seen gliding rapidly south and changing shapes. A sensation of torment, of two-sided, unpredictable nature, arose from the stillness of the earth air beneath the violence of the upper air. Out of the sunset, through the dead, matted grass and isolated weed stalks of the prairie crept the narrow and deeply rutted remains of a road. In the road, in places there were crusts of shallow, brittle ice.

(Walter Van Tilburg Clark. The Portable Phonograph).

Look at the metaphors and similes in this poem, and use your imagination to experience them fully. Let the similes of discovery, for example, you as far as they can, for your understanding can be deepened and r only by fully opening your imagination, unlocked by Keats's comparisons. You can see that if all Keats had written were our paraphrase, probably pay little attention to it. In the paraphrase we can find no justification for either the value of reading poetry or the excitement Homer in Chapman's translation. In considering the poem, however, we find references to objects and events that can interest and stimulate us. Thus the metaphor «realms of gold» suggests that the study of literature and art is to be valued highly. Similarly, the similes of lines 9-14 help us to imagine the exhilaration, wonder, and joy we would have suddenly felt if we had discovered a new planet.

(Edgar V. Roberts. Literature).

Упражнение №3.

Укажите способы введения прямой речи (синтаксическое строение предложения, образующего авторские слова, значение глагола-

сказуемого в авторских словах, взаимное расположение авторских слов и прямой речи).

1. «Скажи, пожалуйста, Касьян,— начал я, не спуская глаз с его слегка раскрасневшегося лица,— чем ты промышляешь?» (Л.Н. Толстой). 2. «Тише, дети, тише!» — даже сердито закричал Левин на детей, становясь перед женой, чтобы защитить ее, когда толпа детей с визгом радости разлетелась им навстречу. (Л.Н. Толстой). 3. Софья Карловна еще раз поцеловала Маню и, сказав ей: «Поди, гуляй, моя крошка», сама поплелась за свои ширмы (Н. Лесков). 4. А тот ему: «Этот дом наш общий» (А.Чехов). 5 «Когда я слышу это и вижу небо, такое ясное, вижу ветви деревьев, траву под ногами, чувствую, как ее нагрело солнышко, как она вкусно пахнет, мне делается так больно, словно все это уже ушло от меня навсегда, навсегда»,— грудным волнующимся голосом заговорила Уля (А.Фадеев).

Упражнение №4.

Перепишите текст, расставляя недостающие знаки препинания (прямая речь выделена разрядкой).

1.Что же ты не едешь спросил я ямщика с нетерпением 2. А что, па н ы, сказал Тарас, перекликнувшись с куренными есть еще порох в пороховницах (Н.Гоголь) 3. Славная у тебя лошадь говорил Азамат (М. Лермонтов). 4. Я только посмотрел на нее, а она отвернулась и, сказавши Ступайте за мной, мой паж пошла к флигелю (Л.Н. Толстой). 5. Он [Гуров] приветливо спросил Вы давно изволили приехать в Ялту (А. Чехов). 6. Ну теперь мы с тобой на припас добыли объяснял старик собаке (Д. Мамин-Сибиряк) 7. Видишь, конь проклятый какой... куда и дет оправдывался Макар (В. Короленко).8. Идем, холодно сказал Макаров и угрюмо спросил Что молчишь (М. Горький). 9. Кто знает этого человека спросил начальник, обводя всех острым сверкающим взглядом Никто не знает переспросил начальник (А.Фадеев). 10. Т ы потише, не налетай, а то обожжешься сказал резко Павка, которого разозлило вызывающее поведение мальчишки Завтра приди в семь а драться я умею не хуже тебя.(Н.Островский).

Упражнение №5.

Укажите особенности построения диалогической речи (вопросно-ответные единства, неполнота предложений, предложения-переспросы, присоединительные союзы в начале предложений-реплик и др.) и ее оформления на письме.

1.— Кого это вы хотите представить? — тихо спросила Лизавета Ивановна.

— Нарумова. Вы его знаете?

— Нет! Он военный или статский?

— Военный.

— Инженер?

— Нет! Кавалерист. А почему вы думаете, что он инженер? (А.Пушкин).

2. Чичиков заметил, что он заехал в порядочную глушь.

— Далеко ли, по крайней мере, до города?

— А верст шестьдесят будет. Как жаль мне, что нечего вам покушать, не хотите ли, батюшка, выпить чаю?

— Благодарю, матушка. Ничего не нужно, кроме постели (Н.Гоголь).

3. «Скажи-ка мне, красавица,— спросил я,— что ты делала сегодня на кровле?» — «А смотрела, откуда ветер дует».— «Зачем тебе?» — «Откуда ветер, оттуда и счастье».— «Что же, разве ты песней зазываешь счастье?» — «Где поется, там и счастливится» (М. Лермонтов).

4. Базаров остановился, а Аркадий кивнул головою Феничке, как старый знакомый.

— Кто это? — спросил его Базаров, как только они прошли мимо.— Какая хорошенькая!

— Да ты о ком говоришь?

— Известно о ком: одна только хорошенькая (И. Тургенев).

5.— Разоделась, как на бал,— оглядывал ее Ракитин.

— Много ты в балах-то понимаешь.

— А ты много? (Ф. Достоевский).

6.— Что, господин адъютант, какие новости? — спросил офицер, видимо желая разговориться.

— Хорошие! Вперед,— крикнул он [князь Андрей] ямщику и поскакал далее (Л.Н. Толстой).

7.— Читай,— тихо, но внушительно сказал он.

— Ты что?

— Читай! — повторил он, и в тоне его вместе с просьбой звучало раздражение (М. Горький).

8.— Как тебя зовут?

— Меня Аночкой (К. Федин).

9. Он спросил:

— Это что такое?

— А что? — с невинным видом ответил Бражников. — Это Катя, связистка, для вас старается, товарищ лейтенант (Э. Казакевич).

Упражнение №6.

Составьте предложения:

Example: 1 – h;

2. They said they had to go.
3. He said he would help if he could.
4. She promised she would visit us.
5. He suggested that we should write to the boss.
6. They insisted we should stay a bit longer.
7. They complained that they were too busy.
8. She mentioned that she had met you.
9. I explained that they should send a letter.

a. ‘You can’t leave yet. It’s only eleven o’clock.’
b. ‘Well, I’ll do whatever I can for you.’
c. ‘If I were you I would get in touch with the manager.’
d. ‘I bumped into your brother in London yesterday.’
e. ‘It’s no good just telephoning. Put something in writing.’

f. ‘I’ll certainly come and see you some time.’

g. ‘We have far too much work at the moment.’

h. ‘I’m afraid it’s time for us to leave.’

Упражнение №7.

Замените прямую речь косвенной:

Example: ‘Listen carefully’, he said to us. He told us to listen carefully.

‘Eat more fruit and vegetables’, the doctor said.

‘Read the instructions before you switch on the machine’, he said to me.

‘Shut the door but don’t lock it’, she said to us.

‘Can you speak more slowly? I can’t understand’, he said to me.

‘Don’t come before 6 o’clock’, I said to him.

Упражнение №8.

Сделайте пунктуационный разбор предложений в тексте.

Когда в губернском городе С. приезжие жаловались на скуку и однообразие жизни, то местные жители, как бы оправдываясь, говорили, что, напротив, в С. очень хорошо, что в С. есть библиотека, театр, клуб, бывают балы, что, наконец, есть умные, интересные, приятные семьи, с которыми можно завести знакомства. И указывали на семью Туркиных как на семью образованную и талантливую.

Эта семья жила на главной улице, возле губернатора, в собственном доме. Сам Туркин, Иван Петрович, полный, красивый брюнет с бакенами, устраивал любительские спектакли с благотворительной целью, сам играл старых генералов и при этом кашлял очень смешно. Он знал много анекдотов, шарад, поговорок, любил шутить и острить, и всегда у него было такое выражение, что нельзя было понять, шутит он или говорит серьезно. Жена его, Вера Иосифовна, худощавая, миловидная дама в пенсне, писала повести и романы и охотно читала их вслух своим гостям. Дочь, Екатерина Ивановна, молодая девушка, играла на рояле. Одним словом, у каждого члена семьи был какой-нибудь свой талант. Туркины принимали гостей радушно и показывали им свои таланты весело, с сердечной простотой. В их

большом каменном доме было просторно и летом прохладно, половина окон выходила в старый тенистый сад, где весной пели соловьи; когда в доме сидели гости, то в кухне стучали ножами, во дворе пахло жареным луком — и это всякий раз предвещало обильный и вкусный, ужин (А. Чехов).

Упражнение №9.

Расставьте знаки препинания и объясните их:

Метелица очнулся в большом теплом сарае. Он лежал на голой сырой земле и первым его ощущением было ощущение этой зябкой земляной сырости пронизывающей тело. Он сразу вспомнил что произошло с ним. Удары нанесенные ему еще шумели в голове волосы ссохлись в крови и он чувствовал эту запекшуюся кровь на лбу на щеках.

Первая более или менее оформленная мысль которая пришла ему в голову была мысль о том нельзя ли уйти. Он обшарил весь сарай ощупал все дырочки попытался даже выломать дверь — напрасные усилия. Однако он шарил еще и еще пока не осознал для себя с безвыходной неумолимой точностью что ему действительно не уйти на этот раз. И все его душевные и физические силы сосредоточились на вопросе каким образом он Метелица о котором до сих пор шла только лихая и бедовая слава сможет показать тем людям которые станут его убивать что он не боится и презирает их. Он не успел еще обдумать это как за дверями послышалась возня заскрипел засов и вместе с серым дрожащим и хилым утренним светом вошли в сарай два казака с оружием и в лампасах. Метелица расставив ноги прищурившись смотрел на них. Заметив его они в нерешительности помялись у дверей. «Пойдем землячок!» — сказал наконец передний беззлобно даже немного виновато. Метелица упрямо склонив голову вышел наружу (А. Фадеев).

Упражнение №10.

Перепишите, расставьте знаки препинания, объясните их.

Сегодня телевидение как принято говорить прочно вошло в нашу жизнь. И считается совершенно естественным что приехав практически в любой город страны мы находим в гостиничном номере телевизор и смотрим не

только местные но и московские передачи видим телевизионные репортажи с других континентов. За этим привычным уже явлением стоят впечатляющие цифры в стране работает около 7 тысяч передающих телевизионных станций их соединяют сотни тысяч километров каналов радиолинейных и кабельных линий и несколько систем космического телевидения приемный парк страны насчитывает свыше 95 миллионов телевизоров в том числе до 20 миллионов цветных.

Такое телевизионное изобилие не пришло само собой это результат работы огромных масштабов которая легла на плечи нашей науки техники промышленности строителей. Прогресс телевидения шел очень быстрыми темпами и в широких масштабах. Достаточно сказать, что еще в 1956 году то есть всего 30 лет назад в стране было лишь 12 телецентров и менее миллиона телевизоров передачи могла видеть малая часть нашего населения. Более того, прошло немногим больше полувека со времени когда были проведены самые первые передачи изображения для широкой публики и появились самые первые телевизионные приемники с механической разверткой которые можно отнести к «доисторическому» телевидению с чрезвычайно низким по теперешней мерке качеством картинки (Из газет).

Вопросы для итоговой формы контроля:

Часть I:

1. Основы общей фонетики как лингвистическая дисциплина. Линейные и нелинейные единицы фонетического строя языка.
2. Различные методы фонетических исследований в русском и английском языках.
3. Троякий аспект звуков речи в славянских и неславянских языках.
4. Строение речевого аппарата.
5. Общие принципы классификации гласных в русском, английском и немецком языках.
6. Общие принципы классификации согласных в русском, английском и немецком языках.

7. Основная терминология, применяемая при описании гласных в языках мира.
8. Основная терминология, применяемая при описании согласных в языках мира.
9. Позиционные чередования в потоке речи. Понятие фонетического процесса и фонетического закона.
10. Исторические чередования гласных и согласных в современном русском языке.
11. Особенности ударения в русском, английском и немецком языках.
12. Основные фонетические средства интонации в славянских и неславянских языках.
13. Синтаксические (или грамматические) функции мелодики в русском и английском языках.
14. Эмоциональная (или эмфатическая) функция мелодики в русском и английском языках.
15. Слог. Теории слога. Фонетический и фонематический слог.
16. Фонология – учение о фонеме. Понятие фонематической транскрипции.
17. Основные понятия общей фонологии: фонема, аллофон, архифонема, вариант, вариация, гиперфонема.
18. Фонемная организация русского и английского языков. Классификация гласных фонем.
19. Фонемная организация русского и английского языков. Классификация согласных фонем.
20. Основы русской и международной транскрипции.
21. Языковые и фонетические стили в современном русском языке.
22. Произносительная норма в русском и английском языках.
23. Произносительная норма во французском и немецком языках.
24. Принципы орфографии и графические варианты в русском, немецком и французском языках.
25. Краткие сведения из истории общей фонетики.

Часть II:

1. Грамматика, ее основные разделы. Единицы грамматического строя языка.
2. Основные понятия общей морфемики: морфема, морф, алломорф, словообразовательный тип, словообразовательная модель, словообразовательное значение.
3. Морфема как минимальная значимая единица языка. Типология морфем.
4. Морфемная организация русского и английского языков.
5. Способы словообразования в русском, английском, немецком языках.
6. Исторические изменения в структуре слова в русском, английском, немецком языках.
7. К основаниям выделения частей речи: существительные и глаголы. Семантика и количество частей речи в русском и в одном из иностранных языков.
8. Грамматикализация именных категорий в русском, английском, немецком языках.
9. Проблема прилагательных как самостоятельной части речи.
10. Вопрос о местоимении в славянских и неславянских языках. Артикли. Клитики. Развитие категории определенности.
11. Вопрос о классификации числительных в русском и английском языках.
12. Антитеза имени и глагола – основа общей грамматики. Функционально-семантические категории глагола, их грамматическое выражение в системе русского и французского языков.
13. Общее представление о глагольном аспекте. Развитие категории вида в славянских и неславянских языках.
14. Залоговость русских и английских глаголов. Морфологический и синтаксический залог.
15. Грамматикализация модальности: наклонение. Прямое и переносное значение наклонений (на материале одного из иностранных языков).
16. Темпоральность как функционально-семантическая категория глагола. Временной дейксис и таксис в славянских и неславянских языках.

17. Персональность. Личные и неличные формы глагола.
18. Причастие как особая форма глагола. Вопрос о статусе причастий в русском и английском языках.
19. Деепричастие как неспрягаемая форма русского глагола. Аналоги деепричастий в английском и немецком языках.
20. Вопрос о классификации модальных слов в русском и английском языках.
21. Наречие и категория состояния: сопоставительный анализ.
22. Служебные части речи, общекатегориальное значение, морфологические признаки. Междометие.
23. Основы общего синтаксиса: словосочетание, предложение, период, абзац, ССЦ, текст.
24. Типология предложения.
25. Темное и ремное членение предложения: субъекты и предикаты.
26. Способы морфологического выражения второстепенных членов предложения.
27. Односоставные предложения в русском, английском, немецком языках.
28. Специфика простого осложненного предложения в русском и английском языке.
29. Однородные члены предложения, критерии и способы выражения однородности (на примере русского и одного из иностранных языков).
30. Обособленные члены предложения: условия и средства обособления.
31. Вводные, вставные слова и конструкции: их специфика и степень изученности в рамках общего синтаксиса.
32. Вопрос о классификации ССП в русском, английском и немецком языках.
33. СПП: особенности структуры и семантическое своеобразие.
34. Вопрос о классификации БСП.
35. Многочленные сложные предложения.
36. Сложные способы организации монологической речи: период, ССЦ, абзац.
37. Коммуникативные особенности монологической и диалогической речи. Текст. Дискурс.

38. Прямая, косвенная, несобственно прямая речь в русском, английском языках.
39. Пунктуация, ее основные принципы. Типология знаков препинания в русском и английском языках.
40. Словообразовательные и грамматические словари.

Список использованной литературы:

Часть I:

1. Аванесов Р. И. Фонетика современного русского литературного языка. – М., 1955.
2. Богомазов Г. М. Современный русский литературный язык. Фонетика. – М., 2001.
3. Бондарко Л. В. Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи. – Л., 1981.
4. Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А., Гордина М. В. Основы общей фонетики. – СПб, 1991.
5. Бондарко Л.В., Вербицкая Д.А., Гордина М.В. Основы общей фонетики. СПб., 1991.
6. Зенков Г. С., Сапожникова И. А. Введение в языкознание. – Бишкек, 1998.
7. Зиндер Л. Р. Общая фонетика. – М., 1979.
8. Зиндер Л. Р. Очерк общей теории письма. – Л., 1987.
9. Златоустова Л.В., Потапова Р.К., Трунин-Донской В.Н. Общая и прикладная фонетика. – М.,1986.
10. Иванова В. Ф. Современный русский язык. Графика и орфография. – М., 1966.
11. Климов Г. А. Фонема и морфема. – М., 1967.
12. Князев С. В., Пожарицкая С. К. Современный русский литературный язык. Фонетика, графика, орфография. – М., 2003.
13. Кодзасов С.В., Кривнова О.Ф. Общая фонетика. М., 2001.
14. Маслов Ю.С. Введение в языкознание. – М., 1997.
15. Матусевич М. И. Введение в общую фонетику. – М. 1959.

16. Матусевич М. И. Современный русский язык. Фонетика. – М., 1976.
17. Панов М. В. Современный русский язык. Фонетика. – М., 1979.
18. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. Труды по языкознанию. – Екатеринбург, 1999.
19. Сусов И. П. Введение в теоретическое языкознание. – М., 2000.
20. Трубецкой Н. С. Основы фонологии. – М., 1960.
21. Щерба Л. В. Фонетика французского языка. – М., 1963.

Словари:

1. Аванесов Р. И. Русское литературное произношение. М., 1972.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
3. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
4. Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. М., 1960.
5. Орфографический словарь русского языка. М., 1989.
6. Орфоэпический словарь русского языка. М., 1989.

Часть II:

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. – М., 1974.
2. Авилова Н.С. Вид глагола и семантика глагольного слова. – М., 1976.
3. Аксенов А.Т. К проблеме экстралингвистической мотивации грамматической категории рода // Вопросы языкознания. – 1984. – №1. – С. 14-25.
4. Алпатов В.М. История лингвистических учений. – М., 1998.
5. Арутюнова Н.Д. К проблеме функциональных типов лексического значения // Аспекты семантических исследований. – М., 1980.
6. Ахманова О.С. Лингвистическое значение и его разновидности // Проблема значения в лингвистике и логике. – М., 1963. – С. 8-10.
7. Баранникова Л.И. Введение в языкознание. – Саратов, 1973.
8. Баранникова Л.И. Основные сведения о языке. – М., 1982.
9. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.,1974.
10. Блумфилд Л. Язык. – М., 1968.

11. Бондарко А.В. Вид и время русского глагола. – М, 1971.
12. Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл. – М., 1978.
13. Бондарко А.В. Теория морфологических категорий. – Л., 1976.
14. Будагов Р.А. Язык – Реальность – Язык. – М., 1983.
15. Буланин Л.Л. Трудные вопросы морфологии. – М., 1976.
16. Бюлер К. Теория языка. – М., 1993.
17. Валгина Н.С. Розенталь Д.Э. Фомина М.И. Современный русский язык: Учебник / Под редакцией Н.С. Валгиной. – М., 2002.
18. Вардуль И. Ф. Основы описательной лингвистики. – М., 1977.
19. Виноградов В. В. Исследования по русской грамматике: избранные труды. – М., 1975.
20. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). – М., 1986.
21. Виноградов В.В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования //Вопросы языкознания. – 1995. – №1. – С. 5 – 36.
22. Гак В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков. – М., 1989.
23. Гельб У.Е. Опыт изучения письма. – М., 1982.
24. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. – М., 1992.
25. Головин Б.Н. Введение в языкознание. – М., 1983.
26. Грамматика современного русского языка. – М., 1970.
27. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – М., 1984.
28. Есперсен О. Философия грамматики. – М., 1958.
29. Зеленецкий А.Л., Монахов П. Ф. Сравнительная типология немецкого и русского языков. – М., 1983.
30. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М.: Наука, 1982.
31. Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г. Теоретическая грамматика современного английского языка. – М., 1981.

32. Исследования в области грамматики и типологии языков. – М., 1990.
33. Исследования по общей теории грамматики. – М., 1968.
34. Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. – М., 1992.
35. Кодухов В.И. Введение в языкознание. – М., 1979.
36. Крушельницкая К.Г. Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков. - М., 1961.
37. Кубрякова Е. С., Панкрац Ю. Г. Морфонология в описании языков. – М., 1983.
38. Лайонз Д. Введение в теоретическую лингвистику. – М.: Прогресс, 1978.
39. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. – М.: Просвещение, 1969.
40. Мамедов Д. М. Систематизация синтаксиса. – Баку, 2000.
41. Маслов Ю.С. Введение в языкознание. –М., 1987
42. Межкатегориальные связи в грамматике. – СПб, 1996.
43. Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. I-II. – М., 1998.
44. Моисеев А.И. Основные вопросы словообразования в современном русском литературном языке. – Л., 1987.
45. Мусорин А.Ю. Основы науки о языке. – Новосибирск, 2004 г.
46. Мучник И. П. Грамматические категории глагола и имени в современном русском языке.– М., 1963.
47. Общее языкознание/ Под ред. А.Е. Супрун. – Минск, 1983.
48. Падучева Е. В. О семантике синтаксиса: Материалы к трансформационной грамматике русского языка. – М., 1974.
49. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. – М., 2001.
50. Плунгян В. А. Общая морфология. – М., 2000.
51. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Том IV. Вып. II. Глагол. – М., 1977.

52. Почепцов Г.Г. Предложение // Теоретическая грамматика современного английского языка / Иванова И. П., Бурлакова В. В., Почепцов Г. Г. – М., 1981.
53. Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. – М., 1977.
54. Распопов И. П., Ломов А.М. Основы русской грамматики. Морфология и синтаксис. – Воронеж, 1984.
55. Реформатский А.А. Введение в языковедение. – М., 1996.
56. Русская грамматика. Том 1. Фонетика, фонология, ударение, интонация, словообразование, морфология. – М., 1982.
57. Русская грамматика. Том 2. Синтаксис. – М.: Наука, 1980.
58. Смирницкий А. И. Морфология английского языка. – М., 1959.
59. Смирницкий А. И. Синтаксис английского языка. – М., 1957.
60. Соссюр Ф.де. Труды по языкознанию: Пер. с французского. / Под ред. А. А. Холодовича. – М., 1977.
61. Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков. – М., 1973.
62. Сусов И. П. Введение в теоретическое языкознание. – М., 2000.
63. Сусов И.П. Семантика и прагматика предложения. – Калинин, 1980.
64. Фефилов А. И. Морфотемный анализ языка и речи. – М., 1996.
65. Фомина М.И. Современный русский язык. Лексикология. – М., 1983.
66. Фридрих И. История письма/ Пер. с нем. – М., ., 1979.
67. Части речи: теория и типология. – М., 1990.

Словари:

1. Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. – М., 1977.
2. Ефремова Т. Ф., Костомаров В. Г. Словарь грамматических трудностей русского языка. – М., 1986.
3. Кузнецова А. И., Ефремова Т. Ф. Словарь морфем русского языка. – М., 1986.
4. Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990.

5. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка. Т. I-II. – М., 1985.